

Пол
СТЮАРТ
Крис
РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ
ВОЗДУШНЫЙ
ПИРАТ

ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ

ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

Пол Стюарт
Крис Риддел

Славные времена воздушных пиратов
остались в прошлом, и легенды о них
хранятся только в пыльных
библиотечных свитках. Да и сам
Санктафракс стал другим. Каменная
болезнь разрушила основание города,
а ученые, устав от бесконечных
споров, так и не нашли средства
от этой напасти. Власть захватили
Стражи Ночи и всем кажется,
что Край обречен. Всем,
но не младшему помощнику
библиотекаря. Удача улыбнулась
Плуту Кородеру, и в далекой Озерной
Академии у него есть шанс вернуть
былую славу Санктафракса.
А то, что он всего лишь безродный
найденыш, еще ничего не значит.
Знаменитый капитан Прутик
сказал бы то же самое!

Пол
СТЮАРТ
Крис
РИДДЕЛ

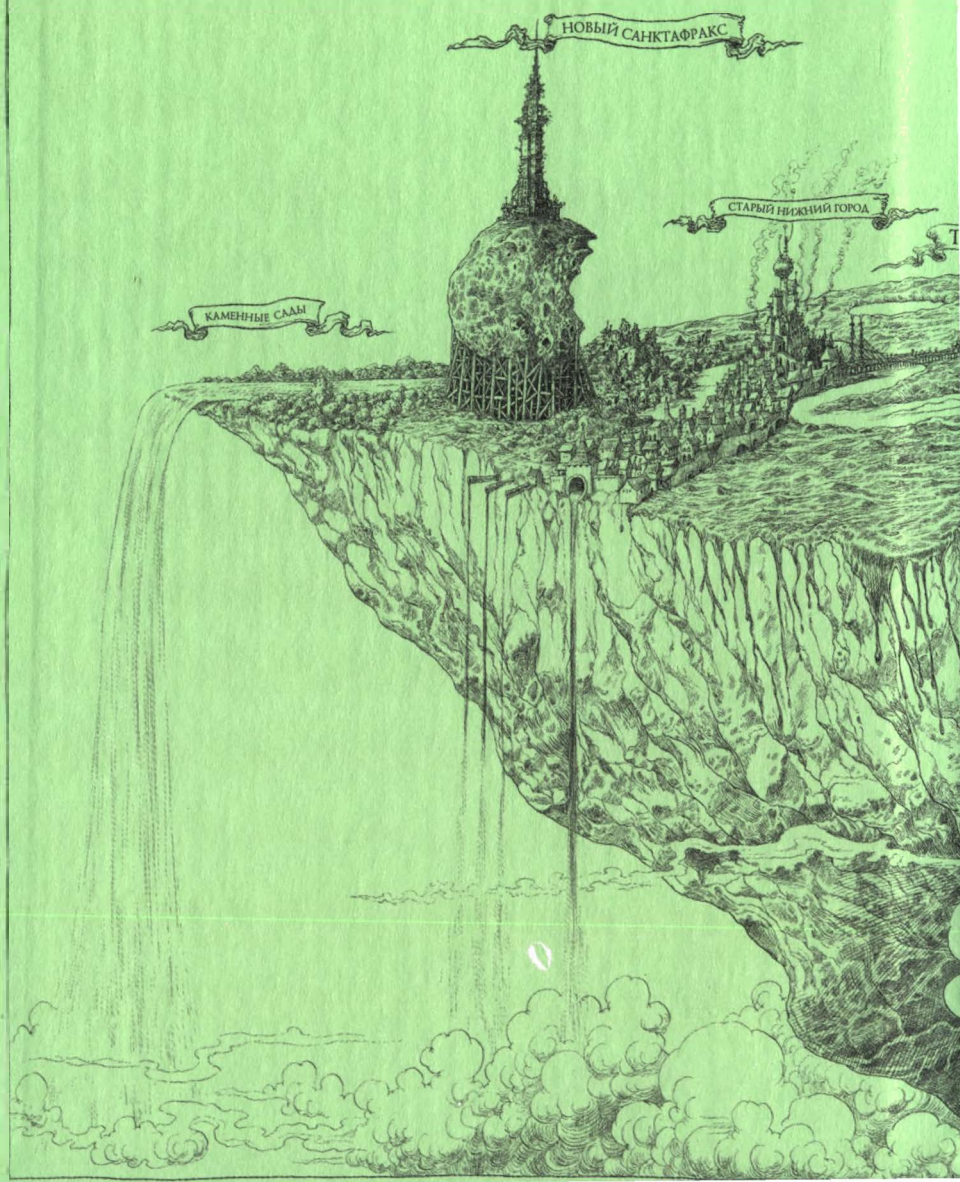

ПОСЛЕДНИЙ
ВОЗДУШНЫЙ
ПИРАТ

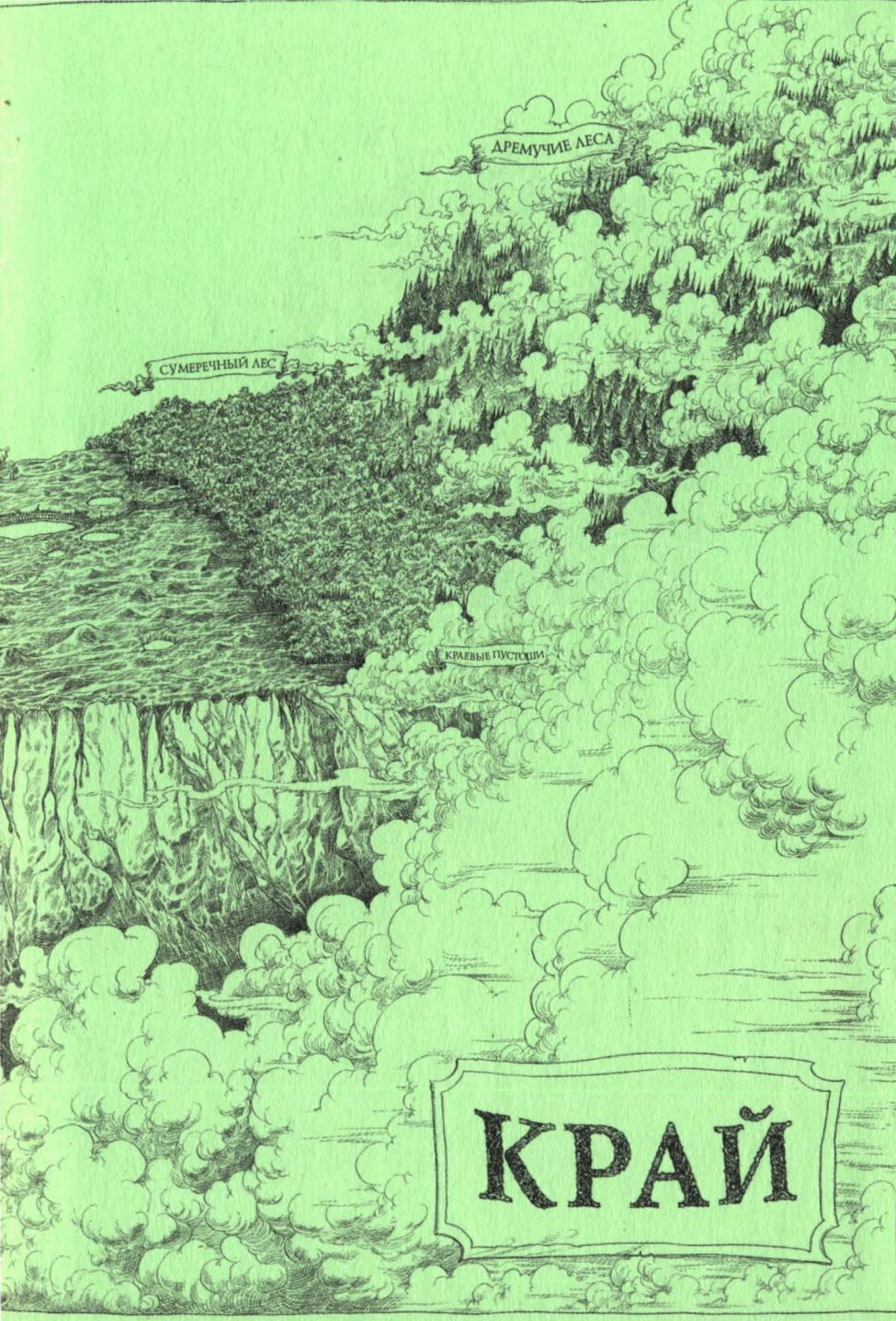
ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ

АРЕМУЧИЕ ЛЕСА

СУМЕРЕЧНЫЙ ЛЕС

КРАЕВЫЕ ПУСТОШИ

КРАЙ

ИЗ ЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ

Имя

В серии
«Воздушные пираты»
выходят книги:

ЗА ТЕМНЫМИ ЛЕСАМИ

•

ГРОМОБОЙ

•

•

ПОЛНОЧЬ
НАД САНКТАФРАКСОМ

•

ДРЕВНИЙ СТРАННИК

•

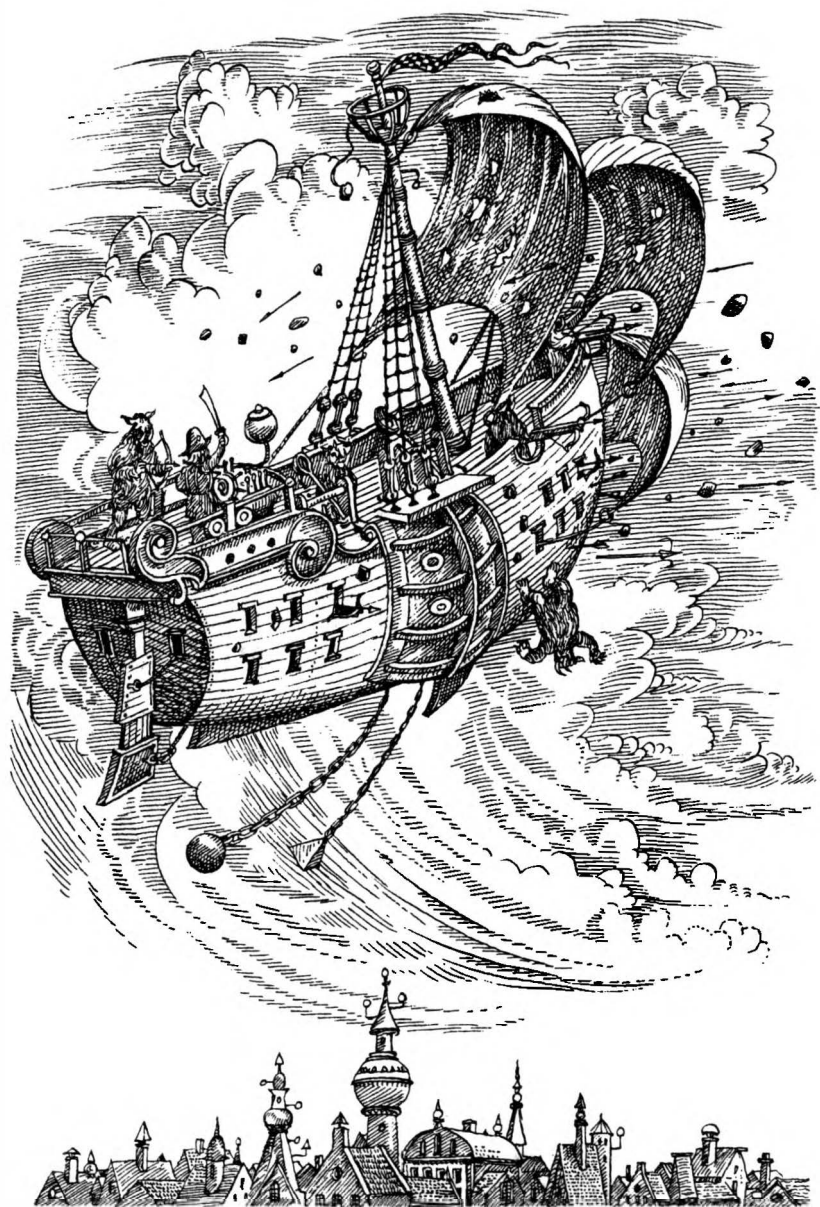
ПОСЛЕДНИЙ
ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

•

АКАДЕМИК VOX

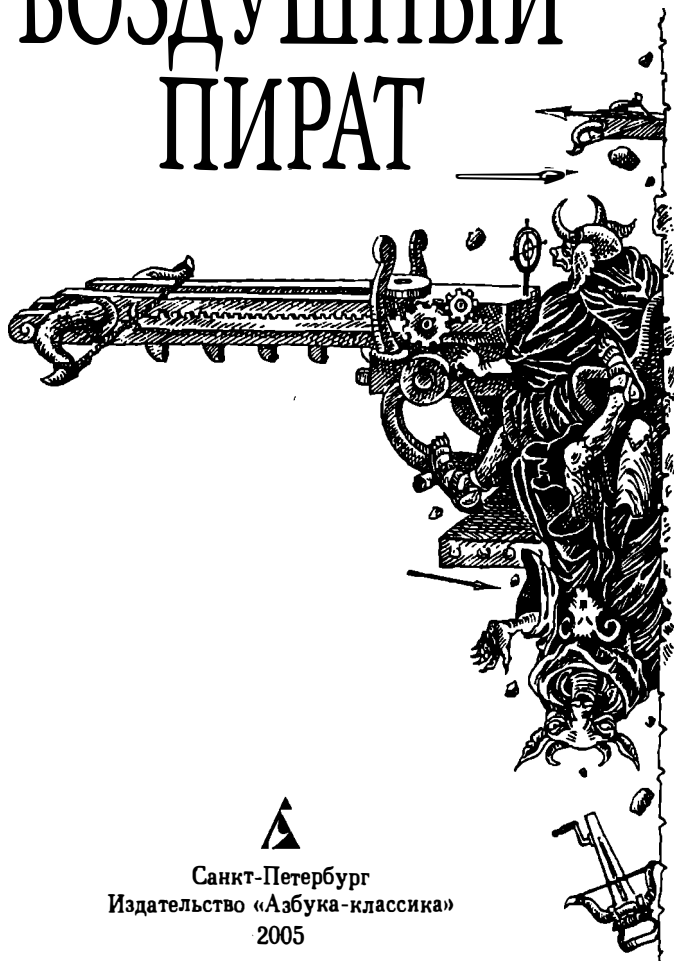

Пол Стюарт • Крис Риддел

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2005

УДК 82-93
ББК 84.4 Вл
С 88

Paul Stewart & Chris Riddell
THE LAST OF THE SKY PIRATES

Text and illustrations copyright © 2002
by Paul Stewart and Chris Riddell
All rights reserved

Права П. Стюарта и К. Риддела, являющихся авторами
данного произведения, защищены в соответствии с законом
«Об авторском праве, дизайне и патентах» 1988 года.

Публикуется с разрешения Random House Children's Books,
отделения Random House Group Ltd.

Издательство выражает благодарность
литературному агентству Эндрю Пюрнберг
за помощь в приобретении прав

~~Перевод с~~ английского Юлии Шор

~~Дизайн серии~~ Вадима Пожидаева

~~Оформление~~ ~~Сергей~~ Гончарова, Валерия Макарова

~~Иллюстрации~~ ~~Крис~~ Риддела, Сергея Гончарова

Стюарт П., Риддел К.

С 88 Последний воздушный пират / Пер. с англ. Ю. Шор. —
СПб.: Азбука-классика, 2005. — 496 с.
ISBN 5-352-01088-0

Плут Кородёр был всего лишь младшим помощником библиоте-
каря и прекрасно понимал, что ему, безродному найденшину, никогда
не стать Библиотечным Рыцарем. Но Верховный Библиотекарь Сан-
ктафракса думал иначе. Именно Плут, лучший его ученик, отпра-
вится через Дремучие Леса в далекие земли под названием Вольная
Пустошь. Его и еще двух будущих рыцарей ждет Озерная Академия.
Но путь туда долг и опасен. Великая Тень, банда шраек и стражи
Ночи поджидают путешественников.

ISBN 5-352-01088-0

© Ю. Шор, перевод, 2004
© «Азбука-классика», 2005

*Для Уильяма,
Джозефа,
Анны,
Кэти
и Джека*

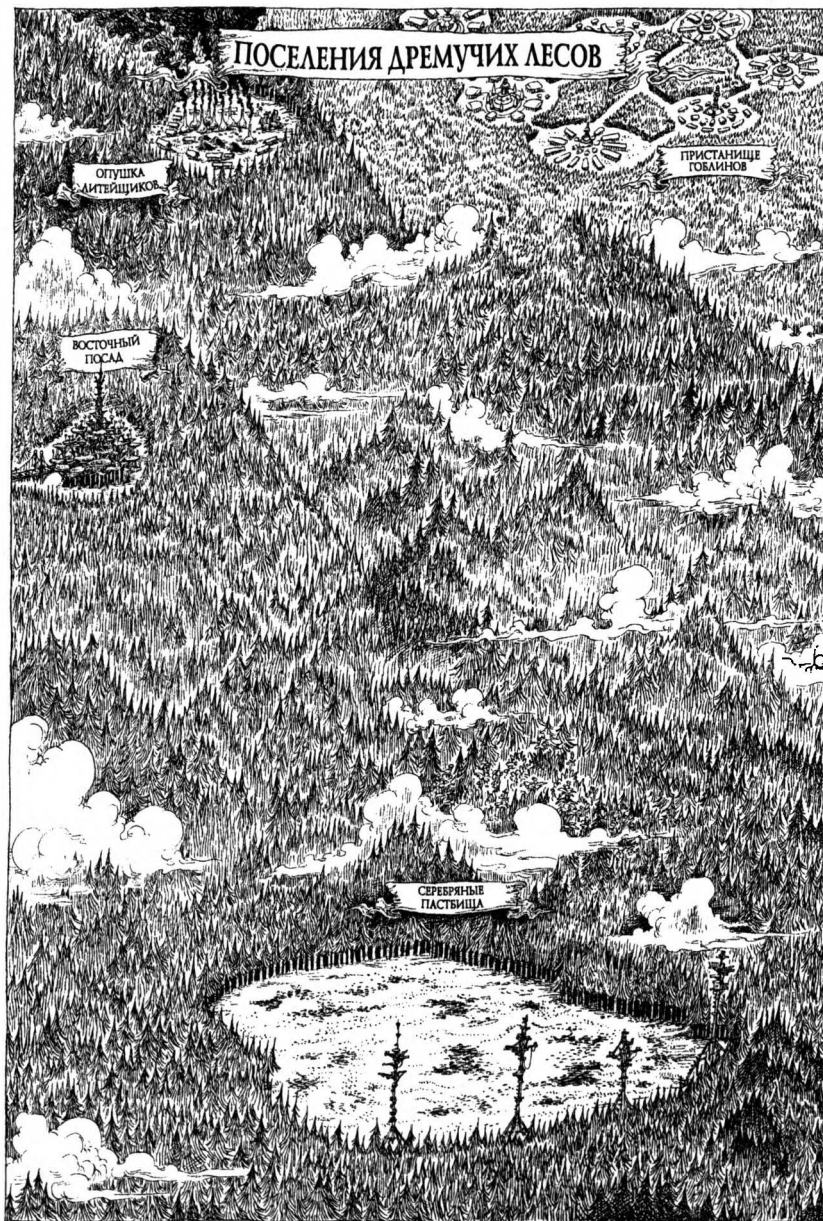
ПОСЕЛЕНИЯ ДРЕМУЧИХ ЛЕСОВ

ОПУШКА
ЛИТЕЙЩИКОВ

ПРИСТАНИЩЕ
ГОБАИНОВ

ВОСТОЧНЫЙ
ПОСАД

СЕРЕБРЯНЫЕ
ПАСТЫЩА

ВВЕДЕНИЕ

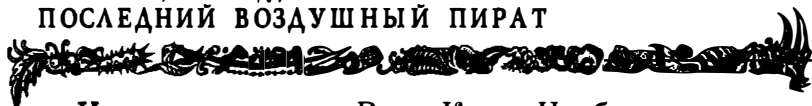
алеко-далеко, рассекая пространство, как огромная резная фигура на носу могущественного каменного корабля, простирается Край. Великая река бурным потоком низвергается с могучей скалы, нависшей над бездной. Но так было не всегда. Пятьдесят лет тому назад, почти день в день, Река Края перестала струить свои полные воды.

Это не было ни случайным, ни из ряда вон выходящим явлением: остановка реки предвещала приближение Матери Штормов, которая налетала внезапно, раз в пять-шесть тысячелетий, и, разразившись прямо среди ясного неба, с ревом обрушивалась на землю, принося с собой решительные перемены в жизни Края.

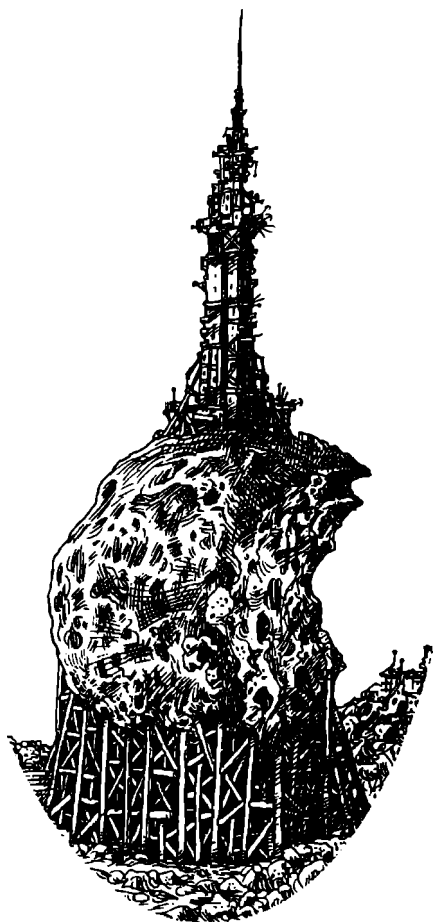
Вырвав с корнем Якорную Цепь и погубив летучий город Санктафракс, Мать Штормов устремилась на Побережье. Там, освободившись от мощного заряда энергии, она восстановила течение реки и посеяла семена новой жизни.

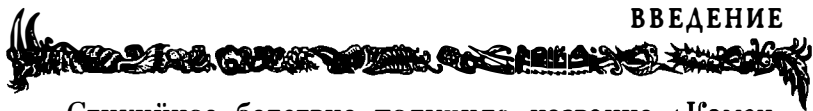
ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

И вновь заиграла Река Края. На берегах опять зацвели сады, а на скале вырос новый город Сантафракс. Но далеко не все было благополучно на территории Края: внезапно разразилась ужасная эпидемия, которая начала распространяться от Каменных Садов.

Стихийное бедствие получило название «Каменная Болезнь», и вскоре эти слова были у всех на устах.

Мор напал на Каменные Сады, где испокон веков зарождались и росли летучие камни, те самые, которые использовались для полетов и на судах Лиги, и на кораблях воздушных пиратов. Из-за каменной чумы, которой один за другим заболевали воздухоплавательные суда, как купеческие, так и пиратские, летучие камни начинали разрушаться, теряя свою легкость, корабли грузнели и в конце концов падали на землю и разбивались. Эта напасть не миновала даже огромную летучую скалу, на которой стоял Новый Сантафракс: камень стал крошиться, а город постепенно оседал.

Одни считали, что Каменную Болезнь принесла с собой Мать Штормов, налетевшая на Край среди бела дня, другие утверждали, что причина эпидемии — Облачный Волк, унесенный Матерью Штормов доблестный воздушный пират, который, возможно, перед смертью чем-то заразил ее. Третьи же с не меньшей убежденностью настаивали, что никакой связи между пришествием Матери Штормов и каменной чумой нет и быть не может и что эпидемия послана в наказание грешникам, упорно не желающим встать на путь добродетели.

Короче говоря, никто ничего не знал наверняка. Только одно было ясно: Каменная Болезнь означала, что жизнь в Крае уже никогда не будет такой, как прежде.

Корабли Лиги беспомощно лежали на земле. Небесной торговле пришел конец. Теперь, когда Нижний Город и Новый Санктафракс оказались отрезаны друг от друга, бывший облаковед, узурпатор Вокс Верликс, разогнавший Верховную Академию Нового Санктафракса, отдал приказ о строительстве Дороги через Великую Топь, чтобы соединить два города-близнеца с Дремучими Лесами. Для выполнения проекта он завербовал к себе на службу наводящих ужас шраек и нанял Библиотечных Академиков — союз разочарованных Земных и Небесных ученых, решивших сомкнуть свои ряды. Такое решение могло иметь самые зловещие последствия.

В Дремучих Лесах начали возникать новые поселения: Восточный Посад, где обосновались шрайки, Опушка Литейщиков и Гоблиново Гнездо, а дальше, к северо-западу, между Серебряными Пастбищами и Стоозерьем, расположилась Вольная Пустошь. Там, где лежала Великая Топь, чуть ли не за одну ночь образовалось еще одно поселение, когда все воздушные пираты вынуждены были покинуть свои небесные корабли.

А тем временем противоречия между Нижним Городом и Санктафраксом, несмотря на временное затишье, становились все острее: ученые — Стражи Ночи и Библиотечные Академики вели ожесточенные споры.

Стражи Ночи полагали, что ключ к излечению от Каменной Болезни лежит в целебной силе штормов; они верили, что Полночный Шпиль, венчающий

Башню Ночи в Сантафраксе, притянет электроэнергию надвигающихся бурь и она уничтожит каменную чуму. В свою очередь Библиотечные Академики не только настаивали, что целительное средство нужно искать за пределами Дремучих Лесов, но и опасались, что удар по шпилью может нанести еще больший вред.

Шли годы, и Стражи Ночи постепенно захватили власть. Их лидером стал повсеместно известный своей жестокостью Верховный Страж Орбикс Ксаксис, и под его началом, манипулируя лигами, Стражи Ночи сумели взять бразды правления в свои руки, поработить жителей и буквально выдворить Библиотечных Академиков из Нижнего Города: теперь прибежищем ученых стали трубы городской канализации.

Именно там, под темными, сочащимися влагой подземными сводами, и живет наш скромный, мечтающий о приключениях помощник библиотекаря. Ему тринадцать лет, и он сирота. Когда рядом нет никого, он больше всего на свете любит забраться в одну из подвесных кабинок-читален, сесть за стол из отстойного дерева и уткнуться нос в древний свиток, хотя это строжайшим образом запрещено тем, кто занимает такую невысокую должность.

Он ошибочно полагает, что никто никогда не видел, как он это делает. Однако его непослушание было не только замечено, но и вызвало осуждение. Более того, он и вообразить не мог, какие последствия будет иметь его любознательность.

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

Дремучие Леса, Каменные Сады, Река Края. Нижний Город и Сантафракс. Названия на географической карте.

И все же за каждым названием стоит множество историй — историй, изложенных в старинных свитках, историй, которые переходят из уст в уста, от поколения к поколению, историй, которые живы и по сей день.

Одну из таких историй мы и хотим вам рассказать.

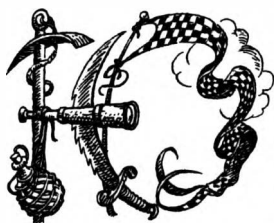
ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОДЗЕМНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ный помощник библиотекаря проснулся в холодном поту. Со всех сторон, отзываясь гулким эхом в сточных трубах канализации Нижнего Города, до него доносилась утренняя разноголосица крысиного визга и писка. Для мальчика всегда было загадкой, откуда крысы знают, что наступил рассвет и над Нижним Городом, высоко над ними, встает солнце. Но они никогда не пропускали этот момент, и Плут Кородер был даже рад, что крысы разбудили его пораньше. В маленькой спальне девятнадцать других помощников библиотекаря шевельнулись от резкого звука, но, повернувшись с боку на бок, продолжали крепко спать в своих гамаках. До того, как протрубят в рог ежесобразу, у Плути оставалось часа два. В такую рань канализация принадлежала только ему.

Он выскользнул из гамака, торопливо оделся и, крадучись, пошлепал по холодному полу. Масляная лампа, укрепленная на влажной, поросшей мхом стене, моргнула, когда он проходил мимо. Спавший в самом последнем гамаке Тугодум что-то про-

бормотал во сне. Плут замер. Будет плохо, если его поймают.

— О Небеса, только не просыпайся! — прошептал Плут, когда Тугодум почесал себе нос. Затем, сердито попыхтев, парнишка перекатился на другой бок и снова провалился в глубокий сон.

Плут осторожно выбрался из спальни в мрачный узкий коридор. Там веяло сыростью и холодом. Ботинки чавкали по глубоким лужам, а на шею стекали струйки воды.

Когда в Нижнем Городе шел дождь, все подземные тоннели и трубы заполнялись водой, и библиотечные ученые вынуждены были бороться с наводнением, чтобы спасти от потопа канализацию, которую они называли своим домом. Но все же вода просачивалась сквозь стены и капала с потолка. Она попадала на стенные масляные лампы, и тогда фитили начинали шипеть и окончательно гасли. Вода стекала на матрасы и одеяла, на оружие и одежду, она заливала самих библиотечных ученых.

Плут вздрогнул. Он все еще ясно помнил свой сон. Снача-

ла появились волки — они всегда приходили первыми. Волки с белыми загривками. С ошетинившейся шерстью. Они громко выли, а страшные желтые глаза жарко вспыхивали в лесной мгле....

Отец кричал ему, чтобы он скорее прятался, мать тоже вопила от страха. А он не знал, что делать. Он пытался бежать то туда, то сюда, но горящие желтые глаза окружали его со всех сторон, и отовсюду слышались резкие, похожие на лай, голоса надсмотрщиков-работорговцев.

Плут сглотнул слюну. Его мучили ночные кошмары. Но следующее сновидение было еще ужаснее.

Он был один в темном лесу. Вой белогривой стаи и крики постепенно затихли вдали. Работорговцы ушли, забрав с собой его отца и мать. Плут никогда их больше не увидит. Он маленький, ему всего четыре года, и он остался один-одинешенек среди необъятных просторов Дремучих Лесов. И вдруг что-то стало надвигаться на него, что-то огромное и страшное...

И тут...

И тут он проснулся, весь в холодном поту. В ушах стоял пронзительный визг крысиных полчищ. Так уже бывало, и притом не однажды. Ночные кошмары постоянно возвращались к нему, чуть не каждую ночь, и всегда, сколько он себя помнил, он видел один и тот же сон.

Дойдя до развилки, Плут повернул налево, потом еще раз налево. Затем, пройдя вперед шагов пятьдесят, он сделал поворот направо в том месте, где начиналась низкая узкая труба.

Новичок, попавший в канализационную сеть, с легкостью заблудился бы в хитроумном лабиринте тоннелей и трубопроводов. Но только не Плут! Он знал каждый резервуар, каждый отсек, каждый сток. Он знал, что труба, в которую он залез, помогает сократить путь до Центрального Подземного Книгохранилища. Он, конечно, немного подрос с тех пор, как открыл для себя этот лаз, и хотя ему приходилось всю дорогу идти пригнувшись и подгибая колени, он выбрал кратчайший маршрут.

Дойдя до конца трубы, Плут внимательно огляделся по сторонам. Справа от него в глубокую мглу уходил широченный Главный Тоннель. Мальчик был рад, что там не было ни души. Слева венчала тоннель огромная резная арка, по другую сторону которой находилась библиотека.

Плут сделал шаг вперед, и, когда его взору открылись своды книгохранилища, сердце мальчика затрепетало. И хотя он видел библиотечный зал по

ПОДЗЕМНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ

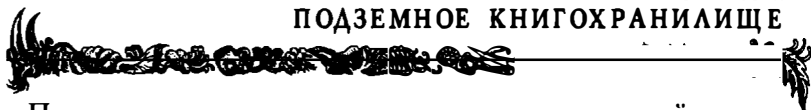
меньшей мере семь раз в неделю, это место не переставало удивлять его.

Воздух здесь согревался от жара дровяных печей, и сотни издающих мерный, еле слышный гул вентиляторов создавали легкий и теплый ветерок. Висячие кабинки-читальни, где хранились богатейшие собрания манускриптов и свитков наравне с переплетенными фолиантами, тихо покачивались в «связках», напоминающих огромные букеты. Для надежности они были прикреплены цепями к величественному мосту из черного дерева. Мост с искусными резными украшениями проходил под высоким сводом, соединяя две ветви Главного Тоннеля. Далее лежал старый мост из летучего дерева и множество других небольших мостиков, а внизу, под ними, текли сточные воды самой крупной канализационной трубы Нижнего Города.

Плут постоял несколько мгновений у входа в хранилище, чувствуя, как волна теплого воздуха омывает его озябшее тело. В помещении категорически не допускалось никаких протечек: ни одна капля воды не должна была упасть на драгоценную библиотечную коллекцию, ради создания которой погибло немало земных ученых.

На память мальчику пришли слова старого библиотекаря, Олквикса Венвакса.

— Помни, дружок, — говаривал он, — в нашей библиотеке собрана лишь крошечная частица знаний, лежащих за ее пределами, в Дремучих Лесах. Но наша коллекция драгоценна. Никогда не забывай,

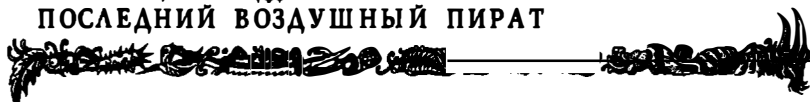

Плут, что на свете существует немало людей, которые ненавидят и презирают земных ученых: многие предавали и преследовали нас, обвиняя в распространении Каменной Болезни и вынуждая искать убежище под землей, куда не проникает ни один солнечный луч. За каждым научным трудом стоят страдания по крайней мере двух ученых: один в поте лица своего писал книгу, а другой поплатился жизнью, чтобы защитить работу первого. Но мы не сдадимся. Избранные Библиотечные Рыцари будут по-прежнему совершать походы в Дремучие Леса, чтобы добыть бесценную информацию и получить новые знания о Крае. Когда-нибудь, милый мой, придет и твой черед.

Плут выбрался из тоннеля и ступил на мост из черного дерева, пригибая голову, чтобы его не было видно из-за балюстрады. На близлежащем мосту кто-то маячил, что было необычно для такого раннего часа, и, хотя это мог быть всего лишь тролль Лопоух, уборщик, Плут не хотел рисковать понапрасну.

Неосознанно, по привычке, мальчик считал все крепежные кольца, мимо которых он проходил. Юный помощник библиотекаря выполнял свои действия автоматически, потому что те, кто делал ошибку, путаясь, какая из подвесных читален прикреплена к какой цепи, недолго удерживались на работе в Центральном Книгохранилище.

Благодаря своему опыту мальчик безошибочно нашел читальню 17, где хранился нужный ему на-

учный труд. Он назывался *«Исследование поведения толстолапов в среде естественного обитания»*. Из всех многочисленных библиотечных фолиантов в кожаном переплете этот был для мальчика особенным, и по очень простой причине.

Плут Кородер никогда не забывал, что был обязан жизнью этой книге.

Убедившись, что тролль Лопоух не шпионит за ним, Плут ухватился за рукоять лебедки и начал осторожно ее поворачивать. Звено за звеном цепь медленно наматывалась на вал, и подвесная кабинка-читальня потихоньку спускалась вниз. Когда она оказалась на одном уровне со сходнями, Плут дернул за рычаг зубчатой передачи, приводя в действие тормоз, и забрался в кабинку.

— Осторожнее! — нервно прошептал он, когда кабинка резко наклонилась и стала раскачиваться. Он уселся на скамью и крепко уцепился за стол. Ему никак не улыбалось свалиться и полететь вверх тормашками в липкую, медленно текущую жижу. В такое раннее утро под мостом не было еще спасательных плотов, а он плавал, как топор.

Древесина медово-золотистого цвета была приятной и шелковистой на ощупь. В теплом сухом помещении библиотеки древесина отстойного дерева становилась вдвое легче воздуха. Однако, как у всех деревьев первосортных летучих пород, малейшего изменения температуры или влажности было достаточно, чтобы нарушить внутреннее равновесие в материале, и тогда подвесные читальни начинали кре-

ниться или раскачиваться, усидеть за столом было невероятно трудно, и поэтому работа в библиотеке становилась настоящим искусством.

— Немедленно перестань качаться, совсем, что ли, одурела? — строго приказал Плут кабинке-читальне. Он изменил положение на скамье, и резкая тряска понемногу прекратилась. — Вот так-то лучше, — произнес он. — А теперь замри, пока я...

Моргая от яркого света шарообразного фонаря, Плут приподнялся и вытащил огромный переплетенный в кожу фолиант с самой верхней полки висячей читальни. Сочинение было посвящено толстолапам. Положив ученый труд на стол перед собой, он снова испытал знакомое возбуждение, к которому примешивалось чувство страха. Мальчик открыл увесистый том наугад.

Плут низко опустил голову, и глаза его сузились от напряжения. Он больше не сидел в подвесной кабинке-читаль-

не, в сводчатом библиотечном зале, глубоко под землей...

Вместо этого он был *наверху* — там, где открывалось необъятное пространство Дремучих Лесов, где нет ни стен, ни тоннелей, а вместо крыши — небо над головой. В прохладном воздухе раздавались крики птиц и писк лесных грызунов.

Мальчик углубился в чтение. Вот что он прочел:

Вой, используемый толстолапами для общения, предназначается только для одной конкретной особи этой породы. Ни один толстолап, даже находящийся поблизости, не станет отвечать на зов, адресованный другому. В некотором смысле подобное коммуникационное явление можно сравнить с обращением по имени. Однако я не могу утверждать этого с полной уверенностью, поскольку во время своего научного путешествия мне ни разу не удалось приблизиться к толстолапам на достаточно близкое расстояние, чтобы расшифровать их язык.

Помощник библиотекаря оторвал глаза от книги. Вой толстолапов звучал у него в ушах так ясно, будто он сам слышал их беседу.

Однако некоторые факты совершенно неопровержимы. Каждый толстолап — личность, и толстолапы никогда не ошибаются, приняв одного за другого. Вот почему эти животные бродят в одиночку. Поскольку яркие индивидуальности не могут слиться в одну общую массу в стае, толстолапы предпочитают гордую изоляцию безликой толпе.

Чем дальше заводили меня мои странствия...

Мальчик снова оторвал взгляд от аккуратного почерка и уставился в пустоту. *Чем дальше заводили меня мои странствия...* Эти слова потрясли его. Как бы он хотел сам углубиться в Дремучие Леса, исследовать их необъятные просторы, посвятить себя общению с толстолапами и слушать их заунывное пение при свете полной луны...

И тут он вспомнил!

— «Ну конечно!» — подумал он, горько улыбувшись. Сегодня был особый, торжественный день. Сегодня должна состояться Церемония Провозглашения, когда будут названы имена трех учеников библиотекарей, которых пошлют для получения дальнейшего образования далеко в Дремучие Леса, где лежит Озерный Остров.

Плут всей душой желал, чтобы избрали именно его, но он понимал, что, несмотря на обнадеживающие слова Олквикса Венвакса, этому никогда не бывать. Он — никому не нужный найденыш. Его, одинокого и покинутого, заблудившегося в Дремучих Лесах, нашла Великая Варис Лодд — так ему рассказали. Варис, дочь Верховного Библиотекаря Фенбруса Лодда, и была автором книги, которую Плут сейчас держал в руках.

И если бы она не оказалась в тот момент в Дремучих Лесах, занимаясь изучением толстолапов, она бы не наткнулась на брошенное дитя, у которого в памяти не осталось ничего, кроме собственного имени да ночных кошмаров про работоторговцев и белогривых волков...

Да, Плут Кородер действительно был обязан жизнью этому толстому фолианту в кожаном переплете.

Варис Лодд, написавшая труд про толстолапов, привела его в клоаку Нижнего Города и оставила там на воспитание библиотечных ученых. Пожилой профессор Олквикс Венвакс, сотрудник библиотеки, подружился с печальным одиноким парнишкой и старался сделать для него все, что мог, но Плут был уверен, что маленький сирота, не имеющий никаких родственников, никогда не поднимется выше должности помощника библиотекаря. Его удел — работа в большом библиотечном зале, где он обслуживал висячие кабинки-читальни и был мальчиком на побегушках у профессоров и их учеников.

В отличие от Феликса. Плут улыбнулся. Если уж он не сможет попасть на Озерный Остров, то Феликс попадет обязательно.

Феликс Лодд, считавшийся в семье малышом, был младшим братом Варис Лодд, хотя в действительности давно перестал быть ребенком. Он был высоким для своего возраста, сильным и крепко сложенным парнем. Он встречал всех с открытой улыбкой, и его нелегко было вывести из себя. Нехватка сообразительности у Феликса с лихвой восполнялась добросердечностью и радушием.

Феликс был учеником профессора. Он решил, что будет присматривать за сиротой, которого его сестра подобрала в лесу. Плут иногда думал, что Феликс чувствует себя виноватым за то, что его обожаемая

сестра, перед которой он преклонялся, с легкостью бросила найденыша на попечение библиотечных ученых, предоставив мальчику возможность пробиваться самому. Но Плут ни на кого не держал обид. Они с Феликсом были друзьями, закадычными друзьями. Феликс дрался с мальчишками, задиравшими Плута, а Плут помогал Феликсу делать домашние задания, с которыми тот не справлялся сам. Вместе они были крепкой командой. Теперь их тяжелый труд будет вознагражден: Феликс был самым вероятным кандидатом из всех, кого собирались послать на Озерный Остров для завершения образования. Плут был так горд! Когда-нибудь, возможно, он будет сидеть в кабинке-читальне с научным трудом Феликса в руках!

Мальчик взял толстый том и уже собирался поставить его обратно на верхнюю полку, как вдруг по большому залу эхом раскатился сердитый громоподобный окрик:

— Эй, ты!

Мальчик замер. Не может быть, чтобы его выследили! Кричавший явно обращался не к нему, а к троллю Лопоуху на мосту из летучего дерева.

— *Плут Кородер!*

Плут застонал. Пытаясь удержать равновесие, он сунул книгу на место и медленно обернулся. И в эту самую секунду он понял, как высоко поднялся. Должно быть, кабинка так раскачалась, пока он забирался на скамью, что рычаг тормоза сдвинулся с места и цепь, удерживающая кабинку-читальню,

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

размоталась до самого конца. Теперь он оказался в западне, в подвесной кабинке-читальне, которая парила выше всех других над мостом из черного дерева. Неудивительно, что его заметили! Плут посмотрел вниз и, накупившись, сглотнул слюну.

Ну почему его должен был выследить именно Ледмус Сквинкс!

Сквинкс, мерзкий человечек с дряблым телом, маленькими поросячьими глазками и кустистыми бакенбардами, был одним из многочисленных ассистентов. Все его терпеть не могли, и не без причины: ассистент профессора был властным и тщеславным. Он любил порядок и комфорт и, кроме того, достигнув зрелого возраста, возомнил, что обладает не-

дюжинными способностями подчинять себе других.

— Сейчас же слезай! — заревел Сквинкс. Плут посмотрел на тучного краснолицего преследователя. Он стоял подбоченясь и ухмылялся. Они оба прекрасно знали, что Плут не может спуститься без посторонней помощи.

— Я не могу, сэр!

— А зачем ты туда залез? — злобно спросил Сквинкс. — Зачем? Я тебя спрашиваю!

— Не знаю, сэр! — ответил Плут.

— «Не знаю, сэр»?! — рявкнул Сквинкс. — А тебе следовало бы знать. Ты что, не понимаешь, сколько правил ты нарушил? — Он стал загибать пальцы на левой руке. — Во-первых, согласно инструкции висячими читальнями нельзя пользоваться с вечера до утра, пока не протрубят в рог. Во-вторых, висячими читальнями нельзя пользоваться, если внизу не стоит оператор, управляющий лебедкой. В третьих, никогда и ни при каких обстоятельствах, — гневно прошипел он, отчетливо и медленно произнося каждое слово, — помощнику библиотекаря не разрешается находиться в висячей читальне. — Он ядовито ухмыльнулся. — Мне продолжать?

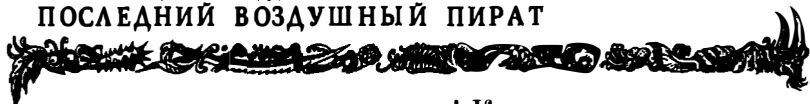
— Нет, сэр, — ответил Плут. — Простите, сэр, но я...

— Сиди тихо и не шевелись, — гаркнул Сквинкс. Он занялся лебедкой и стал поворачивать колесо, намеренно пыхтя изо всех сил. Он вертел и вертел его, пока наконец кабинка не оказалась на одном уровне с платформой. — А теперь вылезай! — приказал он.

Плут снова оказался на мосту из черного дерева. Сквинкс схватил его за обе руки, дыша ему прямо в лицо.

— Я не потерплю подобного непослушания! — прогремел он. — Я заставлю тебя уважать старших по званию! Я научу тебя, наглеца, подчиняться правилам! — Он сделал глубокий вдох. — Такое поведе-

ние совершенно недопустимо! Как ты смел даже подумать о том, что тебе позволено читать библиотечные книги! Они не для таких, как ты! — Брызжа слюной от негодования, он презрительно скривился. — Да кто ты такой! Всего лишь помощник библиотекаря!

— Но, сэр...

— Молчать! — взвизгнул Сквинкс. — Сначала я застаю тебя в читальне, что является самым серьезным нарушением правил, а теперь ты еще имеешь нахальство препираться со мной! Где предел твоему бесстыдству? Придется посадить тебя в карцер. Там тебя закуют в кандалы и зададут тебе хорошую порку.

— Что тут у вас происходит, Сквинкс? — тихо прозвучал величественный голос.

Ассистент профессора обернулся. Плут поднял голову. Перед ними стоял Олквикс Венвакс, пожилой библиотечный профессор. Иссохшим пальцем поправив очки на носу, он пристально посмотрел на ассистента.

— Что тут происходит, Сквинкс? — переспросил он.

— Да ничего особенного, я сам справлюсь, — ответил Сквинкс, тяжело дыша.

Олквикс кивнул:

— Рад это слышать, Сквинкс. Очень рад. — Профессор помолчал несколько секунд. — Однако кое-что меня беспокоит.

— Что, сэр?

— Мне показалось, что я тут случайно услышал что-то насчет карцера, кандалов и... Что же еще? Ах да, что-то насчет порки.

Физиономия у Сквинкса побагровела, и капельки пота выступили у него на лбу.

— Я.. я.. я.. — запинаясь, пробормотал он.

Профессор улыбнулся:

— Я полагаю, мне не нужно напоминать вам, Сквинкс, что вы, как ассистент, не вправе решать вопросы о наказании. — Старик задумчиво почесал левое ухо. — Более того, я уверен, что даже попытка определить наказание другому — серьезный проступок, заслуживающий наказания.

— Я.. я.. То есть я не хотел... — промямлил Сквинкс в замешательстве, и Плут закусил губу, чтобы не рассмеяться. Было забавно смотреть, как дрожит грубиян ассистент. — Но, сэр! — собравшись с мыслями, негодуя запротестовал Сквинкс. — Этот негодяй нарушил сразу несколько правил! — Он доверительно зашептал: — Я застукал его в висячей читальне! И знаете, чем он занимался? Он читал!!! Ни больше ни меньше! Он читал научную работу! Он...

Олквикс повернулся к Плуту.

— Ах вот *чем* ты занимался! — сказал он. — Ну, это серьезно меняет дело. Надо же, читал книгу! — Профессор снова обратился к самодовольно ухмыляющемуся ассистенту: — Я сам разберусь с ним, Сквинкс. Вы можете идти.

Когда отбыл приосанившийся Ледмус Сквинкс, Плут с тревогой стал ждать, пока Олквикс снова об-

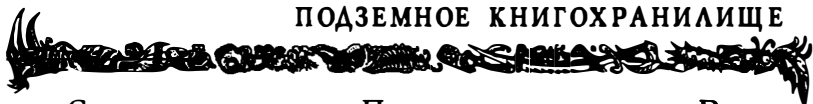

ратит на него внимание. Казалось, профессор рассердился не на шутку. Это было настолько непривычно, что Плут задумался, не зашел ли слишком далеко. Когда профессор в конце концов повернулся к нему, мальчик заметил лукавые искорки в его глазах.

— Плут, Плут, — произнес он. — Опять читал научные труды? Ну что мне с тобой делать!

— Простите, сэр, — замешкался Плут. — Я только хотел...

— Понимаю, Плут, понимаю, — перебил его профессор. — Жажда знаний — великая сила. Но в будущем... — Профессор сделал паузу, укоризненно качая головой. Плут замер. — Но в будущем, — повторил он, — старайся не попадаться!

Старик усмехнулся. Плут тоже рассмеялся. В следующую секунду лицо профессора приобрело серьезное выражение.

— Во всяком случае тебе здесь сегодня делать нечего. Читальни закрыты. Ты что, забыл, что сегодня назначена Церемония Провозглашения?

В этот момент протрубил рог, и звук эхом прокатился по пещеристому библиотечному залу.

— Конечно нет! — застонал Плут. — Сегодня у Феликса большой день, и я обещал ему помочь подготовиться к торжествам. Я не могу его подвести.

— Не волнуйся, Плут, — успокоил его профессор. — Насколько я знаю Феликса Лодда, он еще мирно спит в своем гамаке.

— Именно так, — ответил Плут. — Я обещал разбудить его.

— Действительно обещал? — переспросил профессор с добродушной улыбкой. — Ну тогда тебе следует идти. — И добавил: — Если ты поторопишься, то вы оба успеете вовремя вернуться сюда.

— Спасибо, профессор, — крикнул Плут на бегу, пересекая мост.

— Послушай, Плут, — окликнул мальчика профессор. — Пока будешь ждать Феликса, не забудь *сам* переодеться и привести себя в порядок.

— Хорошо, сэр, — отозвался Плут, — и еще раз спасибо.

Мальчик покинул помещение библиотеки и, пригнув голову, нырнул в узкую трубу. Тьма обступила со всех сторон, и настроение у него упало.

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

Снова на память ему пришли ночные кошмары: вой белогривых волков, окрики надсмотрщиков-работорговцев. И жуткое, жуткое чувство одиночества...

Когда Феликс отправится в поход, он снова будет так одинок. В голове у него промелькнула мысль, которой он сразу устыдился: *А что если Феликса не выберут? А что если он проспит? И тогда...*

— Нет! — Плут ударил себя кулаком по лбу. — Нет! Феликс — мой лучший друг!

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАНАЛИЗАЦИЯ

ткнув толстый полог из шкуры еже-образа, Плут вошел в спальню. В отличие от сырого, убогого помещения, где располагались на ночь младшие помощники библиотекарей, в этой комнате было уютно, сухо и тепло, так что Феликс Лодд имел возможность пользоваться всеми удобствами, предоставленными старшим помощникам. В углу высилась дровяная печь, стены были украшены занавесями, а на полу лежала плетеная соломенная циновка. Рог, возвещавший побудку, протрубил в последний раз, когда Плут подошел к толстому стеганому гамаку с пушистыми подушками и теплым шерстяным одеялом.

Плут остановился, смотря на своего друга. Феликс выглядел таким умиротворенным, таким беспечным, и, судя по улыбке, игравшей в уголках рта, казалось, мальчик видит сладкий сон. Плуту даже было жалко будить его.

— Феликс, — настойчиво прошептал Плут, тряся его за плечо, — Феликс, пора вставать.

Феликс резко открыл глаза:

— Что? Что такое? — Он уставился спросонья на своего друга. — Плут, это ты? — Затем, улыбаясь, он лениво потянулся и спросил: — А который час?

— Уже очень поздно, Феликс... — начал Плут.

— Я видел такой удивительный сон! — перебил его Феликс. — Я летал во сне, Плут! Я летел над Дремучими Лесами! Ты только представь себе! Я парил в чистом, прозрачном воздухе! Это было совершенно волшебное чувство — я то опускался, то поднимался, проносясь над верхушками деревьев... И вдруг меня закружило, завертело, и я стал камнем падать вниз. — Он прищурил глаза. — Наверное, в этот самый момент ты меня и разбудил.

Плут покачал головой.

— Ты что, забыл? — спросил он.

— А что я забыл? — зевая, переспросил он.

— Ты забыл, какой сегодня день? Сегодня состоится Церемония Провозглашения.

Феликс кубарем скатился вниз, разбросав подушки и одеяло и перевернув маленькую фигурную лампочку.

— Церемония Провозглашения! — воскликнул он. — А я думал, что она завтра! — Он окинул взглядом спальню. — Черт побери это проклятое место! — громко выругался он, вытаскивая одежду из стоявшего позади гамака шкафа, сделанного из свинцового дерева. — Ни тебе рассвета, ни заката. Как тут можно уследить за временем?

— Не волнуйся, — успокоил мальчика Плут. — Последний раз протрубили в рог только несколько

секунд назад. Если мы поторопимся, то успеем добраться до моста из летучего дерева прежде, чем профессор Тьмы начнет свою речь. Правда, все лучшие места уже будут заняты...

— А на это мне наплевать, — произнес Феликс, лихорадочно пытаюсь развязать узел на кушаке парадной формы. — Наконец-то я дождался этого дня! Церемония Провозглашения! Я умираю от желания поскорее выбраться из этой мерзкой, сырой клоаки и дышать свежим, чистым воздухом, чувствуя, как ветер дует мне в лицо...

— Дай-ка мне... — сказал Плут, забирая у Феликса кушак. Быстро развязав узел своими ловкими пальцами, Плут протянул пояс другу, который теперь никак не мог справиться с тяжелой форменной курткой старшего помощника.

Плут печально улыбнулся. Сегодня он в последний раз помогает своему приятелю справиться с мелкими неприятностями, потому что именно сегодня профессор Тьмы объявит имя Феликса Лодда и пошлет его на Озерный Остров для завершения образования! Теперь Феликсу придется заботиться о себе самому: он сам должен будет помнить, когда сдавать выполненную работу и когда вставать, чтобы не проспать важное событие, сам будет чистить и чинить свою одежду. У него там не будет Плута, который всегда опекал его.

Конечно, вскоре на Вольной Пустоши у него появятся новые друзья, потому что его все любили и привечали, и где бы он ни оказался, он всегда был в центре внимания. Повторяя опыт своей старшей сестры, Фе-

Феликс должен был отправиться в неизвестность на поиски новых приключений и создать себе имя в мире солнца и свежего воздуха. А он, Плут, останется один.

Феликс завязал кушак, обернув его вокруг пояса, и отступил на несколько шагов. Плут придирчиво оглядел приятеля с головы до ног. Феликс постоянно удивлял его! Еще несколько минут назад он безмятежно похрапывал в своем гамаке! Теперь же он стоял при полном параде, облачившись в форму для торжественных церемоний, как будто часами готовился к этому событию!

— Ну и как я выгляжу? — спросил он.

Плут улыбнулся:

— Сойдет!

— Благодарение Земле и Небесам! — воскликнул Феликс. Он взял два фонаря и один из них протянул Плуту. — Ну хорошо. Пойдем к мосту из летучего дерева. Меня уже давно ждут.

— Тише, Феликс! — Плут, прислушиваясь, сделал несколько шагов вперед перед самым входом в тоннель и, легко шлепнув Феликса по руке, заставил его замолчать. — Мне кажется, там кто-то есть, — прошептал он. Мальчик поднял фонарь и осветил в черную, узкую, сочащуюся влагой трубу справа от него. — Там, внутри.

Феликс подошел ближе. Глаза его сузились от страха.

— Ты думаешь, — он с трудом выговорил слово, — это головоног?

— Похоже, что он, — еле слышно прошептал Плут.

Феликс кивнул. Его вполне удовлетворил ответ. Плут ни с кем не мог сравниться в распознавании многочисленных хищников и паразитов, притаившихся в канализационной сети. Мальчик вытащил свой меч и, твердо отодвинув приятеля в сторону, храбро вошел в трубу.

— Но, Феликс... — пробормотал Плут и, пригнув голову, поспешил вслед за ним. — А как же церемония?

— Подождет церемония, — отрезал Феликс. — Сейчас это более важно. — Он углубился в трубу и, на секунду задержавшись у первой развилки, чтобы прислушаться, стремительно бросился вперед.

Плут старался не отставать.

— Подожди, — задыхаясь, пробормотал он, когда Феликс сделал еще один поворот. — Феликс, остановись...

— Да заткнись ты, Плут, — прошипел Феликс. — Если головног

из Тайнограда забрался в канализацию, нам обоим несдобровать.

— А разве нельзя сообщить о нем канализационному патрулю?

— Канализационному патрулю? — Феликс презрительно фыркнул. — Да эти бездельники даже крысу не в состоянии отпугнуть, а не то что матерого головонога, вышедшего на кровавую охоту.

— Но...

— Ш-ш-ш! — Феликс остановился у развилки, откуда в разные стороны расходились пять тоннелей, и припал ухом к земле. Из трубы тянуло сыростью. В промозглом воздухе эхо разносило звуки капающей воды.

— Вот он где, — спустя мгновение прошептал Феликс.

Плут прислушался, склонив голову набок. Да, он тоже явственно слышал сиплое дыхание зверя, больше походившее на шипение, и шлепанье его лап — *чвяк-чвяк-чвяк*. По-видимому, это был крупный экземпляр.

С поднятым фонарем Феликс вошел в тоннель, откуда доносилось сопение и топот. Плут последовал за ним. Младший помощник библиотекаря дрожал с головы до пят. А что если Феликс прав? Что если монстр действительно вышел на охоту?

Хотя головоноги отличались злобным нравом и могли напасть, если их загнать в угол, все же они не были такими агрессивными, как их сородичи, живущие на болоте. Может, на них повлияло отсутствие

солнечного света. А может, смена привычного рациона: крысы всех мастей и расцветок, которыми они питались, были жирнее и калорийнее худосочной, костлявой грязноводной рыбы, водившейся в Топях. Но как бы там ни было... Как правило, головоноги старались не попадаться на глаза. Но время от времени какая-нибудь особь, почувствовав острое желание напиться свежей крови, выходила на поиски более крупной добычи. Кровавая охота!

Среди учеников ходили тысячи историй о том, какую зверскую бойню устраивали головоноги.

— Сюда! — мрачно произнес Феликс, рывком поворачивая направо. — Я его чую!

— Но, Феликс, — запротестовал Плут, — этот тоннель...

Феликс не обратил никакого внимания на слова друга. Давно пора прикончить это чудовище. Быстрыми шагами он пустился вниз по тоннелю, выставив перед собой меч наподобие штыка. Мальчик собирался навсегда избавить подземные переходы от мерзкого кровопийцы, желавшего попробовать, каковы на вкус юные библиотекари.

Плут изо всех сил старался не отставать. Разогнувшись, он увидел, что Феликс добрался почти до самого конца тоннеля.

— Берегись, Феликс! — закричал он. — Это же... *Ой-ой-ой!* — взвизгнул мальчик от боли, подвернув ногу и падая на каменный пол. — Это же тупик... — еле пробормотал он.

Плут с трудом встал.

— Феликс! — позвал он. Затем окликнул друга во второй раз: — Феликс! — Нет ответа. — Феликс! Что там..

— Он должен быть здесь! — донесся до него голос Феликса, в котором разочарование сменилось гневом.

— Феликс! — закричал снова Плут. — Держись! Я иду к тебе! — Слегка прихрамывая, он поспешил на помощь. Из рта у него клубами вырывался пар, по спине струйками стекала вода. Мальчик вытащил из ножен кинжал. — Феликс, как ты там? — тревожно спросил он.

— Это тупик, — потухшим голосом проговорил Феликс. — Ну куда же он подевался?

Плут добрался до конца тоннеля и посмотрел на резервуар, которым заканчивалась труба. Феликс стоял на дальнем краю водоема, повернувшись к мальчику спиной.

— ФЕЛИКС! БЕРЕГИСЬ! — что было мочи закричал Плут. — ОН НАД ТОБОЙ!

Феликс резко повернулся. Он взгляделся в густые тени над головой и там, во мраке, увидел желтые глаза уставившегося на него головонога и истекающую слюной красную пасть.

Это было огромное, гнусное создание, со вздутым брюхом, мотающимся, как плеть, хвостом и шестью толстенными лапами. Чудище устроилось на потолке. Тело его напряглось, клешни с острыми когтями сверкали в темноте.

— Иди сюда, мерзкая тварь, — сквозь зубы проормотал Феликс, бросая вызов чудищу.

Когда головоног почуял врага, ноздри его, похожие на лоскуты, затрепетали, а из пасти высунулся язык. Тварь облизала губы и прищурилась, потом отпрянула, готовясь к броску.

Феликс угрожающе размахивал мечом.

— Встань у выхода, Плут, — приказал он. — От нас ему не уйти.

Плут занял позицию у конца трубы. Он крепко ухватился за рукоять кинжала, хотя ему было непонятно, как с одним клинком можно противостоять этой гнусной твари с тридцатью острыми зубами, если она вздумает наброситься на него.

С опаской поглядывая на меч Феликса, чудище начало отступать. Попятившись, оно пошлепало по потолку: *чвяк-чвяк-чвяк*. Плут судорожно сглотнул слюну. Тварь направлялась к выходу — прямо на него!

— Не бойся, Плут! — успокоил его Феликс. — Сейчас я доберусь до него! Только не теряй головы!

И в эту секунду головоног спрыгнул с по-

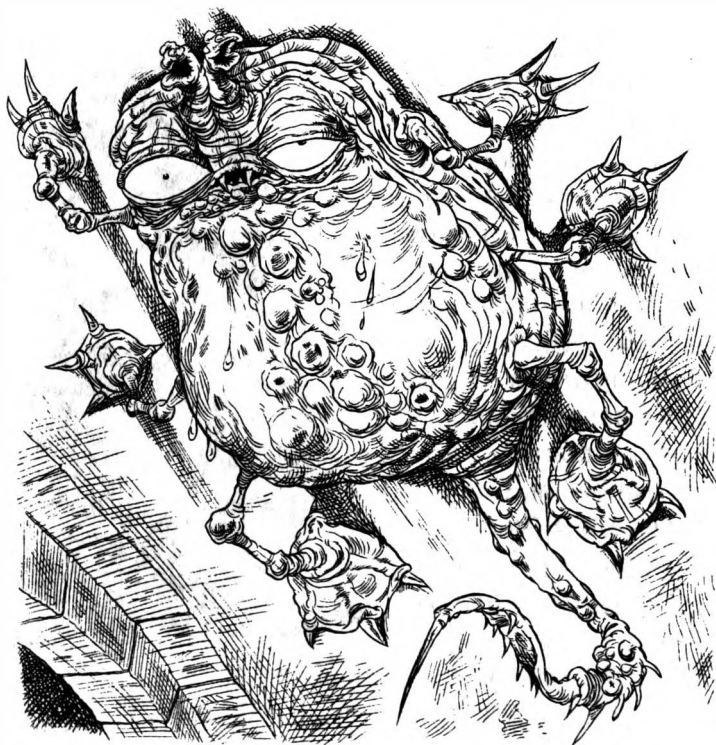
ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

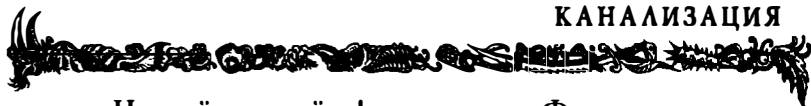
ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

толка, сделав кувырок в воздухе, и приземлился прямо перед Плутом. Глаза чудища сверкали, ноздри раздувались от ярости, из горла вырывались злобные хрипы.

Феликс перепрыгнул через водоем, разрезая мечом воздух. Плут, не двигаясь с места, занес кинжал над головой — и в следующую секунду рухнул на землю от мощного удара хвостом. Головоног протопал мимо него и исчез в тоннеле.

— Не дай ему уйти! — завопил Феликс.

Плут поднялся и метнул кинжал вслед уходящему монстру. Со свистом рассекая воздух, сверкающий клинок долетел до чудовища и, отрубив длинный цепкий хвост, вонзился в его заднюю лапу.

Головоног замер, пронзительно завыв от боли. Затем он обернулся, вперив в Плута горящие, налитые злобой глаза.

— Молодец! — Плут услышал голос Феликса за спиной. — А теперь отойди с дороги, я сам прикончу его!

Хотя монстр был ранен, казалось, он передвигается на пяти ногах не хуже, чем на шести. Не успел Феликс сделать и десяти шагов, как головоног уже добрался до конца тоннеля и исчез во тьме.

— Сейчас тебе удалось уйти! — грозно закричал Феликс ему вслед. — Но в следующий раз — берегись! Даю тебе слово, мерзкая тварь!

Плут пнул ботинком отрубленный хвост. Придет ли когда-нибудь «следующий раз?». Вопрос оставался открытым. Феликс вот-вот отправится на Озерный Остров, и там его мысли меньше всего будут заняты головоногами...

В этот самый миг откуда-то из глубин подземной канализации до мальчиков донесся рев ликующей толпы. Крики радости разнеслись по тоннелям, заглушая звук капающей воды. Феликс обернулся к Плуту.

— Церемония Провозглашения! — догадался он. — Уже началось! Поторопись, Плут! Нам нужно спе-

шить! Я не переживу, если пропущу момент, когда будут объявлять *мое* имя!

И вот наконец они добрались до конца трубы. Феликс повертел головой, оглядывая смежные тоннели.

— Нам, кажется, налево.

— Нет, — возразил Плут. — Мы пойдем направо. Так будет короче. — И он смело бросился в уходящую вдаль трубу. — За мной, — прокричал Плут Феликсу, оборачиваясь назад.

Плут пробирался по заброшенной неосвещенной трубе. Феликс старался не отставать, следуя за другом по пятам. Труба была старая и потрескавшаяся, с лужами и разномастными осколками, валявшимися под ногами. Толстая, пропитавшаяся сыростью паутина оплетала лица двух мальчишек, спотыкавшихся во мраке, но упорно шлепавших вперед.

— Ты уверен, что мы — *тьфу, тьфу* — правильно идем? — спросил Феликс, отплевываясь от паутины. — Я больше не слышу ничьих голосов.

— Это потому, что толпа перестала кричать «ура!». Твой отец хорошо справляется с работой. Доверь-

ся мне, Феликс. Разве я когда-нибудь подводил тебя?

— Нет, — ответил Феликс и медленно покачал головой. — Ты знаешь, я буду скучать по тебе.

Плут ничего не ответил. Он не мог говорить. У него будто комок застрял в горле.

— Ты прав! — радостно воскликнул Феликс через минуту, когда сквозь трубу до него донесся глубокий, звучный голос Верховного Библиотекаря. — Этот голос не спутаешь ни с чьим другим!

— Добро пожаловать! — возвестил Фенбрус Лодд. — Добро пожаловать в Центральное Книгохранилище! Я приветствую вас, Библиотечных Академиков всех рангов, и поздравляю с торжественным днем...

— Кажется, мы уже близко, — обрадовался Феликс.

— Мы совсем рядом, — ответил Плут. — Еще несколько шагов... Ну вот мы и пришли! — Он нырнул в более широкую трубу, которая, внезапно оборвавшись, вывела мальчиков к Центральному Большому

Тоннелю. Плут вздохнул с облегчением. Наконец-то! Их взорам открылись арочные своды Центрального Книгохранилища.

— Ну, пошли, — мрачно буркнул Феликс. — Сидячих мест, наверное, не осталось.

Плут окинул взглядом огромную толпу, собравшуюся по случаю Церемонии Провозглашения: сплошная толкотня и давка. Потоками приглашенные выплескивались из Хранилища в поисках свободного местечка.

— Нам повезет, если мы сумеем втиснуться в двери, — произнес он.

— Без проблем, — усмехнулся Феликс. — А ну расступитесь! — весело закричал он. — Дайте пройти ученику, которого посылают на Озерный Остров!

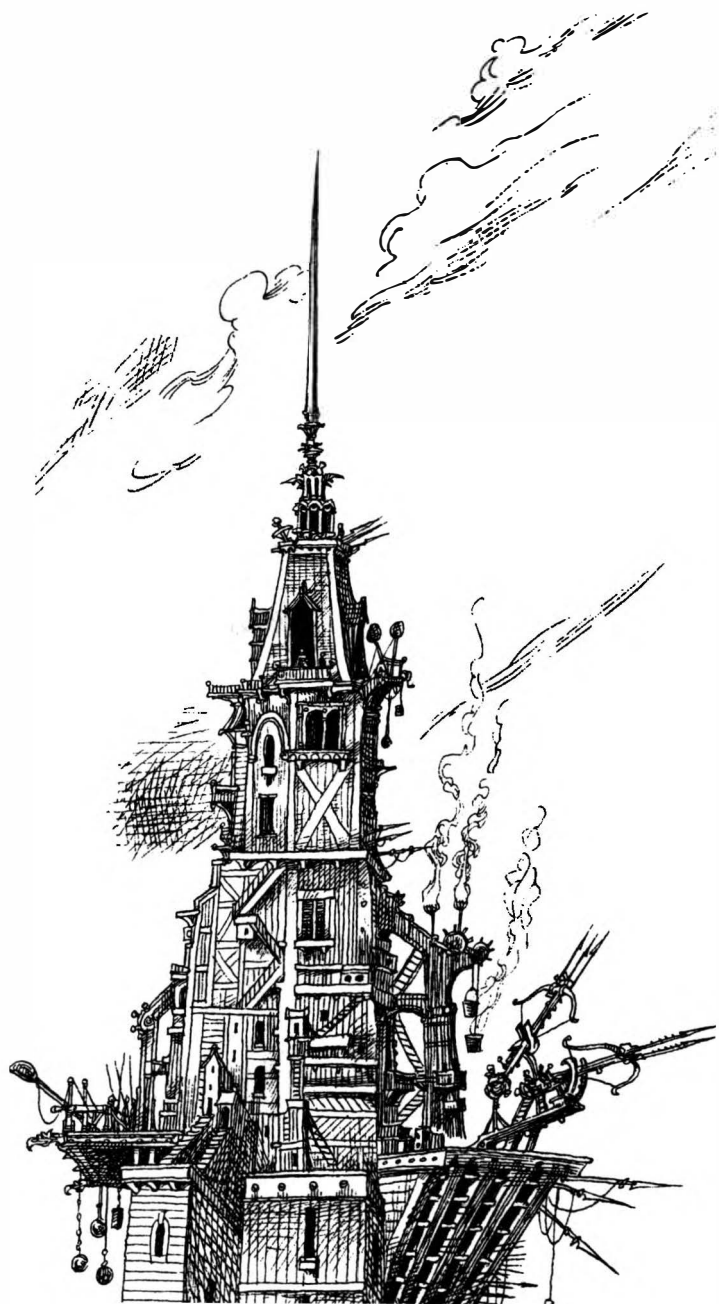

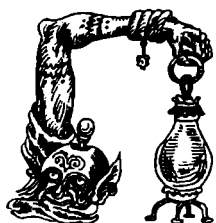
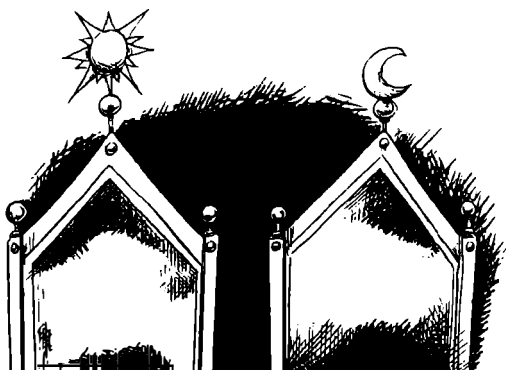
ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЦЕРЕМОНИЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ

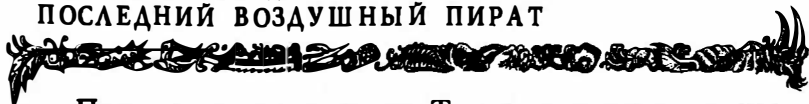

ри таком ужасном столпотворении — одни зрители толкались на мосту из черного дерева, другие пытались при moistиться на порталах и выступах, третьи забирались в раскачивающиеся подвесные кабинки-читальни — в Центральном Зале было теплее, чем обычно. Вскоре и у Феликса, и у Плута пот градом катился по лбу, и от мокрой одежды стал подниматься пар.

Пробившись сквозь толпу и оказавшись в первом ряду среди стоявших на мосту из черного дерева, они взгромоздились на нижнюю перекладину резной балюстрады и стали смотреть на меньший мост из летучего дерева. Под ними медленно текла грязная жижа канала, никогда не восполняемая дождевой водой. Там было полно перегруженных плотов, прикрепленных крюками к специальным колышкам и с трудом удерживающихся на плаву, с кучей зевак на каждом из них.

— Они все здесь, — заметил Феликс, кивком головы указав на платформу, установленную на мосту из летучего дерева.

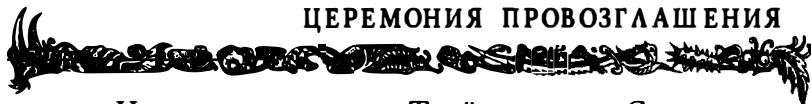
Плут согласно моргнул. Там, в креслах с высокими спинками, по обе стороны балкона для Верховных Библиотекарей, с которого Фенбрус Лодд обращался к толпе, расселись профессора Света и Тьмы,

Ульбус Веспиус и Таллус Пенитакс. Двое последних раньше были Небесными учеными, но, напуганные преследованиями Стражей Ночи, решили разделить свою участь с Библиотечными Академиками. Рядом с ними, по шестеро с каждой стороны, разместились старейшины Библиотеки.

Голос Фенбруса Лодда эхом прокатился над притихшей толпой собравшихся:

ЦЕРЕМОНИЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ

— Никогда еще перед Тройственным Советом не стояла более сложная задача: отобрать тех, кто достоин поездки на Озерный Остров. И не потому, я должен добавить, что у нас не было достойных кандидатур, — как раз наоборот. Каждый из наших библиотечных старейшин выдвинул прекрасного кандидата и горячо отстаивал его право принять участие в путешествии.

Плут взглянул по очереди на двенадцать почтенных учителей. Их прошлое сильно различалось. Некоторые из них были блистательными Земными учеными, возвратившимися из изгнания, чтобы помочь созданию новой подземной библиотеки, другие принадлежали к группе Небесных ученых, которые, подобно профессорах Света и Тьмы, перешли на другую сторону, когда злокозненные Стражи Ночи захватили Санктафракс. И были третьи, чья биография была никому не известна. Взгляд мальчика упал на Олквикса Венвакса, который взял его под свою опеку. Его прошлое было кромешной тайной.

— Как всегда, — продолжал Верховный Библиотекарь, — из предварительных списков мы отобрали три кандидатуры, и мы, Тройственный Совет, считаем, что они лучше всего сумеют выполнить поставленные перед ними задачи...

Плут посмотрел на Феликса. Его лицо светилось надеждой и ожиданием. Мальчики часто беседовали о том, что значит быть избранным. Прежде всего — путешествие через Нижний Город, потом — по Дороге через Великую Топь и дальше, в Дремучие Леса,

где им будут помогать те, кто остался верен Библиотечным ученым. Затем, после периода интенсивного обучения (к чему Феликс относился легкомысленно), — построение своего собственного планера. И тут наконец-то осуществляются мечты Феликса о полетах!

— ...великие задачи, но трудноисполнимые, — продолжал Верховный Библиотекарь, — и необыкновенно рискованные. Те, кто попадет в числе избранных, должны бороться с самонадеянностью, ибо она их злейший враг. Необходимо всегда быть настороже. Мир извне — чрезвычайно опасное место.

И тут глаза Плута и Олквикса Венвакса встретились. Профессор приветствовал юного помощника библиотекаря легким кивком головы. Плут склонил голову в ответ в надежде, что Олквикс не заметит, что щеки у него зарделись. Как слышал мальчик, профессор собирался взять его своим ассистентом, когда он немного подрастет. Плут знал, что он должен испытывать благодарность, — ведь это было пределом мечтаний каждого младшего помощника библиотекаря. Но для Плута перспектива провести весь остаток жизни в подземной канализационной системе, без света и воздуха, была невыносимой.

— Итак, ученые Края, я обращаюсь ко всем и к каждому из вас — наступила минута Провозглашения имен.

Все стихли. В мертвой тишине было слышно только, как где-то вдалеке капает вода да крутятся похожие на огромные крылья лопасти вентиляторов, и эти звуки эхом отдавались в сводчатом поме-

щении. Все глаза устремились на свиток, который теперь разворачивал Верховный Библиотекарь Фенбрус Лодд.

— Я называю имя первого избранного Библиотечного Рыцаря — это Стоб Ламмус! — объявил он.

Эту новость собравшиеся встретили громкими возгласами и аплодисментами, а также традиционным радостным гиканьем учеников — «у́й-ю-ю!», а профессора одобрительно закивали головами. Так как Стоб Ламмус был очень способным учеником, его избрание никого не удивило, хотя парочка самых старых и мудрых академиков отметила, что даже блестящее знание берестяных свитков еще не гарантирует успех.

Плут и Феликс перегнулись через перила, чтобы рассмотреть получше коренастого, крепко сбитого парнишку с копной густых темных волос, которого соседи усадили себе на плечи.

— Должно быть, это он, — вглядываясь в лицо юноши, произнес Феликс. Он чувствовал беспокойство оттого, что его имя не было объявлено первым. — Стоб Ламмус, — скривившись, промолвил он. — Вроде бы я его никогда не встречал.

Плут нахмурился.

— Кажется, я знаю, кто он, — задумчиво проговорил

мальчик. — Он с Восточных Окраин. Я думаю, он сын того рослого охранника из канализационного патруля, — помнишь? — такой, со шрамом...

— Сын охранника? — скривился Феликс. Он во все глаза смотрел на своего отца. Бывало, что товарищи несправедливо обвиняли его в том, что у него масса преимуществ перед другими, поскольку его отец — академик. Но сам Феликс так не думал. Наоборот, если ты сын Верховного Библиотекаря и брат знаменитой Варис Лодд, то все ожидают от тебя необыкновенных свершений. Ему приходилось выбиваться из сил, чтобы успевать лучше других и всегда быть на высоте. Иногда ему приходило в голову, что он не годится для этого. Он часто видел разочарование в глазах своих учителей. Только Плут продолжал верить в него.

— Ты — следующий, — прошептал он.

Феликс, ничего не отвечая, кивнул. Когда Стоб Ламмус дошел до края сцены, Фенбрус Лодд поднял свиток во второй раз. И снова в помещении воцарилась тишина — даже воздух, казалось, дрожал от напряжения.

— Следующий Библиотечный Рыцарь — это... — (Феликс с трудом сглотнул слюну. Плут закусил губу.) — Магда Берликс!

У каждого из присутствующих, казалось, перехватило дыхание. Удивленный возглас эхом прокатился по помещению, гулко отражаясь от стен. В следующую секунду, когда избранница вышла из толпы, зрители разделились надвое во мнении: по-

ЦЕРЕМОНИЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ

ловина собравшихся радостно захлопала в ладоши, другая половина, сунув руки в карманы, с вытянутыми от удивления лицами недоуменно повернулась к соседям.

Магда Берликс, высокая девушка с пронизательными зелеными глазами и тремя черными косичками, покинула один из плотов. Ее подняли на мост из летучего дерева, где она заняла место рядом со Стобом Ламмусом. Из задних рядов слышались неодобрительные возгласы, но вскоре они потонули в буре аплодисментов а кто-то, стоящий у входа в Центральный Тоннель, громко закричал:

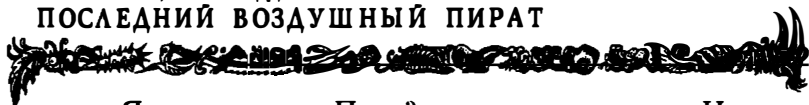
— Еще одна Варис Лодд!

Те, кто поддерживал Магду Берликс, разразились радостными восклицаниями. Те, кто был против, молчали, потому что не в их силах было отклонить этого претендента, одного из самых умных, храбрых и безупречных Библиотечных Рыцарей, которые когда-либо были удостоены чести быть избранными.

Феликс смотрел прямо перед собой, с трудом удерживая слезы. Как он мог потерпеть неудачу, имея такого отца и такую сестру? А если все же дело окончится провалом, как он сможет смотреть людям в глаза? Он повернулся к Плуту и схватил его за рукав.

— Я не прошел, Плут? — произнес он. — Никто не собирается объявлять мое имя.

— Еще как собирается! — возразил Плут. — Лучше тебя здесь никого нет, Феликс! В борьбе врукопашную тебя не одолеть! В поединке на мечях ты тоже всегда побеждаешь! А как ты бьешь по мячу, а как парируешь удары!

Феликс покачал головой.

— Это из-за учебы... — сказал он. — Зубрежка, запоминание наизусть... Без твоей помощи я никогда бы не справился...

— Чепуха, — попытался разубедить его Плут. — Кроме того, книги не нужны тем, кто так отлично дерется.

Феликс кивнул:

— Наверное, ты прав. — Он помолчал, затем испытующе посмотрел на Плута: — Ты думаешь, я глупо себя веду?

— Вовсе не глупо, — ответил Плут. — Но нервничаешь ты совершенно зря. Я думаю, есть одна важная причина, по которой твое имя до сих пор не было объявлено.

— Какая?

— А вот такая, — улыбнулся Плут. — Самого лучшего они приберегают под конец.

И в третий раз нетерпеливый шепот ожидания пробежал по залу. Верховный Библиотекарь почесал свою густую всклокоченную бороду и обратился к свитку.

— Третий избранный Библиотечный Рыцарь... — Фенбрус, сделав паузу, оглядел собравшихся. На се-

ЦЕРЕМОНИЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ

кунду его взгляд задержался на двух мальчиках, стоявших на мосту из черного дерева.

Плут печально вздохнул. Наконец настал этот миг. Сейчас имя Феликса будет объявлено, и они, всегда считавшие друг друга братьями, будут разлучены, быть может, навсегда. Феликс отправится на Озерный Остров сегодня же вечером, а он, Плут, навеки останется в подземелье.

— Я буду скучать по тебе, — прошептал он.

— И я тоже, — еле слышно ответил Феликс.

Фенбрус Лодд снова вперил взгляд в список:

— это...

Все замерли, затаив дыхание. Верховный Библиотекарь прочистил горло и снова поднял глаза.

— Плут Кородер!

На секунду в зале повисла мертвая тишина. Никто, буквально ни один из присутствующих, не мог поверить своим ушам.

Плут Кородер?

Этот юнец не был даже учеником профессора! Он всего лишь младший помощник библиотекаря, обслуживающий читальни, поворачивающий лебедку... Как обыкновенный мальчишка, стоящий в самом низу служебной лестницы, мог добиться такой чести? Это было невероятно. Это было неслыханно-невиданно!

Сначала в зале послышался недовольный ропот, постепенно переросший в возмущенный рев толпы. Мосты шатались от напора протестующих зрителей, и, по мере того как атмосфера накалялась все боль-

ше, подвесные кабинки-читальни все сильнее раскачивались, теряя равновесие.

Несколько старших подмастерьев попадали в воду, откуда их пришлось извлекать плотогонам-спасателям.

Ошеломленный, Плут выпученными глазами уставился на ряд академиков, сидевших на мосту из летучего дерева. Он видел Таллуса Пенитакса, профессора Тьмы, который смотрел на него в упор, хмурясь и сложив руки на груди. Плут видел Олквикса Венвакса, оживленно кивающего ему, и он вспомнил, как профессор велел ему приодеться. Теперь он понял почему. На самом деле после погони за головною одеждой его была еще в большем беспорядке, чем всегда. Но сейчас уже ничего не поделаешь, подумал он.

Мальчик перелез через балюстраду и пошел по мосту из черного дерева. Голова у него кружилась,

поджилки тряслись от страха. Бушующая толпа все же расступилась перед ним. Все лица, изумленные, негодующие, слились для Плута в сплошное пятно. Он брел, спотыкаясь, а вслед ему неслись приглушенные голоса.

— Помощник библиотекаря! — сказал один. — Что же дальше-то будет? Кто следующий — мойщик сточных труб?

— Я никогда о нем не слышал, — пробурчал другой.

— Вроде бы это тот подкидыш, которого подобрала Варис Лодд, — презрительно скривился третий.

— И приятель этого придурка, сына Верховного Библиотекаря, — вмешался в разговор кто-то еще.

Наконец-то оказавшись на мосту из летучего дерева, Плут медленно подошел к платформе, где стояли три академика: Ульбус Веспиус, Таллус Пени-

такс и Фенбрус Лодд. Вслед за Стобом и Магдой Плут по очереди подошел к каждому из них. Все почтенные академики один за другим поздравили новоиспеченных Библиотечных Рыцарей с избранием и вручили им подарки: те предметы, которые могли оказаться полезными в путешествии.

Ульбус Веспиус протянул Плуту два бледно-желтых камня.

— Небесные кристаллы, — пояснил он. — Положи их в разные карманы, иначе они будут светиться при соприкосновении. А если их потерять друг о друга, то они будут искриться.

— Благодарю вас, сэр, — склонил голову Плут, — благодарю вас.

Следующим был профессор Тьмы. Поздравив Магду, он обратил внимание на застенчивого юношу.

— Хорошая вещь, — сказал он хрипловатым голосом, разворачивая сложенный квадратиком кусок блестящей черной ткани и повязывая его как шарф на шею Плуту. — Покров Тьмы сплетен из тончайшей паутины, лучшей, которую могут спрядать Ночные Пауки, — пояснил он. — Разверни его и набрось на плечи, если тебе надо будет спрятаться или проникнуть куда-то, став невидимкой.

Плут еще раз произнес слова благодарности и двинулся дальше. Перед ним теперь стоял Фенбрус Лодд, Верховный Библиотекарь Центрального Книгохранилища.

— Поздравляю тебя, мальчик, — сказал он и склонился над Плутом, чтобы надеть ему на шею талис-

ман. — Это зуб дуба-кровососа, на котором wygraviровано твое имя, — добавил он. — Этот амулет защитит тебя от опасностей Дремучих Лесов.

Плут посмотрел на острый, похожий на коготь предмет, светящийся в темноте.

— Большое спасибо, сэр, — неуверенно произнес он, — но...

— Что «но»? — спросил Фенбрус.

— Выслушайте меня, сэр, — запинаясь, пробормотал Плут. — Просто... Я хотел сказать, что на моем месте должен быть Феликс. Наверное, произошла ошибка...

Фенбрус Лодд, сделав шаг вперед, положил руки мальчику на плечи.

— Здесь нет никакой ошибки, — твердо сказал он. — Хотя Феликс мой сын, я не думаю, что он справится с возложенной на него задачей. Он, конечно, храбр и силен, но у него нет способностей к учебе, а без этого все остальные качества не могут идти в расчет.

— Но... — возразил Плут во второй раз.

— Довольно, — прервал его Фенбрус. — Решение было принято единогласно. — Он улыбнулся: — Хотя твой профессор выдвинул весомые аргументы в твою пользу, для нас это не было сюрпризом.

Плут кивнул:

— Профессор Венвакс всегда был очень добр ко мне.

Верховный Библиотекарь нахмурил брови:

— Я в этом уверен, но твою кандидатуру выдвинул не он.

Плут смутился:

— Разве не он?

— Нет, не я, — слышался голос позади него. Плут обернулся и увидел профессора Олквикса Вен-
вакса. — Если бы я единолично мог принимать ре-
шения, ты бы давно стал моим личным ассистентом.

— Это я выдвинул твою кандидатуру для избра-
ния. — Профессор Тьмы сделал шаг вперед. В тор-
жественном, парадном облачении для церемоний он
выглядел совсем иначе, нежели в повседневной курт-
ке небесного пилота. Он внимательно смотрел по сто-
ронам своими черными глазами, не упуская ничего.

— Вы? — удивился Плут, вспыхнув при мысли,
как бесцеремонно прозвучало его восклицание. —
Я хотел сказать... Благодарю вас, сэр, — добавил он.

Профессор Тьмы кивнул.

— Я уже давно наблюдаю за тобой, Плут, — ска-
зал он. — Твое упорство и целеустремленность пора-
зили меня, хотя ты и внушал мне некоторые опасе-
ния своим постоянным нарушением инструкций и
предписаний.

Глаза Плута округлились от удивления. Профес-
сор наверняка знал о том, что он тайком читал на-
учные труды!

— Запомни, Плут. Если такое поведение еще хоть
как-то простительно для младшего помощника биб-
лиотекаря, то для избранного Библиотечного Рыцаря
оно совершенно недопустимо. Я буду и дальше на-
блюдать за тобой. — Он сурово сдвинул брови. — По-
старайся не разочаровать меня, Плут.

— Я постараюсь, — уверил его мальчик.

Профессор одобрительно кивнул:

— Тебе предстоит долгое и трудное путешествие. Труд, который ты напишешь, нельзя переоценить, поскольку только мы, Библиотечные Академики, способны приумножить знания о Крае, побороть

безграничное невежество Стражей Ночи и в конце концов, если Земля и Небо будут к нам благосклонны, найти средство побороть Каменную Блезнь. Если ты хочешь вернуться обратно целым и невредимым, ты должен путешествовать тайно и не доверять никому! Одно неверное слово — и все мы погибнем!

И тут громко запели трубы, возвещая, что для троих избранных наступило время Торжественной Клятвы. Плут поспешил занять место рядом с остальными.

Верховный Библиотекарь поднял голову:

— Клянетесь ли вы, Стоб Ламмус, Магда Берликс и Плут Кородер, беззаветно служить науке Края, во имя Земли и Неба, отныне и вовеки?

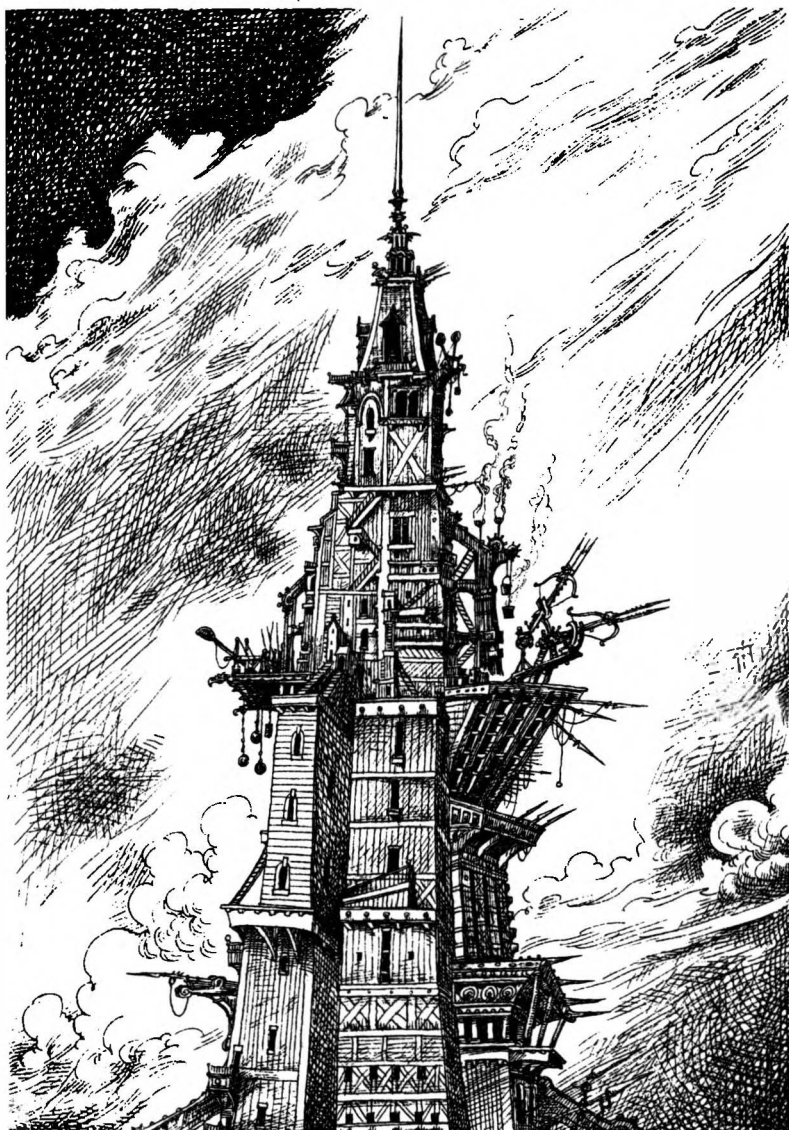
В ответ хором прозвенели три голоса. Не спуская глаз с Верховного Библиотекаря, Плут сосредоточился. Он почувствовал, что слова сами срываются с его губ: те самые слова, которые он мечтал произнести всю свою жизнь, но не осмеливался даже думать, что когда-нибудь наступит этот миг!

— Торжественно клянусь, — ответил каждый, положив руку на сердце.

Главный Верховный Страж Ночи, Орбикс Ксаксис, стоял на верхнем балконе Ночной Башни. Он был высок и имел внушительный вид. Его могучая фигура была облачена в тяжелую черную мантию, приличествующую его статусу, глаза прикрывали темные очки, а лицо — из личных опасений — было спрятано под металлической маской. Он верил, что очки спасут его от дурного глаза и отгонят порчу, а маска с респиратором, оборудованная фильтром из пылефракса, позволяла очищать насыщенный мелкими паразитами воздух.

Под собой он слышал щелканье и скрежет поворачиваемых во все стороны телескопов: каждое утро Стражи прочесывали небо, чтобы засечь какой-нибудь неожиданно появившийся недозволенный летательный аппарат. Полеты и в Сантафраксе, и в Нижнем Городе были строжайше запрещены.

ПОЛНОЧНЫЙ ШПИЛЬ

Ксаксис неотрывно смотрел в небо. Там не было и намека на ураганный ветер и проливной дождь, предсказанные накануне.

— Скоро придет буря, — пробормотал он себе под нос. Он взглянул на Полночный Шпиль — венчавший башню высокий, устремленный ввысь громотвод, — и покачал головой. — Пятьдесят лет — и ничего. Но скоро, скоро придет буря, — прошипел он, — а когда польют дожди, Скала, на которой стоит Санктафракс, будет спасена: она вылечится от болезни, восстановит свои силы... — в его глазах засверкали злобные искорки, — и когда *это* произойдет...

Неожиданно раздался стук в дверь. Ксаксис обернулся, махнув полами мантии, отошел от распахнутого окна и вернулся к себе в приемную.

— Входите, — произнес он величественным тоном, но звук его голоса утонул в железной маске.

Дверь открылась, и в комнату вошел молодой человек, одетый в черную форму Стражей Ночи. У него были острые черты лица, бледные щеки, синие круги под глазами и темные короткие волосы, подстриженные ежиком.

— А-а, это ты, Ксант, — произнес Орбикс, узнав юношу. — Что привело тебя сюда? Казнь уже состоялась?

— Да, сэр, но не это причина моего визита. — Он замолчал.

Было что-то очень неприятное в том, что Верховному Стражу никогда нельзя посмотреть прямо в глаза.

Только по скрежещущему голосу можно было догадаться, что у него на уме.

— Говори, — приказал Орбикс.

— У меня есть информация, — просто ответил Ксант.

Орбикс кивнул. Ксант Филатайн был, без сомнения, одним из самых многообещающих учеников, которые проходили через его руки за многие годы. После того как он переманил к себе Ксанта, обставив этого жирного хлыща, Вокса Верликса, юноша пошел в гору.

— Информация? — переспросил Верховный Страж. — Какая информация?

— Это касается Библиотечных Рыцарей, — ответил ученик, сплевывая на пол. — Один заключенный, из тех, кто был недавно арестован, сообщил на допросе несколько интересных фактов про них.

— Продолжай, — приказал Орбикс, потирая руки в перчатках.

— Они собираются послать еще троих исследователей в Дремучие Леса. Завтра утром, когда...

— Тогда мы их и схватим. И на висячих уступах в тюрьме окажется трое изменников.

— Простите меня, сэр, — прогнусавил Ксант, перейдя почти на шепот. — У меня есть идея получше.

Орбикс метнул сердитый взгляд на юношу. Ему не нравилось, когда нарушали его планы.

— Идея *получше*? — проревел он.

— Ну не получше, конечно, — идя на попятный, пробормотал Ксант. — Но у меня есть вариант, который, вероятно, вы сообразоволяете рассмотреть.

— Выкладывай. — повелел Орбикс.

— Сэр, если мы тайно будем преследовать изменников, то у нас появится возможность раскрыть *всю* организацию, вывести *всех* предателей на чистую воду. Мы тогда сможем обнаружить всех врагов Ночной Башни, плетущих свои сети, — от Нижнего Города до так называемой Вольной Пустоши.

— Но... — возразил Орбикс.

— Как я понимаю, выбор у нас невелик, — поспешно продолжал Ксант. — Три подмастерья сегодня или целая организация бунтовщиков завтра.

Орбикс поднял брови:

— А кто сумеет выследить их? Кто возьмет на себя такую задачу?

Ксант скромно потупился.

— Я понял, — догадался Орбикс. Он задумчиво похлопал по форсунке железной маски тонкими, костлявыми пальцами.

Предложение было заманчивым, весьма заманчивым. Больше всего на свете ему хотелось схватить и посадить в тюрьму двух перебежчиков, изменников и предателей, Ульбуса Веспиуса и Таллуса Пенитакса, профессоров Света и Тьмы, и пытать их до тех пор, пока

они не расскаются в том, что перешли на другую сторону. Он простит их в конце концов. Простит всех, кто попадется ему в лапы, даже Фенбруса Лодда.

А простив, велит казнить.

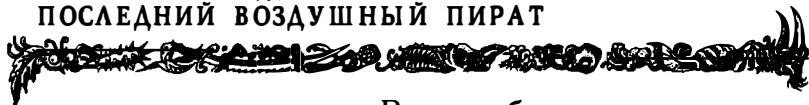
— Очень хорошо, Ксант, — сказал он наконец. — Отправляйся в путь. Я даю тебе свое согласие.

— Благодарю вас, сэр. Благодарю вас, — пробормотал Ксант прерывающимся от волнения голосом. — Вы не пожалеете о вашем решении, сэр. Даю вам честное слово.

— Надеюсь, — ледяным голосом отвечал Верховный Страж. — В свою очередь я обещаю тебе вот что: если вздумаешь предать меня, то ты первый горько пожалеешь о моем решении.

С тяжелым сердцем, озадаченный грозными словами Орбикса Ксаксиса, все еще звенящими у него в ушах, Ксант покинул кабинет и направился к лестнице. Натянув на голову капюшон и поплотнее завернувшись в плащ, он двигался к выходу, стараясь держаться в тени. Он крадучись прополз мимо повисших над бездной уступов, мимо караульного помещения и больших приемных залов, мимо лабораторий и кухонь и спустился вниз, к мрачным тюремным застенкам, расположенным в подzemелье зловещей Ночной Башни.

Со всех сторон до него доносились глухие стоны и плач заключенных. Здесь их было несколько сотен: Земные ученые, небесные пираты, шпионы и предатели, подозреваемые в измене, и даже Стражи Ночи,

попавшие в немилость. Все они были заперты в камерах в ожидании суда, что могло растянуться на многие годы, а пока они должны были оставаться в своих клетках, если так можно было назвать шаткие уступы без ограждений, нависшие над пропастью, разверзшейся в самом центре башни.

Ксант остановился на площадке, где лестница разветвлялась надвое, и повернул к одной из дверей. Откинув в сторону крышечку, прикрывавшую глазок, он заглянул внутрь. Заключенный сидел в той же позе, в какой Ксант оставил его два часа назад.

— Это я, — свистящим шепотом произнес он. — Я вернулся.

Заключенный сидел скрючившись и ничего не отвечал.

— Ты был прав, — снова заговорил Ксант чуть погромче. — Это сработало!

Заключенный не шевельнулся. Ксант нахмурился.

— Я думал, тебе будет интересно, что я узнал. Я принес тебе хорошую весть, — с раздражением проговорил он.

Заключенный повернулся и уставился на глазок. Он был стар. У него были глубоко ввалившиеся глаза и впалые щеки. Всклокоченная седая борода и редкие волосы посерели от вековой грязи. Он поднял косматые брови.

— Интересно? — пробормотал старик. — Наверное, да. — Он обвел взглядом камеру и понуро покачал головой. Крохотный уступ, нависший над пещери-

стой гулкой пропастью, не имел ограждений, побег был невозможен. Если не считать накрепко запертой двери, у пленника был один путь — упасть в пропасть вниз головой и разбиться насмерть.

— Я безгранично завидую тебе, — добавил он.

Ксант, смутившись, сглотнул слюну. Хуже

места, чем эта зловонная клетка над бездонным провалом, нельзя было придумать. В камере стоял стол, поскольку заключенного — бывшего академика — заставляли работать на Стражей Ночи, на полу валялась истлевшая соломенная подстилка. И уже много-много лет подряд, насколько Ксант себя помнил, весь окружающий мир для пленника был ограничен этой тюрьмой.

— Простите... — пробормотал Ксант. — Я как-то об этом не подумал.

— Не подумал... — проговорил заключенный. — Ирония судьбы, Ксант, что мне здесь остается только думать. Я думаю о том, что произошло, о том, что я потерял, о том, что отняли у меня... — Он сделал паузу, и когда снова поднял глаза, на губах его затеплилась улыбка. — Тебе понравятся Дремучие Леса, Ксант. Обязательно понравятся. Там, конечно, очень опасно, ты даже представить себе не можешь

насколько: смерть будет подстерегать тебя на каждом шагу. И все же это удивительное место, прекрасное и полное чудес...

Ксант восторженно кивнул. В первую очередь долгие беседы с бывшим академиком подстегнули его интерес к Дремучим Лесам.

Они говорили о тропах, которыми ходили лесные тролли, о постелях, сплетенных из похожего на угря камыша, о стране эльфов и — что нравилось Ксанту больше всего — о священном Истоке Реки, берущем начало высоко в горах. К этому месту ученый мог вернуться только в своих воспоминаниях: Ксант хорошо понимал, что Главный Верховный Страж Ночи, считая академика слишком опасным заговорщиком, никогда не отпустит его на свободу, а побег из тюрьмы в Ночной Башне не удавался еще ни одному заключенному.

Пара птицекрысов опустилась на уступ, где ютился пленник. Он, хлопнув в ладоши, отогнал их взмахом иссохшей руки, и птицекрысы взмыли в воздух.

— Убирайтесь вон! — крикнул им вслед заключенный. — Я еще жив! — Он мрачно усмехнулся. — У них будет возможность дочиста обглодать мои кости, когда я умру. Так, Ксант?

Юный подмастерье изменился в лице.

— Пожалуйста, не надо так говорить... — произнес он. — Что-нибудь обязательно изменится. Я в это твердо верю...

— Тише, тише, Ксант, — предупредил его заключенный. — За такие слова тебя могут обвинить в госу-

дарственной измене. Если ты не хочешь оказаться в тюрьме, на таком же уступе, прикуси язык. — И старик снова углубился в изучение берестяного свитка. — Я буду думать о тебе, — напоследок сказал он.

На следующее утро Плут Кородер, стоя на холодном полу в сырой спальне, упаковывал свои жалкие пожитки в вещевой мешок. Он перевязал черный шарф на шее и снова внимательно изучил талисман. Потерев друг о друга два небесных кристалла, он застыл, наблюдая, как из них сыплются искры и с шипением гаснут на полу.

«Где же Феликс?» — с недоумением подумал он. Плут не видел своего приятеля с того самого момента, как его имя было объявлено на мосту из летучего дерева. В спальне его не оказалось: постель на гамаке так и стояла неприбранной, и никто из старших учеников его не видел. Плут был в смятении. Неужели Феликс позволит ему уехать, не попрощавшись?

Не может этого быть!

Засунув последнюю рубаху в вещевой мешок и туго затянув веревку, Плут тяжело вздохнул. И тут в конце узкого длинного помещения послышался гул голосов. Дверь с шумом распахнулась. Плут резко обернулся.

— Феликс! — закричал он, увидев фигуру в дверном проеме. — Наконец-то! А я уж было подумал... — Плут замер. Это был вовсе не Феликс.

— Пошли, Плут, — нетерпеливо произнес Стоб Ламмус. — Ты готов наконец!

— Мы тебя ждем уже целую вечность, — добавила Магда Берликс, недовольно поджав губы. — Нам еще столько всего нужно сделать до отъезда!

Плут в последний раз проверил, туго ли затянута веревка, и перекинул вещмешок через плечо. И тут, под вещмешком, он заметил какой-то блестящий предмет, лежавший на гамаке. Плут ахнул от удивления. Это был меч, который Феликс носил только по торжественным дням!

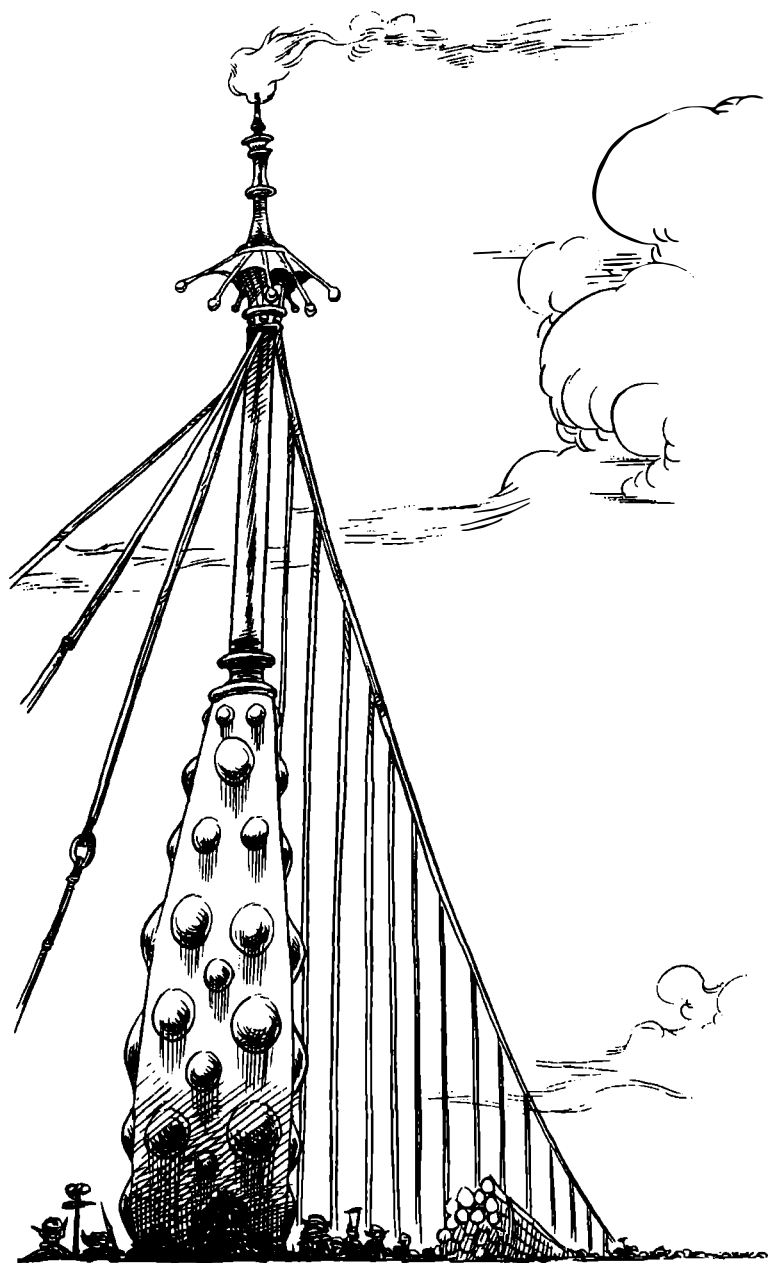
— Спасибо тебе, Феликс, — прошептал Плут и, прикрепив меч к поясу, пошагал вслед за остальными. — Прощай и будь здоров!

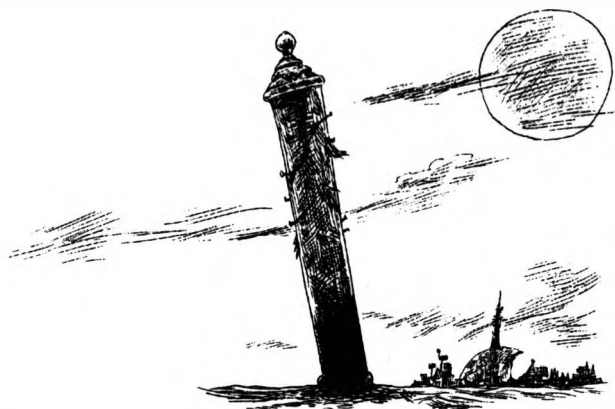

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ВЕЛИКУЮ ТОПЬ

ело близилось к вечеру, когда трое юных Библиотечных Рыцарей были готовы к путешествию. Прежде всего им нужно было подобрать себе подходящую одежду. Магда выбрала летящую пелерину с капюшоном, на которой, как маленькие букеты цветов, пучками были прикреплены яркие разноцветные образчики тканей среди множества блестящих булавок и пряжек.

— Самый тонкий шелк, какой можно найти в лавках Нижнего Города, — улыбнулась она, глядя на свое отражение в зеркале. — О таком может только мечтать каждая уважающая себя шрайка. А как насчет вас, мадам? Не хотите ли приобрести двадцать рулонов тончайшего, как паутина, шелка?

Плут рассмеялся, но Стоб Ламмус, их товарищ, отвернулся в сторону.

— Тебе будет не до шуток, Магда, когда на Дороге через Великую Топь тебя со всех сторон обступят охранницы-шрайки, — резко отрубил он. Сам Стоб напялил себе на голову высокую, конусообразную шляпу, какую носят торговцы дровами, и натянул

траченное молью пальто из шкуры ежеобраза, под которым был тяжелый, увешанный образцами древесины жилет. — А теперь послушай меня, младший помощник библиотекаря! — обернулся он к Плуту, презрительно оттопырив губу, и в его темных глазах сверкнула насмешка. — Нечего ей потворствовать!

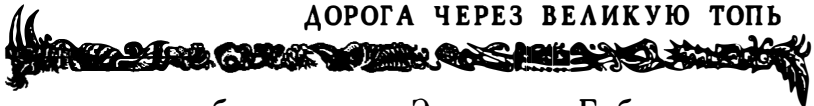
Плут потупился, теребя пальцами ремни, на которых крепился его точильный станок. Щеки у него пылали.

— Какой из тебя получился точильщик ножей! Просто чудо! — продолжал зубоскалить Стоб. — Ну ладно, будем считать, что сойдет.

Плут понял, что его дразнят, но не стал отвечать. Феликс часто говорил ему: «Помни, ты ничем не хуже других, а может, даже лучше». Милый добрый Феликс!

Плут вздохнул, вспомнив о своем друге. Сколько раз Феликс приходил ему на помощь, защищая его от надменных, чересчур взыскательных профессоров и их злобных помощников, от задир и хулиганов всех мастей!

— Вы готовы? — Это был профессор Тьмы. Лицо у него было усталым и напряженным. — Вот ваши документы. Стоб, ты — торговец дровами с Опушки Литейщиков. Магда, ты — продавец шелка, несешь образчики тканей в Восточный Посад. А ты, мой мальчик, — сказал профессор, положив руку на плечо своему избраннику, — ты скромный точильщик ножей, мастер по ремонту инструмента. А теперь тихо уходите и ищите в толпе тех, у кого на шее будет

— амулет из дуба-кровососа. Это друзья Библиотечных Рыцарей, они помогут вам, будут оберегать и направлять вас. В первый раз с вами вступят в контакт у поста на заставе, там, где берет начало Дорога через Великую Топь. Да помогут вам Небеса!

Стоб сделал шаг вперед.

— Нет, — остановил его профессор. — Плут, ты иди первым. Ты знаешь тоннели лучше.

Стоб исподлобья мрачно посмотрел на Плута.

— Нам сюда, — сказал Плут некоторое время спустя, когда он вел их по лабиринту сточных труб. Он направлялся к верхнему тоннелю в плавучих доках, через который в случае паводка сбрасывали воду прямо в Реку Края. Конечно, это был кружной путь до Дороги через Великую Топь, но, как считал профессор, наиболее безопасный, поскольку над ним располагались только молы и пристани. Один за другим все трое вышли на поверхность уже на закате, в неверной игре теней. Вечер был прохладным, и это удивило Плута.

Он жадно дышал, набирая полные легкие воздуха. По сравнению с затхлой, душной атмосферой канализации, которую они только что покинули, воздух казался удивительно свежим и чистым, даже здесь, на берегу лениво текущей илистой реки.

Справа от себя они увидели высокое сооружение, похожее на обелиск. Прибитый гвоздями, на нем колыхался кусок ткани, хлопая на ветру.

— Вы только посмотрите... — пробормотал Плут. Стоб нахмурился.

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

— Я думаю, это почтовый столб, — сказал он. — Где-то я об этом читал. До того, как Край заболел Каменной Болезнью, капитаны небесных кораблей, у которых на судне оказывались свободные места, объявляли...

— Да не на столб... Посмотрите на солнце! — и Плут, глядя мимо стелы, кивком указал на огромное багрово-красное пульсирующее светило. — Солнце... — в священном трепете пробормотал он. — Как давно я...

Стоявшая рядом с ним Магда тоже глядела на огненный шар, раскрыв рот и качая головой.

— Невероятно! — пробормотала она. — Конечно, я знала, что где-то над нами есть солнце и что оно светит, но увидеть его своими глазами, почувствовать тепло...

— Никогда не смотрите прямо на солнце, — резко вмешался Стоб. — Никогда! Я читал, что, если будешь долго смотреть на солнце, можно ослепнуть, даже если оно садится за горизонт.

— Вы только полюбуйте на облака, — замирая от восторга, прошептал Плут. — Какого они цвета и как светятся! Они такие красивые!

— Рядом с ними даже мои пестрые шелковые образцы кажутся тусклыми, — кивая, поддержала его Магда.

— Какая чепуха! — воскликнул Стоб. — Закат — это просто свечение мелких частиц пыли в верхних слоях атмосферы...

— Ты тоже об этом где-то читал? — поддела его Магда.

Стоб кивнул:

— Если хотите знать, то я про это вычитал в одном древнем манускрипте, написанном Небесным Академиком, — и, услышав раздраженный вздох Магды, осекся. — Пора дать тягу, пока нас не заметили, — сказал он и пошел вперед не оглядываясь.

Магда поспешила за ним.

— Пойдем, Плут, — ласково позвала она. — Не отставай!

— Уже иду, — неохотно ответил он, с трудом оторвавшись от полыхающего вечернего небосклона.

Все чувства у Плути были обострены, и, пока он поднимался вслед за товарищами по трухлявой деревянной лестнице, шел по тропе вдоль пристани, потом, кружа по извилистой аллее, выбирался на широкий оживленный проезд, ведущий к Дороге через Великую Топь, его переполняли новые звуки, запахи, зрелища и туманные воспоминания, которые всколыхнулись в недрах памяти. Ласковая ночная прохлада струилась в воздухе. В небе засверкали первые звезды. Из ветхих торговых палаток, которые они миновали, доносились острые запахи жареного мяса и незнакомых специй. Гоблины покрикивали на снующих дуркотрогов, трещали под грузом деревянные тачки, едущие по узкой колее, топали сапоги по выложенной булыжником мостовой. Когда перед путешественниками замаячили массивные освещенные башни у заставы, где начиналась Дорога через Великую Топь, Стоб, Магда и Плут уже с трудом двигались среди пихающейся локтями и вопящей толпы, широким потоком льющейся сквозь ворота в обоих направлениях.

— Какая тут сегодня толкучка, а, Мэз? — сказал кто-то позади них.

— Повтори-ка еще раз, — слышался ответ.

— Я сказал, что сегодня здесь жуткая толкучка...

— Ах, Сисал, какой же ты шутник!

Плут повертел головой и увидел двоих ухмыляющихся бандогномов, торопливо пробирающихся

вперед. На согнутом локте каждый тащил вороха костюмов на вешалках, платья и фраки. Слева от них верхом на живопыре, впряженном в приземистую тележку, ехал гоблин-утконос. Повозка его была нагружена коробками с надписью: «Оловянная посуда». За ними слышался громкий командный голос трога-дергуна, отдававшего приказы десятку дуркотрогов, которые, с трудом удерживаясь на ногах от огромной тяжести, волокли на себе скатанный валиком пурпурно-красный ковер. А за ними в куче народа давилась компания гоблинов-сиропщиков, поднимая над головой сверкающие бутылки в оплетке из соломы, кубки и чаши.

При таком столпотворении никто не обратил внимания на угрюмого торговца дровами, юную продавщицу шелка и незаметного точильщика ножей, следовавшего за ними по пятам.

Плут был потрясен и одновременно взволнован: он чувствовал себя участником этого многолюдного действия. Здесь, на Дороге через Великую Топь, сошлись купцы и мелкие торговцы со всех уголков Нижнего Города. И хотя предприятия тяжелой промышленности уже давно переехали на Опушку Литейщиков, где и топливо, и рабочие руки продавались за бесценок, большинство необходимых товаров все еще производили в извечно существующих фабричных цехах и ремесленных мастерских Нижнего Города. По другую сторону моста, в Восточном Посаде, товары можно было обменять или продать.

— Поберегись! — прогремел чей-то грубый окрик неподалеку от ворот. — Разойдись!

Толпа расступилась, и Плут увидел перед собой длинную повозку без бортов, запряженную ежеобразами. За нею следовали еще две. На скамье впереди восседали два купца из Лиги, а вскочивший на облучок смуглый плоскоголовый гоблин, удерживая поводья одной рукой, щелкал хлыстом. Плут вывернул шею, чтобы рассмотреть, какой груз они прячут под просмоленной парусиной. Наверное, какие-то стройматериалы, решил он, поскольку буквально все, что производили в Нижнем Городе — от брошек и браслетов до бревен и брусьев, — изготавливалось из привозного сырья.

— Это строевой лес, — объяснил Магде Стоб высокомерным, начальственным тоном. — По внешнему виду похоже на железное дерево. Несомненно, везут в Санктафракс, строить укрепления, — продолжал он. — Чистое безумие, с моей точки зрения, но... — он понизил голос до шепота, — Стражи Ночи считают иначе, и в этом суть.

— Ш-ш-ш! — зашипела на него Магда. — Здесь везде шпионы!

Стоб скривил губы. Даже если он и понимал, что Магда права, он не желал терпеть никаких замечаний. Когда мимо прогремела третья повозка с железным деревом и расступившаяся толпа, бросившись вперед, снова смешалась в единый поток, Стоб быстро помчался дальше, предоставив возможность своим спутникам поспевать за ним.

Магда, выпучив глаза, заговорщически улыбнулась Плуту. Плут ускорил шаги, чтобы не отставать.

— Как ты думаешь, — прошептал он, — Охранники знают, что мы тут и чем мы занимаемся?

— Может, и знают, и это неудивительно. Но знать — это одно, а найти — совсем другое.

— А как насчет Верховного Академика? — спросил Плут. — Говорят, у него огромная армия гоблинов-наемников, они дежурят здесь день и ночь, чтобы ловить Библиотечных Рыцарей...

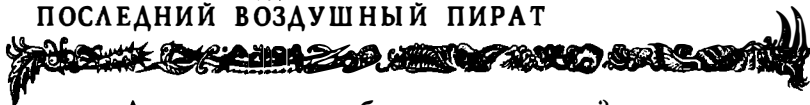
Магда презрительно тряхнула головой:

— Верховный Академик, Вокс Верликс! Ха-ха! Этот толстый бурдюк с дубовым вином! Ему скоро конец. — Она помолчала. — Ты, конечно, знаешь, что это его рук дело. — Она указала на две высокие башни у начала Дороги через Великую Топь, маячившие впереди.

— Это он построил! — ахнул Плут.

Магда кивнула.

— О да, — сказала она. — Когда из-за Каменной Болезни пришел конец небесной торговле, он решил проложить Дорогу через Великую Топь и лично наблюдал за ее строительством, чтобы мелкие торговцы из Нижнего Города могли возить товары в Дремучие Леса. Какая умница наш старичок Вокс! Да, когда-то он был умен. Даже слишком! Но потом Мамаша Кривоклюв в союзе с Шайкой шраек взяли над ним верх, и теперь никто и ничто не может их остановить...

— А как же его гоблины-наемники?

— Эти-то? Да они еще хуже, чем шрайки. Вокс нанял их как надсмотрщиков за рабами, строившими Дорогу через Великую Топь, и в конце концов они стали требовать с него огромные деньги. Старику приходится регулярно откупаться от них, иначе они выкинут его вон из роскошного дворца. И он знает, что эти головорезы способны на все. Гоблины и шрайки вступили в союз, контролирующий торговлю между Нижним Городом и Дремучими Лесами, а Вокс Верликс, Верховный Академик, всего лишь марионетка в их руках. Что бы там ни было, он нам не страшен, — мрачно добавила Магда. — По-настоящему опасны для нас Стражи Ночи.

Плут, вздрогнув, поправил заплечные ремни от точильного станка, который неожиданно показался ему слишком тяжелым.

Магда покачала головой.

— А знаешь, кто построил Ночную Башню для Стражей? Тоже Вокс Верликс, — сказала она. — Он думал, что с ее помощью удастся поглотить электрическую энергию разразившейся бури и эта энергия вылечит от Каменной Болезни большую летучую скалу. — Она остановилась, бросив взгляд через плечо. — Отсюда ее хорошо видно. Безобразнейшее сооружение.

Плут, оглянувшись, кивнул. Неподалеку стояла грозная деревянная постройка чудовищных размеров, возвышаясь над всеми крышами Нижнего Города. Остроконечная игла, венчавшая башню —

Полночный Шпиль, — как бы с укором целилась в небеса.

— А потом Вокс, — продолжала Магда, отводя взгляд от гнетущего зрелища, — когда начала крошиться и оседать большая летучая скала, по указанию Стражей велел подпереть ее, и на это пошел лучший строевой лес — сотни, тысячи стволов железного дерева. Все, что росло в Санктафраксе.

— Да, я знаю об этом, — ответил Плут, вспомнив свои занятия. — Построили гигантские подпорки из столбов и поперечных брусьев, чтобы спасти оседающую летучую скалу. Так это было?

— Именно так, — подтвердила Магда. — Многие ученые говорили, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы летучая скала коснулась земли, — тогда электрический заряд бури уйдет через скалу прямо в землю, и так и не вылечив Каменную Блезнь. Следовательно, строительные леса, в отличие от Ночной Башни и Дороги через Великую Топь, будут ставить вечно, — добавила она, — так как чем ниже опускается скала, тем больше деревьев требуется для ее поддержания. Стоб прав. Это безумие. Осторожно, Плут!

Но было поздно. Плут со всего маху врезался в идущего впереди гоблина, у которого волосы на голове росли пучками. *Бух!* Гоблин грохнулся на землю: *плюх!* Сразу же по булыжникам в разные стороны раскатились какие-то круглые предметы, и гоблин разразился негодующей бранью. Плут, смотревший через плечо на угловатый силуэт Ночной Башни, вырисовывавшийся на фоне темнеющего неба, резко повернул голову. Гоблин, лежа навзничь, ругался на чем свет стоит, а Магда, склонившись, стояла рядом с ним. Корзинка, которую нес гоблин, перевернулась, и из нее вывалились роскошные спелые древесные яблоки, и теперь они гулко прыгали по мостовой. Стоба нигде не было видно.

Сердце у Плути замерло в груди. Он намеревался пройти весь этот путь тихо и незаметно, а сейчас привлек внимание прохожих, и не только к себе, но и к Магде. Вокруг изрыгающего проклятия гоблина немедленно собралась толпа зевак. Если на них обратят внимание охранники, то он может провалить задание уже в самом начале путешествия.

— Простите меня, — принялся извиняться Плут, пытаясь собрать валявшиеся на мостовой фрукты. — Я виноват перед вами. Не видел, куда иду.

— Ну ладно, — проворчал вихрастый гоблин, специально для публики протыкая пальцем сочную мякоть древесного яблока. — Я принимаю ваши извинения, но как быть с моими погубленными фруктами? Я всего лишь бедный разносчик... — Его недоговоренная фраза повисла в воздухе.

— Я... Разумеется, я возмещу вам убытки, — чувствуя себя неловко, пообещал Плут и, взглянув на свою спутницу, спросил: — Так, Магда?

Не говоря ни слова, Магда сунула руку в карман плаща и извлекла оттуда кожаный мешочек. Она развязала ремешок и, вынув из кошелька маленькую золотую монетку, положила ее на протянутую ладонь гоблина. Гоблин кивнул, и его глазки коварно сверкнули.

— А вот это, — сказала Магда, доставая вторую монету, — за ушибы и синяки. — Девушка разогнула спину и, рывком поставив гоблина на ноги, свирепо оскалилась. — Я надеюсь, дело улажено.

— Вообще-то... да... но... — запинаясь, пробормотал гоблин.

— Вот и хорошо, — подытожила Магда и, развернувшись, смешалась с толпой.

— Как здорово ты разобралась с ним! — восхитился Плут.

Магда, тряхнув косичками, рассмеялась.

— У меня три старших брата, — объяснила она. — Они умеют постоять за себя, и я всегда брала с них пример.

Плут улыбнулся. Ему все больше нравилась его спутница. Если сначала она показалась ему очень властной, резкой и язвительной,

то теперь она предстала перед ним совсем в ином свете.

Она была практичной, общительной, говорила прямо, что думает, и умела действовать решительно.

Теперь Плут понял, почему ее избрали для путешествия на Вольную Пустошь. По сравнению с ней Стоб казался холодным, равнодушным книжником... Мальчик нахмурился.

— А где же Стоб? — вслух спросил он.

Магда встряхнула головой.

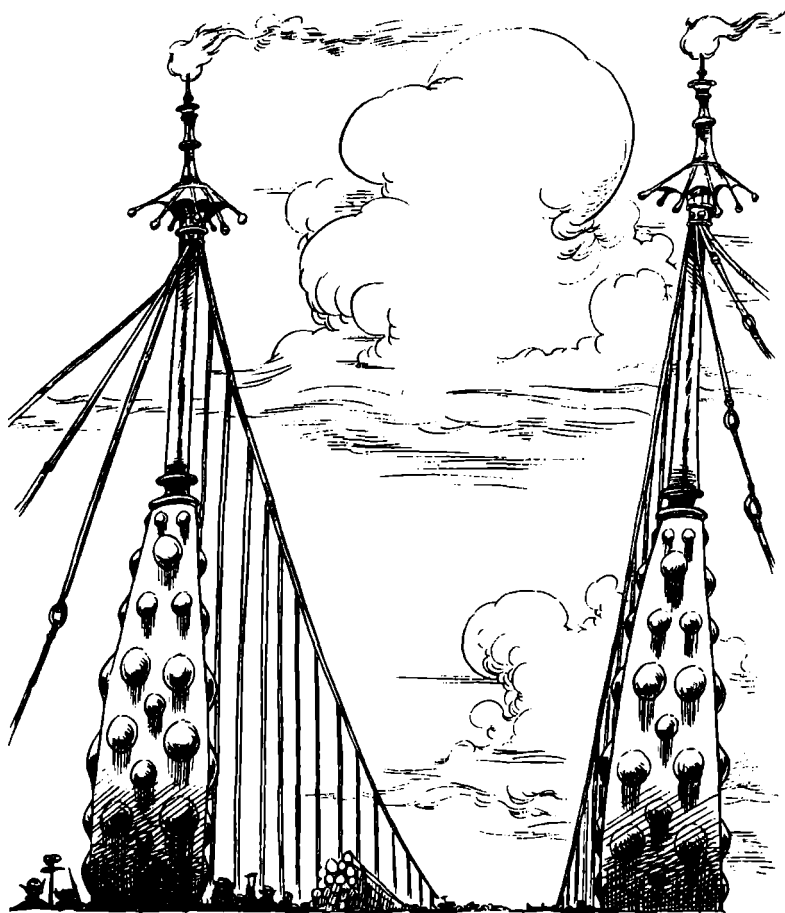
— Я и сама удивляюсь, куда он пропал, — ответила она, оглядываясь по сторонам. — Нам нужно держаться вместе.

Они к этому моменту были уже недалеко от того места, где начиналась Дорога через Великую Топь: над ними нависли две огромные башни. Если все пойдет по плану, то здесь должен появиться проводник, который поможет им проскочить через заставу. Плут теребил зуб дуба-кровососа, разглядывая прохожих в поисках такого же амулета.

Стоба по-прежнему нигде не было видно. На большой площади перед заставой была ужасная толчея. Публика галдела и кричала на все лады. И чем тут только не пахло! Запахи неслись со всех сторон: острый и пряный дух маринованных ползучих водорослей в бочках сливался со сладким, одурманивающим ароматом мускуса из кошачьей коры, разлитого в большие флаконы. Здесь сгрудились торговцы всех мастей: купцы и мелкие разносчики, толкачи, скачущие верхом на живопырах, и продавцы в по-

возках, запряженных ежеобразами; сбились в кучу кареты, телеги и товары.

Вооруженная охрана смешалась со шрайками, с торговцами лейками и шайками, продавцами еды,

продавцами воды, с разносчиками контрабанды, головорезами из банды, с ювелирами и ростовщиками, мародерами и поставщиками. Здесь можно было встретить кого угодно из тех, кто населял земли Края: и гоблины-всегрызы, и дуркотроги, и злыднетроги, и глыботроги, лесные тролли, ночные эльфы, эльфы-тонкокрылы и масса других существ. И посреди этой пестрой толпы в тени, падающей от подъемного ворота, вполоборота к ним стоял Стоб собственной персоной.

— Он с кем-то разговаривает, — тихо сказал Плут и, перейдя на еле слышный шепот, добавил: — Должно быть, он нашел нашего проводника.

— Я не уверена, — ответила Магда. — Прислушайся.

Мальчик напряг слух и, склонив голову набок, пытался разобрать, что грубым голосом говорит собеседник Стоба.

— Чего тебе надо? Какой такой дуб-кровосос? — раздраженно спросил прохожий. — Объясни, чего ты от меня хочешь.

— Я только сказал, — отвечал Стоб театральным шепотом, — что у вас очень интересный оберег. Это зуб дуба-кровососа, если я не ошибаюсь?

— Ну и что с того? — отвечал прохожий, в голосе которого появились металлические нотки. — Тебе-то что за дело?

Магда покачала головой:

— Это не тот, кого мы ищем.

— Конечно, не тот, юная леди, — прозвучал чей-то мелодичный голос за спиной у Магды. — Вам нужна я, а не он.

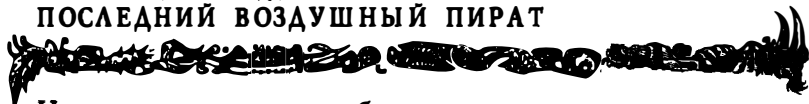
Плут и Магда обернулись и позади себя увидели маленькое коренастое существо женского пола из рода гоблинов-утконосов. На ней был длинный плащ и платок на голове, а в пухленьких ручках она держала прикрытую тряпицей корзинку. На шее у нее висел изящный кулон из блестящего металла, в центре которого покачивался мерцающий красный зуб.

— Меня зовут Тиган, — представилась она. — Ваш друг совершил ужасную, не будем говорить непоправимую, ошибку.

— Он нам вовсе не друг, — отрезала Магда.

— Друг, товарищ, попутчик, — проговорила Тиган. — Какая разница? Мне все равно, какие у вас отношения. Важно только одно: ему грозит опасность! — Она покачала головой и, сокрушаясь, поцокала языком. — Все это может иметь серьезные последствия, — добавила она. — Очень серьезные.

Нужно немедленно забрать его оттуда, пока он нас всех не выдал. Поторопитесь!

Тиган не нужно было повторять эти слова: Магда и Плут опрометью бросились вперед, расталкивая колышающуюся толпу, и, перелетев, как ветер, через площадь, через несколько секунд оказались в тени, у основания погрузчика.

— Ах, вот ты где, Стоб! — закричал Плут, хватая товарища за плечо.

— А мы тебя обыскались, — добавила Магда, беря его под руку. — Ну, пошли отсюда.

— Никуда я не пойду, — сопротивлялся Стоб, перейдя на шепот ради конспирации. — Я нашел того, с кем должен вступить в контакт!

Плут и Магда с головы до ног оглядели старого лесного тролля, стоявшего рядом с ними. Это был кривоногий толстяк с седой, заплетенной в косички бородой. В одно ухо у него была вставлена медная слуховая трубка, а на шее болтались амулеты и подвески всевозможных форм и размеров. Потускневший бурый клык на кожаном ремешке запутался в длинных седых волосах.

— Это не он! — пыталась убедить его Магда.

— Беда в том, что он глуховат, — продолжал Стоб.

— Я прекрасно тебя слышу! — с негодованием огрызнулся лесной тролль.

— Ты тоже, наверное, глуховат. — Магда перешла на шепот. — Говорю тебе, это не он! А теперь *пошли!*

Схватив Стоба покрепче, ребята с трудом оттащили его прочь.

— Эй! — окликнул их лесной тролль. — А в чем, собственно, дело?

Магда вопросительно посмотрела на Стоба. Стоб пожал плечами:

— Разве ты не видишь? Амулет: зуб дуба-кровососа на кожаном ремешке.

— Это вовсе не зуб дуба-кровососа, — возразила Магда. — Это клык белогривого волка. — Она поцокала языком. — А еще называешь себя библиотечным ученым!

Услышав, как Магда бросила обвинение Стобу, Плут подумал, что тоже с легкостью мог быть введен в заблуждение. В такой толчее при беглом взгляде волчий клык легко можно было спутать с зубом дуба-кровососа. Ошибка Стоба была в том, что он сам первым подошел к троллю, а не дожидался, пока его самого найдут в толпе.

— Вам все-таки удалось его убедить, — произнесла Тиган. — Молодцы! А я уж начала беспокоиться.

— Да, — ответила Магда, — хотя нам не за что его благодарить...

— Кто это такая? — резко вмешался Стоб. Он понимал, что остался в дураках, и в нем кипела ярость. — Ей можно доверять?

Тиган оценивающе покачала головой.

— Ты мудро поступаешь, выражая сомнение, — проговорила она. — «Не доверяй никому» — хоро-

ший девиз для того, кто пустился в большое путешествие.

— До сих пор у меня не было оснований доверять вам, — грубо отрезал Стоб.

Без лишних слов Тиган протянула руку и дотронулась до амулета с резным зубом дуба-кровососа, висевшего на шее у Стоба, затем поклонилась двум остальным Библиотечным Рыцарям:

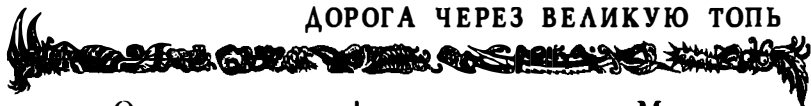
— Какое интересное совпадение, что у каждого из троих путешественников имеется такой талисман, символизирующий науки о Земле, не так ли? Если только Фенбрус Лодд не раздает их теперь направо и налево...

— Нет, — сдался Стоб. — Насколько мне известно, такие знаки выдают только избранным Библиотечным Рыцарям и их помощникам.

— Значит, хвала Небесам, до сих пор ничего не изменилось, — воскликнула Тиган, расстегивая плащ, чтобы показать свой богато украшенный амулет.

— Это вы! — с изумлением воскликнул Стоб. — Значит, это вы должны были встретиться с нами!

— Кажется, вы удивлены, — сказала утконосная гоблинша. — Уже много лет я стараюсь помогать ученым и академикам, к каким бы школам они ни принадлежали. Я и советчик, и проводник... — В ее голосе зазвучал металл. — Я готова делать все, что угодно, лишь бы земли Края не были преданы забвению, лишь бы не дать стране скатиться в пропасть, которую уготовили нам эти бандиты из Ночной Башни.

— Отлично сказано! — поддержала ее Магда.

Тиган тревожно обвела взглядом толпу:

— Мы стоим здесь слишком долго. Это небезопасно. — Она обернулась к трем Библиотечным Рыцарям, и ее лицо расплылось в улыбке. — Вам всем предстоит долгое и трудное путешествие. Нужно быть терпеливыми и настойчивыми, тогда вы обязательно добьетесь успеха.

Плут почувствовал, что уверенность Тиган подбодрила его, и, веря в удачу, широко улыбнулся ей. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу в ожидании, когда же они отправятся дальше.

— Ну хорошо, — произнесла их помощница. — Пора подумать о пропусках. Держитесь вместе и помалкивайте, а переговоры буду вести я.

Когда они все подошли к Дороге через Великую Топь, то у самого начала ее, между двумя высокими башнями, они увидели целый ряд контрольно-пропускных пунктов, выстроившихся в одну линию поперек пути. К каждому стояла длинная очередь. Тиган подвела их к пункту у башни слева.

В помещении стояло тяжелое резное кресло, на котором во всем своем великолепии восседала корпулентная дама-шрайка в роскошном, усыпанном драгоценными камнями платье. По обе стороны кресла торчали огромные клешни турникетов, преграждавших путь. Сначала шрайка внимательно оглядывала каждого торговца немигающими желтыми глазами, а потом принималась за изучение врученных ей рваных, захватанных бумажек.

— Проходи! — рывкала она, поднимая рычаг устрещающей когтистой лапой. Клешни турникета щелкали, и торговец проходил через заслон. — Следующий!

— Проходи! — *Щелк!* — Следующий! — *Щелк!* — Следующий! — *Щелк!*

Плут подпрыгнул на месте. К его ужасу, он заметил, что Стоб и Магда уже прошли. Наступила его очередь.

— Запомни, — прошептала Тиган ему на ухо, — переговоры веду я.

— Следующий! — Голос шрайки дрожал от злости. Тиган подтолкнула Плута вперед. Не помня себя от страха, Плут с трудом передвигал ноги. Трясущимися руками он протянул контролерше фальшивые документы, стараясь не смотреть в желтые глаза, готовые насквозь пробуравить его череп. А что если в его бумагах обнаружится какая-нибудь неточность? Или шрайка задаст ему профессиональный вопрос о его ремесле? Ведь Плут ничегошеньки не знал о заточке ножей! Холодный пот покатился у него по лбу, сердце ушло в пятки.

— Точильщик ножей? — Шрайка склонила набок свою огромную, как кочан, голову. Перья на шее встали дыбом, драгоценности зазвякали, и жуткий кривой клюв ткнулся прямо в лицо Плуту.

— Детям не разрешается баловаться с острыми предметами, — заклекотала она гнусным голосом. — Ты что, деточка, язык проглотил?

Тиган, выйдя вперед, заслонила собой мальчика.

— Он впервые здесь, — улынулась она. — Мальчик просто оцепенел от красоты вашего оперения, сестра Мудродур.

Шрайка расхохоталась:

— Ах, Тиган, старая чаровница... Он что, с тобой?

Тиган кивнула.

— Можно было мне и раньше сказать, — крикнула шрайка. — Проходите оба!

Острый коготь стукнул по рычагу. Плут взял свои документы и пропуск-жетон и, спотыкаясь, пробрался через клешнеподобный турникет. Магда и Стоб ждали его с другой стороны.

— Почему тебя задержали? — Магду охватила паника.

— Остановился поболтать, — язвительно буркнул Стоб.

— Заткнись, Стоб, — оборвала его Магда, обнимая Плута. — С тобой все в порядке? Ты такой бледный...

— Все нормально, — пытаюсь унять дрожь, пробормотал Плут. — Просто я... Я никогда прежде не видел шраек. Они такие... такие...

— На Дороге через Великую Топь их будет полным-полно... — сказала Тиган, подталкивая их вперед. — Вы еще успеете на них насмотреться.

— Почему *вы*, а не *мы*? — спросила Магда.

— Я тоже думал, что вы идете с нами, — добавил Стоб.

— Мое место здесь, — объяснила Тиган. — Моя задача — протащить путешественников через контроль и вывести их на Дорогу через Великую Топь.

Дальше вы встретите других помощников, они сами найдут вас. — Она сердечно обняла каждого из них, но прощание было недолгим. — Берегите себя, мои дорогие, и да сопутствует вам удача! — С этими словами она повернулась и пошла прочь.

Трое юных Библиотечных Рыцарей внезапно почувствовали себя брошенными на произвол судьбы. Позади них раздавался страшный шум и гам: громы-хали телеги, оглушительно горланила бригада бандогномов, грузивших горы разнокалиберных металлических изделий, от ведер и кузнечных мехов до чугунных решеток, и вся эта орущая братия приближалась к ним, подступая все ближе и ближе. Не говоря ни слова друг другу, но инстинктивно чувствуя, что среди толпы они будут в безопасности, Стоб и Магда примкнули к шествию, и Плут потащился за ними в конце колонны. С тех пор как имя юного помощника библиотекаря прозвучало под сводами Центрального Книгохранилища, Плут Кородер жил как во сне, с трудом понимая, что с ним происходит и в каких событиях он принимает участие. Теперь, глядя на возведенную над Топью величественную дорогу с опорами из железного дерева, на баржи из летучей древесины, проплывающие внизу, на смотровые вышки и сторожевые башни со сверкающими сигнальными огнями, видимыми издалека, он почувствовал, что голова у него кружится, а все тело напряглось от возбуждения.

— Вот это да, — тихо прошептал он. — Обратного пути нет. И это только начало самого большого путешествия в моей жизни.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ВЕЛИКУЮ ТОПЬ

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

А в это время на контрольно-пропускном пункте клешнеобразная загородка, мягко щелкнув, открылась еще раз. И в открытый проход проскользнула угловатая фигура в темном плаще. Когда путешественник откинул назад капюшон, луна осветила его высокие скулы и подстриженные ежиком волосы.

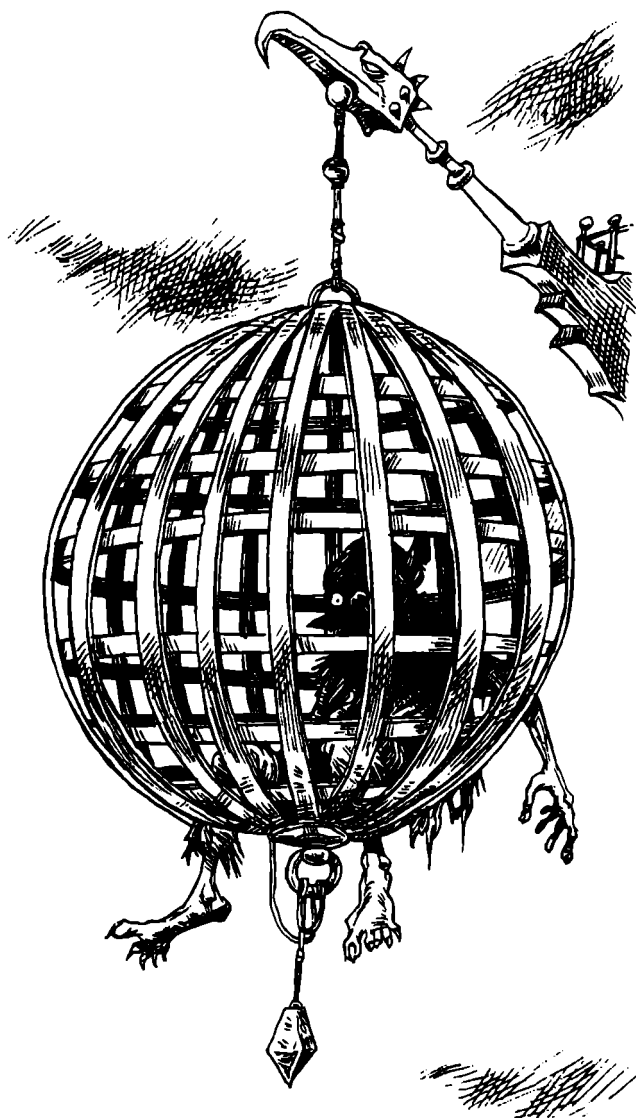

ГЛАВА ПЯТАЯ

**КАПИТАН ГРИФ
ПО ПРОЗВИЩУ
МЕРТВАЯ ХВАТКА**

утешественники все шагали и шагали по бесконечно длинной скользкой дороге. Рядом с ними двигались торговцы, купцы и мелкие разносчики, похожие на них самих, согнув спины под тяжестью ноши и опустив глаза в землю. Они шли молча, а если и произносили редкие слова, то только шепотом. На Дороге через Великую Топь было опасно привлекать к себе внимание.

Плут посмотрел вперед. Перед ним вился уходящий вдаль дощатый помост, похожий на гигантского Реющего Червя. Справа и слева от него в уходящем свете тускло поблескивала болотная жижа.

— Опусть глаза! — зловещим шепотом приказал ему Стоб.

— Запомни, — сказала тихо Магда, положив руку ему на плечо, — нельзя смотреть охраннице-шрайке прямо в глаза. Это карается смертью.

Плута передернуло. В эту же секунду он услышал стук когтистых лап по деревянному настилу и хрустящее щелканье костолома. Приближалась охрана.

Сердце у мальчика упало в пятки.

— Спокойно! — прошипел Стоб. — Не привлекайте к себе внимание. Продолжайте идти вперед. А ты... — он больно толкнул Плута в спину, — не глазами по сторонам!

— Все будет хорошо, — прошептала Магда. — Возьми меня за руку, мальчик.

Плут с благодарностью уцепился за Магду, борясь с желанием задать стрекача.

Цокот когтей все приближался. Медленнодвигающаяся толпа перед ними тонула в длинных тенях, отбрасываемых сигнальными башнями со сверкающими огнями наверху, которые были расставлены вдоль дороги через каждые сто шагов. Плут не смог удержаться и поднял глаза.

Впереди он увидел высоченную крапчатую охранницу-шрайку, облаченную в форму с отполированной до блеска нагрудной пластиной, и огромный шлем с кривым клювом. Она смотрела на публику злобными немигающими желтыми глазами. К груди она прижимала лапу с длинными острыми когтями, в которой был зажат грозный, наводящий ужас костолом. Шурша перьями, шрайка занесла над собой грозное оружие. У Плута затряслись поджилки от страха. Он немедленно опустил глаза в землю и покрепче вцепился в свою спутницу. Ему было слышно тяжелое дыхание Магды.

— Как ты смеешь! — Резкий окрик шрайки пронзил воздух, как стрела. Плут закрыл глаза и втянул голову в плечи, ожидая, что за возгласом охранницы непременно последует удар.

КАПИТАН ГРИФ ПО ПРОЗВИЩУ МЕРТВАЯ ХВАТКА

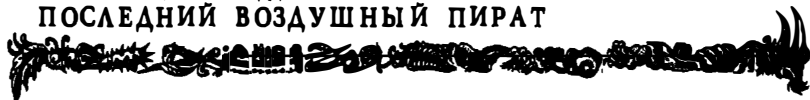
— Смилуйтесь, смилуйтесь надо мной, — жалобно заскулил перепуганный насмерть гоблин. — Я не хотел... Прошу вас... Я...

Костолом взметнулся в воздух: удар по черепу — и в вечерней тишине раздался хруст сломанных костей. Плут приоткрыл глаза. Сначала его ослепил блеск костолома. Потом он увидел тело маленького гоблина, валявшееся у шрайки под ногами. Рядом с ним по доскам растекалась лужа крови.

— Так тебе и надо, гоблиново отродье, — хрипло крикнула охранница, а стоявшие за ней еще две шрайки, веселясь от души, защелкали клювами.

Перебросив костолом через плечо, шрайка с достоинством отбыла; остальные последовали за ней. Магда подхватила Плута и чуть не силой поволокла его за собой. Казалось, он вот-вот потеряет сознание. Плут не раз видел, как совершалось насилие, да и сам он, бывало, попадал в переpleт: то на него злобно орал профессор, то он ввязывался в кровавые драки между младшими библиотекарями и учениками академиков. Но такое! Здесь было все было иначе. Здесь было совершенно хладнокровное, бесстрастное, жестокое убийство.

— Все кончено, — спокойно произнес Стоб, шагающий позади. — Пойдем, пойдем... Давай шевелись, а то мы никогда не доберемся до очередного контрольно-пропускного пункта. Там есть площадка, где можно передохнуть.

Плут взглянул на тело несчастного гоблина, валявшееся на обочине, и вздрогнул, узнав его заплечный мешок. Гоблин, как и он сам, был точильщиком ножей. Чьи-то руки подхватили мертвеца и оттащили в тень. Почти сразу же Плут услышал приглушенный всплеск, как будто что-то тяжелое бросили в болотную жижу. От злополучного гоблина осталось лишь маленькое кроваво-красное пятно на деревянной мостовой — единственное, что напоминало о происшедшей здесь трагедии. Плут вспомнил, что на Дороге через Великую Топь ему уже встречалось немало таких пятен.

Плут повернулся к Магде.

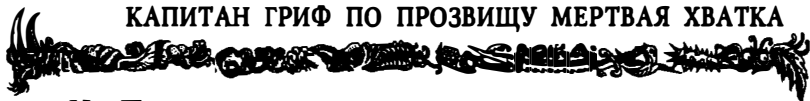
— Какое ужасное место, — одними губами прошептал он.

— Мужайся, Плут, — подбодрила его Магда. — Мы сможем остаться на ночлег на площадке для отдыха. Я уверена: там нас должны встретить.

Плут замедлил шаги:

— А нельзя ли остановиться прямо здесь? Скоро ночь, дорога все больше скользит под ногами, и.. я такой голодный...

— Мы пойдем до блокпоста, — твердо сказал Стоб. — Там мы и поедим, Плут! — отрывисто и энергично произнес он. — Держись!

Но Плут застыл на месте, словно впад в оцепенение. Широко раскрыв глаза, он стоял как вкопанный, и лицо его стало белым как полотно. Он увидел перед собой нечто свисавшее с сигнальной башни.

— Что там такое? — спросила Магда. — Плут, что ты увидел?

Плут жестом показал на башню. Магда обернулась и, невольно вскрикнув от ужаса, прикрыла рот ладошкой.

— О Небо! — застонал Стоб, пораженный жутким зрелищем. — Это... *отвратительно*...

Плута передернуло.

— Зачем они это делают? Как можно *это* оправдать?

Он не отрываясь смотрел на висящую клетку. Она представляла собой полую сферу из переплетающихся обручей и планок, которая болталась, как на рее, на портале сигнальной башни. Внутри этого шара сидел мертвец. Руки и ноги его были неестественно согнуты, свесившаяся набок голова утопала в тени. Огромная стая белых воронов, к которой присоединялись все новые особи, ожесточенно хлопая крыльями, кружила рядом с клеткой, пытаясь примоститься на прутья и просунуть жадные клювы сквозь решетку, чтобы отщипнуть кусочек гниющей плоти.

Внезапно труп накренился. Самый крупный белый ворон, громко каркая, отогнал других птиц и яростно клюнул мертвеца прямо в голову — раз и два...

Плут крепко зажмурился, но было уже поздно: он, сам того не желая, успел увидеть, как зловещая

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

птица выклевала глаза у несчастного мертвеца. Один. Другой... Внезапное резкое движение... Что-то светлой нитью блеснуло в желтом свете фонаря... Плут скрючился, сложился пополам, как будто получил тяжелый удар по животу. Он пошатнулся, чуть не упав на залитую кровью мостовую: его вывернуло наизнанку.

— А теперь пошли, — мягко сказала Магда. — Соберись! — Взяв мальчика под локоть, она протянула ему флягу с водой. — На, сделай несколько глотков. Молодец. А теперь дыши глубже: вдох-выдох, вдох-выдох.

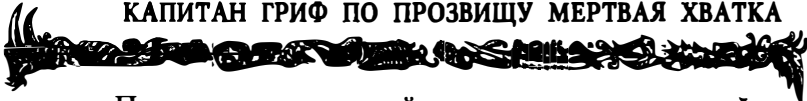
Мало-помалу ноги у Плу-та перестали дрожать, сердце забилося ровнее, и приступ тошноты постепенно прошел.

— Ты был прав, Плут, — дрожащим голосом сказала Магда. — Это действительно ужасное место.

Они присоединились к медленно шагавшей колонне, пересекавшей Великую Топь, и молча двинулись дальше.

Когда до очередной смотровой вышки оставалось не более сотни шагов, на Дороге через Великую Топь поднялся сильный ветер с запада, и

в нос Плуту ударил едкий дым от сигнального фонаря на вершине башни, горевшего на тильдячем жиру. Глаза у мальчика заслезились и сердце застучало как бешеное. Если никто не придет им на помощь, чтобы пройти через следующую заставу, тогда каждому придется самому объясняться со шрайками-охранниками, способными, как они только что убедились, на все.

— Добрый вечер, здравствуйте... Я — точильщик ножей, — задыхаясь от страха, тренировался Плут. — Я — точильщик ножей из Гоблиновой Пустоши... то есть Гоблинова *Гнезда*... Я хотел сказать, Гоблинова *Гнезда*... Вот так. Я — точильщик ножей из Гоблинова *Гнезда*.

Но все обошлось: внушительного вида шрайка, сидевшая за конторкой, молча взяла у них деньги, проштемпелевала бумаги и, даже не поднимая украшенной гребнем головы, махнула лапой, чтобы они проходили. Плут уставился на свои ноги, которые начали у него болеть от многочасовой ходьбы. Как он понял, предъявление документов контролеру было чистой формальностью, — плохо дело было, если бумаги оказывались не в порядке, если во время случайных облав шрайки-охранники находили купца или мелкого торговца, у которого не было какого-нибудь нововведенного штампа или печати. Наказание было суровым и молниеносным.

Плут не хотел об этом думать. Вслед за своими товарищами он поспешил к обшитой досками из летучего дерева широкой платформе, сплошь застав-

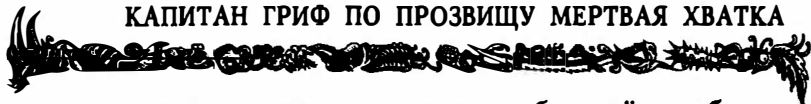

ленной киосками и палатками, в которых вели оживленную торговлю бандогномы, тролли-балаболы, душегубцы, лесные тролли и гоблины-утконосы, на все голоса расхваливавшие свой товар.

Чего только не было на прилавках! Повсюду продавались обереги: талисманы, амулеты и всевозможные камни, приносящие счастье. В одной палатке торговали большими луками, арбалетами и самострелами, кинжалами и дубинками, в другой — кошельками, сумками и корзинками, в третьей — зельями и снадобьями, настойками и целебными мазями. Для тех, кто впервые собирался посетить Нижний Город, предлагались карты и планы, а для путешественников, направляющихся в Дремучие Леса, схемы троп, и хотя маршруты были зачастую неточны, еще никто из покупателей не приходил с жалобой, чтобы вернуть покупку обратно, поскольку дорогу назад найти было невозможно.

И еще там стояло множество ларьков с едой! В них были выставлены на продажу горы продуктов со всех сторон света: мясные хлебцы — кулинарный шедевр гоблинов-утконосов, тильдячьи колбаски — любимое кушанье лесных троллей, зубные железы, приготовленные по старинному рецепту дуркотрогов. Там продавались пирожки и печенье, пудинги и пончики, медовые пряники и нарезанные дольками засахаренные плоды дубовой смакли. Одним словом, там предлагались всевозможнейшие деликатесы, товары на любой вкус, и в теплом, нагретом жаровнями воздухе, смешиваясь в неповторимый букет,

— витали упоительные ароматы разнообразнейших блюд: пряные, острые, кисло-сладкие, фруктовые, сливочные...

Но Плут больше не испытывал голода. Он потерял аппетит. Перед глазами у него все еще стояло жуткое зрелище: мертвец в клетке с вырванными кусками мяса и выклеванными глазами.

— Тебе надо хоть немножко поесть, — уговаривала его Магда. Плут отрицательно покачал головой.

— Пойду принесу тебе что-нибудь, — сказала она. — На потом.

— Как хочешь, — устало ответил Плут. Он ужасно хотел спать, а не есть.

— Тут неподалеку есть местечко, где можно устроиться на ночлег. Там вы найдете и гамаки под навесом, и койки с соломенными тюфяками. Если хотите, я вас провожу.

Плут опустил глаза и увидел низкорослого жилистого эльфа, стоявшего перед ним. У него была бледная, чуть ли не сияющая белизной, кожа и огромные уши, похожие на крылья летучих мышей. «То ли это ночной эльф, то ли серый эльф», — подумал мальчик.

— Я — ночной эльф, — подтвердил его домыслы собеседник. — Серые эльфы обычно побольше ростом, и у них вот

здесь, — он жестом показал на верхнюю губу, — растут колючие усики... — Он наморщил лоб. — В целом ты угадал, Плут. Приношу свои извинения. Меня зовут Партифуль.

Плут бросил сердитый взгляд на эльфа. Он слышал, что все эльфы, какой бы породы они ни были, обладают отвратительным даром — читать чужие мысли. Ему казалось, будто его раздели догола и он уязвим со всех сторон. Как можно после этого доверять существу, вызвавшему у тебя такие неприятные ощущения?

Партифуль вздохнул.

— Это наше проклятие, — сообщил он. — В стране эльфов чтение чужих мыслей необходимо для выживания. Это дар, позволяющий нам видеть во тьме. Это проклятие, которое портит дружеские отношения, превращая многих из нас в шпионов, продающих свои услуги тем, кто больше заплатит.

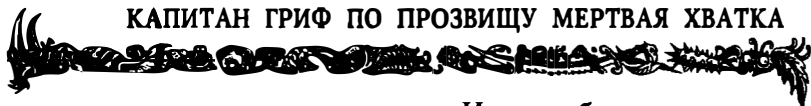
«А ты? — подумал Плут, содрогаясь. — За сколько ты себя продал, чтобы шпионить за нами?»

Партифуль вздохнул во второй раз.

— Я себя не продаю, — ответил он. — И я не шпион. Может быть, вот *это* заставит вас поверить мне.

Он распахнул свою накидку, и Плут увидел, что там, в складках сорочки, скрывается красный зуб дуба-кровососа, висящий на тонкой серебряной цепочке.

— Мне поручено оберегать ваш сон в первую ночь. Вам нужно хорошенько отдохнуть, прежде чем

продолжить путешествие... — И он добавил, отвечая на немой вопрос мальчика: — В Сумеречные Леса.

Плут улыбнулся. Впервые за день он вздохнул свободно. Стоб с Магдой вернулись из магазинчиков, неся продукты в аккуратных маленьких пакетах. Один из них Магда протянула Плуту, и мальчик сунул его в карман.

— Кто это? — холодным приказным тоном спросил Стоб.

— Партифуль, к вашим услугам, — послышался ответ, и эльф снова предъявил зуб дуба-кровососа.

— Он собирается показать нам место, где можно устроиться на ночлег, — объяснил Плут. — И он будет охранять наш сон.

— Да неужели? — недоверчиво скривился Стоб. — И перережет нам глотки, пока мы спим.

— Стоб! — воскликнула Магда сдавленным от злости и смущения голосом. — У него же есть амулет! — Она повернулась к эльфу. — Приветствую вас, Партифуль! — поздоровалась она, пожимая костлявую потную ладонь эльфа. — Прошу извинить нас за грубость нашего товарища.

— Доверяй и проверяй, — пробормотал Стоб.

— Ты прав, — согласился Партифуль. — Конечно же, Стоб, ты можешь провести время в ночном дозоре, вместе со мной. Я буду только рад, если тыставишь мне компанию.

Стоб промолчал, но по улыбке, заигравшей на удивленном лице Партифуля, Плут понял, что какая-то фраза уже готова была сорваться у Стоба с языка.

— Ну, пошли, — позвал всех Партифуль. — Держитесь вместе. Это недалеко.

Проталкиваясь сквозь толпу, сгрудившуюся вокруг палаток, они наконец добрались до края площадки для отдыха. Там Партифуль показал им длинный навес с гамаками, качавшимися на перекладинах. Слева одна над другой сложенные штабелем громоздились походные кровати с соломенными тюфяками.

— Тебе гамак или кровать? — спросила Магда Плута.

— Конечно же, походную кровать, — ответил Плут. Он не отрываясь смотрел на чернильную небесную мглу с крапинками звезд. — Я всю жизнь мечтал спать под открытым небом...

— Не упusti свой шанс, — вмешался Партифуль. — По правде говоря, вам всем давно пора устраиваться на ночлег. Уже скоро полночь, а завтра у вас трудный день.

Трое юных Библиотечных Рыцарей не нуждались в уговорах. Силы у них были на исходе после тяжелого, длинного дня. Стоб, Магда и Плут стали укладываться спать, а Партифуль занял свой пост, встав, как часовой, у края своей походной кровати.

Плут почти провалился в сон, когда внезапно среди храпа и сопения других путешественников услышал чей-то голос.

— Во-ды! — задыхаясь, кричал кто-то. — *Во-ды!*

Плут медленно встал и, виляя в проходах между койками, добрался до края площадки. И там, прямо

перед собой, он увидел две висящие в воздухе клетки. У мальчика кровь застыла в жилах. В первой находился побелевший от времени скелет. Одна костлявая рука была протянута сквозь прутья решетки, как бы прося подаяния, а оскالившийся череп с застывшей навечно ухмылкой упирался в железный обруч. На первый взгляд вторая клетка была пуста.

— Во-ды, — снова прохрипел чей-то голос, но намного тише, чем в первый раз. Плут осторожно подошел к клеткам... Скелеты не разговаривают, значит... Он заглянул в темное нутро второй клетки и замер от изумления. В клетке кто-то был!

— Во-ды, — повторил пленник.

Плут торопливо отстегнул кожаную флягу, прикрепленную к поясу, и подал ее пленнику. Но хотя мальчик старался изо всех сил, он не смог дотянуться до клетки.

— Возьмите, — сказал он. — Это вода.

— Вода? — переспросил пленник.

— Да. Я тут, прямо под вами.

На секунду стало тихо. Затем между прутьев просунулась чья-то огромная лапища и схватила флягу с водой.

— Пейте на здоровье, — произнес Плут, наблюдая, как рука с зажатой в ней бутылкой исчезает в темноте.

Затем до мальчика донесся булькающий звук: пленник пил и пил, делая большие глотки. Пустая

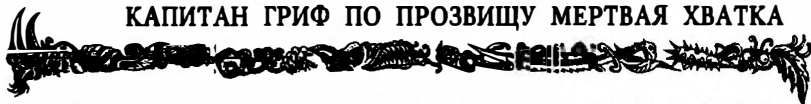
бутылъ вылетела сквозь решетку и упала к ногам Плута. Мальчик нагнулся, чтобы подобрать ее.

— Простите меня, — услышал он голос пленника над собой, все еще слабый, но уже не такой осипший. — Я просто умирал от жажды. — Рука заключенного показалась сквозь прутья еще раз. — И если у вас есть хоть какая-нибудь еда...

Плут пошарил в карманах и нашел там сверток, который вручила ему Магда. Он даже не посмотрел, что там лежит. Мальчик протянул пакет, и пленник тотчас же схватил его. В воздухе раздалось голодное урчание и чавканье.

— Мм-м! Как вкусно! Хотя, пожалуй, чуть-чуть недосолено. — Пленник подмигнул Плуту. — Вы спасли мне жизнь, мой юный друг. — Кивком головы он указал на соседнюю клетку со скелетом: — Я не хочу кончить свои дни, как мой сосед.

Плут ощутил резкие нотки в его голосе. Перед ним был человек, привыкший отдавать приказы. Мальчик внимательнее взгляделся в темную клетку. За решеткой, скрытый глубокой тенью, нарушаемой лишь редкими отблесками фонарей, находился крупный, неповоротливый мужчина. Он был такого огромного роста, что ему приходилось чуть не пополам сгибаться в клетке. Одет он был в сюртук и обтягивающие бриджи, а на голове громоздилась потрепанная треуголка. У него были темные вьющиеся волосы, кустистые брови и густая черная борода, в которую были вплетены (Плут содрогнулся, поняв, что это такое) черепа птицекрысов. Из-под шапки спутанных волос, напо-

минавших разоренное птичье гнездо, горели налитые кровью глаза.

Плута охватило волнение.

— Вы... Вы — воздушный пират? — запинаясь, спросил он.

В ответ прозвучал гортанный раскат хохота.

— Угу, мой мальчик. Был когда-то. И не просто воздушным пиратом, а капитаном небесного корабля. Ни больше ни меньше. — Он помолчал. — Но какое это теперь имеет значение? Никакого, с тех пор как Край заболел Каменной Болезнью.

— Капитан корабля! — с благоговением прошептал Плут, почувствовав, что все его тело охватила сладкая дрожь. Как это, должно быть, здорово плыть на небесном корабле, когда солнце светит тебе прямо в глаза и ветер, ероша волосы, дует в лицо! Поздно ночью, укрывшись в подвесных кабинках-читальнях Подземного Книгохранилища, он часто читал про великих путешественников, исследовавших самые темные уголки Дремучих Ле-

сов, про смертельные опасности, встречавшиеся на их пути, про полеты в небеса, про благородные кровопролитные войны, которые вели воздушные пираты с подлыми купцами Лиги, борясь за свободу торговли в открытом небе.

Плут помнил наизусть названия легендарных небесных кораблей, такие как «Громобой», «Повелитель Бурь», «Покоритель Ветров», «Танцующий-на-Краю» и «Большой Небесный Кит», а также имена знаменитых капитанов: Ледяной Лис, Ветряной Шакал, Облачный Волк, и, конечно, самое известное имя — великий капитан Прутик.

Плут пристально посмотрел на заключенного в клетку капитана. Неужели это прославленный капитан Прутик, чье имя было у всех на устах? Как он мог превратиться в этого неповоротливого, заросшего волосами типа?

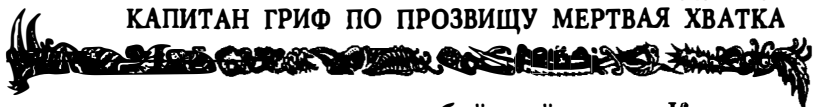
— Значит, вы — капитан...

— Капитан Гриф, — приглушенным голосом ответил воздушный пират. — По кличке Мертвая Хватка. Но никому об этом не говори.

Плут, задумавшись, нахмурил брови. Капитан Гриф Мертвая Хватка. Что-то знакомое было в этом сочетании слов.

Глаза капитана засветились радостью.

— Я вижу, ты вспомнил мое имя, — сказал он, не в силах сдержать гордость. Он перешел на еле слышный шепот. — Эти блохастые, заросшие перьями твари и понятия не имеют, какая добыча попалась к ним в сети. Если бы они знали, кто я, я бы не имел

счастья разговаривать с тобой сейчас. — Капитан Гриф рассмеялся. — Если бы они поняли, что в их вонючей клетке заперт сам капитан Гриф, они бы давным-давно отправили меня в Восточный Посад и я бы со скоростью ветра очутился на Свалке Мертвецов. — Он повертел в руках черепа птичекрысов, вплетенных в его густую бороду. — Вместо этого они оставили меня гнить заживо к клетке, как обычного бандита с большой дороги.

— Я могу чем-нибудь помочь вам? — спросил Плут.

— Спасибо за предложение, мой юный друг, — ответил капитан. — Но если у тебя нет ключа, который носит при себе шрайка-охранница, я буду медленно погибать здесь, как рыба, выброшенная на песок. — Он погладил бороду. — Хотя, впрочем...

— Говорите, капитан, — произнес Плут.

— Ты мог бы остаться и поболтать со мной немного. Я здесь уже трое суток, и ты первый, кто не испугался шраек и подошел ко мне. — Он помолчал немного. — Может быть, твой ласковый голос — последнее, что я услышу в своей жизни.

— Конечно, — ответил Плут. — Вы окажете мне большую честь. — Мальчик скользнул в густую тень рядом с клеткой и присел на корточки. — Расскажите мне, как вы летали на воздушном корабле.

— Как я летал на воздушном корабле? — глубоко вздохнув, переспросил капитан Гриф. — Это самые невероятные приключения на всем белом свете. Ничто не может сравниться с чувствами, которые ты ис-

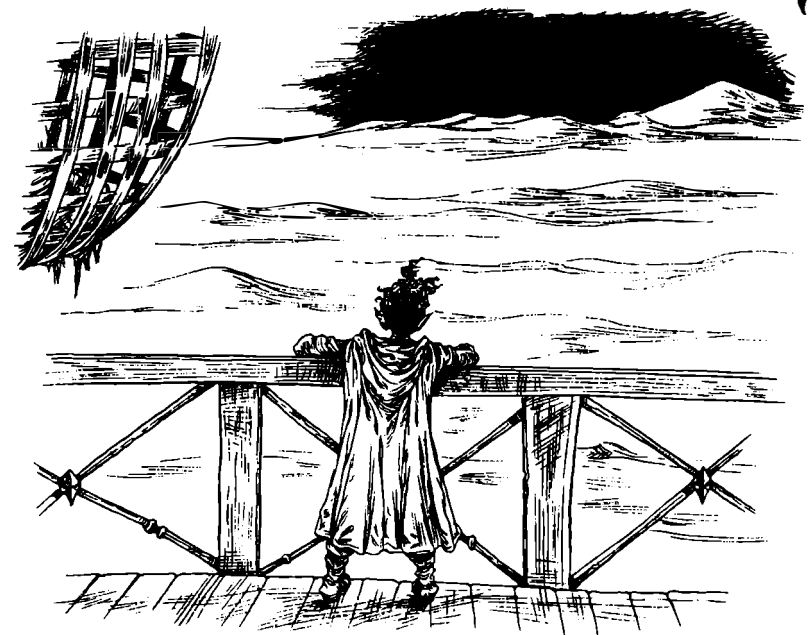

пытываешь, взмывая под облака и паря в поднебесье. Свежий ветер дует в лицо, корабль несется на всех парусах, гнутся мачты, трещит обшивка корпуса, а летучий камень, чувствительный к любым колебаниям температуры, то поднимается, то опускается. Угол полета, скорость и равновесие — в этом главное. — Он остановился. — Так было, пока летучие камни не заболели Каменной Болезнью. Вот и все.

Плут взглянул на упавшего духом капитана воздушного корабля.

— Наступили ужасные времена, — продолжал капитан Гриф. — Конечно, все мы знали, что происходит с новой летучей скалой, на которой стоит Сантафракс: потеря летучести, постепенное разрушение... Но мы никак не связывали распад летучей скалы Сантафракса с состоянием наших бесценных летучих камней. Но скоро все изменилось. Сначала стали приходить дурные вести: тяжелые торговые суда один за другим падали на землю и разбивались. Затем пришел черед буксиров, купеческих кораблей, патрульных лодок. Лиги пришли в упадок, и постепенно небо над Нижним Городом опустело. Настали ужасные времена, мальчик. Ужасные.

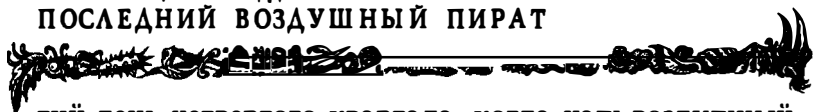
Поначалу мы, воздушные пираты, обрадовались: ситуация играла нам на руку. Ночь за ночью мы совершали налеты на Дорогу через Великую Топь, прекрасно понимая, что никому не под силу преследовать нас. Более того, наши корабли стали единственным транспортным средством для спасающихся бегством жителей Нижнего Города, — он многозна-

чительно потер указательный и большой пальцы, — конечно, за определенную плату. — Капитан тяжело вздохнул. — И тогда произошло *это*.

Плут ждал, затаив дыхание. Капитан Гриф почесал бороду.

— Мы считали себя умными, — продолжал заключенный. — Мы думали, что нам удастся избежать заразы, если наши корабли будут держаться подальше от Нового Санктафракса. Но мы жестоко ошибались. Мы не знали, и никогда не узнаем, откуда берется эта болезнь: переносится ли она по ветру или зарождается внутри самого камня... Шел тре-

тий день четвертого квартала, когда наш воздушный корабль, «Тучегон», самое прекрасное судно из всех известных мне двухпалубников, настоящий красавец, внезапно, как подстреленный птицекрыс, рухнул на землю в Дремучих Лесах и разбился на мелкие кусочки. Наконец и нас поразила Каменная Болезнь.

Что-то нужно было делать, если мы не хотели погибнуть один за другим. Нужно было собраться и обсудить наши планы на будущее. Я разослал гонцов — целую стаю птицекрысов — с известием, что сходка состоится в следующее полнолуние в местечке под названием Глухоманка. Именно там, у подножия нависших над бездной скал, на самом Краю, примостившись у отвесной стены, мы и решили провести собрание всего нашего воздушного флота.

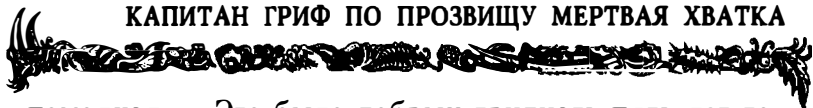
— Армада Мертвецов! — выдохнул Плут.

— Значит, ты слышал о ней?

— Конечно, — ответил мальчик. — Все о ней знают. — Плут не стал упоминать, что конкретно он знает об Армаде. Говорили, будто это было сборище вероотступников, раскольников, беглецов и прочих самых отъявленных негодяев с Великой Топи.

Капитан Гриф в задумчивости покачал головой.

— Ах, какая это была ночь! — пробормотал он. — Мы плыли по небу вместе в тот последний раз, от туманных Краевых Земель до безлюдных просторов Великой Топи. И там все как один спустились вниз. Испуганные появлением великанов, вокруг нас вились белые вороны, хлопая крыльями и надрывно крича. Мы сели на вязкую, топкую трясику... — Он

помолчал. — Это было добрых тридцать пять лет тому назад, но я все вижу как вчера.

Плут окинул взглядом бескрайние просторы Великой Топи.

— Как здесь уныло, — вздохнул он.

— Но мы пробрались через топь, — продолжал капитан Гриф. — Флот воздушных пиратов — это была неплохая команда, чтобы организовать поселение. А то, чего нам недоставало, мы могли пойти и взять. — Он ухмыльнулся, обнажив редкие зубы. — То налеты на Дорогу через Великую Топь, то стычки со шрайками... — Узник поцокал языком. — В те времена редко кто не слышал это имя: капитан Гриф Мертвая Хватка...

— Капитан *Железная Хватка*! Вот что я пытался вспомнить.. — вскричал Плут.

— Это мой отец, — тихо произнес капитан. — Его хладнокровно казнили шрайки, кровожадные, мерзкие, хищные твари... О Небо, как бы мне хотелось свернуть шею каждой гадине!

— Значит, шрайки убили его... — пробормотал Плут.

— Да, парень, на этой гнусной Свалке Мертвецов, — отвечал узник. — И все же он умер благородной смертью — он погиб, чтобы спасти жизнь другого.

— Правда?

Смахнув слезу, капитан Гриф кивнул:

— Ты, наверное, не слышал о нем. Его звали капитан Пруттик, и шрайки хотели убить его.

— Конечно же, я слышал о нем! — воскликнул Плут. — Найденыш, которого воспитали лесные тролли из Дремучих Лесов. А потом он стал самым знаменитым капитаном воздушного корабля! Кто не знает его имя?

— Ну, — промычал капитан Гриф, выпятив грудь, насколько ему позволяла это сделать тесная клетка, — возможно, не *самым знаменитым*... — Он помолчал немного. — Итак, капитан Прутик был приговорен к смерти за какое-то страшное преступление против шраек, и они собирались предать его ужасной казни: бросить на растерзание кровопийцам вжик-вжикам. Но тут вмешался мой отец и пожертвовал собой ради него.

— Он, наверное, был очень храбрым... — сказал Плут.

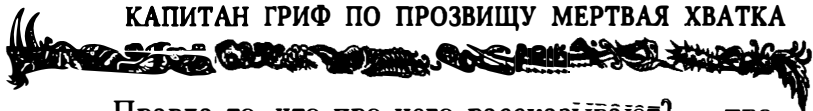
Капитан Гриф шмыгнул носом и снова смахнул слезу со щеки.

— Конечно. И благородным. — Капитал Гриф задумался на секунду. — Если бы хоть что-нибудь осталось от него, я бы смог его похоронить или взять себе что-нибудь на память. Но ты наверняка знаешь, кто такие вжик-вжики. Когда они закончили свою работу, от отца не осталось ни кусочка...

Плут сочувственно кивнул и уважительно помолчал немного, прежде чем задать мучивший его вопрос:

— А куда делся капитан Прутик? Что с ним случилось? Он с вами, в Армаде Мертвецов? Или...

— Или? — переспросил капитан Гриф.

— Правда то, что про него рассказывают? — продолжал Плут. — Что он был единственным, кто отказался бросить свой корабль и улетел на нем назад, в Дремучие Леса? И что он живет там до сих пор в полном одиночестве, бродит туда-сюда все дни напролет, а ночью спит в коконе, из которого вылупилась Птица-Помогарь?

— Он действительно улетел в Дремучие Леса, — сердито буркнул капитан Гриф. — Что до остального, то мне ничего не известно. Конечно, до меня доходили всякие рассказы. Многие его видели. И даже слышали: кое-кто из очевидцев даже утверждал, что он по ночам распевает песни под луной. — Капитан пожал плечами. — Естественно, ко всем этим слухам нужно относиться с большим сомнением... — Внезапно он насторожился. — Шрайки! — тревожно прошептал он. — Тебе лучше исчезнуть.

— Шрайки! — подпрыгнул Плут. Он обернулся и увидел трех безвкусно разукрашенных охранниц, которые медленным шагом двигались в их направлении. Плут, съежившись, укрылся в тени.

Одна из них злое щеелкнула кистомом. Три пары желтых глаз пронзили темноту и, как показалось Плуту, уставились прямо на него.

— Недолго тебе жить осталось, болотное отродье, — ядовито ухмыльнулась шрайка, возглавлявшая группу. — Ну, где же твои дружки? — Откинув голову назад, она забулькала клокочущим злобным смехом.

Затем, повернувшись, как по команде, все трое поцокали назад через площадку.

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

— Уф! — выдохнул Плут. — А я уж подумал...

— Тебе повезло, — сказал Гриф Мертвая Хватка. — Но тебе пора уходить. Спасибо за еду и питье, — поблагодарил он. — И за то, что выслушал меня.

— Не за что, — ответил Плут. — Желаю удачи, — чувствуя себя неловко, прошептал он.

С тяжелым сердцем Плут побрел обратно к своей походной койке. Его последние слова казались ему самому издевкой в такой ситуации. «Желаю удачи»! Ничего себе! О чем он только думал? Магда, повернувшись на другой бок, что-то тихо пробормотала во сне. Рядом с ней шумно храпел Стоб. Плут прижался щекой к мягкому соломенному матрасу и сразу же провалился в сон.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАЛЕТ ВОЗДУШНЫХ ПИРАТОВ

начала Плут спал тяжело и без сновидений. Он согрелся под толстым одеялом, и соломенный тюфяк к тому же оказался удивительно мягким. Позднее задул холодный ветер и сорвал с мальчика одеяло. По небу, закрывая луну, побежали черные тучи. Лунный свет то вспыхивал, озаряя лицо мальчика серебряным светом, то гас, погружая спящего во мрак. Ресницы его трепетали.

Он плыл на воздушном корабле, огромном двухмачтовом судне с массивным гарпуном, укрепленным на носовой части. Плут стоял у штурвала, а ветер трепал его волосы, и солнце било прямо в глаза.

— Набирай высоту, гардемарин, — услышал он чей-то голос. Рядом стоял капитан, молодцеватый воздушный пират с пышными нафабренными усами, в роскошной, украшенной драгоценными камнями одежде, — и Плут внезапно понял, что это *ему* дан приказ.

— Есть, капитан, — ответил он и немеющими пальцами стал перебирать рычаги с костяными ручками. Наконец он поднял противовесы и направил паруса,

проявив сноровку, присущую только тем, кто хорошо изучил это ремесло.

— Тридцать пять градусов право руля! — рявкнул капитан. Корабль взмыл в небеса, и команда радостно заулюлюкала на разные голоса. Плути охватило необыкновенное волнение. Пираты горланили все громче и громче и...

— Просыпайся, — услышал он настойчивый шепот.

Плут встрепнулся. Сон постепенно отступал, видения гасли. «Нет, — подумал он, еще не очнувшись от сонного дурмана, — я не хочу просыпаться». Ему было так хорошо: ощущение полета, неожиданное умение управлять кораблем...

— Просыпайтесь сейчас же! Я вам всем говорю! — снова услышал он.

Плут широко раскрыл глаза. Воздушный корабль исчез, но в ушах у мальчика все еще стояли громкие крики пиратов. Он повернулся к Партифулю, который с силой тряс храпящего Стоба за плечо.

— Что случилось? — заплетающимся языком пробормотал он.

— Налет, — шепотом ответил ночной эльф. — Налет воздушных пиратов.

Плут тотчас же вскочил на ноги.

— Правда? — закричал он, вглядываясь в темноту. И точно: несколько человек с горящими факелами в руках карабкались вниз по канатам, привязанным к земным якорям, и вскоре уже целый рой спасателей сгрудился на площадке рядом с клетками.

— Фантастика! — пробормотал Плут, открыв рот от изумления. — Они пришли спасать капитана Грифа Мертвую Хватку...

— Будет чудо, если твоему другу капитану действительно удастся бежать, — сказал Партифуль. — Но нам всем не поздоровится, если шрайки впадут в неистовство. Как все ненормальные, они с воем и воплями, рубя всех и вся направо и налево, кидаются на любое живое существо... Плут! — окликнул мальчика эльф, увидев, что тот уносится прочь. — Куда же ты?

— Я должен ему помочь, — ответил Плут на бегу.

— ПЛУТ! — закричала Магда, видя, как ее товарищ исчезает во тьме, сливаясь с толпой среди хаоса и неразберихи, царившей на площадке перед вищими клетками.

— Что? Что такое? — очнувшись ото сна, закричал Стоб, дико вращая глазами.

— Ничего особенного, — заявила Магда. — Все хорошо, кроме одного: мы попали в воздушный налет. На землю спускаются пираты, и шрайки просто обезумели. Да, и еще кое-что: Плут решил, что ему надо занять местечко получше, чтобы все хорошо было видно...

Стоб молнией слетел со своей койки.

— Почему меня никто не разбудил? — недовольно проворчал он.

Магда гневно стала вращать глазами.

— Что уж теперь говорить, — успокоил ее Партифуль. — Нужно поскорее убираться отсюда. *Всем вместе.* — Он, шевеля ушками, стал прислушиваться

к тому, что происходило возле клеток. — Я слышу голос Плута, — сообщил он.

— Давайте уйдем без него, — вмешался Стоб. — До сих пор не могу понять, как он оказался в числе избранных. Сплошная наглость, неряшливость и непослушание...

— Стоб, уймись, — оборвала его Магда. — Пойду приведу его.

Не успел Стоб и глазом моргнуть, как Магда уже растворилась во тьме.

Ничего не зная о перепалке, которую он спровоцировал в рядах товарищей, Плут, прячась в тени, перебегал с места на место. Рядом с ним на площадке, обмениваясь громкими возгласами, пираты старались взобраться на клетку, где находился заключенный. Одному из пиратов удалось вскарабкаться на рифленный столб и гарпуном зацепить цепь, на которой висела клетка, чтобы она перестала раскачиваться взад-вперед. Другой, усевшись верхом на клетку, как дозорный смотрел по сторонам. А в это время еще двое небесных пиратов: один — мускулистый гигант с растрепанными волосами и повязкой на левом глазу, другой — костлявый коротышка с очками в стальной оправе на носу, сидевший у него на плечах, пытались дотянуться до клетки. Стекла очков блестели, как половинки маленьких лун. Вокруг них плотной стеной стоял еще десяток пиратов, образуя живую стену. Их штыки сверкали в неверном, перемежающемся лунном свете как рога ежеобразов. Должно быть, атака была хорошо спланирована.

Ошеломленный Плут выслушал поток ругательств, пока очкарик пытался вскрыть замок на дверце клетки длинным тонким клинком. Внезапно раздался щелчок.

— Ну наконец-то! — воскликнул он, но его торжество было преждевременным: воздух разорвал вой клаксонов, и дозорный подал сигнал тревоги:

— *Шрайки!*

Одно-единственное слово возымело немедленное действие: зеваки и случайные прохожие немедленно бросились врассыпную, подальше от необычного зрелища. Одни устремились к навесу, другие метались по площадке, тщетно пытаясь улизнуть, едва только услышали тяжелый топот приближающейся охраны. А те, кто мирно спал на походных койках во время налета, вскочили и, подхватив свои пожитки, разбежались кто куда.

Выскочив на Дорогу через Великую Топь, купцы и мелкие торговцы, решившие, что пора уносить ноги, в панике двинулись дальше, несмотря на глухую ночь. Те, кто шел пешком, пытались укрыться в тени, чтобы сберечь товары, а те, у кого были повозки и телеги, принялись погонять своих ежеобразов и живопыров, настегивая их плетками, и щелканье бичей смешалось с воем сирен и испуганными воплями. Сталкивались и переворачивались колымаги, раздавались сердитые возгласы и жалобные стоны, когда повозки валились набок и товары сыпались с них и раскатывались в разные стороны по деревянной мостовой. Но всю разноголосицу перекрывали хриплые, визгливые крики

шраек, строевым шагом двигавшихся в сторону площадки для отдыха по Дороге через Великую Топь.

— Они в пятидесяти шагах! — закричал дозорный и добавил: — Я слезаю.

У Плута ноги будто вросли в землю. Оцепенев, он широко раскрытыми глазами смотрел, как настежь распахивается дверца клетки, капитан Гриф Мертвая Хватка с трудом протискивается в узкое отверстие и тяжело падает на доски. «Он свободен!» — осознал Плут, и сердце его затрепетало от радости. Старый капитан был спасен!

И тут же раздался пронзительный вопль: кто-то кричал от дикой боли, и этот голос перекрывал шум толпы, топот и визг шраек.

— Очкарик! — прогремел одноглазый.

Пират опустился на колени рядом со своим товарищем, который еще минуту назад сидел у него на плечах. Теперь он был мертв. Стрела, выпущенная из арбалета, разбила стекло его очков и вонзилась в глаз.

— Очкарик, друг мой, — зарыдал пират.

— Пойдем, Чурбан, — послышался голос капитана. Он положил руку на плечо одноглазому. — Теперь ему уже ничем не поможешь. Пора сматывать удочки, пока остальные не испытали на своей шкуре, что такое оружие шраек.

— Я не брошу его здесь, — воинственно ответил Одноглазый, взваливая обмякшее тело товарища на плечо. — Он заслуживает достойного погребения.

— Ну как знаешь, — отвечал Гриф Мертвая Хватка. Подняв голову, он обвел взглядом пиратов, за-

стивших в ожидании его команды. — Чего вы ждете, паршивые болотные крысы? Давайте выбираться отсюда!

Как один, пираты сделали поворот кругом, но было уже поздно. Шрайки-охранницы окружили площадку, и кольцо их сужалось. У пиратов не оставалось выбора: только драться!

— Забудьте, что я сказал, — прорычал капитан Гриф Мертвая Хватка. — *В АТАКУ!*

Воздух огласился ревом и грохотом битвы, когда шрайки пошли стеной на воздушных пиратов. Размахивая кистолотами, они наносили удары и когтитыми лапами, и кривыми клювами, стреляли из арбалетов и били острыми как бритва косами. Пираты отражали удары абордажными саблями и пиками, стреляли из пращей сделанными из обожженной болотной глины пулями, которые свистели и шипели, разрезая воздух, как взбешенные Реющие Черви.

Схватка была короткой и кровавой.

Арбалетный болт просвистел мимо уха Плути. Он пришел в себя, и дикое возбуждение перешло в леденящий кровь страх. Он спрятался за перевернувшейся повозкой, рядом с которой валялись на мостовой резные каменные кувшины.

Перед ним два небесных пирата (один высокий и худой, другой — тучный и малорослый), повернувшись спинами друг к другу, отражали удары шраек. Мечи пиратов блестели, звеня. В темноте вспыхивали когти на лапах у шраек, злобно скрежетали клювы. И вдруг, как по команде, оба пирата, которые уже

начали уставать от затянувшейся схватки, бросились в атаку. С обнаженными клинками они разом двинулись в наступление.

Туши дохлых шраек валялись повсюду, но на подмогу им, услышав зов клаксона, прибывали все новые и новые обезумевшие от ярости птицеподобные чудовища, бесконечной колонной растянувшиеся на Дороге через Великую Топь.

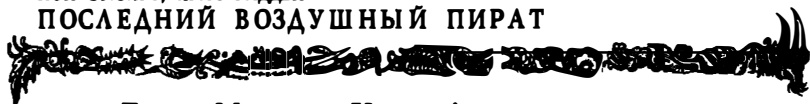
— Бегите к балюстраде! — крикнул во весь голос капитан Гриф Мертвая Хватка, одновременно сражаясь с двумя чудовищами. — Держите оборону! — Капитан довольно хмыкнул, когда одна, а потом другая шрайка безжизненно рухнули на землю. — Уходим вместе! — крикнул капитан. — Ждите моей команды!

И тут Плут увидел всполох огненно-желтого оперения, и за спиной у капитана возникла высокая, дородная шрайка-охранница, облаченная в сверкающую нагрудную пластину и шлем с пышным плюмажем. Над головой у нее была занесена острая коса.

— Капитан! — во весь голос закричал Плут, вскакивая на ноги. И капитан воздушных пиратов, увернувшись, резко отскочил влево. Острие косы ударилось о деревянные доски и прочно застряло в мостовой. Шрайка издала оглушительный вопль, в горле у нее заклокотало, и она с размаху харкнула капитану прямо в лицо. Капитан, чертыхнувшись от омерзения, отступил назад, к повозке.

Плут ахнул. Это была не рядовая охранница, — судя по статной фигуре и пышному плюмажу, она принадлежала к высшей касте Шайки шраек.

— Гриф Мертвая Хватка! — прохрипела она и двинулась на капитана, выпуская когти и злобно шипя. — Великий капитан Гриф! Сейчас мы посмотрим, каков ты в деле!

Капитан Гриф Мертвая Хватка был ошеломлен: он чуть не ослеп от сверкания ее панциря. Шрайка с презрением вышибла у него меч и затем, балансируя на одной лапе, с размаху царапнула его острыми когтями.

— Я вырву твое сердце, — завопила она. — И сожру его!

Сквозь порванную ткань рукава потекла струйка крови, заливая ладонь, которой капитан только что сжимал рукоять меча. Капитан упал на колени перед опрокинутой повозкой.

Еще секунда — и ему конец!

Оружия у капитана не было, а шрайка с горящими немигающими глазами снова двинулась на него, растопырив острые как бритва когти.

— Какой же ты дурак! — взвизгнуло чудовище. — Неужели ты поверил, что мы не знаем, кто ты такой? Ты, великий капитан, попался на крючок! Ты был всего лишь приманкой для них! — И кивком головы она указала на пиратов, продолжавших биться насмерть у балюстрады. — Когда тебя не станет, они сдадутся, и я избавлю весь Край от вашего пиратского отродья отныне и навсегда!

Капитан Гриф ничего не ответил. Он был беззащитен и беспомощен. Шрайка явно получала удовольствие, играя с ним в кошки-мышки.

— Я больше не буду рядовой шрайкой, — продолжала квохтать она. — Я вернусь в Восточный Посад как победительница и потребую награды! — Она вздохнула поглубже. — Я буду называться Мамаша Царап! По-моему, звучит неплохо. Есть только одно препятствие для достижения подобной цели, — добавила она и уставилась прямо в глаза капитану. — И это препятствие — *ты*!

— Нет! — закричал Плут, вскочив на ноги. Трясущимися руками мальчик занес над головой тяжелый каменный кувшин.

Разглядывая повозку, шрайка замешкалась буквально на долю секунды, но этого было достаточно. Пыхтя от напряжения, Плут с силой ударил шрайку кувшином по голове. Шлем проломился, пышный плюмаж по перышкам разлетелся по сторонам, и шрайка, закачавшись, сделала шаг назад.

Капитан Гриф Мертвая Хватка сделал бросок за мечом. Затем он распрямился, замахнулся и одним ловким движением отсек чудовищу голову. Шлем с остатками плюмажа покатился по земле в одну сторону, а голова, с раскрытым клювом и выпучен-

ными глазами, некогда увенчанная пышным головным убором, — в другую.

Капитан обернулся, раскрыв рот от удивления.

— Опять ты? — спросил он.

Тут послышался еще один голос. Это была Магда.

— Плут! Быстро иди сюда! — сказала она сквозь зубы. — Нам пора уходить.

— Ты спасаешь меня во второй раз, — промолвил капитан Гриф. — Скажи мне, как тебя зовут?

— Вы хотите знать мое имя? — спросил Плут. — Меня зовут Плут Кородер.

— Да, я очень хочу знать твое имя, парень. Плут Кородер. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал сегодня ночью. — Он кивнул в сторону Магды. — Твоя спутница права. Вам действительно пора уходить.

— Капитан! — заревел кто-то позади них, и загорелый пират схватил Грифа Мертвую Хватку за рукав. — Балюстрада свободна. Пошли, пока не прибыло подкрепление шраек!

Воздушный пират потащил капитана в одну сторону, а Магда поволокла Плута в другую. Глаза мальчика и капитана встретились в последний раз.

— Прощай, Плут, — крикнул капитан.

— До свидания, капитан, — отозвался Плут.

Они с Магдой поспешили обратно к площадке для отдыха, и увидели Стоба с Партифулем, сидевших на козлах повозки, запряженной рогатым ежеобразом-ломовиком.

— Где вы это взяли? — спросила Магда.

— Кто-то ее бросил, — объяснил Стоб. — Она валялась на боку.

— Прыгайте в повозку, и поскорей, — торопил их Партифуль.

Марта и Плут живо погрузились в колымагу и устроились в кузове. Стоб щелкнул плеткой, и ежеобраз припустил рысью по дороге, оставив далеко позади и воздушных пиратов, и шраек-охранниц. Бредущие по мостовой путешественники, вздрагивая, отскакивали в сторону, а шрайки, спешившие к площадке, где до сих пор бушевал бой, не обращали на них внимания.

Старый рыдван грохотал, катясь все дальше и дальше, и вскоре крики затихли вдали, и воя сирен не стало слышно. Путешественники продолжали путь в темноте, преодолевая милю за милей. Им

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

пришлось сбавить скорость, когда они оказались в самом хвосте длинного каравана груженных доверху фургонов. Ночь пошла на убыль, и горизонт озарился первыми лучами зари: близился восход солнца.

Голова у мальчика шла кругом. За один день с ним произошло столько событий, которых при обычных обстоятельствах любому хватило бы на целый год! Но он справился! Плут обернулся к Магде и, улыбаясь, спросил:

— Как ты думаешь, худшее уже позади?

Стоб бросил на него косой взгляд.

— Твои дурацкие вопросы говорят о том, как много ты знаешь, — рявкнул на него Стоб. Развернувшись, он кивком головы указал вперед: — Погляди.

Плут встал во весь рост, чтобы получше рассмотреть перспективу. Хотя большая часть неба все еще была окутана крошечной мглой, прямо перед ними мерцали золотые лучи, как будто приглушенный свет разливался от огромной лампы на тильдяхе жиру.

— Что это? — спросил Плут.

— Ты что, не знаешь? — скривился Стоб.

— Мы приближаемся к Сумеречным Лесам, — тихо, с тревожной серьезностью в голосе сказал Партифуль. — А это, мои юные друзья, самое коварное и гибельное место Края.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СУМЕРЕЧНЫЕ ЛЕСА

эльф мягко натянул поводья, и большой неуклюжий ежеобраз, захрапев, остановился. Тряхнув косматой головой с огромными гнутыми рогами, он терпеливо ждал. Партифуль вылез из повозки.

Плут встрепенулся, внезапно очнувшись, и огляделся окрест. Вся местность купалась в сверхъестественном, колдовском, золотистом свете. Мимо них цепочкой прошла группа гоблинов-утконосов, кативших перед собой громыхающие тележки: лица их были угрюмы, головы опущены.

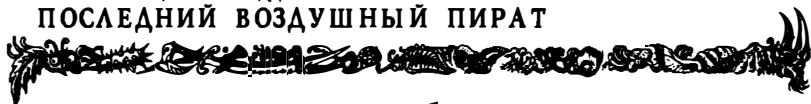
— Почему мы остановились? — спросил Плут.

— А я почем знаю! — буркнул Стоб.

— Здесь я должен вас покинуть, — сказал Партифуль.

Магда тяжело вздохнула. Эльф повернулся к ней и, взяв девушку за руку, посмотрел ей прямо в глаза, чтобы прочесть ее мысли.

— Вы обязательно дойдете до Озерного Острова, — произнес он. — Я в этом уверен. Я пробыл с вами недолгое время, но меня поразила ваша целе-

устремленность, ваша храбрость, — он повернулся к Плуту, — и ваше сострадание.

— То же самое мы можем сказать и о вас, — тихо проговорила Магда.

Партифуль кивнул и опустил голову.

— Я и так подошел к Сумеречным Лесам гораздо ближе, чем хотел. — Он оглядел ряд деревьев, омытых волнами чарующего света: здесь кончалась Великая Топь и начиналась коварная чаща. — Даже на таком расстоянии это сумеречное сияние вызывает у меня странные видения, и я начинаю слышать голоса... — Он покачал головой. — Для эльфов эти места очень опасны.

— Тогда идите, — сказала Магда. — И спасибо за все.

— Спасибо вам, Партифуль, — поддержал Магду Плут.

Оба они повернулись к Стобу.

— Спасибо, — нехотя буркнул тот.

Партифуль по очереди поклонился каждому из них:

— Вас предстоят опасные приключения. Но вы не останетесь одни. В Восточном Посаде вас будет ждать проводник. Он самый сильный и самый храбрый из нас. Я передаю вас в хорошие руки, поверьте мне. — Эльф отвернулся, стараясь скрыть слезы, набежавшие на глаза. Ушки его затрепетали. — Да помогут вам Небеса! — тихо пробормотал он. — Прощайте!

Подойдя к блокпосту, Плут увидел, что дорога впереди уходит в Сумеречные Леса. Плут заметил, что вид дороги изменился. Она мерцала и подрагивала, как будто покрытая слоем воды, а дальше растворялась в сгущающейся мгле. Сразу за контрольно-пропускным

пунктом она стала гораздо уже, и теперь боковые отражения чуть не смыкались друг с другом. Они имели бочкообразную форму, словно гнутые планки клетки. Над дорогой, по обе стороны ее, тянулись два ряда длинных проводов: пропущенные через огромные висячие петли, кабели змеились, уходя вдаль.

Из постовой будки вышли гоблины-утконосы: у каждого в руках было по куску каната. Гоблины должны были пропустить канат через петлю и затем оба конца закрепить на своих поясах.

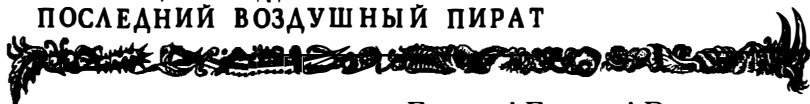
— Завязывайте крепче! — заорала шрайка-охранница. — И пошевеливайтесь, а то дело добром не кончится!

Шрайки были единственными из всех обитателей Края, кто оставался невосприимчивым к чарам коварного леса. Их двойные веки подтверждали, что манящие видения не оказывают на них никакого воздействия. Благодаря природному иммунитету им удалось построить Дорогу через Великую Топь, и теперь любой, кто осмеливался проникнуть в Сумеречные Леса, зависел от милости жестоких и непредсказуемых птицеобразных чудовищ.

— Следующий! — рявкнула из будки похожая на гигантскую курицу дежурная.

Плут, Магда и Стоб вылезли из колымаги и вошли внутрь. Там, в тускло освещенном помещении, за напоминавшей кабинку-читальню конторкой, богато украшенной резьбой, восседала рябая громоподобная птица.

— Куд-куда прете? — закудахтала она. — Вас ско-ко-колько? Трое? Гоните девять золотых за канат

и еще три за ваш рыдван. Быстро! Быстро! Вас много, а я одна! Не могу же я целый день...

Магда протянула ей деньги, и шрайка вытащила три отрезка каната из мешка, висевшего на боковой стенке конторки, а затем всучила Плуту обрывок коры с какими-то каракулями, накарябанными выцветшими чернилами.

— Это на вашу таратайку, — прохрипела она, когда Плут трясущимися пальцами взял писульку из ее когтей.

Снаружи их встретила шрайка-охранница, которая вырвала обрывок коры из рук мальчика. Она изучила каракули немигающими желтыми глазами и, сунув эту филькину грамоту обратно мальчику в руки, щелкнула кистомом. Тут же откуда-то возникла вторая шрайка, которая ловко вспрыгнула на козлы их повозки. Рванув поводья, она пустила ежеобраза галопом. Бричка загромыхала по деревянной мостовой и, подняв тучи пыли, исчезла в мерцании Сумеречных Лесов.

— Центральный рынок, стоянка для транспорта, — гаркнула охранница. — Ваш драндулет будет стоять там. — Она накренила голову набок. — Ну, чего вы ждете?

Магда первой пошла вперед. Она подбросила в воздух канат и перекинула его через крюк, укрепленный на кабеле. Стоб и Плут последовали ее примеру. Плут побагровел от натуги, пытаясь неловкими пальцами приладить канат и как можно крепче обвязать его вокруг пояса.

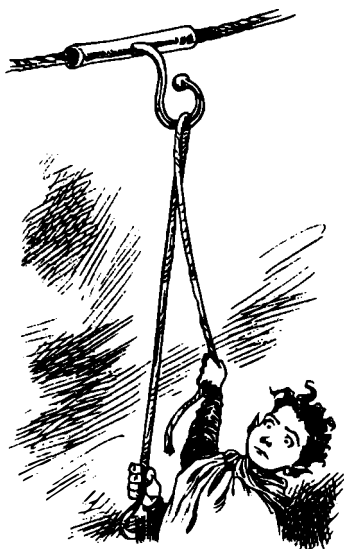
— Прикрепи получше, — скомандовала шрай-ка, — и давай двигай!

Сделав глубокий вдох, Плут нырнул в сумеречную зыбь вслед за остальными. Он чувствовал, как туго натянутый, упругий канат сам тащит его. Напрягая мускулы, он в изнеможении шагнул вперед. Крюк елозил по кабелю, дребезжа, и тянул его назад, как якорь из свинцового дерева. Каждое движение давалось с трудом. Каждый шаг, каждый вздох.

Плут старался не отставать, бредя вслед за товарищами. Впереди гоблины-утконосы тщетно пытались совладать с ручными тележками: их канаты раскачивались при каждом рывке. Позади Плут заметил маленькую компанию дуркотрогов, околачивающихся у блокпоста.

— Двигайте, двигайте дальше, — гаркнула им охранница. — Если хоть один замешкается, я всех задержу! Любая проволо́чка — и я перережу канаты! Понятно?

Плут решительно устремился вперед. Вскоре ему нечем стало дышать, ноги ломило, и он, раскрывая рот, как рыба на песке, мелко глотал плотный, влажный воздух. Голова мальчика шла кругом, все плыло и мелькало перед глазами. Ужас поселился у него в груди.

«Я больше не могу», — повторял он про себя.

В спину ему, охая, тяжело дышали дуркотроги. Впереди маячил Стоб, то совсем близко, то невероятно далеко. Плут был на грани обморока от усталости и страха, что его насмерть затопчут дуркотроги. Но внезапно и тревога, и утомление прошли. Он почувствовал, как силы возвращаются к нему. Канат больше не казался цепью с тяжелым якорем — теперь он стал вроде ниточки с воздушным шариком. Необыкновенная легкость разливалась по жилам.

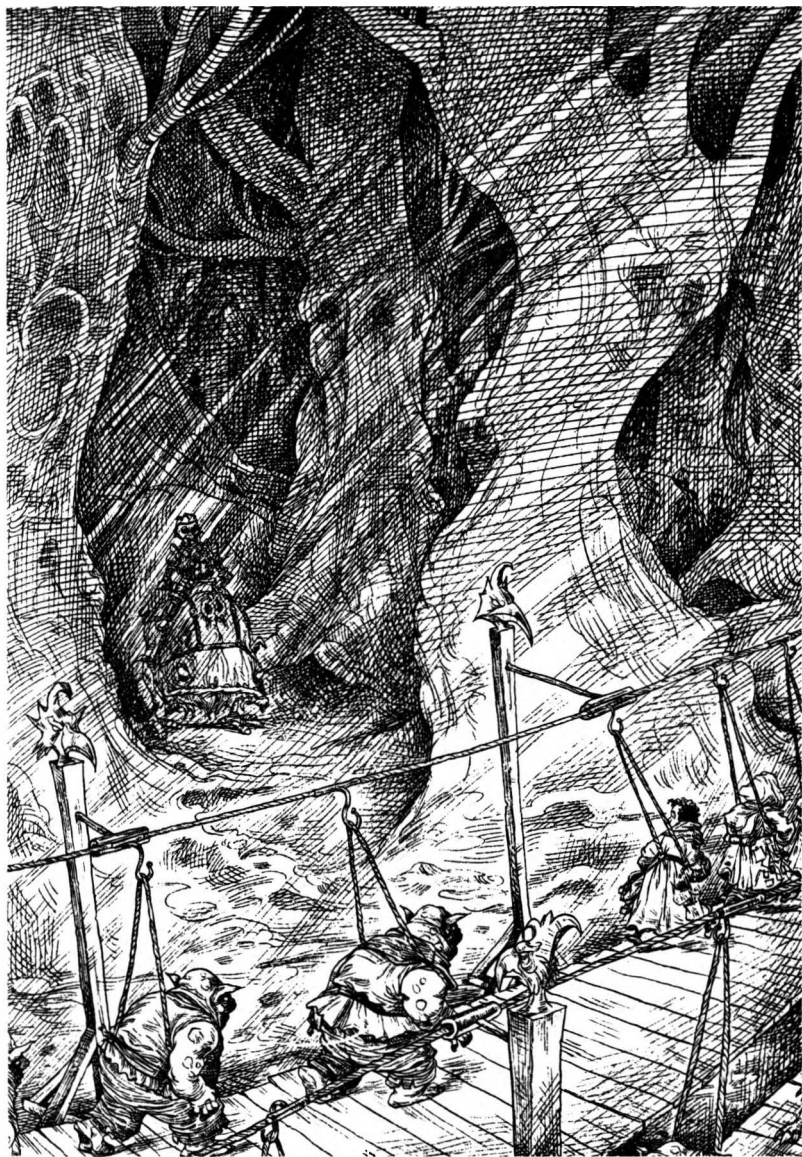
Плут подумал, что это похоже на погружение в озеро с теплой, золотистой водой, и ощутил странную невесомость. Вода плескалась, ласково касаясь ушей, глаз и губ, унося хриплые стоны дуркотрогов, превращая горьковатый, с запахом миндаля, воздух в шелестящую влагу. А когда слова вернулись к нему, вода наполнила его рот забытыми вкусами раннего детства, еще до того дня, когда работорговцы схватили и увели прочь его родителей, — хрустящие дубовые хлопья, дымящийся мед древесных пчел, узвар из колокольных ягод...

Слышал он и голоса, доносящиеся из призрачного полумрака.

— Иди сюда, — манили они, и их сладкий звон сливался с игрой теней. — Плут! Плут!

Плут вздрогнул. Один голос показался ему до боли знакомым. В горле у него встал комок — горечь утраты смешалась с острым желанием встречи.

— Мама? — спросил он дрожащим голосом. — Это ты?

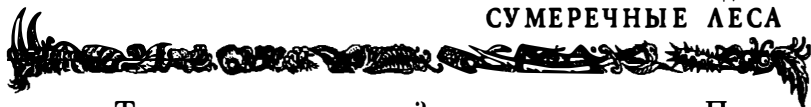
Лесная чаща поглотила его слова. Перед собой, в тумане, он различил фигуру Стоба, машущего руками и заливающегося истерическим хохотом, и Магду, захлебывающуюся от рыданий.

«Не останавливаясь, — твердил он себе, — только не останавливайся!»

Плут пытался вернуть себе ясность ума, чтобы не обращать внимания на голоса и смотреть только вперед, но Сумеречные Леса, казалось, оказывают на него гипнотическое воздействие, от которого невозможно избавиться.

Он все смотрел и смотрел на необъятные просторы золотого леса. Столетние деревья, кроны которых сверкали от серебристого инея, постанывали и кряхтели при дуновении легкого, теплого ветра. Даже воздух кривился и дрожал. Кто-то или что-то мелькало за стволами, прячась в чернильной мгле.

Внезапно из мрака вырисовался странный призрак. Плут, обливаясь холодным потом от страха, неотрывно глядел, как тот приближался к дороге. Призрак, облаченный в потускневшие от времени старинные академические доспехи, восседал на живописе. Казалось, будто перед мальчиком ожила иллюстрация из древнего библиотечного манускрипта. Изъеденный ржавчиной рыцарский костюм был сплошь увешан какими-то измерительными приборами, трубками, болтами и стрелами. Даже в полутьме Плут ясно различал все эти предметы. Мальчик дотянулся до Стоба и похлопал его по плечу.

— Ты видишь, кто это? — окликнул его Плут. Стоб, ничего не отвечая, продолжал идти вперед. — Стоб, это же Рыцарь-Академик! Вон там, в лесу! Он приближается к нам!

— Заткнись и шагай дальше! — огрызнулся Стоб. — А то шрайка обрежет твой канат. Ты слышал, что она сказала?

— Он прав, Плут, — бросила через плечо Магда. Голос ее охрип от крика. — Мы скоро придем, только не останавливайся и не теряй головы!

Плут оглянулся: рыцарь уже исчез. Он слышал приглушенные стоны, тревожный шепот, и, куда бы ни бросил взгляд, везде ему мерещилось какое-то копошение, но, как только он пристальнее всматривался во тьму, все замирало, как будто там никого и не было.

Есть ли что-нибудь реальное в Сумеречных Лесах? Плут задумался. Или, может быть, они населены только фантомами и призраками — духами тех, кто пал жертвой колдовских чар тускло мерцающей чащи?

И тут рядом раздался грохот: тележка одного из гоблинов-утконосов перевернулась и оловянная посуда — кастрюльки, ковшики, горшочки — со звоном и лязгом раскатилась по узкой дороге. Группа гоблинов немедленно остановилась, и все разом, пытаясь удержаться на канатах, бросились поднимать опрокинувшуюся тележку и собирать валяющиеся на мостовой товары. В конце концов канаты их ненадежно перепутались, и гоблины, превратившись в живой клубок, принялись орать друг на друга.

— Поворачивай сюда, Воловья Шкура! — задыхаясь, отдавал приказы старший. — А ты, Кнопка, помоги ему выпутаться... Да нет, не так!

Магда, Стоб и Плут вынуждены были остановиться в нескольких шагах от них. Сзади на ребят на двигались дуркотроги.

— Давайте шагайте, не устраивайте пробку! — завопили они.

— Мы не можем! — отозвался Плут. — Иначе мы сами запутаемся! — И жестом он указал на сбившихся в комок гоблинов.

Еще одна тележка, перевернувшись, рухнула на землю.

— Ну сделайте хоть что-нибудь! — крикнул Стоб, пытаясь перекрыть грохот металла.

— Дельное предложение, — усмехнулась Магда. — Есть идеи?

Сумеречные Леса, казалось, внимательно прислушивались к происходящему. В тени что-то зашевелилось, и из чащи вновь появился Рыцарь-Академик.

— Посмотрите, — взволнованно прошептал Плут своим товарищам. — Он вернулся!

Магда и Стоб посмотрели в ту сторону, куда указал Плут.

— И не один! — выдохнул Стоб.

И точно: из призрачного мрака вырисовалось еще несколько фигур, как будто их привлек переполох, вызванный гоблинами. Все они были в лохмотьях: трюги-мертвецы, скелеты в истлевшей одежде купцов Лиги, безрукие и безногие гоблины с искаженными от боли лицами и зияющими кровоточащими ранами. Все они окружили путешественников и стояли молча, вперившись в них пустыми глазницами.

Гоблины-утконосы замерли от ужаса, увидев толпу призраков, привлеченных сумятицей. Обе группы разглядывали друг друга в кромешной тишине: живые и мертвые.

Несмотря на удушающую жару, Плут почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу, а по спине побежали мурашки.

— Какое ужасное место! — прошептал он.

Внезапно до мальчика донеслись неистовые вопли и брань, и из мрака, поднимая тучи пыли, появился отряд шраек-охранниц. Тотчас же призрачные фигуры растворились в лесу, будто их никогда и не было.

— Что тут происходит? — гавкнула главная шрайка, дородная атаманша с ярко-желтым опере-

нием и малиново-красным гребешком. — Почему стоите?

Все заговорили разом.

— Молчать! — приказала шрайка, и перья у нее на шее встали дыбом. — Похоже, все тут спятили в сумраке! — Она повернулась к своему отряду. — Сейчас же очисти дорогу от этих голокожих тварей, Царапа, и восстанови движение! — отдала команду своей помощнице атаманша.

— Слышали, что велела Госпожа Хлыстопух! — гаркнула Царапа, щелкнув кистомом. — Обрезайте канаты! Быстро!

Гоблины-утконосы заголосили, и Плут внутренне сжался, увидев, как шрайки разрезают спутавшиеся канаты остро наточенными косами. Обрывки канатов попадали на дорогу, и шрайки столкнули рыдающих гоблинов в лес.

— Остальные — вперед! — приказала Госпожа Хлыстопух. — Я уверена, что в прекрасном Восточном Посаде вас ждут важные дела! — Она неприятно хохотнула. — Если только вам удастся туда добраться!

Магда, Стоб и Плут быстро зашагали по дороге.

— Мне все равно, каков из себя этот Восточный Посад, думаю, что хуже этого места ничего уже не будет, — сказала Магда. — Разве не так?

— Просто иди вперед и ни о чем не думай, — посоветовал ей Стоб.

Плут оглянулся через плечо. В зловещей игре теней он увидел пожилого гоблина, сидевшего на пне и отчаянно размахивавшего кулаками в знак протеста.

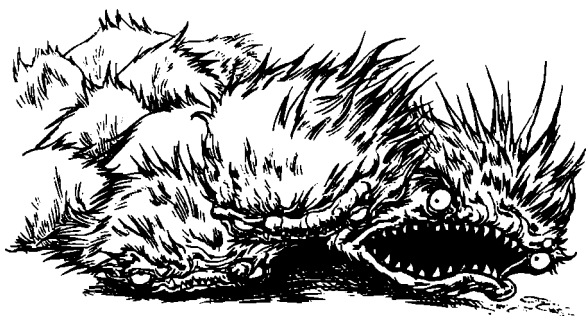
ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВОСТОЧНЫЙ ПОСАД

Вокруг кружащемся водовороте сумеречного света неясно вырисовались очертания летучего дерева таких колоссальных размеров, что ворота были прорублены прямо в нижней части его ствола. Оно было похоже на широко расставившего ноги великана, стоявшего поперек дороги. Здесь кончались Сумеречные Леса и начинался Восточный Посад. Над арочным проемом обрывалась линия проводов, к которым крепились канаты.

По обе стороны ворот на карауле стояли шрайки.

— Развязать канаты! — грубо скомандовала одна из них, когда Магда, Стоб и Плут приблизились к воротам.

Они не раздумывая подчинились приказу: на подходе была группа дуркотрогов, следовавших за ними по пятам.

— Выход к Центральному Рынку по нижнему уровню! — рявкнула другая охранница. — Верхний — только для шраек. — Ее желтые глаза злобно вспыхнули. — Смотрите, я вас предупредила!

В голове у Плута начало проясняться, когда странная, давящая на сознание атмосфера Сумереч-

ных Лесов ослабила хватку. Мальчик пытался рассмотреть, что таится во мраке за проходом через летучее дерево.

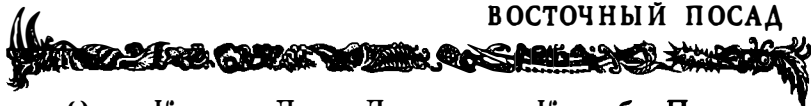
Прежде всего он ощутил массу всевозможных запахов. В смешении ароматов жареного соснового кофе и скворчащих на огне тильдячьих колбасок, запаха кожаных изделий, фимиама курильниц и удушающего дыма масляных ламп он учуял еще что-то. Пахло чем-то отвратительным, наподобие прогорклого, протухшего жира. Тошнотворная вонь то усиливалась при новом порыве ветра, то стихала, но избавиться от нее было невозможно.

Плута передернуло.

— Все будет хорошо, — прошептала Магда, беря мальчика под руку. — Только нам надо держаться вместе. Нам нужно попасть на Центральный Рынок.

Плут кивнул. Его раздражали не только запахи. После того как он чуть не лишился рассудка в сумятице Сумеречных Лесов, все его чувства были обострены. В воздухе витала жирная копоть, он даже ощущал ее привкус во рту. Мальчик слышал каждый вскрик, каждый писк, рев приказов и щелканье плетки, каждый душераздирающий, отчаянный вопль... И конечно же, он смотрел во все глаза.

— Я никогда ничего подобного не видел, — пробормотал Плут, когда они свернули на одну из многочисленных дорожек, вившихся между деревьями, которая вела их дальше и дальше в городскую толчею.

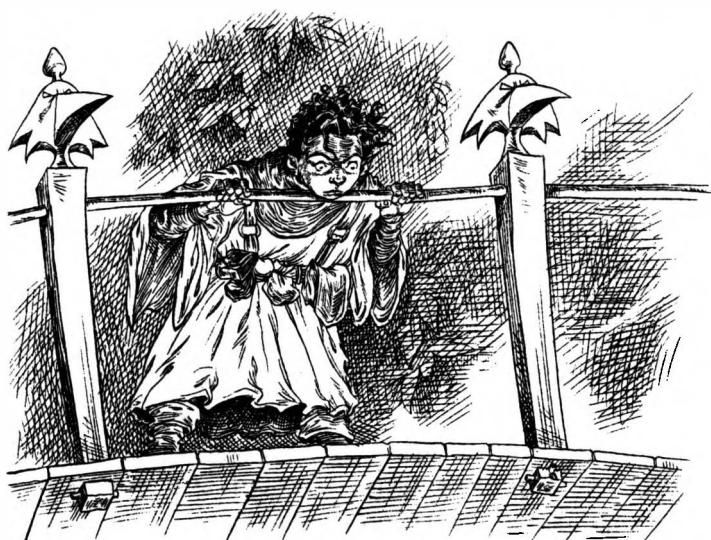

Огни. Краски. Лица. Движение... Куда бы Плут ни бросил взгляд, на него лавиной обрушивались странные, волнующие кровь зрелища. Город напоминал огромное лоскутное одеяло, и Плут получал все новые и новые впечатления.

Толстолап в клетке. Грифон на цепи. Стреноженный гнилосос. Афиши о заключении пари и столики для азартных игр. Бродячие торговцы, предлагающие амулеты и обереги. Пара шраек, щелкающих костоломами. Еще две охранницы — одна с массивной, утыканной шипами палицей наперевес. Оживленно спорящие о чем-то дуркотрог и гоблин-утконос. Потерявшийся крошка — лесной тролльчонок, со слезами зовущий мать. Продавцы кожи и бумаги, мелочные торговцы со свечами, бондари с бочонками. Съестные лавки и киоски с напитками, где предлагают такие деликатесы, о которых Плут и слыхом не слыхивал. Что такое «жабий шейк»? Или «хотброд»? А каков, интересно, на вкус «Хрумхрымсов чай»?

— Нам сюда, — сказал Стоб, указывая на вывеску над головой.

По шаткой зигзагообразной лестнице они спустились на три пролета вниз и попали на оживленную подвесную дорогу, петляющую между деревьев. Грузженные товарами купцы и разносчики, гоблины, трог и тролли текли непрерывным потоком туда и обратно. Дорога то резко уходила вниз, то поднималась, раскачиваясь и угрожающе треща под ногами. Плут испуганно ухватился за перила.

— Не смотри вниз, — прошептала ему Магда, понимая волнение Плута.

Но Плут не смог удержаться! Он остановился, чтобы заглянуть в разверзающуюся бездну. Вглядываясь в чернильную мглу, под собой он увидел три уровня, а на самом дне лежал лес. Он гудел и шевелился, как будто почва была живой. Вздвогнув, Плут осознал, что земля была покрыта копошащейся массой крохотных оранжевых существ.

— Вжик-вжики, — запинаясь, пробормотал он.

Хотя до сих пор Плут не встречал ни одного из них, он читал об этих маленьких чудовищах в диссертации Варис Лодд. Эти твари охотились стаями и могли за одну секунду сожрать даже огромного

толстолапа, да так, что от бедняги не останется и следа: ни клока шерсти, ни зуба, ни косточки. Плут содрогнулся, подумав, что весь огромный город — Восточный Посад, — должно быть, щедро снабжает кровожадных санитаров объедками, если столько прожорливых тварей скопилось внизу. У Плути закружилась голова оттого, что он слишком низко перегнулся через край, и он еще крепче вцепился в перила.

— Пошли, точильщик ножей, — гадко ухмыльнулся Стоб. — У нас нет времени глазеть по сторонам.

Грубо толкнув мальчика в спину, он зашагал дальше по дороге. Магда, подхватив дрожащего Плути, поспешила вслед за ним.

Чем ближе они подходили к Центральному Рынку, тем шире становилась дорога, хотя толкотня на ней была такая же, что и прежде. Все вопили, пихались, мяли друг друга, продираясь в разных направлениях, и вскоре трое Библиотечных Рыцарей пришлось протискиваться вперед, работая локтями.

— Держитесь вместе, — крикнул Стоб, добравшись до узкого входа на рынок.

— Сказать легко, а сделать трудно, — проворчала Магда, когда напиральная толпа чуть не раскидала их в разные стороны. — Возьми меня за руку, Стоб, и ты, Плут, тоже.

Стоб прокладывал путь, а Магда и Плут пробивались сквозь толпу вслед за ним. Ворота были уже недалеко. Теперь им приходилось передвигаться мелкими шажками — оголтелая публика теснила их со всех сторон. Они прорвались сквозь арку и оказались на другой стороне.

Плут вздохнул с облегчением, когда поток слегка поредел и давка прекратилась. Он глянул на товарищей и улыбнулся. Они добрались до Центрального Рынка!

Центральный Рынок, построенный на широченной платформе, которая крепилась на стволах со спиленными кронами, был открыт всем ветрам. До небесного купола, казалось, можно было дотронуться — лишь руку протяни, а звезды над головой ярко сверкали в отблесках огня пылающих жаровен, над которыми вращались вертела.

Плут вытащил из кармана кусочек коры — документ, врученный ему шрайкой, и внимательно изучил его.

— Ну, что теперь? — оглядываясь по сторонам, спросил Плут.

— Сначала мы должны найти повозку, — сказала Магда, — а потом...

— Что потом? — настойчиво спросил Стоб.

— Не все сразу, — ответила Магда, сдвинув брови. Она осмотрелась, и произнесла: — Нам туда.

Они пошли по гудящему Центральному Рынку. Чего там только не было! И печенье, и варенье, и соленья! И жареное, и пареное, и перченое, и моченое! И верченое, и толченое! И пряденое, и краденое! Ну буквально все: от граблей и топора до золота и серебра!

Путешественники миновали душегубцев, разложивших на прилавках изделия из кожи и одежду из шкур ежеобраза — *налетай, выбирай*, — лесных троллей, торговавших в палатках дровами, гоблинов-лудильщиков и гоблинов-владельцев скобяных лавок, и все они шумно торговались, менялись баш на баш и наперебой расхваливали свой товар. Когда путешественники подошли к стоянке, они увидели бесконечный поток повозок с возницами-шрайками и груженных доверху тачек, прибывающих из Сумеречных Лесов. Кучера размахивали пылающими факелами, чтобы отогнать вжик-вжиков и не дать им взобраться на шаткие мостки, ведущие к платформе Центрального Рынка, где на транспортной стоянке владельцы с нетерпением дожидались своих фургонов.

Плут с изумлением глазел на расползшуюся в разные стороны стоянку. Атмосфера здесь была напряженной, и вокруг распространялось зловоние. Перед мальчиком раскинулось море тележек, повозок, вагончиков; ломовики рвали постромки, а дородные угрюмые шрайки присматривали за скопищем колымаг в ожидании, пока хозяева их разберут. Воздух то и дело оглашался нестройными воплями протеста.

— У меня есперли половину моих товаров! — над-
рывно кричал гоблин-утконос.

— А у меня пропали два ежеобраза! — жалобно
скулил дуркотрог.

— Пошлина шраек! — хохотнула одна из охран-
ниц. — Может, в следующий раз вы сами поедете
с вашей повозкой через Сумеречные Леса? Нет? Не
хотите? — И она противно защелкала клювом.

— Типичный грабеж! Шрайки всегда так делают, —
простонал гоблин, тащившийся вслед за Плутом. —
И только потому, что Сумеречные Леса им не страшны,
они думают, что можно обобрать нас до нитки!

Магда сверилась с кусочком коры и по каракулям,
нацарапанным на ней, определила нужный участок.

— Сюда! — радостно воскликнула она, подзывая
товарищей. — Это здесь!

Стоб и Плут присоединились к ней в тот момент,
когда она протягивала талон замызганной шрайке
с унылой физиономией, которая застыла у ограды
опершись о столб.

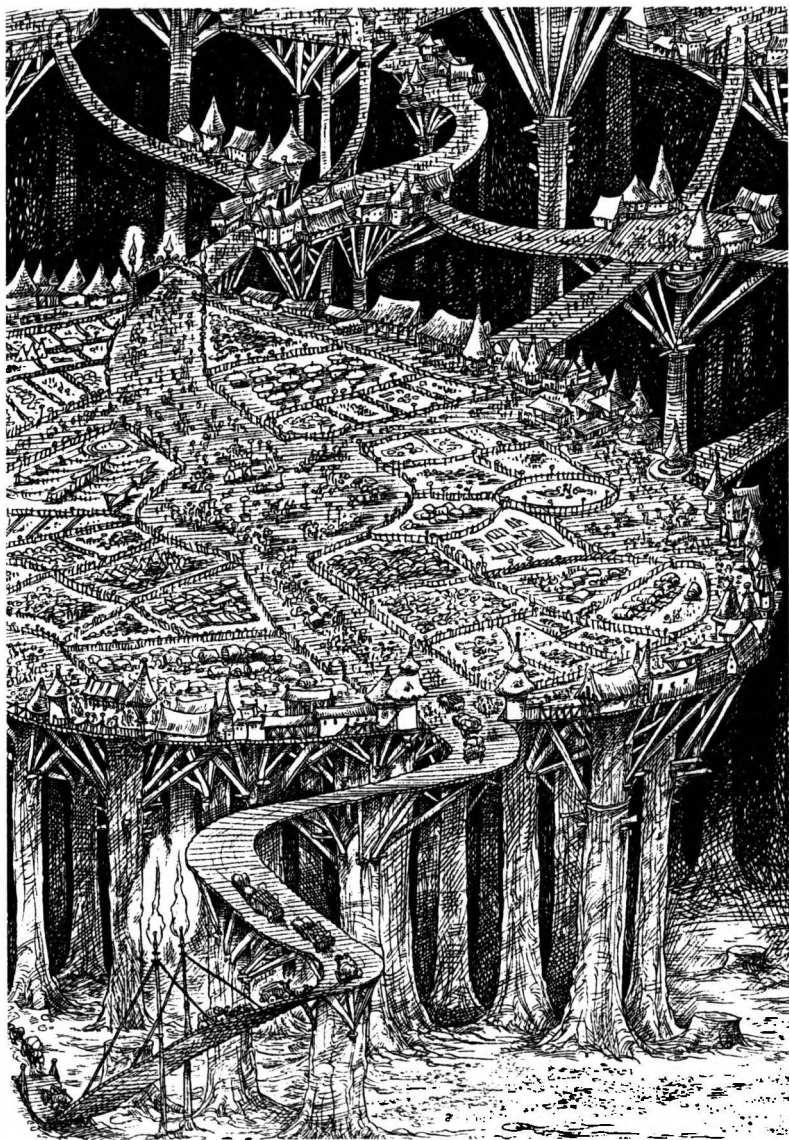
— Вам туда! — махнула та когтем.

В углу, под навесом, стояла крохотная разбитая
колымага с впряженным в нее худосочным, облез-
лым живопыром.

— Но это не наша повозка! — попыталась возра-
зить Магда. — Наша была четырехместная, с ежеоб-
разом...

— Хотите — берите, хотите — нет, — глумливо
усмехнулась шрайка. Она зевнула и принялась изу-
чать свои когти.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РЫНОК

— Конечно, они ее берут, мадам, — и тысяча благодарностей! — послышался чей-то писклявый голосок. Небольшого роста шрайк-самец, одетый в какую-то рвань, подошел к Магде и взял ее под руку.

— Но... — пробормотала Магда.

— Никаких «но», деточка, — пропищал шрайк. — У нас тут и без вас забот полон рот, так что нечего отнимать драгоценное время у нашей добрейшей начальницы.

Он низко поклонился охраннице и утащил Магду в сторону. Стоб и Плут последовали за ним.

— А в чем, собственно говоря, дело? — спросил Стоб, хватая худосочное существо за жидкое крылышко и освобождая Магду от вцепившихся в нее коготков.

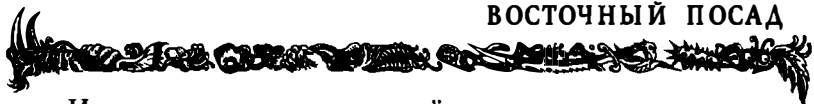
Шрайк раболепно склонился перед юными путешественниками.

— Миллион извинений, — прошептал он. — Но здесь нельзя разговаривать, это слишком опасно. Идите за мной.

И прежде чем смешаться с толпой, он пошарил за пазухой и из складок рваной, засаленной рубахи вытащил подвеску с зубом дуба-кровососа.

— Подождите нас! — крикнул ему вслед Стоб. — И вы двое, идите скорей! Вы же слышали, что сказал шрайк!

Магда обменялась с Плутом ироничным взглядом и поспешила вслед за Стобом, расталкивавшим локтями толпу, чтобы не упустить из виду крохотную фигурку в лохмотьях.

Им удалось догнать шрайка у лотков, где торговали душегубцы. Там покупателям предлагалось все, что угодно: от искусных резных амулетов, нагрудных пластин и кожаных перчаток для фехтования до огромных туш ежеобразов, тильдеров и лесосвинов, подвешенных на крюках. И перед всем этим великолепием стоял Стоб, с недоумением почесывая затылок и оглядываясь по сторонам.

— Он только что был здесь и куда-то исчез, — сердито буркнул он. — Эй, ты! — грубо обратился он к коренастому душегубцу с огненно-рыжими волосами, который выкладывал на прилавок ломти копченой ветчины из тильдятины. — Ты, случайно, шрайка не видел? Такой грязный, тощий оборванец.

Душегубец повернулся спиной к Стобу и с тревогой огляделся по сторонам.

— Ты слышал, что я сказал? — Голос Стоба дрожал от гнева.

— Я прекрасно вас слышу, — тихо отвечал душегубец, не поворачиваясь к юноше. — Геккль тут, за шторкой. И помните, что внешность бывает обманлива.

Грубо отпихнув душегубца, Стоб бросился вперед, рванул занавес, закрывающий заднюю часть лавочки, и обнаружил за ним небольшое помещение, скрытое от посторонних глаз.

— Спасибо, — прошептал Плут, проходя мимо душегубца.

— На здоровье, — послышался сердитый ответ.

Внутри, перед очагом, в котором полыхали поленья из летучего дерева, на шкуре тильдера сидел

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

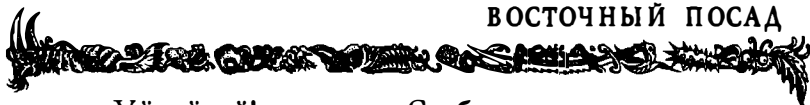
ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

крохотный шрайк. Когда полог, завешивающий каморку, снова опустился, пламя от горящих поленьев окрасило комнатенку мягким пурпурным заревом.

— Присаживайтесь, прошу вас, мои дорогие отважные друзья, — сказал шрайк. — Нам нужно поторопиться, потому что каждая минута, которую вы проводите здесь, в Восточном Посаде, может оказаться для вас последней.

— А мне это место показалось уютным и симпатичным, — возразил Стоб, поднимая руку, чтобы погладить стеной коврик из шкуры ежеобраза. Наконец он дотянулся до коврика, и мех внезапно ошетинился, больно уколов иголками пальцы Стоба.

— Уй-уй-уй! — взывл Стоб от неожиданности.

— Не будьте наивны, — сказал шрайк, — отряды шраек ходят по городу день и ночь, они постоянно прочесывают нижние уровни в поисках контрабанды или... — он замялся, — или шпионов.

Плут судорожно сглотнул слюну. Неужели эти птицеподобные жуткие существа считают их шпионами? Он с ужасом вспомнил клетки на дороге через Топь, и внезапно ноги у него подкосились.

— Так вы — тот самый проводник, который должен ждать нас здесь? — спросила Магда.

Стоб, сося пораненный палец, с нескрываемым презрением оглядел шрайка-самца.

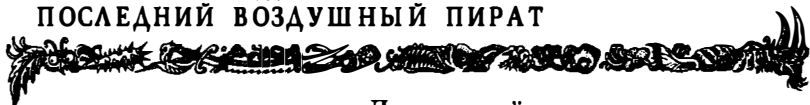
— Конечно, я тот самый проводник, моя милосердная госпожа, конечно, это я! — вибрирующим голосом проворковал шрайк. — Меня зовут Геккль, и вы оказываете мне огромную честь тем, что позволяете вам служить!

— Ну ладно, — сказал Стоб. — Но если мы действительно в опасности, то почему же мы все еще торчим здесь?

— Терпение, мой храбрый господин, — произнес Геккль, роясь в большом сундуке, стоявшем в углу. — Сейчас я вам все объясню.

Плут встал на колени перед очагом. В голове у него было пусто, и жар от поленьев летучего дерева навевал на него сон.

— Восточный Посад — закрытый город, мои храбрые друзья, — продолжал Геккль, вытаскивая из сундука вороха одежды темных тонов и расклады-

вая вещи на лавке. — Для гостей здесь есть только один вход, служащий также и выходом, и это — Восточные Ворота из летучего дерева. Купцы из Нижнего Города или ремесленники, какими притворяетесь вы, приезжают сюда, продают свой товар и возвращаются обратно через Великую Топь тем же путем, унося с собой покупки, сделанные на Центральном Рынке.

— Ну так как же мы выберемся из этого проклятого города и попадем в Дремучие Леса? — нетерпеливо спросил Стоб.

— Только шрайки имеют право выходить из Восточного Посада и входить обратно со стороны Дремучих Лесов, — продолжал Геккль. — Так Шайка шраек, мой благородный господин, контролирует торговлю между Нижним Городом и поселениями в Дремучих Лесах. Все до смешного просто. Шрайки покупают товары в Дремучих Лесах и привозят их в Восточный Посад, где меняют их на товары из Нижнего Города, что позволяет им скупить еще больше товаров в Дремучих Лесах. При этом они наживаются как на жителях Нижнего Города, так и на обитателях Дремучих Лесов. Вот почему в Восточный Посад нет входа никому, если только ты не шрайка.

— Значит, мы в ловушке, если я тебя правильно понимаю? — спросила Магда прерывающимся от волнения голосом. — И мы можем выбраться из этого места только одним способом — вернуться в Нижний Город тем же путем, каким мы пришли сюда?

— Это не совсем так, моя милосердная госпожа, — возразил Геккль, возвращаясь к сундуку.

— Тогда как же мы выберемся из Восточного Посада? И как попадем в Дремучие Леса? — продолжал настаивать Стоб.

— Очень просто, — ответил Геккль, поворачиваясь к ним. — Если только шрайкам разрешается входить в Дремучие Леса через Западные Ворота, значит, вы станете шрайками!

Он протянул им три кричаще-пестрые маски из перьев с загнутыми, зазубренными клювами и зияющими черными глазницами.

— Ты, наверное, шутишь! — издевательски усмехнулся Стоб. — Это не работает!

— Раньше срабатывало, — ответил серьезно Геккль, и внезапно в голосе его зазвучали ледяные нотки. — И сработает опять! — Глядя на три озадаченные физиономии, Геккль неожиданно рассмеялся: — Вы, мои храбрые друзья, будете сестры-утешительницы, добропорядочные монашенки из Золотого Гнезда. Вот ваше облачение. — И он протянул им тяжелые грубошерстные черные одеяния простого покроя, выглядевшие нищенскими по сравнению с роскошными нарядами, в которых обычно щеголяли шрайки. Каждому из путешественников Геккль также вручил по султану из перьев. — А теперь торопитесь. Времени у нас в обрез.

Ребята натянули балахоны поверх одежды ремесленников, застегнули застёжки и напялили парики из перьев. Геккль выскользнул из каморки и вернул-

ся обратно через секунду, притащив с собой отполированное зеркало из молочного дерева.

Повернувшись к зеркалу, Плут оглядел себя с ног до головы. В тяжелом платье и искусно сработанной маске он был готов к новой роли — не хватало только одного!

— Послушайте, Геккль, — произнес он приглушенным голосом, поскольку лицо его было закрыто маской. — А глаза? Они, конечно, нас выдадут. У шраек глаза желтые. И взгляд свирепый.

— Ах, какой же я дурак! Простите меня, мой добросердечный господин, — засмеялся Геккль. — Чуть не забыл! Вот, держите. Ни одна уважающая себя сестра-утешительница не появится на публике без этого.

Он тотчас же вручил Плуту пару очков с толстыми черными стеклами. Плут не без труда нацепил очки на маску и поправил дужку, укрепляя их на приставном клюве.

— Но я ничего не вижу! — запротестовал он.

— И правильно! — снисходительно усмехнулся Геккль. — Сестрам-утешительницам позволено смотреть только на новую кладку яиц в Золотом Гнезде, что высиживает Мать-Наседка! Все остальное время они носят линзы из угольного стекла, чтобы уберечь себя от недостойных зрелищ!

— Но если мы ничего не будем видеть... — начал было Плут.

— Вот для этого вам и нужен я! — сказал Геккль, низко кланяясь. — Я буду вашим поводырем. У сестер-утешительниц есть поводырь, он их водит на золотой цепочке. Но я должен вас предупредить. — Внезапно он снова стал серьезен, и в голосе его опять зазвучали ледяные нотки. — Ни при каких обстоятельствах не снимайте очки. Просто молчите и доверьтесь мне. Если вас поймают и обнаружат, что вы перерядились, представляясь шрайками, и, в частности, сестрами-утешительницами, — наказание будет суровым, мои храбрые друзья.

— Какое наказание? — спросил Стоб, пытаясь унять дрожь в голосе.

— Вас поджарят, — просто ответил Геккль. — Посадят на вертел и поджарят заживо на Центральном Рынке. — А теперь пошли!

Когда впоследствии Плут вспоминал свое путешествие до ворот в Восточном Посаде, открывающихся в Дремучие Леса, он с трудом верил, что остался жив после пережитых страхов. Еще много лет спустя его мучили ночные кошмары: затрудненное дыхание в птичьей личине, крошечная мгла из-за черных очков, шум верхних переходов, незнакомый и оттого еще более ужасный.

Они поднимались все выше и выше, без остановки. Даже сквозь маску Плут ощутил, что воздух стал свежим, и чем выше они забирались, тем легче станови-

лось дышать. Какофония нижних уровней сменилась странными, тревожными криками шраек, прогуливавшихся по верхним аллеям. Квохтанье, воркование, голосистое кудахтанье и клочущее горловое стаккато, разрешающееся гулким уханьем, доносились со всех сторон.

— Спокойно! — прошептал Геккль, который вел всю компанию на золотой цепочке, как ручной лемкин. — Сестры просто поют песни. Волноваться не о чем.

Но от песнопений кровь у Плути застыла в жилах. Сколько времени они шли сюда? Страх в груди нарастал, и время для Плути тянулось бесконечно, хотя на самом деле ходьба заняла не больше получаса, а может, и всего несколько минут. Он хотел спросить Геккля, но, осознав, что проронить хоть слово в такой момент — чистое безумие, прикусил язык: Стоб, шедший позади него, наступил ему на пятку.

— Расступитесь, милосердные дамы, — проворковал Геккль и, прибавив голос, крикнул: — Разойдитесь! Дайте пройти сестрам-утешительницам! Разойдитесь!

Плут услышал царапанье когтей о мостовую, когда почтенные матроны отступили в сторону.

— По-ко-ко-кло-лонитесь от нашего имени Золотому Гнезду! — раздался хриплый клекот какой-то шрайки.

— Да благословят Небеса новую ко-ко-ко-кладку! — закудахтала другая.

— Приятного высиживания!

Возгласы одобрения и пожелания сыпались со всех сторон. Сердце Плута забилося бешено, и от страха ком встал в горле.

— Сестры-утешительницы благословляют вас, — мелодичным голосом ответил Геккль. — Сестры-утешительницы благословляют вас, — повторил он и тихим, еле слышным, голосом, себе под нос, пробормотал: — Мы почти у цели. Еще один переход — и мы у загона для живопыров, рядом с воротами в Дремучие Леса.

Стоб снова наступил Плуту на пятку. Плут споткнулся, на секунду потеряв равновесие, и от сильного толчка тяжелые черные очки чуть не сползли с лица. Мальчик прищурил левый глаз: поток яркого света проник в щель, образовавшуюся между очками и маской. Очки угрожающе закачались на клюве.

— Осторожно, сестра! — раздался пронзительный возглас.

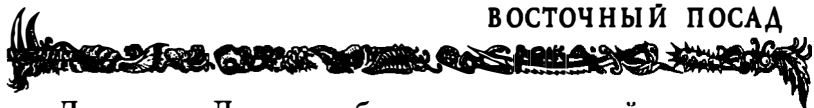
Краем глаза Плут заметил высокую, внушительного вида даму. Роскошно одетая шрайка восседала на высокой скамеечке, а рядом с ней, слева и справа, устроились ее товарки: они были поменьше ее ростом, но в таких же кричащих, безвкусных нарядах. Внезапно Плут почувствовал знакомый тяжелый дух. Вонь от нечистот стала нестерпимой. Плюмаж шрайки заколыхался, и она довольно завохтала, выдавив из себя кусочек ядовито-белого дерьма, который провалился сквозь дырку в скамеечке и упал на нижний уровень.

— Так-то лучше, ко-ко-конечно! — прокудахтала шрайка, обращаясь к своей товарке. — Значит, ты говорила, сестра Коготок...

— Да, да, — подхватила соседка, выстрелив очередью отвратительно пахнущего помета. — Воздушный пират снес ей голову одним ударом. По крайней мере я так слыхала.

— Пошли, сестры, — сказал Геккль, и в его голосе снова зазвучал металл. — Нам нужно добраться до загона живопыров. Помните, что нам поручено пойти

в Дремучие Леса и собрать строительный материал для гнезда.

Плут с усилием передвигал ноги. Он втянул голову в плечи, боясь, что шрайка, восседавшая на разукрашенном нужнике, пронзит его взглядом своих желтых глаз и разоблачит в ту же секунду.

— Подождите! — им вслед прозвучал хриплый окрик матроны.

Плут замер. Очки, дребезжа, качались на кончике клюва. Матрона поднялась со стульчака и оправила пышные юбки. Плут боялсядохнуть. Его товарищи, следовавшие за ним, тоже стояли как вкопанные. Матрона подошла к Плуту, и мальчик крепко зажмурился.

— Да благословят Небеса строительство Гнезда! — сказала шрайка, кланяясь сестрам-утешительницам. Матрона повернулась и пошла прочь в компании своих товарок: их когти звонко щелкали по деревянным торцам.

— А теперь — быстро пошли отсюда! — В голосе Геккля звучала тревога.

Они, торопясь, продолжили свой путь, окутанные мглой неизвестности: кошмары мерещились на каждом шагу. Мельком Плут увидел ужасающие морды шраек, пока путешественники добирались до ворот к Дремучим Лесам, и теперь каждую секунду боялся потерять очки. Мерзкая вонь от куриных испражнений сменилась душным, затхлым запахом живопырни. Плут слышал мягкие, гортанные рыки живопыров, доносившиеся из стойла. Как ни стран-

но, их голоса успокаивающе действовали на мальчика.

Геккль провел путешественников к мосткам, и Плут с удовольствием ощутил тепло от сидевших на насесте живопыров. Их было здесь полным-полно. Взгромоздясь на толстые ветки, они пялились на незнакомцев меланхолично-печальными глазами. Геккль подошел к одному из них и отвязал веревку. Потом он передал привязь Магде.

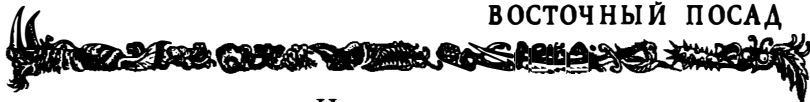
— Садитесь верхом, — приказал он. — И держите поводья крепче. Они не двинутся с места, пока их не пришпоришь.

С помощью Геккля Магда попыталась оседлать живопыра, одновременно придерживая маску шрайки, закрывавшую ее лицо. Поправив упряжь, Магда туго натянула поводья. Плут и Стоб последовали ее примеру. Наконец Геккль тоже оседлал одного из живопыров и вздернул его на дыбы.

— А теперь дайте пинка! — крикнул он путешественникам.

И все четверо дружно пришпорили своих живопыров, ударив каблуками им в бока. Живопыры рванули с места и, оттолкнувшись задними лапами от широкого насеста, перескочили на следующий, вцепившись в него передними когтистыми лапами. Следуя за первым живопыром, на котором скакал Геккль, они взобрались по сходням и выехали на аллею. Впереди Плут увидел огромные ворота.

— Мы приближаемся к сторожевой башне, — сообщил Геккль, натянув вожжи. Остальные последо-

вали его примеру. Четверка живопыров поскакала медленной трусцой, закидывая назад передние лапы и выбрасывая вперед задние. В конце аллеи грозно маячила сторожевая башня.

— А что нам делать теперь? — спросила Магда.

— Ничего, — ответил Геккль. — Помните: вы — сестры-утешительницы. Вам не пристало разговаривать с рядовыми охранницами. Говорить за вас буду я.

Когда путешественники подъехали к сторожевой башне, навстречу им вышла шрайка в рыжевато-буrom оперении, держа ржавую пику наперевес. Геккль приблизился к ней. Плут, Магда и Стоб, которые ничего не видели из-за черных очков, молча стояли поодаль, важно задрав головы.

— Вы слышали, что я сказал? — сурово произнес Геккль. — Мы ищем строительный материал для Золотого Гнезда. — Голос его звучал тихо и зловеще. — Как вы смеее стоять на пути сестер-утешительниц?

— Нет, нет, — попятилась шрайка. — Проходите. — Она отодвинула пику и поклонилась, щелкнув когтями. Геккль первым пустил своего живопыра. Остальные наездники, стараясь усидеть на передвижающихся вразвалку скакунах, выехали из ворот следом за ним. Плут затаил дыхание. Он молил небеса, чтобы стражница не увидела его глаз за стеклами съезжающих очков и не услышала, как сильно стучит его сердце.

Так, шаг за шагом, верхом на спотыкающихся уродцах, они выбрались из Восточного Посада и въехали

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

в Дремучие Леса. Геккль пришпорил своего скакуна. Юные путешественники тоже ударили каблуками в бока живопыров, и четверка скакунов понеслась, как ветер, по Дремучим Лесам, перескакивая с ветки на ветку.

— Ух! — закричал Плут. — Ух ты! — Его охватил восторг, смешанный с чувством свободы.

Геккль рассмеялся:

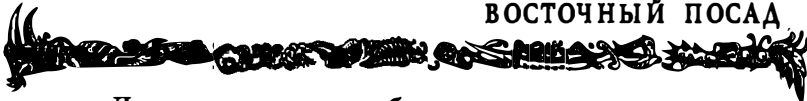
— Отлично, мои храбрые друзья, отлично! Вы просто молодцы!

— Это вы отличный проводник! — ответил ему Плут. Он глянул через плечо. Сторожевая башня исчезла из виду. — Мы проскочили! — с ликованием воскликнул он, срывая с себя опостылевшую личину, черные очки и тяжелое платье сестры-утешительницы и подбрасывая ненужное тряпье в воздух.

— Ну наконец-то! — вздохнула с облегчением Магда, тоже сбросив с себя дурацкий наряд, и слезы радости навернулись у нее на глаза.

Стоб стянул с себя маску и принялся подробно изучать ее.

— Думаю, я очень убедительно сыграл сестру-утешительницу. Сам себя не похвалишь — никто тебя не похвалит. *Ой-ой-ой!* — вскрикнул он, теряя равновесие и чуть не падая со спины споткнувшегося живопыра.

Стоб крепко ухватился за поводья обеими руками. Личина выпала и, ломая ветки, шлепнулась на землю. Он поднял глаза и увидел, что все остальные с усмешкой глядят на него.

— А что тут такого? А? — спросил он.

Вернувшись в сторожевую башню, шрайка-охранница приняла еще одного посетителя, желторотого юнца с темным ежиком волос, тоже сидевшего верхом на живопыре. Откинув капюшон, он резким движением сунул пропуск шрайке под нос.

— Видите? — спокойно произнес он. — Печать с Хрумхрымсом. Знак Верховного Стража Ночи. А здесь — отпечаток большого пальца Вокса Верликса. Ниже — скрещенные перья, штамп Шайки шраек. Этого достаточно?

— Конечно, сэр, примите мои извинения, сэр, — ответила охранница, яростно царапая когтями доски. Сегодня день у нее складывался неудачно. — А что вы хотите узнать?

Ксант провел ладонью по коротко стриженной голове:

— Я хочу узнать, кто здесь недавно проезжал.

— Три сестры-утешительницы, — отвечала охранница, а с ними — шрайк, их поводырь.

— М-да... — протянул в задумчивости юноша. — А куда они отправились?

— Собирать материалы для Гнезда, — быстро и услужливо ответила шрайка.

Ксант засопел.

— Больше похоже на экспедицию в Вольную Пустошь, — произнес он.

Шрайка удивленно склонила голову набок.

— Но сестрам-утешительницам нечего делать в Вольной Пустоши! — задумалась она.

— Вот именно! — подтвердил Ксант. Он повернулся и дернул за поводья. Живопыр заурчал, принюхался и поскакал, перепрыгивая с ветки на ветку.

Ксант крепко сидел на скакуне. Он даже не оглянулся назад.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДРЕМУЧИЕ ЛЕСА

Четверо всадников на всем скаку въехали в Дремучие Леса, оставив Восточный Посад далеко позади. Ветер трепал их волосы, а сердце готово было выскочить из груди у каждого, когда путешественники, судорожно вцепившись в поводья, пытались усадеть на живопырах, которые, уверенно перебирая ногами, стремительно перескакивали с ветки на ветку. Они неслись по деревьям уже более часа, но даже и не думали спускаться вниз. Только поздним вечером Геккль подал сигнал, что можно без опасений ехать по земле.

— Ты уверен? — с тревогой спросил Стоб. — А как же вжик-вжики?

— Они очень редко забираются так далеко, — уверил их Геккль. — Кроме того, вы, наверное, устали, а по земле ехать гораздо проще.

Ни Магду, ни Плута не нужно было уговаривать. От постоянной тряски и скачков вверх-вниз они уже были в полном изнеможении. Стукнув каблуками по бокам живопыров и потянув поводья на себя, они начали спускаться. Геккль поспешил следом за ни-

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

ми. Видя, что его товарищам никто не причинил вреда, Стоб последовал их примеру.

Вскоре Плут привык к ритму движений своего живопыра, бегущего вприпрыжку.

— Я с трудом верю своим глазам! — крикнул он Магде. — Сколько лет я провел под землей, мечтая о Дремучих Лесах! Я думал о них каждый день, каждую ночь. И вот теперь я здесь! — Он вздохнул. — Они так прекрасны! Они даже еще красивее, чем я себе представлял!

Массивные древние стволы Дремучего Леса, похожие на огромные столбы, уходили ввысь. Одни деревья имели зазубрины, другие были испещрены бороздками, третьи — покрыты огромными наростами и узловатыми шишками; все они тянулись к самому небу и, раскинув ветви в зеленоватом сумраке теней, сквозь изумрудную купу листвы пытались пробиться к солнцу. Иногда плотная стена деревьев редела, и тогда яркий сноп света прорезал воздух, освещая моло-

дую поросль и кустарники, идущие в рост. Там были и гребенчатые кусты, тихо гудящие от дуновения ветерка, и моллюскоподобные кустарники, щелкающие ракушками-цветочками, и волосатый плющ, спирально обвивающий толстые стволы и сверкающий, словно мишура. Пока они тяжело двигались вперед, слева от себя Плут заметил ма-

нящее бирюзовое сияние: это светилась полянка, окруженная колыбельными деревьями.

— Как красиво! — в восторге закричал он.

— *Красиво.* — Эхо повторило его слова.

Листва зашелестела, и Плут краем глаза заметил, как кто-то тревожно дернулся под ближайшим кустом. Он взгляделся в заросли травы и увидел маленького зверька с синим мехом и широко раскрытыми от страха глазами. Он стремглав улепетывал по засыпанной листвой лесной подстилке в направлении высокого колыбельного дерева, чтобы укрыться в его ветвях.

— Дикий лемкин! — воскликнула Магда. — Какой миленький!

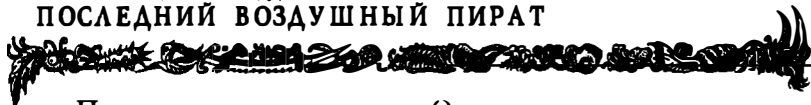
Дубозвоны и колоколицы — лесные ягоды — наполняли воздух мелодичным нежным пением. Взрывались с треском коробочки пахучего мха, и пушинки плавно разлетались над чащей, распространяя сладкий цветочный аромат. Стайка мышеумов вспорхнула в воздух и, громко хлопая крыльями, унеслась прочь.

— Какой чудесный лес! — в упоении крикнул Плут.

— *Лес, лес, лес,* — отозвалось эхо.

— Да, мой храбрый господин, — слышался голос Геккля, — лес действительно чудесен, но он также и опасен. Даже больше, чем вы можете себе представить. Здесь не следует привлекать к себе внимание. Мы должны двигаться тихо и незаметно и все время быть настороже.

Плут рассеянно кивнул. Они проезжали по участку, где топорщились низкорослые деревья разных пород: росистые деревья с жемчужными листочками, переливающимися в янтарном солнечном свете, плачущие дубоивы и папоротниковые сосны. Навстречу им попалась забавная семейка капелюх — мал мала меньше: они шествовали гуськом, выстроившись ровной цепочкой, и каждый следующий держал во рту хвостик идущего впереди.

— И никогда не расставайтесь друг с другом, — продолжал наставлять их Геккль. Плут обернулся. — Никогда и ни при каких обстоятельствах не гуляйте поодиночке. Вам понятно?

— Да, — рассеянно согласился Плут. — Конечно понятно.

Геккль покачал головой:

— Я беспокоюсь о вас, мой храбрый господин, и хочу надеяться, что вы хорошо запомнили мои слова.

Он натянул постромки и остановил своего живопыра под старым, больным деревом с поредевшей кроной, облупленной корой и многочисленными шрамами от ураганов и ударов молний.

— Придержите моего живопыра, — попросил он Плута.

Плут схватился за поводья, а Магда и Стоб помогли удержать животину на месте. Все трое смотрели, как Геккль снимает свой заплечный мешок, взбирается на спину живопыра, просовывает лапу в высокое дупло на стволе и шарит внутри когтями.

Никто не сказал ни слова. Все замерли. Во время путешествия по Дремучим Лесам Геккль уже не раз делал остановки, и они научились не тревожить его.

Иногда он делал привал около упавших стволов и сломанных ветвей и, склонив голову набок и растопырив перышки, внимательно прислушивался, а потом отдира лоскут коры, под которой кишели, извиваясь, жирные белые личинки. Однажды он остановился рядом с кучей палой листвы и, расковыряв ее, обнаружил там целое гнездо шевелящихся красных червей. В другой раз он засунул клюв в мягкую, крошащуюся кору гнилого колыбельного дерева и вытащил оттуда толстую гусеницу. Продуктовый мешок Геккля пополнялся все новой и новой добычей.

Стоб наклонился и прошептал Магде прямо в ухо: — А что это он делает?

Магда пожала плечами.

С той секунды как Геккль взобрался на спину живопыра, он так и стоял не шевелясь, если не считать аккуратных движений когтистой лапы. *Шарк-шарк-шарк*. Геккль аккуратно водил острым как бритва когтем по вздувшейся коре вокруг дупла. *Шарк-шарк-шарк*.

Стоб нетерпеливо дернул головой. Плут, выгнув шею, старался рассмотреть, что там происходит.

Шарк-шарк.

И вдруг из дупла послышалось шуршание, затем — огненная вспышка у края отверстия, и Плут увидел, как чьи-то челюсти вцепились в кривой ко-

готь. Геккль даже не дрогнул. Плут крепко держал поводья, пристально наблюдая, как шрайк медленно и аккуратно вытаскивает крючкообразный коготь из дупла.

А на когте висела какая-то живность. Это существо имело гладкий, лоснящийся, разделенный на сегменты панцирь, отдаленно напоминающий нитку жемчуга. Из каждого сегмента торчала пара белых ножек. Внезапно, осознав, что укрытия больше нет, существо задергалось, ослабило хватку и попыталось спрятаться в дупле. Но не тут-то было! Геккль быстро сунул туда клюв и вытащил свою добычу наружу. Он тряс свою жертву до тех пор, пока она не затихла. Затем, спрыгнув на землю, Геккль развязал веревку, стягивающую горловину мешка, и бросил насекомое поверх кучки уже скопившейся там живности.

— Лысоножка, — почмокал Геккль. — Деликатес.

— Деликатес? — удивился Стоб. — Ты что, это будешь есть?

— Конечно, мой храбрый господин, — ответил Геккль. — Они очень вкусные. Только надо знать, где искать.

Плут побледнел. Раньше он думал, что Геккль просто собирает интересные экземпляры, чтобы потом, возможно, продать их ученым на Вольной Пустоши.

— Вы собираетесь съесть всю эту гадость, что у вас в мешке?

— Ну конечно, мой храбрый господин, — ответил Геккль и гортанно хохотнул. Перебросив вещмешок

через плечо, он оседлал своего живопыра. — Солнце садится, — заметил он. — Держитесь вместе и не зевайте по сторонам. Нам нужно найти какое-нибудь крепкое дерево для ночлега. Тогда можно будет подумать насчет ужина.

— Я больше не могу ждать, — слабым голосом пробормотал Плут.

— Ты первый, — настойчиво сказал Стоб, бросая лысоножку вместе с жирной личинкой прямо в лицо Плуту.

Мальчика передернуло. Его чуть не вывернуло наизнанку при мысли, что эти твари только что извивались у него перед глазами.

— Не хочет — пусть не ест, — отрезала Магда. — А я так очень голодная!

— Давайте налегайте! — улыбнулся Геккль. — Не бойтесь! Лично я предпочитаю их есть в сыром виде, а эти прожарены на огне! Ну же! Они не кусаются.

— Я в этом не уверен, — промямлил Плут, разглядывая ярко-красную мясистую личинку. Он закрыл глаза и сунул ее себе в рот. Пожевал немного,

проглотил и сказал: — Я никогда не думал, что они такие вкусные.

— Даже лысоножки? — спросил Геккль.

— *Особенно* лысоножки, — облизывая пальцы, ответил Плут. — А больше нет?

Геккль порылся в походном очаге.

— Больше нет, — сказал он наконец. — Все съели. Ничегошеньки не осталось.

— Жалко, — хором заключили Плут и Стоб, и все рассмеялись.

Они нашли подходящее дерево как раз в тот момент, когда последние лучи солнца перестали падать на лесную подстилку. Это было мощное свинцовое дерево с раскидистой кроной, шишковатым серым стволом и толстенными горизонтальными ветвями. Живопыры подняли их наверх — прыг-скок по веткам, прыг-скок, и наконец они снова увидели заходящее светило: его желтые, как патока, лучи грели и успокаивали.

Поднявшись на самую вершину, путешественники слезли со своих скакунов, и Геккль, стреножив живопыров, привязал их к мощной ветке, на которую они взгромоздились. Животные устали после долгого пути, и вскоре их сморило. Геккль показал юным путешественникам крепкие ветки ярусом выше тех, где устроились на ночлег живопыры, и дал каждому из Библиотечных Рыцарей задание. Так, постепенно, каждый привык выполнять свои ежедневные обязанности во время похода.

Магда и Плут собрали хворост для костра. Геккль подвесил на сук походную железную печурку, кото-

рюю он всю дорогу тащил на спине. Стоб прикрепил к веткам три гамака. Когда Плут с Магдой вернулись, юноша положил дрова в круглый очаг, а Магда развела огонь с помощью своих небесных кристаллов. Пока ребята выполняли поручения, Геккль разобрал свой продуктовый мешок и занялся приготовлением пищи: он помыл насекомых, разрезал на кусочки, посыпал приправой, а когда пламя в жаровне перестало ярко пылать, насадил ломтики на шампуры и сунул их в печь.

Всполохи огня постепенно улеглись, и тлеющие головни разных пород деревьев переливались всеми цветами радуги: то красным, то фиолетовым, то лазоревым, испуская чарующий сладкий аромат и мурлыкавая тихую колыбельную песню.

Магда зевнула.

— Сегодня я буду крепко спать, — сказала она.

— Всем пора на покой, — подхватил Геккль. — Забирайтесь в ваши гамаки, отважные господа и дамы. А я посижу подремлю на ветке повыше: один глаз будет спать, а другой — следить, чтобы все было в порядке. Завтра мы выезжаем на рассвете.

Стоб, Магда и Плут добрались до раскачивающихся гамаков и с облегчением вытянули усталые ноги. Жар от мерцающих угольев согревал холодный ночной воздух.

— А вы ничего не забыли? — спросил Геккль, глядя вниз со своего насеста. — «Покров Тьмы охранит вас от любопытных глаз».

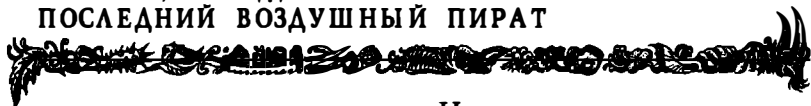

И тут Библиотечные Рыцари дружно вспомнили о подарках, которые вручил им профессор Тьмы. Они присели и размотали шарфы, завязанные вокруг шеи. Плут наблюдал, как Стоб и Магда осторожно разворачивают тончайшую ткань, накрываются ею с головой и — исчезают! Легкий, невесомый шелк был мягким, как пух. Пока он укутывался в покрывало-невидимку, поднялся ветерок, и ткань заплясала в воздухе, как тень.

— Не забудьте накрыться с головой! — наставлял его Геккль. — Вот так, хорошо.

Плут откинулся на спину, положив ладони под голову, и посмотрел ввысь. Хотя его тело было скрыто чудесным покровом, он прекрасно видел все через прозрачную ткань. Плут вглядывался в темные кроны деревьев с угловатыми листьями, вырисовывающиеся черными силуэтами на фоне неба, залитого

молочным лунным светом. Незнакомые звуки оглашали воздух. Кричали древесные совы и порхуны, кашляли лягвожоры, пищали чеханчики, и где-то далеко-далеко слышался вой толстолапа, беседующего со своим сородичем.

Плут согрелся, на душе у него стало легко и спокойно. Он улыбнулся счастливой улыбкой:

— Геккль сказал, что Дремучие Леса — опасное и коварное место. Но для меня они прекрасны!

— Особенно после ужасов Восточного Посада, — сонно пробормотала Магда.

— Ты только подумай! — продолжал Плут. — Когда-нибудь мы закончим учебу и отправимся в путешествие — собирать материал для диссертации. И тогда мы полетим над Дремучими Лесами!

Магда с трудом подавила зевоту:

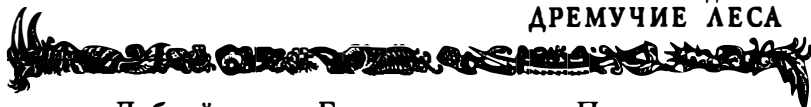
— Я собираюсь изучать жизненный цикл древесных мотыльков.

— Мотыльков? — переспросил Плут. — А я собираюсь заняться толстолапами. — (Лесную чащу снова огласил загадочный вой толстолапа и затих вдали.) — Я просто сгораю от нетерпения.

— Давайте спать, — вмешался Стоб.

— Верно говорите, мастер Стоб, — поддержал его Геккль. — Завтра у нас трудный день. — Он распушил перышки, подставив грудь поднявшемуся ветру. — Спокойной ночи, мои храбрые друзья. Желаю вам хороших снов.

— Спокойной ночи, — засыпая, ответил Стоб.

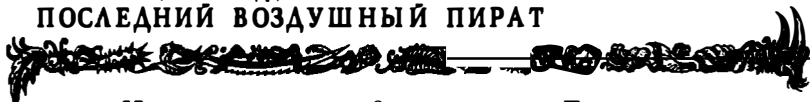
— Доброй ночи, Геккль, — сказал Плут.

Магда что-то пробормотала со сна и повернулась на другой бок.

Шесть дней ехали они сквозь чащу, шесть долгих, утомительных дней. После первых восторгов, когда путешественники оказались в прекрасном глухом лесу, энтузиазм понемногу начал спадать. Пробираться через заросли было безумно трудно, а если ночью шел дождь, утром они вылезали из своих гамаков промокшие до нитки и чувствовали себя совершенно разбитыми, будто и не отдыхали ни минуты. Цель путешествия маячила далеко впереди, и у них не оставалось выбора — только продолжать путь, невзирая на ломоту во всем теле.

Геккль заботился о них, как только мог, подбадривая и успокаивая; он старался приготовить для них что-нибудь вкусненькое и без конца расхваливал принесенную юными путешественниками добычу, которую складывал в продуктовый мешок. Но бесконечный, утомительный переход через Дремучие Леса начал оказывать гнетущее воздействие на ребят. Стоб и Магда постоянно цапались, а Плут потерял сон.

Вечером шестого дня, когда путешественники поужинали личинками и лесным мхом, атмосфера в лагере складывалась ужасная. Стоб пребывал в мрачном настроении, у Магды глаза были на мокром месте, а Плут, задремавший сидя верхом на живопыре, свалился на землю и повредил коленку, которая теперь нестерпимо болела.

— Не хотите ли еще? — спросил Геккль, державший поднос с жареными жуками, пойманными на железном дереве. Юные Библиотечные Рыцари отказались от лакомства. Геккль с любовью посмотрел на них.

— Вы такие молодцы! — сказал он.

Стоб хмыкнул.

— Поверьте, — продолжал Геккль. — Я давно работаю проводником, но мне ни разу не попадалась такая целеустремленная и храбрая группа! Мы движемся через Дремучие Леса с феноменальной скоростью! — Он пощелкал клювом. — Я хочу вас обрадовать тем, что наше путешествие подходит к концу.

— Правда? — с горящими глазами переспросил Плут.

Геккль кивнул:

— Мы приближаемся к Серебряным Пастбищам, — подтвердил он. Лицо у него приобрело серьезное выражение, а в голосе опять зазвучали знакомые металлические нотки. — Но я должен предупредить вас, что это самая опасная часть нашего путешествия. Немало народу погибло там.

Магда жалобно посопела носом.

— Так оно и есть, — угрюмо пробормотал Стоб.

— Эти места притягивают самых жутких чудовищ, — продолжал Геккль. — И сами Пастбища, и Вольная Пустошь, лежащая за ними, кишат ворами и грабителями. Завтра после восхода солнца всем надо быть начеку. Но ничего не бойтесь: все будет хорошо.

В ту ночь Плут очень плохо спал. Каждый писк, каждый шорох, каждое дуновение ветерка трево-

жили его сон, превращая сновидения в кошмары.
В кошмар.

— Мама! Папа! — кричал он, но голоса его никто не слышал: работорговцы уводили прочь его родителей. Белогривые волки то рычали, то выли. Работорговцы улюлюкали. Плут отвернулся, стараясь не смотреть на ужасные сцены, разворачивающиеся перед ним, когда...

— Нет! — воскликнул он.

И снова одно и то же. Из темноты на него двинулось что-то огромное, страшное, оно все ближе и ближе. Вот оно уже навалилось на него...

— НЕТ! — опять закричал он.

Плут открыл глаза. Он сидел на своей лесной постели.

— Все хорошо, мой храбрый господин, — послышался голос Геккля. Шрайк, вспорхнув на ветку над гамаком, сочувственно смотрел на него.

— Ге-ге-геккль, это вы? Я вас не разбудил?

— Нет, мой отважный друг, меня давно разбудил Стоб. — Он ласково улыбнулся Плуту. — Вставайте и собирайтесь, — сказал он. — Скоро конец нашему путешествию.

Несмотря на слова Геккля, атмосфера в лагере в то утро оставалась напряженной. Молча и торопливо упаковав вещи, они отправились дальше еще до того, как первые лучи солнца упали на лесную подстилку. Они ехали без остановки все утро и весь день.

— А где наш продуктовый мешок? — спросил Стоб. Геккль улыбнулся:

— Сегодня у нас будет праздничный ужин. Может, ежеобраз, а если повезет, то олешек-дубовичок.

Плут взгляделся во мрак и покачал головой:

— По-моему, кругом одно и то же. Откуда вы знаете, что Серебряные Пастбища близко?

Геккль прищурился, и перышки у него на голове задрожали.

— Я это чувствую, мастер Плут, — тихо ответил он. Геккль вздрогнул. — Поверьте мне, Пастбища совсем рядом.

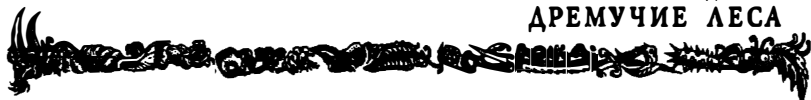
Чем ближе они подъезжали к Серебряным Пастбищам, тем норовистей становились живопыры. Они то храпели, то дико вращали глазами. Они рыли лапами землю и трясли головами. Живопыра, на котором сидел Плут, внезапно понесло, и если бы не сноровка наездника, то обезумевшая скотина унесла бы мальчика далеко в темный лес.

— Мне кажется, что тут кто-то есть, — сказала Магда несколько минут спустя. — Кто-то следит за нами.

Геккль остановил живопыра и внимательно прислушался.

— Мужайтесь, госпожа Магда, — произнес он наконец. — Вероятно, это всего лишь кабанчик — роет землю в поисках трюфелей. Но как бы то ни было, лучше нам поскорее убраться из этого места.

Делая вид, что она ничего не боится, Магда выдавила из себя улыбку. Остальные тоже держались молодцевато. Но когда черные тучи с пурпурным ободком закрыли солнце и лес погрузился во мрак, сердца у них тревожно застучали.

По левую сторону от ездовых из-за куста раздалось громкое шипение, ярко вспыхнуло желто-зеленое пятно, и над тропинкой поплыл Режущий Червь, при виде которого живопыры в панике отпрянули назад.

— Тихо, — приказал им Геккль. — Угмонитесь.

Плут постоянно оглядывался по сторонам, вертя головой то налево, то направо, пугаясь каждой тени, маячащей за деревьями. Он заметил чей-то черный силуэт, вырисовывающийся из-за дерева. Мальчик содрогнулся.

Хрусть!

— Что это? — замирая от страха, спросил Стоб.

— Успокойтесь, мой храбрый господин, — подбодрил его Геккль. — У страха глаза велики.

Хрусть!

— Вот, слышите? Это уже во второй раз! — Стоб нервно огляделся. — Вон там!

Геккль кивнул.

— Держитесь вместе, — прошептал он. Шрайк ударил живопыра лапами в бока и пустил его галопом. Остальные всадники помчались вслед за ним.

Хрусть!

Теперь хруст раздавался позади них и стал тише.

— Думаю, он нас потерял. Но все же советую всем держать рты на замке, пока мы не доберемся до Серебряных Пастбищ.

И вдруг что-то просвистело над их головами. Послышался звук удара и затем щелчок, будто обломилась ветка.

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

В нескольких сантиметрах от того места, где проезжала Магда на своем пугливом рысаче, в землю воткнулось копье с кремневым наконечником и древком из огромной ветви летучего дерева.

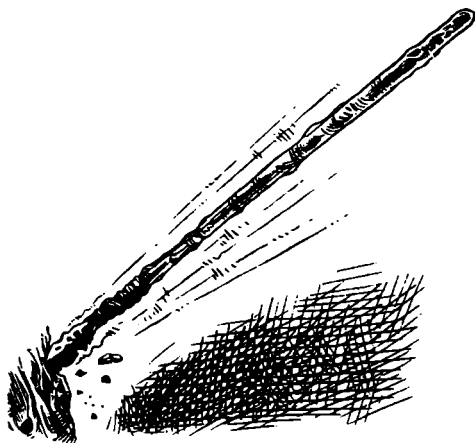
Магда вскрикнула. Стоб отчаянно пытался удержать пятящегося назад, визжащего от страха живопыра. Второе копье ударило оземь, не задев путешественников, — только шишки железного дерева, валявшиеся на земле, разлетелись в разные стороны.

— Лезьте на дерево! — закричал Геккль. — И не отставайте друг от друга!

Прятаться было бессмысленно. Лесной воздух внезапно задрожал от нестройного хора низких, гортанных голосов, повергших живопыров в панический страх.

Уррхх. Аррхх. Уррхх. Аррхх. Уррхх. Аррхх.

— Плут! Стоб! — отчаянно закричала Магда, когда ее живопыр заметался, норовя сбросить ее. — Он не хочет лезть на дерево! — Она ахнула, когда

живопыр понесся прочь не разбирая дороги. — Помогите! Помогите! — звала она.

— Держись! — крикнул ей вслед Плут.

Он ухватился крепко за поводья, пытаясь направить животное вслед за ней. Но тот будто обезумел: он сбросил Плута со спины, и не успел мальчик и глазом моргнуть, как живопыр уже вспрыгнул на нижнюю ветку огромного железного дерева.

— Не отставайте друг от друга! — услышал он призыв Геккля.

Плут перекатился на живот и огляделся. Слабый голос Магды шел откуда-то издалека, из глубокой тени. Стоба и Геккля нигде не было видно.

Уррхх. Аррхх. Уррхх. Аррхх. Уррхх. Аррхх.

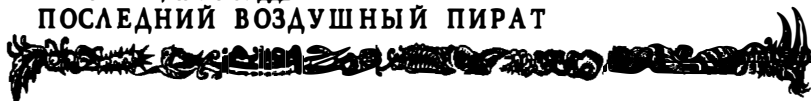
От страха сердце у Плута ушло в пятки. Он поднял глаза и увидел своего живопыра, взгромоздившегося на ветку железного дерева прямо у него над головой. Он с трудом поднялся: острая боль пронзила раненое колено. Вскрикнув, он снова упал на землю.

— Иди ко мне, мой хороший, — прошептал он. — Иди сюда.

Живопыр, сидящий на ветке, уставился на Плута широко раскрытыми, полными ужаса глазами. Плут заскрежетал зубами. Выбора не было: если живопыр не желает спускаться к нему, значит, надо самому лезть за ним на дерево.

Пригнув голову к земле, мальчик пополз к железному дереву. Нога болела нестерпимо, будто под коленную чашечку ему вогнали нож. Каждое движение давалось с трудом. Все ближе и ближе...

Уррхх. Аррхх. Уррхх. Аррхх. Уррхх. Аррхх.

Внезапно просвистело еще одно копье и вонзилось живопыру в бок. С глухим стоном животное плюхнулось на землю и замерло навсегда.

Плут похолодел от ужаса. Что же будет дальше?

Уррхх. Аррхх. Уррхх. Аррхх. Уррхх. Аррхх.

Пыхтение становилось все громче. Казалось, грозное урчание раздается со всех сторон. А Плут, напуганный и беспомощный, лежал на земле. Из-за колени бежать он не мог, не мог и спрятаться... А что-то огромное надвигалось прямо на него...

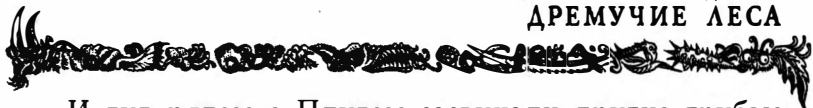
К горлу подступила тошнота, и с ужасом Плут понял, что его ночные кошмары превратились в реальность.

Затем он увидел, кто приближается к нему: огромный бесформенный монстр, отдаленно напоминающий дуркотрога, но крупнее его и уродливей во сто крат. Его тупая злобная физиономия была изрыта оспинами и шрамами. Раздув широкие ноздри и сдвинув косматые брови, он вращал глубоко посаженными красными глазками, всматриваясь в лесную темь.

Плут зарылся в кучу прелой листвы и затаил дыхание в надежде, что монстр его не заметит.

— *Уррхх!!* — рыкнул монстр через плечо, подзывая другого трога жуткой наружности, с обломанными желтыми ногтями и спутанными космами.

— *Аррхх!* — отозвался его спутник, вытаскивая копье из огромного колчана, висевшего у него через плечо, и грозно потрясая им в воздухе. — *Аррхх!*

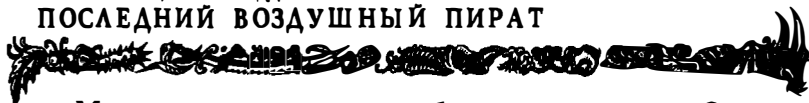
И тут рядом с Плутом зазвучали другие грубые голоса, и из лесной чащи стали выходить неповоротливые глыботроги. У каждого из этих великанов на шее был кожаный ремешок с нанизанными на нем черепами. Черепы лязгали при ходьбе, оскалив зубы и уставясь черными глазницами в пустоту.

— *Аррхх!*

Идущий первым глыботрог заметил мальчика. Глаза их встретились.

— Нет, нет, — в отчаянии пробормотал Плут, переворачиваясь на спину и отталкиваясь руками, чтобы отползти в сторону.

Монстр неторопливо приближался к нему. Он занес над головой мускулистую ручищу и, размахнувшись, метнул в мальчика копье.

Плут увернулся от удара.

Грозное оружие просвистело мимо и вонзилось в спутанные ветви подлеска. Чудовище вытащило еще одно копье и вперевалку затопало вперед. Ожерелье из черепов задребезжало.

Монстр разинул рот, обнажив ряд длинных и острых, как у волка, клыков.

— *Аррхх!* — заревел он.

От резкой, пронзительной боли в коленке Плут чуть не потерял сознание. Дела его были плохи: он не мог пошевелиться. Земля дрожала от гула: Плут слышал тяжелые шаги великанов, ощущал отвратительный запах их потных тел. В неровной игре светотени блеснули грани кремневого наконечника, когда трог, готовясь ко второму удару, занес копье над головой.

— *Аррхх!*

Плут закрыл глаза. Он с грустью понял, каким должен быть конец у этого ночного кошмара, ставшего реальностью.

И вдруг у него за спиной послышался какой-то шорох, потом — жужжание и шум крыльев. Трог завопил.

Плут обернулся и увидел плотную тучу серебристо-черных костлявых созданий, которые роем выпорхнули из кустов, куда упало неточно брошенное копье. Хотя Плут прекрасно понимал гибельность ситуации, инстинкт настоящего Земного ученого возоб-

ладал в нем. У этого вида были длинные остроконечные носы и короткие, похожие на обрубки, крылья треугольной формы. Они явно относились к семейству птицекрысов, которые когда-то селились в трюмах небесных кораблей. Как и птицекрысы, они жили стаями. Но в отличие от своих безобидных сородичей, питавшихся отбросами, эти маленькие злобные существа были хищниками.

Рассекая воздух, бесчисленное множество серебристых созданий, похожих на огромное облако, синхронно хлопало крыльями. Когда вожак делал поворот, остальные поворачивали следом за ним. У Плу-та создалось впечатление, будто на ветру развевается и шлепает колоссальная простыня.

— *Аррхх!* — взревел трог.

Вся стая на лету переменила курс и устремилась вниз, прямо на трога. Отчаянно крича и воя, трог пытался отмахнуться копьем от напавших на него птицекрысов. Несколько крошечных существ рухнуло на землю, но для такой огромной массы потеря десятка-другого не имела значения.

— *Аррхх!*

Плут не отрываясь смотрел, как стая хищников нападает на свою жертву, и любопытство постепенно вытеснило страх. Птицекрысы сожрали трога в одну секунду. Чавканье и урчание наполнило воздух, но всего лишь на мгновение.

Не успел Плут и глазом моргнуть, как стая кровопийц с громкими криками уже вспорхнула в воздух.

Ужас, холодный ужас снова вернулся к Плуту. Птицекрысы обглодали незадачливого глыботрога до косточек. Там, где монстр стоял еще мгновение назад, валялась груда белых костей распавшегося скелета да череп с оскаленными зубами и пустыми глазами. Поверх этой кучи лежало копье.

Увидев, что случилось с их вожаком, глыботроги, воя от страха, кинулись врассыпную.

— *Аррхх!* — вопили они. — *Уррхх!* — Унося ноги подальше от поля битвы, глыботроги ринулись обратно в лес.

Стая мелких летучих хищников сделала круг в воздухе, напоминая могучий воздушный корабль, летящий на всех парусах, и дружно устремилась вслед за спасающимися бегством глыботрогами.

На секунду Плут оцепенел. Он не мог пошевелиться, дыхание у него прерывалось: он втягивал в себя воздух короткими, резкими толчками. Рядом с ним лежал трупик одного из маленьких хищников: у него была сломана шея. Плут подобрал крохотное, покрытое чешуйками тельце. Существо было очень хрупкое — оно свободно умещалось у мальчика на ладони. Из разинутой пасти торчали четыре острых как бритва зуба.

Плут вздрогнул. Каждый зверек в отдельности был относительно безопасен, но, сбившись в стаю, эти плотоядные твари превращались в опасных, не ведающих страха хищников.

Плут постарался получше запомнить это маленькое существо, которое и привлекало, и отталкивало его в равной мере. Если когда-нибудь он вернется обратно в Библиотеку, он опишет этих особей и даст название всему виду. И может быть, какой-нибудь юный помощник библиотекаря прочтет его труд и подумает... Плут решил назвать новый вид «зубогрызами».

Медленно, закусив губу от боли, Плут дотянулся до валявшегося копья, которое теперь только замусоривало Дремучие Леса. Опираясь на древко, Плут поднялся на ноги и оглядел мрачные заросли. Куда бы он ни повернулся, лес стоял глухой стеной. Мальчик вздохнул. Ему удалось спастись от недоумков-глыботрогов, укрыться от кровожадных зубогрызов — и чего ради? Чтобы потеряться в Дремучих Лесах?

Вернувшись в подземную Библиотеку, он часто думал, почему многие из тех, кто писал о Дремучих Лесах, называли их *бесконечными*.

Конечно же, они не бесконечны, говорил он себе. Это хорошо видно на карте. Посмотри, здесь находятся земли Края, а здесь Дремучие Леса граничат с Сумеречными Лесами. Но после того, как недельку-другую побродишь по Дремучим Лесам, слово «бесконечные» покажется самым точным. Они простираются так широко, что можно заблудиться там навек и никогда не найти дороги назад.

Плут был слишком напуган, чтобы звать своих товарищей. Он сам решил отправиться в путь, держа ориентир по солнцу, мерцавшему далеко вдали. Коленка пульсировала от напряжения, и теперь, когда смертельная опасность миновала, он почувствовал слабость от голода. Спотыкаясь, он шел вперед, постоянно озираясь и сдерживая крик, когда зловещие лесные шорохи и звуки раздавались едва ли не из-за каждого куста.

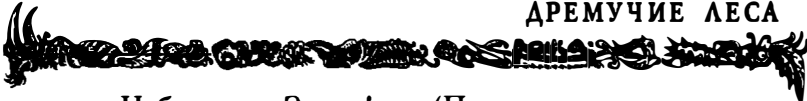
Но что это? Похоже на шаги. Кто-то приближается к нему!

— Все будет хорошо, — прошептал он прерывающимся голосом. — Нечего бояться.

Да, это точно. Кто-то идет сюда тяжелым, уверенным шагом. Может, один из этих ужасных глыботрогов вернулся, чтобы разделаться с ним? Он спрятался за мощным стволом, увитым волосатым плющом, лег на землю и осторожно высунул голову. Листва раздвинулась, и...

— Геккль! — завопил Плут.

— Мастер Плут! — воскликнул Геккль. — Неужели это вы? Плут, мой храбрый господин, вы живы,

хвала Небесам и Земле! — (Плут неловко встал на ноги.) — Да вы ранены! Что с вами случилось?

— Подвернул ногу, — ответил Плут.

Геккль спустился с живопыра и поспешил к мальчику. Согнувшись, он внимательно изучил поврежденное колено.

— Коленка распухла, — сказал он наконец. — Ничего страшного, все обойдется. Присядьте на секунду, я вправлю вывих.

Плут тяжело повалился на землю. Вынув из запячного мешка бинт и горшочек с зеленой мазью, Геккль начал обрабатывать его поврежденную ногу.

— Вы видели этих летучих тварей? — спросил Плут. — Их были тысячи. Они за одну секунду сожрали глыботрога, только косточки остались.

Геккль кивнул, продолжая втирать мазь в коленный сустав.

— И не только его, — мрачно сказал он.

Плут застыл с открытым ртом.

— Вы хотите сказать... Стоб? Магда?

Геккль поднял глаза.

— Я имел в виду других трогов, — сказал он. — Храбрый мастер Стоб и отважная мисс целы и невредимы. Они ждут нас там, где начинаются Серебряные Пастбища.

— Хвала Небесам и Земле, — выдохнул Плут.

— Ну вот и все, — произнес Геккль, аккуратно завязывая бинт на ноге у Плути. — А теперь давайте я вас посажу на моего живопыра!

Они пустились быстрой рысью. Геккль сидел впереди, держа в руках поводья, а Плут, крепко вцепившись в седло, пристроился сзади. Они скакали вперед и вперед, и постепенно плотная стена деревьев начала редеть. Прямо в лицо им подул свежий ветер: он разогнал темные тучи, закрывавшие небо, и в первый раз за день, когда теплые солнечные лучи потоком хлынули на лесную почву, у Плута поднялось настроение. Он с оптимизмом глядел на то, что ждало его впереди.

— Теперь уже недалеко, — сообщил Геккль, указывая на ровный ряд высоких летучих деревьев. — Эта линия — граница пастбищ.

Плут расплылся в улыбке. Они добрались до места! Следующие несколько секунд он пребывал на седьмом небе от счастья.

— Посмотрите! — воскликнул он. — А вот и Магда со Стобом!

— Вы правы, мой храбрый господин, — откликнулся Геккль. — Но... Ах, нет! — Перышки у него взъерошились, а глаза чуть не вылезли из орбит. — Что это такое?

— Что? Что? — переспросил Плут. Он внимательно присмотрелся, не грозила ли его спутникам опасность, но ничего особенного не увидел. Стоб и Магда спешили, привязали своих живопыров к ближайшему летучему дереву и, стоя рядом с длинным бревном и повернувшись спиной к своим товарищам, глядели на расстилающиеся перед ними пастбища.

— Что такое? — снова спросил Плут. Он внезапно испугался.

Геккль стегнул хлыстом живопыра, прищпорил его и, крикнув:

— Берегитесь, мастер Стоб и... — стремглав понесся к юноше, но ветер отнес его слова, — госпожа Магда!

— Кто это меня зовет? — спросила Магда.

Стоб пожал плечами.

— Я ничего не слышал, — сказал он, усаживаясь на бревно.

Магда обернулась.

— Посмотри, — взволнованно произнесла она. — Это Геккль. И Плут с ним!

Стоб нахмурился:

— Почему они несутся сюда сломя голову? И машут руками? Неужели за ними гонятся эти жуткие трог?

Магда вскочила на бревно, чтобы разглядеть получше, что там происходит.

— Не думаю, — ответила она. — Вроде бы никто за ними не гонится. — Приложив чашечкой ладони ко рту, она крикнула: — Что случилось? У вас все в порядке?

— Перестаньте махать руками, моя храбрая госпожа. И немедленно оба уходите оттуда!

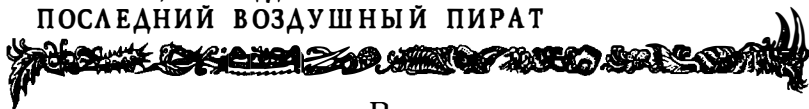
Плут хорошо знал Геккля: он понял, что его товарищи подвергаются смертельной опасности. И он тоже закричал:

— Спасайтесь! Бегите оттуда! Скорее!

И тотчас же послышалось недовольное ворчание, затем злобное шипение. Земля задрожала, посыпа-

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

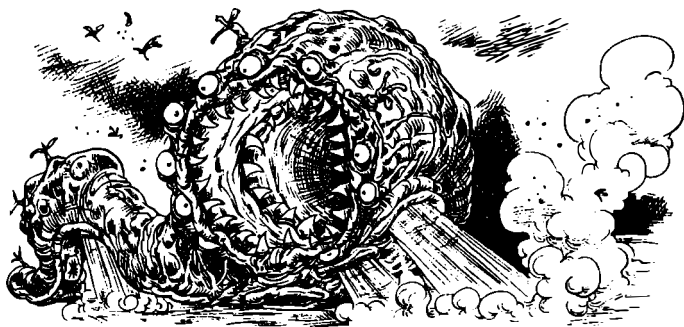
ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

лась мертвая листва. В траве мелькнула парочка улепетывавших лягвожоров.

Плут в ужасе смотрел, как бревно, на котором только что стояли Магда и Стоб, внезапно зашевелилось, сделало бросок и резко поднялось в воздух! Оно извивалось, оно раскачивалось в разные стороны! На одном торце бревна стало раскрываться, — это оказалась жуткая пасть с острыми клыками, за которыми темнела пещеристая глотка. Кровожадное чудовище, завывая и тяжело дыша, наливалось яростью.

— Стоб, — в панике пробормотал Плут, — Магда...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СЕРЕБРЯНЫЕ ПАСТБИЩА

лут замер, с ужасом глядя, как огромное, раскачивающееся во все стороны существо движется словно на воздушной подушке, выпуская струи воздуха из шишковатых канальцев, расположенных в несколько рядов вдоль его массивного, поросшего мхом туловища.

— Это Чурбак! — закричал Геккль. — Спасайтесь! — И он пришпорил своего живопыра.

Стоб упал на землю под зависшим над ним червяком, похожим на огромное бревно, и лежал, не шевелясь. Магда плюхнулась ничком неподалеку от стреноженных живопыров, которые в страхе встали на дыбы, а затем попятились, когда Чурбак проплыл в воздухе над ними.

— Стоб! — отчаянно вскрикнула Магда, увидев, как алчное чудовище раскрыло зубастую пасть и приготовилось броситься на ее поверженного товарища.

Чурбак на секунду отвлекся, привлеченный ее голосом. Магда взвизгнула. Живопыры забились в испуге, попискивая, скуля и вращая вылезающими из орбит глазами. Расположенные по кругу зеленые

глаза Чурбака уставились на обезумевших от страха животных.

— Магда, умоляю тебя, — крикнул Плут, — выбирайся оттуда!

Голос его утонул в шуме: слышно было лишь оглушительное шипение гигантского червя, который, раскрыв алчную пасть, с силой втягивал в себя воздух. Груда листьев и шишек вихрем влетела в изрытую ямами глотку чудовища, когда оно двинулось на Магду и помертвевших от страха живопыров. Они визжали, пищали и упирались, но поток воздуха неумолимо всасывал их в воронку разверстой утробы. Магда все еще стояла там, в отчаянии цепляясь за упряжь гибнущих живопыров.

— Магда! — прохрипел Плут.

Геккль дернул за поводья, и его живопыр остановился. Шрайк тотчас же спрыгнул на землю и стремительно помчался на помощь Магде.

— Моя храбрая госпожа, — крикнул он девушке, хватая ее за запястье и оттаскивая в сторону. Он подоспел как раз вовремя: еще мгновение — и ее плащ, раздувающийся в вихреобразных потоках воздуха, был бы засосан чудовищем.

Послышался треск разрывающейся упряжи: *хрусть!* Туго натянутые поводья лопнули, и один из несчастных, жалобно попискивающих живопыров исчез в пасти бревнообразного червя. Раздалось сладострастное урчание и громкое чавканье, — Чурбак содрогнулся, и его длинное тело вздыбилось горбом, когда внутрь провалилась все еще всхлипывающая жертва.

Геккль, тащивший за руку Магду, добежал до Стоба и потянул его за рубашку.

— Вставайте, мой храбрый господин, — сказал он. — Вставайте же!

Библиотечный подмастерье застонал.

Раздался еще один такой же звук: *хрусть!* — и в пасти реющего над землей гигантского червя исчез второй плачущий живопыр. Чурбак плотоядно рыгнул.

Геккль и Магда помогли Стобу подняться и увели его от извивавшегося в корчах монстра. Плут пришипил своего обезумевшего от страха скакуна.

— Давай, дружок, — сказал он, — поскакали! Им нужна наша помощь! Ноо-о-о!

Прижавший уши живопыр издал душераздирающий вопль. Чурбак, развернувшись, полетел на голос, и через секунду Плут уже видел перед собой разверстую алую пасть гигантского летающего бревна. Расположенные по кругу зеленые глаза злобно и пристально глядели на него. Мерзко шипя, Чурбак завис над мальчиком, жадно и порывисто втягивая в себя все, что попадалось на пути. Плут почувствовал, что живопыра как будто засасывает водоворот. Мальчик натянул поводья в яростной попытке устоять против неистовой силы вихря, который, кружась, увлекал их все ближе и ближе к зияющему провалу пасти. Внезапно упряжь с треском лопнула: *хрусть!* Поводья остались у мальчика в руках.

— Только не это! — простонал он, бросая ненужные обрывки тильдячых ремней на землю и припадая к шее живопыра.

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

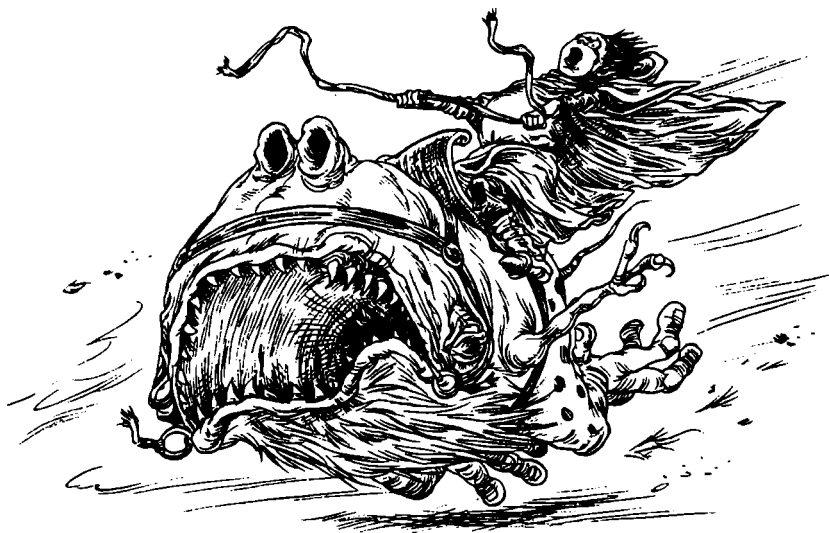
ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

— Воюй с теми, кто тебе под стать! — закричал Геккль Чурбаку, и Плут увидел крошечного шрайка, который, грозно сверкая глазами и распушив перья, воинственно бил веткой колыбельного дерева по земле. В ярости, что его отвлекли, огромный Чурбак сделал в воздухе разворот и помчался навстречу шрайку.

Почувяв свободу, живопыр рванул с места и понесся прочь с бешеной скоростью. Доведенный до отчаяния Плут вцепился ему в шею. Они проскочили сквозь редкую гряду летучих деревьев и выехали на яркий свет: перед ними расстилались безбрежные просторы Серебряных Пастбищ.

Плут сразу же испытал облегчение. Широко раскинувшиеся пастбища, поросшие волнистой травой, были очень живописны. Серебристая зелень про-

странств, насколько хватало глаз, нарушалась изредка толстыми черными мазками — это на тучных угодьях паслись стада ежеобразов и тильдеров.

Необозримое небо над пастбищами было усеяно маленькими точками: кружила стая снежариков, пролетал клан пискунов, весело щебетали чиркуны, на высоте рыскал равнинный ястреб, готовясь камнем упасть на свою жертву, и далеко-далеко, у самого горизонта, степенно махала крыльями Птица-Помогарь. Внизу, по равнине, медленно шагали стада. Теплый воздух был пронизан душным запахом густой шерсти, смешивающимся с дурманящим ароматом свежетопанных трав, и громкое, звучное мычание оглашало окрестности.

Вдруг за собой путешественники снова слышали пронзительное шипение. Чурбак! Плут вонзил каблуки в бока скачущего галопом живопыра, боясь даже оглянуться. Огромный монстр преследовал их, плывя над зеленым океаном трав. Впереди крупное стадо лохматых ежеобразов, издав трубный глас, развернулось и, поднимая тучи пыли, понеслось прочь.

Бревнообразный червь реял над их головами. От его пыхтения у Плута вздымалась накидка, волосы на макушке встали дыбом, а бедный живопыр еле дышал от страха.

— Скорее! Скорее! — в отчаянии подгонял Плут свою животину. — Не останавливайся!

Живопыр беспомощно захрапел. Он выбился из сил, вот-вот — и он рухнет! Крепко прижавшись, Плут обнял его за шею и шепнул прямо в ухо:

— Ты сделал все, что мог!

Живопыр споткнулся, и Плут закричал. Они оба покатались в разные стороны по мягкой душистой траве. Разверстая пасть Чурбака нависла над Плутом: все ближе, и ближе, и ближе...

— Нет! — воскликнул он. — Только не это!

И тут мальчик краем глаза заметил какое-то быстрое движение. В следующую секунду что-то налетело на него, сдавив грудь: чьи-то руки подхватили его, блеснула деревянная обшивка, захлопали паруса — и он взмыл в поднебесье!

У Плут перехватило дыхание. Он плыл по воздуху, поднимаясь все выше и выше.

— Как раз вовремя, мой друг, — услышал он чей-то голос позади себя. Плут повернул голову. Он был на воздухоплане! И он летел! Летел! А за ним, устроившись на узком седле, сидел пилот, юный, крепко сложенный душегубец в летной форме, с защитными очками на носу. Небесный кораблик взял курс по левому борту.

— Сиди спокойно, друг, — серьезно произнес душегубец. — Мой летательный аппарат не привык к пассажирам.

Плут обернулся, с трудом веря в то, что происходит. Он обвил руками грубо вытесанную фигуру на носу небохода и прижался к ней всем телом. Сердце его клокотало от радости.

Он летит!

Далеко внизу он услышал отчаянный вопль. Наклонившись, Плут увидел, как его храбрый незадачливый живопыр исчезает в алчной глотке чудовища. Последний жалобный всхлип огласил воздух. За-

тем — тишина. Плут вздрогнул и, ослабив хватку, чуть не свалился с воздухоплана.

— Эй, ты, потише там, друг! — прикрикнул на него пилот. — Ты что, в первый раз в воздухе?

Плут кивнул, стараясь больше не смотреть вниз.

В этот миг хрупкий летательный аппарат попал в воздушную яму. Кораблик трясло и качало, он то и дело нырял носом вниз. Пилот, ловко орудуя, принялся натягивать различные канаты, выравнивать противовесы и поправлять паруса. Пытаясь удержать аппарат в равновесии, он сунул ноги в тонкие гнутые стремяна. Плут затаил дыхание. Сердце у него ушло в пятки, когда он увидел, что земля, кружась, стремительно приближается к ним.

— Я так и знал, так и знал, — бормотал себе под нос душегубец натягивая одновременно два каната. — Я ведь знал, что эта посудина не вывезет двоих!

Внезапно кораблик перестал падать и снова взмыл в небо, но в этот момент его чуть не снесло резким порывом ветра. Желудок у Плута заходил ходуном, когда от налетевшего вихря небоход сделал мертвую петлю и чуть не вошел в штопор. Трепыхались залатанные паруса, и кораблик мотало то туда, то сюда.

— Помогите! — отчаянно завопил Плут, не в силах сдержать крик. Но голос его потонул в завывании ветра. Мальчик посмотрел через плечо.

Сидевший позади душегубец, закусив от напряжения губу, крепко вцепился в рычаги управления. Небоход трясло и болтало во все стороны: казалось, он вот-вот рассыплется на части.

— Эй, полегче на поворотах, старая калоша, — ласково уговаривал душегубец свою посудину, покачивая ногами в стремянах и одновременно распутывая клубок веревок.

Плут боялсядохнуть.

Мало-помалу душегубец, по лбу которого пролегла глубокая складка от напряжения, сумел выровнять летательный аппарат. Мышцы ног у него были напряжены: он был готов к сражению, если ветер налетит на них снова. Плут вцепился в резную фигуру на носу небохода так яростно, что суставы пальцев у него побелели.

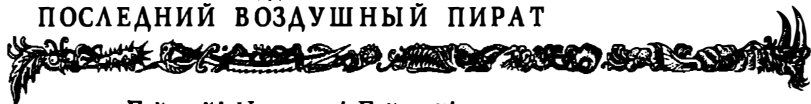
Тут небоход сильно трянуло. Ветер дул им прямо в спину. Канаты были готовы лопнуть, паруса трещали по швам. Дав ужасный крен, кораблик застонал, доски зловеще закрипели, и внезапно небоход помчался как стрела.

Плут не ожидал, что они так разгонятся. Его отбросило назад с такой силой, что у него дыхание сперло, и от испуга он крепко зажмурился.

— *Гей-гей! У-лю-лю! Гей-гей!* — радостно завопил душегубец. Плут нахмурился, не понимая, что происходит. Как душегубец мог ликовать, попав в такую передрагу: может, юный пилот спятил со страху?

Плут рискнул бросить взгляд через плечо. Они неслись вперед на сумасшедшей скорости, под невероятно крутым углом, но душегубец, казалось, полностью владеет ситуацией. Привстав на стремянах, он по одному натягивал канаты, чтобы уменьшить кривизну раздутых парусов и одновременно удерживать в равновесии свой хрупкий небоход.

— *Гей-гей! Улю-лю! Гей-гей!* — снова закричал пилот.

Прямо перед собой Плут увидел высокую башню: грубо отесанный кусок дерева, который торчал посреди пастбищ, как необъятных размеров стрела. Ниже шпиля в разные стороны торчали сколоченные на скорую руку взлетно-посадочные площадки и примитивные лестничные переходы, обрамленные рядом фонарей: их свет был хорошо виден, даже несмотря на сияние Серебряных Пастбищ.

— Ну же, моя старушка, моя красавица, я знал, что ты выдержишь! — пробормотал себе под нос душегубец. — Мы почти долетели!

Он натянул плетеный черный канат, и парус по левую сторону от Плута поднялся. Результат оказался немедленно: посудина, замедлив ход, начала по спирали кружение вниз, как слетает с дерева кленовый лист. Они сделали оборот вокруг высокой башни, похожей на стрелу, и спустились, прицельно сев на грубые доски взлетно-посадочной площадки.

Плут скатился на настил в полном изнеможении, но душа его ликовала. Душегубец снял защитные очки и соскочил с седла. Лицо его было озарено радостью.

— Ура! — засмеялся он, поглаживая резную фигуру на носу деревянного небохода. — Я знал, что старушка меня не подведет! — Он внезапно посерьезнел. — Что знает об этом профессор Тьмы? «Нельзя вдвоем летать на небоходе, это невозможно...» Ну что? Мы доказали, что это возможно! Так, моя старушка, моя маленькая «Пчелка?» — Он ласково погладил резную голову своего кораблика.

Плут похлопал душегубца по плечу:

— Меня зовут Плут Кородер, и я от всей души хочу тебя поблагодарить... — Он помолчал немного. — Мне показалось, что ты упомянул *профессора Тьмы*? Ты тоже подмастерье?

Душегубец, опустив глаза, рассмеялся.

— Я, Кастет, подмастерье? Нет, я — простой пастух. Профессор — мой знакомый. — Он посмотрел Плуту прямо в глаза, как будто увидел его в первый раз.

— Но ты так хорошо умеешь летать, — заметил Плут. — Кто же научил тебя, если не мастера с Озерного Острова?

— Я сам научился, — ответил Кастет. Он любовно похлопал свой небоход. — Построил его из обрезков. Конечно, это не самый красивый кораблик в мире, но знаешь, какое замечательное создание моя «Пчелка»? Послушная, чуткая, отзывчивая...

Плут был заинтригован.

— Ты говоришь о своей «Пчелке» так, словно это — живое существо, — сказал он.

— Короче говоря, в каждом небоходе есть секрет, — серьезно отвечал Кастет. — Относись к своей небесной посудине как к женщине — люби ее, будь с ней ласков, уважай ее, и она вернет твою любовь стократ. Когда я увидел, что ты попал в беду, она первой бросилась спасать тебя от Чурбака. «Мы поможем ему! — сказала мне „Пчелка“. — Мы сделаем это вместе». И она была права.

— Благодарение Земле и Небесам, — тихо промолвил Плут. — Без вас я бы погиб.

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

Внезапно раздались чьи-то голоса. Плут огляделся и увидел с полдюжины небоходов, кружащих над ними. Каждым управлял один пилот. Как и Кастет, все они были из племени душегубцев: у них были огненно-рыжие волосы, и одеты они были в летную кожаную форму. Душегубцы радостно махали им сверху.

— Это потрясающе, Кастет! — кричал один.

— Таких невероятных полетов я еще не видел! — удивлялся другой.

— С пассажиром на борту! — восторгался третий. — Если бы я не видел этого собственными глазами, я бы сказал, что это невозможно!

Один за другим все небоходы приземлились на деревянные мостки ниже ярусом, и по шатким лестницам пилоты поднялись к герою. Кастет низко опустил голову, склоняясь перед товарищами.

— Пустяки, — сказал он скромно, и на лице его появилась застенчивая улыбка. — Это все сделала моя «Пчелка», моя красавица...

— Ты — отличный летчик, — вмешался Плут. Он повернулся к остальным: — Видели бы вы, как он кам-

— нем упал вниз и буквально выхватил меня из пасти огромного червя! А как он выбирался из воздушных ям! И как справлялся со штормовыми ветрами! — Он в восхищении покачал головой. — Видели бы вы это все! — Он снова посмотрел на юного душегубца: — Кастет, ты был просто великолепен! Ты спас мою жизнь!

— А *ты* кто такой? — спросил низкорослый крепыш, делая шаг вперед.

— Похож на купца, — раздался чей-то голос.

— Может, из подмастерьев... — слышался другой.

— Он и есть подмастерье, — ответил за него Кастет. — Его зовут Плут Кородер.

Плут кивнул.

— Я путешествовал с двумя другими подмастерьями, — сказал он. — Нас вел шрайк, проводник, на Вольную Пустошь. Вы не видели их? Вы не знаете, у них все в порядке?

— Шрайк? — переспросил Кастет, брезгливо сморщив нос.

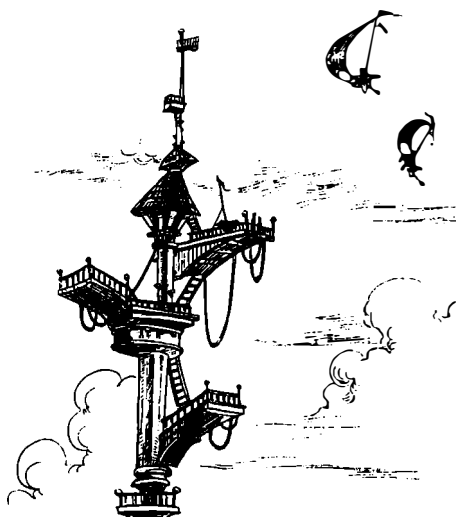
Остальные тоже что-то пробормотали с недовольным видом. Явно шрайки были не в чести у душегубцев.

— Этот не такой, как остальные, — пытался разубедить их Плут. — Он добрый, заботливый...

— Ну-ну, если он добряк, тогда я — тильдячья сосиска! — громко пошутил кто-то, и все рассмеялись.

— Ну, летаешь ты точно как сосиска, — слышалось в ответ, и все покатались от хохота.

Кастет повернулся к Библиотечному Рыцарю.

— Пошли, — позвал он, беря мальчика за руку. — С западной площадки открывается чудесный вид. Может, оттуда ты увидишь своих друзей.

Плут почувствовал, что душа у него замирает, когда они в надвигающихся сумерках вышли на западную взлетно-посадочную площадку. С такой высоты стада ежеобразов и тильдеров, мирно пасшихся внизу, казались не больше муравьев. Мальчик судорожно вцепился в балюстраду.

— Мы так высоко! — дрожа, пробормотал он.

— Иначе не было бы смысла забираться сюда! — сказал Кастет.

— Я понимаю, — ответил Плут. — Но почему площадка качается?

— Поднялся ветер, — объяснил Кастет, глядя на небо. — Скоро, похоже, будет гроза.

Плут нахмурился. Повернувшись к Кастету, он спросил:

— Гроза? С дождем, молнией и громом?

Кастет усмехнулся:

— Ну да! И если тебе повезет, увидишь градины величиной с кулак.

— Величиной с кулак... — задумчиво пробормотал Плут.

Душегубец с изумлением посмотрел на него:

— Ты что, никогда раньше грозы не видел?

Плут покачал головой.

— На моем веку ничего подобного не было, — грустно сообщил он. — Я вырос под землей, в мире, где существуют только канализационные трубы и сырые, темные камеры, освещенные искусственным светом. — Он повернулся и, откинув назад голову, подставил лицо теплым, золотым лучам солнца. — Ничего подобного там нет. И все, что мне известно насчет погоды, — он снова обернулся к Кастету, — я вычитал в берестяных свитках или в трудах библиотечных ученых.

— Значит, ты никогда не чувствовал запаха миндаля, когда ударяет молния? И не слышал, как гремит гром и содрогается земля? И не ощущал легкого прикосновения снежинок, что тают у тебя на щеке? — Он замолчал, заметив, что Плут густо покраснел. — Я даже завидую тебе, Плут Кородер. Как, наверное, здорово увидеть все это в первый раз, когда ты уже достаточно взрослый, чтобы оценить эту красоту!

Плут улыбнулся. Такое никогда не приходило ему в голову.

— А теперь давай посмотрим, не видно ли твоих друзей, — продолжал Кастет. — Если Чурбак сожрал их живопыров, значит, они идут сюда пешком.

— Я на это очень надеюсь, — сказал Плут, вслед за душегубцем окидывая взглядом окрестности.

— Вот, значит, откуда ты пришел, — догадался Кастет. — Из Восточного Посада. Если присмотреться, то отсюда можно увидеть шпиль Посадской башни.

Плут кивнул. Густо-оранжевое солнце уже готово было закатиться за горизонт, и деревья начали погружаться во мрак. Шпиль был устремлен в небо, как игла, и последние лучи солнца золотили его верхушку. Кастет сделал широкий взмах, обводя окрестности.

— Вон там — Гоблиново Гнездо, — сказал он. — А вон там — Опушка Литейщиков. Видишь, небо над этим местом темнее, чем везде? Это из-за зловонного дыма, идущего из заводских труб.

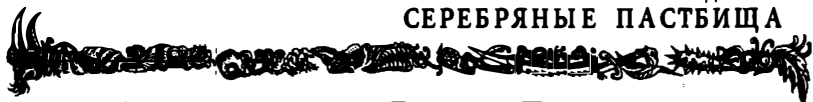
Далеко на горизонте Плут увидел тяжелые черные облака с красными всполохами.

— Нехорошее место, — решил он.

— Хочешь, дам тебе совет? — серьезно спросил Кастет. — Опушка Литейщиков не для таких, как мы. Там в десять раз хуже, чем в Нижнем Городе: говорят, там сплошные печи для плавки металла и рабы...

— Рабы? — переспросил Плут, содрогнувшись.

— И еще кое-что похуже... — мрачно продолжал Кастет. Совсем непохоже на Вольную Пустошь. — Душегубец улыбнулся. — А вот на Вольную Пустошь стоит посмотреть.

— А в какой стороне Вольная Пустошь? — спросил Плут.

Кастет развернул Плута, и тот оказался спиной к заходящему солнцу.

— Вон там, — показал он. — За грядой, где растут железные деревья. Это самое красивое место в землях Края.

— Так близко? — удивился Плут, дрожа от волнения.

Вглядываясь во тьму, Плут испытывал смешанные чувства — и радость, и печаль одновременно. Радость — оттого что был уже так близок к цели своего путешествия, а печаль — потому что на секунду отвлекся и забыл про товарищей, которые сейчас были неизвестно где...

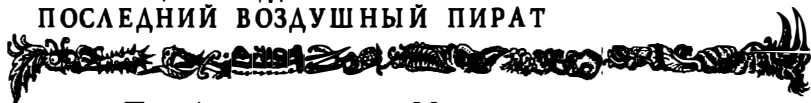
— Плут! — Его имя, принесенное ветром, эхом отразилось от стены башни. — Плут!

— Магда? — произнес Плут, торопясь увидеть спутницу. Схватившись за грубо сколоченные перила, он перегнулся через них, чтобы посмотреть вниз. Под собой он увидел группу душегубцев, похожих отсюда на муравьев. Когда над оградой показалась его голова, вся компания дружно принялась махать руками, указывая на него. Трех толпа выпихнула вперед.

Плут вскрикнул от радости.

— Магда! — завопил он. — Стоб! Геккль!

Плут стремглав бросился вниз, кубарем скатился по сходням, соединяющим взлетно-посадочные площадки, и наконец большими прыжками преодолел скрипучую винтовую лестницу.

— Плут! — закричала Магда, увидев, как он бежит из башни.

Она бросилась ему навстречу, чтобы поскорее обнять его. Девочка готова была разрыдаться от радости.

— Мы уж думали, что потеряли тебя навсегда, — всхлипывая, проговорила она. — А потом увидели, как спускается душегубец на небоходе...

— А мне показалось, что я видел тебя на небесном корабле, — вмешался Геккль.

— Так и было, — просияв, сказал Плут и повернулся к Кастету, который последовал за ним. — Вот Кастет, который спас мне жизнь.

Геккль подошел к душегубцу:

— Вы — настоящий друг всех Земных и Небесных ученых.

Кастет скромно потупился.

— Спасибо, — пробормотал он. — На моем месте так поступил бы каждый.

Магда, подойдя к душегубцу, пылко обняла его.

— Ты слишком скромный, Кастет! — сказала она. — Большое тебе спасибо! Спасибо и еще раз спасибо! — И она трижды поцеловала душегубца.

Толпа душегубцев радостно загикала, одобряя ее поступок.

Кастет залился румянцем: его красноватая кожа, вспыхнув, стала пунцовой. Поднялся страшный шум и тарарам, и Геккль с трудом смог перекричать толпу.

— Нам пора уходить, — сообщил он.

Не обращая внимания на протесты и вежливо отклоняя приглашения остаться на ужин и на ночлег, он поднял лапу и призвал всю компанию к тишине.

— Сегодня, — начал он, и душегубцы замерли в молчании. — Сегодня мы будем обедать, ужинать и ночевать в Вольной Пустоши.

Снова раздались одобрителные восклицания. Пока Геккль уводил за собой маленькую группу путешественников, им вслед неслись напутствия и пожелания счастливого пути.

— Да помогут вам Земля и Небо! — махали душегубцы на прощание. — Не забывайте нас!

Плут обернулся.

— Я никогда вас не забуду! — отозвался он. — Никогда в жизни! Прощай, Кастет! До свидания!

Солнце к этому времени уже зашло, и яркое зарево на горизонте постепенно стало гаснуть, пока не превратилось в тонкую полосу размытого света. На небе высыпали звезды, и когда они поднимались по круче, поросшей железными деревьями, начали подавать голоса ночные жители, переключаясь во тьме друг с другом.

— Отсюда до Вольной Пустоши рукой подать, — пыхтя, произнес Плут.

— Да, теперь уже недалеко, — отозвался Геккль.

Грядя поднималась отлого, но сам склон казался бесконечным. Много раз они думали, что уже добрались до гребня, но подъем все продолжался. Взошла луна, и ее яркий свет заливал округу. Плут вытер блестящий от пота лоб.

— Дорога длиннее, чем я думал, — произнес он. — А Кастет говорил...

— *Ш-ш-ш!* — цыкнул на него Геккль, скосив голову набок. — Ты слышишь? — прошептал он.

Плут прислушался.

— Нет, только не это! — простонал он, справа от себя услышав знакомое грозное шипение — ошибиться было невозможно.

— Чурбак! — замирая от ужаса, прошептала Магда.

— Похоже, это он! — нервно пробормотал Геккль. — Леса вокруг пастбищ буквально кишат всякими гадами. Уж больно хороша добыча.

— Что же нам делать, Геккль? — задохнулся Стоб.

Плут отметил про себя, что высокомерный тон у его товарища куда-то исчез.

— Найдите себе дерево и взлезайте на него как можно скорее. И постарайтесь не шуметь! — сказал Геккль. — Бегом!

Они сделали так, как им было велено. Быстро и без шума они взобрались на железное дерево и примостились на ветках, словно птичекрысы, укрывшись покрывалами-невидимками из паутины ночных пауков. Шипение становилось все громче: Чурбак приближался, подняв в воздух тучи листьев. В следую-

щую секунду его тупое рыло с оскаленными клыками и горящими глазами уже мелькало среди деревьев, освещенных луной.

Затаив дыхание и стараясь унять дрожь, все застыли, только сердца громко стучали в тишине. Плут молил небеса, чтобы чудовище сгнуло: ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

И вдруг небо потемнело: огромная туча закрыла луну. Плут высунулся из-за ветки и услышал дружное хлопанье крыл.

— Зубогрызы! — ахнул он.

— Да, кажется, так называются эти создания. — пробормотал Стоб, устроившийся на дереве по соседству от Плути.

Огромный червь зашипел еще громче и устремился к путешественникам. Плут съежился. А под ними рой зубогрызов, похожий на закрученный спиралью вихрь, уже несся стрелой в их направлении. Когда живая туча промчалась, луна снова засияла на небе, омывая светом бесчисленное количество серебристо-черных крылышек. Кровожадные твари летели прямо на путешественников.

Плут застонал: из огня да в полымя. Если их не проглотит Чурбак, то они будут с потрохами сожраны зубогрызами. И это сейчас, когда столь близок конец их странствий!

Вдруг, безо всякого предупреждения, Чурбак сделал разворот и помчался навстречу рою зубогрызов. Плут замер, увидев, как содрогается огромное змеистое тело чудовища. Чурбак засасывал их, и летучие

твари исчезали в широкой темной глотке, напоминающей тоннель.

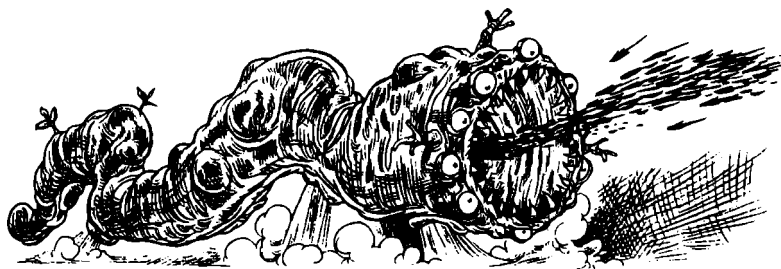
Червь изгибался, извивался, поглощая мириады крохотных созданий, и его шипение напоминало свист, с которым пар вырывается из носика огромного чайника. Наконец последний крошечный зубогрыз исчез в необъятной глотке червя, и Плут обернулся к Гекклю.

— Он их всех уничтожил, — сказал мальчик.

— Как раз наоборот, мой храбрый господин, — возразил Геккль. — В Дремучих Лесах все не так, как кажется на первый взгляд.

— Но... — начал Плут.

Как раз в это мгновение червь издал оглушительный, душераздирающий вопль. Он завыл от боли, и его крик подхватило эхо; листва на деревьях задрожала, и у Плута волосы на голове встали дыбом. Ужас приковал его к месту, пока он наблюдал, как огромный извивающийся червь исчезал буквально на глазах. Зубогрызы пожирали его изнутри, и наконец от него не осталось ничего; на секунду огромный рой задержался в воздухе, сохраняя форму чудовища, только что сожранного ими без остатка, а затем, как

по сигналу, зубогрызы взмыли в воздух, но уже не тучей, не роем, а по одному, по двое, и разлетелись в разные стороны.

На подгибающихся от страха ногах Плут спустился с железного дерева.

— Я... я не понимаю... — сказал он. — Почему рой распался?

Геккль тоже спорхнул вниз и опустился на землю рядом с Плутом.

— Они обезумели от голода, — пояснил он. — А теперь безумие прошло, они сыты. Они собьются в стаю, когда снова проголодаются. — Он мрачно рассмеялся. — Теперь настал их черед стать пищей для других. Многие из них послужат добычей для лесных хищников.

Плут от удивления помотал головой. Он много читал о хрупком равновесии сил в живой природе, о постоянной борьбе за выживание в Дремучих Лесах, о хищниках и их жертвах. Теперь он воочию убедился в этом. Он поражался, как тут все тесно переплетено. Здесь никто не мог взять верх над другими. Победитель мог проиграть битву, а жертва — превратиться в победителя. И весь этот бурный и сложный процесс шел бесконечно!

Плут подумал о диссертации, которую он должен написать, и о толстолапах — предмете своего исследования. Они в отличие от остальных были добродушными созданиями. Благородные. Скромные. Дружелюбные. По крайней мере так считали все, даже Варис Лодд. Вскоре он собирался заняться этим сам.

ПОЛ СТУАРТ, КРИС РИДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

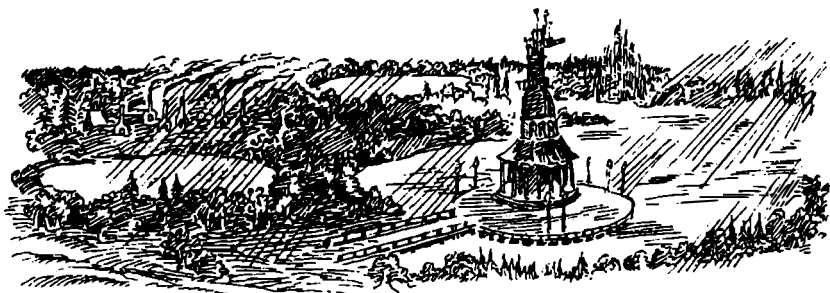

— Ну, пошли, мои храбрые друзья, — сказал Геккль, наконец-то добравшись до перевала. — Скоро мы будем на месте.

Стоб и Магда двинулись за ним. Плут замыкал цепочку. Сердце у него забилося от предвкушения нового и неизвестного. Когда они подошли к кромке уступа, он ожидал увидеть за ним еще один склон, а за ним следующий...

На сей раз они действительно добрались до самой вершины. Отсюда начинался крутой спуск, а за ним во всем великолепии расстилалась Вольная Пустошь. Справа от себя он увидел сноп золотисто-медовых лучей, слева — мерцающий круг факелов, а дальше — тускло-красное свечение плавильных печей. Где-то на горизонте, как серебряные монетки в лунном свете, блестели три озера. Посреди самого крупного из водоемов, сверкая и переливаясь в свете цветных фонарей, виднелось высокое здание, увенчанное шпилем. Это и было то самое место, где они собирались учиться.

— Озерный Остров, — сказал Плут, указывая рукой вперед. — Наш новый дом.

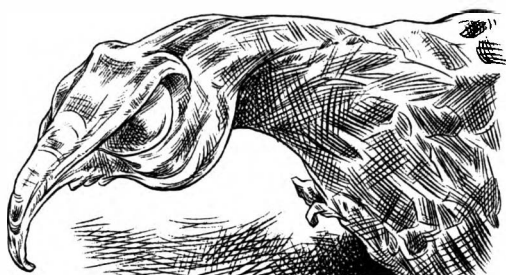

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«БУРЕВЕСТНИК»

Озерный Остров

приподнятом настроении Плут, Магда и Стоб сбежали по крутому склону. Громко кудаяхтая и хлопая крыльями, Геккль спешил за ними.

— Осторожнее, мои храбрые друзья! — задыхаясь, кричал он. — Не бегите так быстро, мисс!

Деревья кончились, и они оказались на утопанной многими сотнями ног проезжей дороге, где виднелись и колеи от тележных колес. Перед ними открылся прекрасный вид на Вольную Пустошь, напоминающий расшитую жемчугами и драгоценными камнями ткань.

У Плута сердце забилося сильнее, пока он как зачарованный смотрел по сторонам. В лунном сиянии казалось, что жилища обитателей Вольной Пустоши, отбрасывая длинные четкие тени, купаются в серебре. Три подмастерья застыли на месте, глядя во все глаза. Воздух был наполнен звуками и запахами. Остро пахло кожей и прокисшим пивом, но эти запахи перебивал аромат пряностей и благоухание душистых трав. Вдалеке Плут различил гул голосов — там весело пели и смеялись. Геккль, суетливо семена

вслед за юными путешественниками, никак не мог перевести дух. Всклопоченные перья на его шейке стояли торчком, а тонкий остроконечный клювик дрожал.

— Вон там живут гоблины-пауконоги. — Он кивнул в сторону кучки приземистых хижин, покачивающихся на болотистой почве. — Питаются в основном угрями, но, говоря по правде, во вкусах они не очень-то разборчивы. А вон там, — Геккль махнул головой, указывая через правое плечо на высокий, крутой, изрытый ямами холм, — пещеры дуркотрогов. На это стоит посмотреть! Говорят, они селятся целыми кланами в одной пещере, иногда по сотне душ и больше..

Внезапно они услышали топот копыт за спиной.

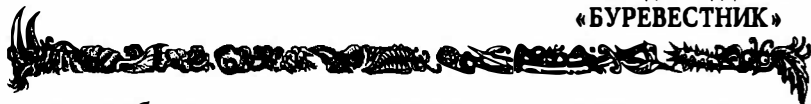
Обернувшись, они увидели двух гоблинов-утконосов верхом на живопырах. И седоки, и скакуны были в тяжелых кожаных доспехах. Гоблины были вооружены пиками из железного дерева и щитами в форме полумесяца. Один из них остановился и, выпрямившись в седле, внимательно оглядел вверенную ему территорию.

— Подойдите ко мне и назовитесь, — рявкнул страж.

Геккль выступил вперед и, подняв лапу, показал гоблину медальон с зубом дуба-кровососа.

— Друзья Земли и Неба, — сказал он.

Плут и его товарищи также предъявили свои амулеты. Страж кивнул. Плут, находившийся рядом со всадником, заметил, что его кожаные латы испещре-

ны зазубринами и царапинами — следами многочисленных сражений.

Вскоре появился третий воин.

— Эй, Глок, Стэг! — крикнул он. — У северных границ видели мародеров! Нас срочно вызывают туда!

Страж повернулся к Гекклю и трем его подопечным.

— Проходите, друзья, — сказал он. — Счастливого пути!

Он натянул поводья, ударил шпорами в бока живопыра, и его скакун, разбрасывая комья грязи, галопом помчался вслед за остальными всадниками.

— Вольная Пустошь — прекрасное место, где все живут в мире, мои храбрые друзья, — произнес Геккль. — Но за это многим пришлось положить свою жизнь. Ну, пошли. Нас ждет Озерный Остров.

Они спустились по широкой лестнице, освещенной огромными качающимися фонарями, миновали купу темных, уходящих в высь деревьев, кажущихся гигантами на фоне серого мглистого неба.

— А кто тут живет? — спросил Плут.

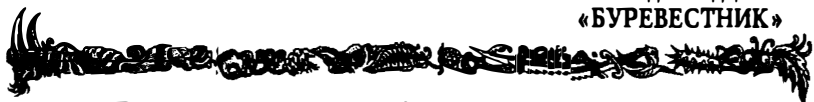
— Эльфы, — ответил Геккль. — Это место называется Долиной Эльфов. Сюда можно попасть только по приглашению, потому что жизнь эльфов загадочна и покрыта тайной даже здесь, в Вольной Пустоши.

— А это что? — взволнованно спросил Плут, поворачиваясь направо.

Вдалеке все было залито светом: длинные ряды фонарей освещали узкие улочки и роскошные дома: одни были массивные и приземистые, другие, увенчанные изящными башенками, — высокие и узкие.

Геккль обернулся:

— Это, мой храбрый господин, Новый Нижний Город. Он сильно отличается от старого. Тут вас радушно встретят, предложат вкусную еду и, если захотите, бесплатный ночлег в гамаке в маленьком пчелином домике.

— В пчелином домике? — с воодушевлением переспросил Плут. — Вы говорите вон про те сараюшки, похожие на воинские каски?

— Именно так, мой храбрый господин. Они...

— Небо и Земля! — воскликнул Плут. — А как же тогда вот это называется? — И он указал на самое высокое здание в городе — с замысловатыми архитектурными украшениями, зарешеченными окнами и нацеленным в небо шпилем.

— Это — башня из летучего дерева, мой храбрый друг, — отвечал Геккль. — Она походит на дворец Вокса Верликса в Старом Нижнем Городе, но только доступ сюда открыт для всех, и каждый может открыто высказывать свое мнение в Палате Собраний и Заседаний.

— А можно нам пойти к эльфам? И посмотреть на пчелиные домики? — с энтузиазмом спросил Плут. — А можно нам влезть на башню?

— Ах, мастер Плут, — рассмеялся Геккль и со смирением поклонился, — у вас еще будет время осмотреть здесь все, что вы захотите. Но прежде мы должны добраться до Озерного Острова.

Плут вспыхнул.

— Простите меня, — извинился он. — Но тут все такое... такое... — он описал широкую дугу в воздухе, — такое...

— Пойдем уж... — сварливо огрызнулся Стоб. — Я устал, и Магда тоже.

Магда, пожав плечами, улынулась, но Плут заметил, что у нее синие круги под глазами.

— Поверьте мне, — продолжал Геккль, — лучшее у вас еще впереди. — Он взял Плута за руку. — Ну, пойдем, мой храбрый друг.

Они миновали Долину Эльфов, Свинцовая Роща тоже осталась позади. Городской шум постепенно стих; и пока на иссиня-черном небе вставала луна, воздух сделался прозрачен и тих.

Плут глядел по сторонам, но вопросов старался не задавать. В серебристом сиянии покачивали головками большие белые цветы, сидевшие на ветвях желто-черные птички распевали свои песни под лунной, шелестела трава, под ногами похрустывали камешки на дороге. Они прошли сквозь проем в зарослях душистого жасмина и...

— Вот это да! — ахнул Плут.

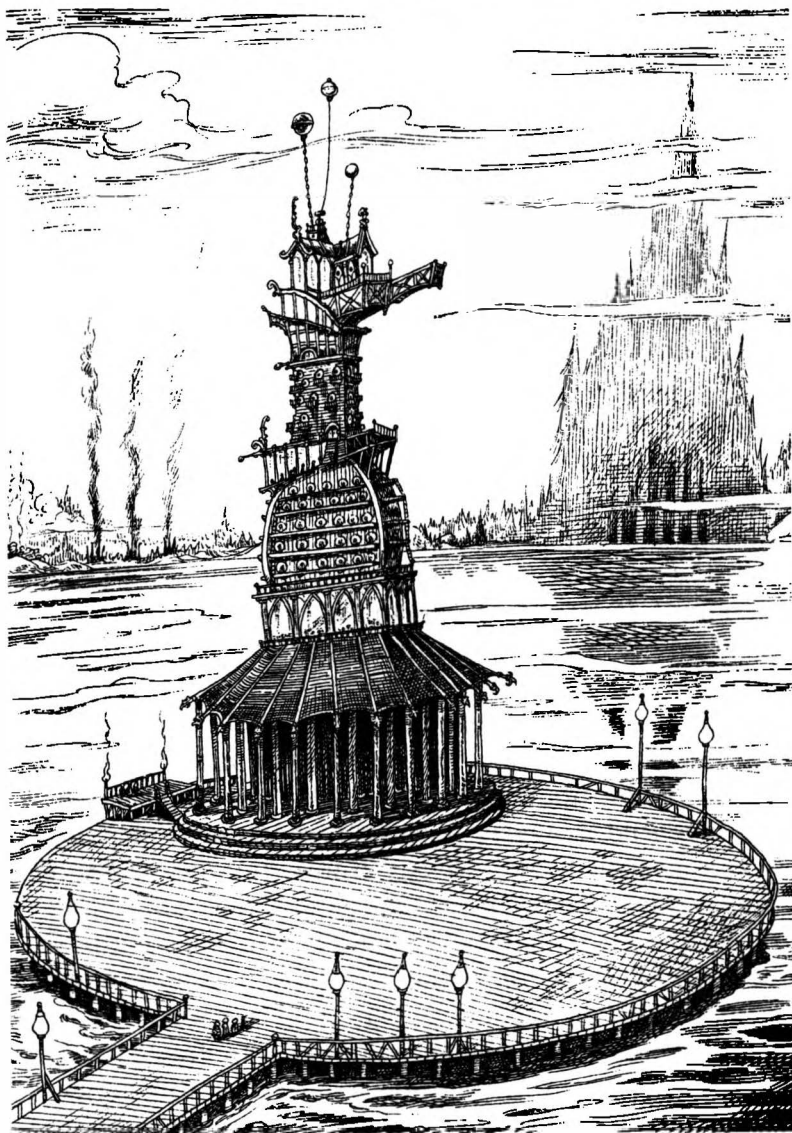
Перед ними расстиралось озеро. В его идеальной глади, необозримой и чистой, как кристалл, отражалось все, что было вокруг: птицы, кружащие над водой, деревья, росшие по кромке, и огромная луна, ярко сиявшая на черном небосклоне.

На широкой платформе посреди озера, окутанное туманом и утопающее в свете тысячи фонарей, стояло высоченное массивное здание, чьи ломаные контуры четко вырисовывались на фоне ночного неба: круглые башенки, крутые внешние лестницы, стены с арочными окнами и крутые остроконечные крыши.

Плут в изумлении покачал головой.

— Я никогда в жизни не видел такой красоты! — тихо воскликнул он. — Даже во сне.

ОЗЕРНЫЙ ОСТРОВ

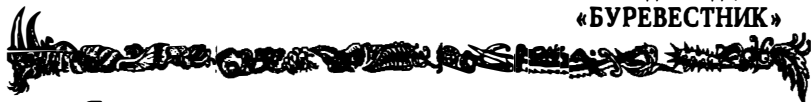

— Озерная Академия, — пояснил Геккль. — Жемчужина Вольной Пустоши, оплот надежды для всех, кто любит свободу.

Но никто уже не слышал пояснений проводника. Один за другим, как в трансе, трое молодых подмастерьев медленно спустились к воде и ступили на длинные узкие сходни, которые соединяли берег с площадкой, вымощенной широкими досками из легучего дерева.

Не успел Плут поставить ногу на широкую платформу в центре озера, как сразу же что-то привлекло его внимание. Присмотревшись, он увидел маленький небесный кораблик с белоснежными парусами, приближавшийся к Академии. Сердце у Плути готово было выскочить из груди: это было упоительное зрелище! И плавно очерченный корпус небохода, и резная фигура на носу утопали в лунном сиянии. Летная форма пилота, темно-зеленая с коричневой отделкой, приятно контрастировала с теплым медово-золотистым оттенком деревянных наручных пластин и наколенников. Кораблик на раздутых парусах проплыл по ночному небу, как серебряная игрушка, и сел на платформу. Вслед за ним тихо приземлился еще один небоход, потом третий, четвертый...

Так, идеальным строем, небесные кораблики садились на островок один за другим, легко прикасаясь к деревянному настилу, и становились в ряд. Плут, онемев от восторга, смотрел, как четверо юных подмастерьев слезают со своих летательных аппаратов и спускаются на землю. Он только диву давался.

«Я никогда так не смогу», — подумал он.

— Еще как сможете, мой храбрый господин, — уверил его Геккль, стоявший у него за спиной. — Поверьте мне. Вы не первый и не последний. Многие стояли тут, на академической площадке, изумляясь и терзаясь сомнениями. Даю вам слово, вы тоже научитесь этому.

— Но... — произнес Плут.

Геккль тихонько щелкнул клювом:

— Никаких «но», мой храбрый господин. С первой минуты, когда я увидел вас в Восточном Посаде, я понял, что вы не такой, как все: любите Небо и чувствуете Землю.

Плут зарделся.

— Вы получите превосходное образование здесь, на Озерном Острове, но у вас есть талант, а этого не может дать никакое обучение. И всегда помните об этом.

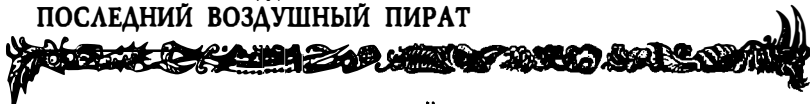
Плут смущенно улыбнулся.

— Спасибо, Геккль, — сказал он. — Спасибо вам за все. Я буду скучать...

— Добро пожаловать! — раздался чей-то пронзительный голос с дальней стороны площадки. — Вы новые подмастерья? Боже мой, да вы едва на ногах стоите! Точно-точно! Еще минута — и вы потеряете сознание!

Плут обернулся и увидел маленького, бедно одетого гоблина-утконоса с морщинистым лицом, который на своих коротеньких ножках семенил по направлению к Стобу и Магде. Одной рукой он при-

держивал подол долгополой мантии, а другую в сердечном приветствии прижимал к груди. Плут подошел к ним.

Стоб уже пришел в себя и заговорил в своей обычной манере:

— Ах, мой милый, будь добр, присмотри-ка за нашими вещами, а затем быстренько отведи нас к Верховному Правителю Озерного Острова. Думаю, он будет рад встрече с нами.

— Ну конечно, — отвечал гоблин-утконос, на лице которого отразилось неподдельное изумление, — он будет вам рад. Очень рад! — Но при этом гоблин не сделал ни малейшей попытки забрать заплечные мешки.

Стоб нахмурился.

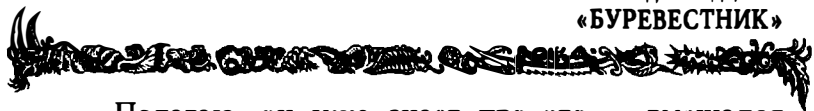
— Ну так что же? — повелительным тоном спросил он.

Геккль повернулся к своему спутнику:

— Мне кажется, вы не вполне понимаете, мой храбрый господин...

— Не беспокойтесь, — вступил в беседу Плут, которому стало неловко за своего товарища. — Мы прекрасно сами можем унести свои вещи. Тем более что мы привыкли таскать их на себе: всю дорогу сюда мы...

— Оставь их здесь, Плут, — резко скомандовал Стоб. — Ничего себе, местечко! Наглые лакеи, которые отказываются делать, что им приказывают! Ну погоди! Увидишь, что будет, когда об этом узнает Верховный Правитель!

— Полагаю, он уже знает про это, — вмешался Геккль.

— Не встречай, Геккль, — грубо оборвал его Стоб, переводя взгляд на улыбающегося гоблина-утконоса. — Сейчас же скажи мне, как тебя зовут, ты, бесстыжий ублюдок!

Гоблин-утконос опустил руки, и Плут увидел, что у него на шее поблескивает тяжелая золотая цепь, надетая поверх простого платья. Каждое массивное звено было в форме сплетенных листьев и перьев.

— Мои дорогие уставшие за долгий путь подмастерья! — произнес гоблин-утконос. — Вообще-то, я — Парсиммон, Верховный Правитель Озерного Острова.

Стоб побагровел от стыда.

— Я... я... — заикался он.

Но Верховный Правитель отмахнулся от извинений.

— Вы, должно быть, утомлены и голодны, — сказал он. — Проходите в Академию, и я покажу вам ваши комнаты. А затем я отведу вас наверх, в столовую, где вас ждет еда и питье. — Он оглядел всю компанию. — Но что я вижу! Я ожидал только троих, а вас здесь четверо. И все же, и все же...

Стоб, Магда и Плут оглянулись и увидели худоща-

вого юношу с коротко стриженными волосами, который шел по мосткам в их направлении.

— Он не с нами, ваше высочество, — пробормотал Стоб, снова обретя дар речи.

Парсиммон жестом подозвал молодого человека.

— Добро пожаловать, — с сердечным радушием произнес он. — Милости просим. А кто вы?

— Ксант, — отвечал юноша, потирая рукой затылок. — Ксант Филатайн. Я — единственный, кто остался в живых из последней группы подмастерьев, которая была послана сюда из Подземного Книжного Хранилища. — Он вытащил подвеску с зубом дуба-кровососа из-под изодранного в клочья плаща и с вызовом предъявил ее Парсиммону.

Плут заметил, что руки у юноши дрожат. Он нахмурился. Что-то было такое в этом молодом человеке, отчего Плут почувствовал смутную тревогу.

— Значит, после нас была послана еще одна группа? — с подозрением спросил Стоб. — Так скоро?

Ксант кивнул:

— Мы получили сведения, что ваша группа погибла во время облавы, устроенной шрайками. Профессора решили немедленно отправить вторую группу подмастерьев.

— Ну-ну, — хмыкнул Стоб.

— Я уверен, профессора отлично знают, что им следует делать, — вмешался Геккль.

— А что случилось с остальными? — спросил Стоб у молодого человека.

Ксант печально покачал головой.

— Погибли, — тихо произнес он. — Все погибли. — Как бы давясь от рыданий, он тяжело сглотнул слюну. — Я единственный, кому удалось добраться сюда.

Плут внимательно выслушал его. Быть может, он зря встретил юношу в штыки.

— Брон Тернстон, — продолжал Ксант дрожащим от волнения голосом. — Игнис Гимлет. И наш храбрый проводник, лесной тролль Руфус Снеттербарк. Чурбак, бревнообразный червь, сожрал их всех...

— Мне неизвестны эти имена, — произнес Парсиммон, — но для меня всегда трагедия, когда мы теряем наших храбрых учеников. И как вы видите, — добавил он, кивая в сторону Плута и остальных путешественников, — этому маленькому отряду все таки-удалось добраться сюда, и поэтому гибель вашей группы становится еще более ужасной.

Ксант, потупившись, молча кивнул. Слезы навернулись у него на глаза.

— Но *ты* сумел преодолеть все препятствия, Ксант Филатайн, — ласково произнес Парсиммон. — Добраться до Вольной Пустоши нелегко. Немногим удалось пройти весь путь до конца. Но те, кто это сделал... — Он одобрительно похлопал каждого из четырех учеников по плечу. — Вы очень дороги нам. Мы постараемся научить вас всему, что мы знаем, и отправить вас в путешествие для проведения науч-

ных исследований, чтобы ваш научный труд, который вы напишете, способствовал углублению наших знаний о Крае. — В глазах у него сверкнул огонь. — Да, да, вы нам очень дороги.

Мастерская лесных троллей

— Черт побери! — заорал Плут и сунул в рот распухший, пульсирующий от боли палец.

Стоб хмыкнул:

— Как прелестно выражается наш юный подмастерье!

— Что, опять заноза? — участливо спросила Магда, стоявшая у верстака.

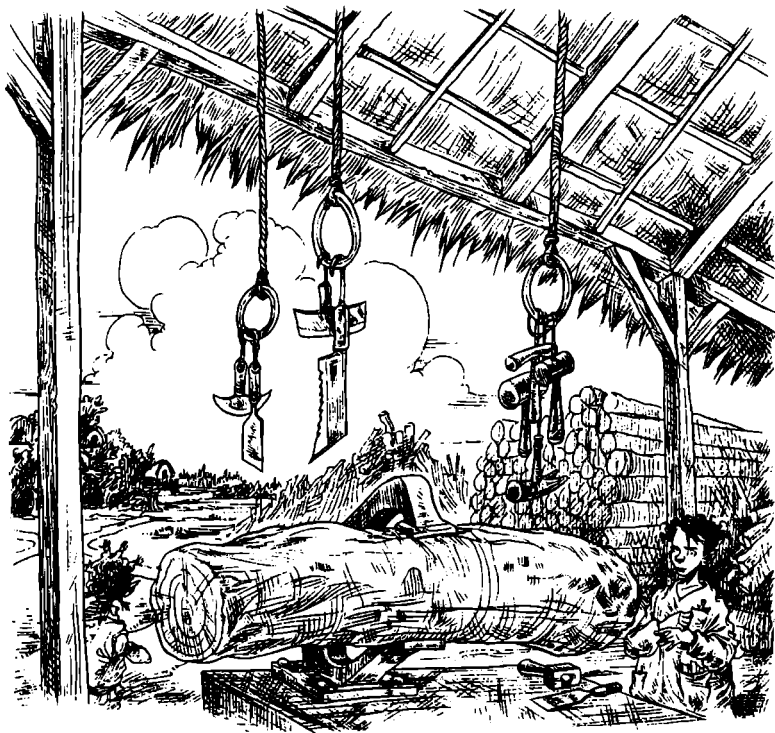
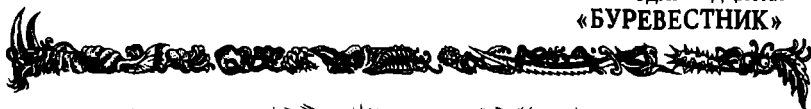
— Угу, — отозвался Плут, грустно разглядывая свои ладони. Кроме зазубренной щепки, которую ему удалось вытащить зубами из-под ногтя, руки у него были в сплошных порезах, царапинах и ссадинах, не считая синяков.

Он мрачно уставился на комель отстойного дерева, зажатый в тиски. Несмотря на недели тяжелого труда, перед ним продолжал лежать бесформенный обрубок, который давно должен был превратиться в изящную фигуру на носу корабля.

— У меня никогда ничего не получится, — с несчастным видом пробормотал он.

На верфи жизнь была ключом.

Мимо длинных крытых соломой дровяных складов, громяхая, бежали груженные доверху крытые

повозки со строительным лесом, в воздухе витал напоминающий мускус густой запах пота ломовиков-ежеобразов, смешивающийся с пряным ароматом опилок. Возницы-дуркотроги покрикивали на плотников — лесных троллей; другие тролли, лесорубы, добродушно пошучивая, толпились в очереди к огромным, вечно вращающимся точильным камням, чтобы заострить свои топоры. Плут выглянул из-под навеса, где располагалась мастерская, посмот-

рел вдаль, окинув взглядом скопище хижин, где селились лесные тролли, и тяжело вздохнул.

— Не сдавайся! — подбодрила его Магда.

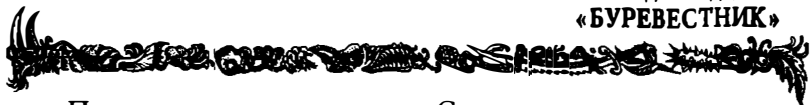
Плут посмотрел на свою подругу. Работа над фигурой для небохода шла у нее замечательно: дерево было гладким, и бревно постепенно приобретало форму изящного лесного мотылька с выпуклыми глазками и загнутыми усиками. Животное, над созданием которого трудился Стоб, также было вполне узнаваемо: точная копия ежеобраза, задумчивого и флегматичного, который, казалось, вот-вот оживет. Стоб держал в руках рашпиль, вытачивая длинные гнутые рога. А Ксант, который, как всегда, держался в стороне, занимался своим делом в дальнем углу плотницкой. Он продвинулся в своей работе дальше всех: его птицекрыс с длинной приплюснутой мордой и откинутыми назад крыльями, выточенный из отстойного дерева, был уже почти готов.

Лесной гном Окли Граффбарк, мастер, рыжие волосы которого, как это свойственно всем его сородичам, торчали пучками, стоял рядом с ним и ощупывал своими грубыми пальцами отделку, тщательно проверяя качество работы.

— Что ж, молодой человек, по правде говоря, этих тварей еще никто никогда не вырезал, — говорил он. — Но по всему видно, что работа сделана с душой.

Стоб скривился.

— Птицекрыс, — пробормотал он. — Интересно, как *такое* связано с его душой?

Плут не сказал ничего. Сначала он не доверял Ксанту, но так как юный подмастерье ни с кем не общался, говорил тихим, вежливым голосом и смотрел на всех загнанными глазами, Плут решил, что не за что недолюбливать его. По крайней мере, Ксант знал, *кого* он хочет выточить из дерева. Плут схватил рубанок, лежавший на верстаке, и с неожиданной яростью принялся строгать бревно. В разные стороны полетели стружки.

— Дурацкое бревно! Черт тебя поberi! Будь ты проклято!

— Нет, нет, мастер Плут! Так дело не пойдет, — послышался встревоженный голос Граффбарка, который спешил подойти к его верстаку. Лесной тролль отобрал рубанок у Плута. — Вы должны *чувствовать* дерево, мастер Плут, — сказал он. — Должны понимать его. Изучайте его внимательно, пока не будете знакомы с каждым завитком, каждым сучком и хитросплетением волокон, образующих наросты на древесине, пока не увидите естественные формы в его изгибах. — Он помолчал. — Только тогда вы сможете найти существо, которое скрыто в нем.

Плут сердито посмотрел на мастера, и глаза его наполнились слезами.

— Но я ничего не вижу! Никого тут нет! — (Окли сочувственно покачал головой, и пучки волос у него на макушке колыхнулись.) — Погибли все мои мечты о небе! Я никогда не выйду из стен этой мастерской! Это безнадежно! Бесполезно, бессмысленно! Какой же я неудачник!

На лице лесного тролля заиграла добрая улыбка. Глядя своими черными глазами прямо в глаза Плуту, он взял его за руки и сказал:

— Там точно кто-то есть. Открой глаза, Плут, и прислушайся. Пусть дерево само скажет тебе.

Плут безмолвно покачал головой. Для него это были пустые слова.

— Уже поздно, и вы устали, молодой человек, — сказал Окли, хлопнув в ладоши. — Занятия окончены!

Плут повернулся и в подавленном состоянии быстро зашагал прочь. На дворе он встретил группу лесорубов с топорами и бригаду плотников, которые выходили из дровяного склада и по тропинке, протоптанной лесными троллями, направлялись ужинать к себе домой, в деревню. Они прошли мимо него, смеясь и шутя, залитые лучами заходящего солнца. Магда остановила Плута и обняла его за плечи.

— После ужина ты почувствуешь себя лучше, — сказала она. — Сегодня твое любимое блюдо — тушенная тильдятина.

Магда оказалась права. Действительно, на ужин подали жаркое из тильдера, и, говоря по правде, Плут обожал эту вкуснятину. В тот вечер в верхней столовой было полно народу. Несколько приглашенных профессоров сидели за центральным столом. Огромный прозрачный, как стекло, шпиндель (было видно даже, как он переваривает пищу) являлся предметом их беседы с хрупкой дамой из породы эльфов: ее большие уши подрагивали, пока она ела. Парсиммон терпеливо слушал, о чем они говорят — его скромный

ужин, состоявший из куска хлеба и стакана воды, стоял нетронутым.

У Плута тоже не было аппетита. Он рассеянно ковырял жаркое, помешивая в миске ложкой и забывая донести ее до рта. Он обвел взглядом сидящих за круглым столом: все смачно уписывали еду. Там расположились Магда и Стоб, смеявшиеся над анекдотом, и несколько групп подмастерьев на разной стадии ученичества, хваставшихся своими успехами друг перед другом, а также Ксант, сидевший в одиночестве и, ни слова не говоря, внимательно наблюдавший за собравшимися.

Плут вздохнул. Если он не сумеет вырезать из дерева свой небоход, то как он научится летать?

У мальчика в горле встал ком, и он не смог подавить рыдания. Слезы набежали у него на глаза. Отодвинув миску, он вылез из-за стола и тихонько покинул обеденный зал. Когда дверь закрылась за ним, он, цепляясь за перила, спустился по винтовой лестнице Академической Башни и, минуя круглые двери спальных кабинок, вышел во тьме к колоннаде, где обычно проходили занятия по вождению небоходов.

Остановившись на краю посадочной площадки, Плут с тяжелым сердцем уставился на темные воды озера. Нависшее над ним небо было затянуто пеленой, закрывшей звезды и серебряный месяц, и в густом тумане утонули ночные голоса, обычно доносившиеся из Дремучих Лесов. Черные тучи собирались на северо-западе, и в надвигающейся густой мгле запахло грозой. У Плута мурашки побежали по коже.

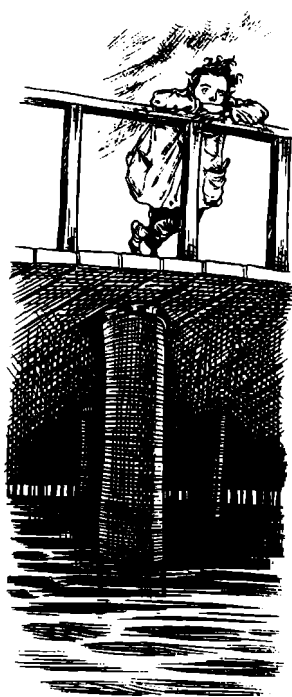
ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

Вдруг небо словно расколосось, и тьму прочертила зигзагом яркая вспышка молнии; вода всколыхнулась, окрасившись на секунду фосфоресцирующим зеленым светом, и углом глаза Плут заметил какое-то пятнышко, стремительно пронесшееся над озером. И снова вода стала угольно-черной. Ни зги не было видно, тяжелый воздух давил грудь.

Затем снова красно-желтая вспышка. По темной поверхности озера разбежались идеально очерченные концентрические круги: они расширялись, становясь все менее заметными, и наконец исчезли совсем.

Внезапно совсем рядом с мальчиком раздалось шелестение крыл, и Плут увидел незнакомое ему существо, напоминавшее крупное насекомое; у него была маленькая треугольная голова и вытянутое изящное туловище в красно-желтую полоску. Плут наблюдал, как это чудо природы внезапно падает вниз и ныряет в воду, поднимая тучи разноцветных брызг, а потом снова устремляется ввысь. По поверхности озера снова побежали круги.

Как зачарованный Плут смотрел на него. Душа его парила, сердце билось от счастья. Крохотное создание было таким

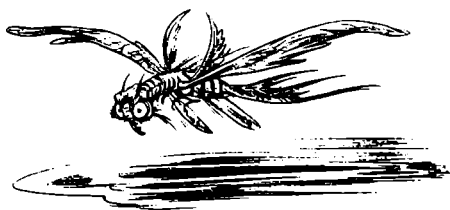
изящным, таким грациозным и пропорционально сложенным. «Само совершенство!» — подумал Плут.

Мальчик не отрываясь смотрел на него: он представил себе, как вместе с птицей он проносится над озерной гладью, ныряет и снова взмывает в небо. У него перехватило дыхание, голова закружилась, и он радостно рассмеялся. Он хохотал и хохотал и никак не мог остановиться...

Плут спал тяжело и без сновидений. А на следующее утро, торопливо позавтракав, он побежал на верфь и принялся за работу прежде, чем его товарищи вылезли из спальных кабинок. Плут обхватил ствол дерева.

— Само совершенство! — прошептал он и вздрогнул всем телом: на него нахлынули воспоминания о вчерашнем вечере.

Взяв в руки молоток и резец, Плут принялся обтачивать бревно. Хотя было еще темно, он работал быстро и уверенно, без перерывов. И каждый раз, когда он не знал, что делать дальше, он закрывал глаза и нежно проводил рукой по древесине; мастер Граффбарк был прав: само дерево подсказывало ему, как поступить.

Наконец грубо обрисовались формы его небохода: узкое сиденье, ровный корпус и — резная фигура на носу. Пока еще не хватало мелких деталей, но общие

контуры треугольной головы уже были хорошо узнаваемы. Плут вытаскивал гнутую шею своего красавца, когда слышал шаги у себя за спиной. Должно быть, на работу спешили мастеравые — лесные тролли из соседних деревень.

Плут почувствовал чью-то руку у себя на плече.

— Ранняя пташка, — сказал Окли, и на его грубом лице отразилось изумление. — Вот это мне по душе. Ну, что у тебя там получилось? — Он поднял фонарь, чтобы осветить кусок дерева, и Плут наконец четко увидел фигуру, которую сам вытесал из бревна. В уголках рта у него заиграла улыбка.

— Кажется, я нашел то, что искал! — произнес он.

— Похоже, что так, — согласился Окли. — А ты знаешь, кто это?

Плут покачал головой.

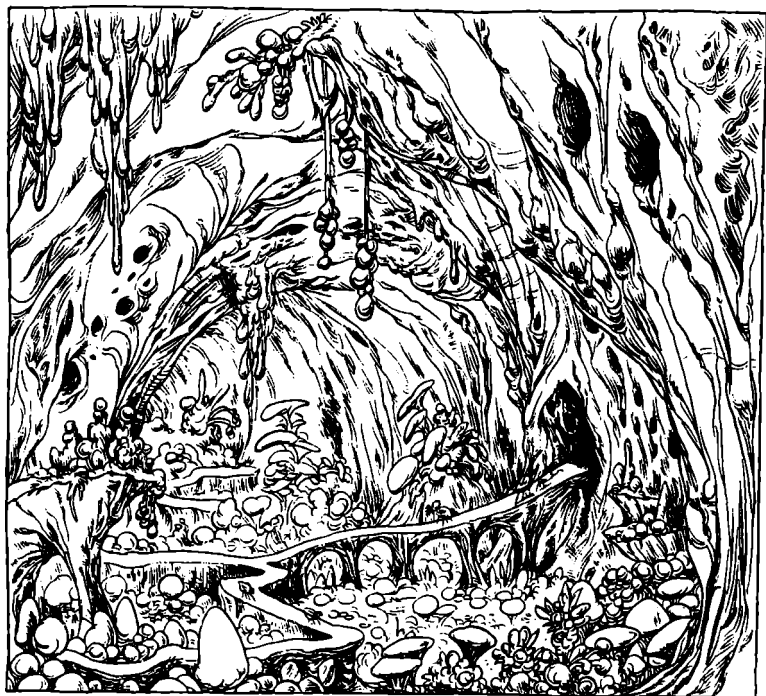
— Да это же буревестник, юноша! — сообщил ему мастер. — И поверь, встречаются они достаточно редко.

Сердце у Плути затрепетало. Он положил ладонь на грубо отесанную голову птицы и прошептал:
— *Буревестник!*

Сады Света

Чик-чик-чик-чик...

Ритмичное постукивание когтей приближалось. Плут оторвал взгляд от kloкочущего котла и увидел своего наставника — престарелого шпинделя,

которому перевалило уже за третью сотню лет. Перебирая ногами, он двигался по одному из узких виадуков, образующих сеть переплетающихся дорожек в мерцающей подземной пещере. В лапах он крепко держал тяжелый поднос.

Хотя прошло уже много месяцев с тех пор, как Плут впервые попал в Сады Света, он так и не смог привыкнуть к ним. Уходящая глубоко под землю за поляной, где росли железные деревья-исполины, огромная пещера была одним из самых поразительных чудес Вольной Пустоши. Именно здесь водились крупные стекловидные шпиндели, выращивавшие удивительный светящийся мох, который покрывал стены пещеры и чье тихое пение не только приводило в священный трепет, но и поражало неземной красотой. Плут мог часами любоваться гипнотической игрой переливающегося света, но сейчас у него не было времени: надо было покрывать лаком корпус корабля.

— Не хотите ли чашечку крепкого чая, мастер Плут? — Дрожащий от старости голос древнего шпинделя, еле стоявшего на тонких, как проволока, ножках, вывел Плута из оцепенения. Шпиндель склонился над юношей.

— Спасибо, сэр, — ответил Плут, принимая из его лапок чашку ароматного янтарного напитка.

Шпиндель протянул поднос Магде и Стобу и наконец Ксанту, принявшему стакан с едва заметной улыбкой, тронувшей его поджатые губы.

Пинцет — так звали шпинделя — явно нравился Ксанту, как заметил Плут. Хотя юный подмастерье со всеми был сдержан и замкнут, при виде шпинделя он смягчался. Плут не мог понять, как Пинцет этого добивался.

Может быть, Ксанту была симпатична старомодная, чопорная манера шпинделя: он молча ожидал, пока подмастерья, прервав работу, начнут пить странный, благоуханный напиток, и клакялся всем по очереди после каждого глотка, не произнося ни слова до тех пор, когда чашки окажутся пусты.

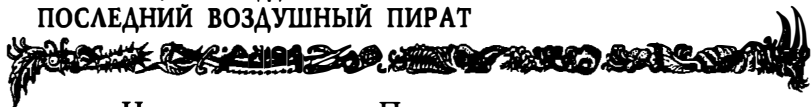
А может, их сблизили долгие беседы о давно прошедших временах, пока другие подмастерья сутились у маленьких плавильных печей, помешивая горшочки с лаком и добавляя в раствор то щепотку дубоперца, то пригоршню червячного порошка.

Плут слышал, как Пинцет говорил Ксанту об отдаленных местах со странными названиями: Дворец Теней, Дорога на Виадук — и рассказывал истории о девушке по имени Марис, которую шпиндель любил, как родную дочь. Беседовали они тихо, никогда не повышая голоса, и, когда Плут хотел присоединиться к ним, Ксант молча улыбался, а Пинцет тоненьким голосом говорил:

— Пора выпить чашечку крепкого чая!

И на этот раз они допили чай и поклонились. Шпиндель заглянул в горшочек с лаком, над которым колдовал Плут:

— Неплохо, мастер Плут, но смотрите не перегрейте — лак станет жидким, и результат окажется плачевным.

Плут кивнул, глядя на kloкочущее, пузырящееся варево в котелке. Ему было непонятно, почему без этого не может состояться полет. Покрытое тщательно приготовленным лаком, отстойное дерево, из которого он вытачивал свой небоход, приобретало легкость и летучесть, необходимую для небесных полетов. Поговаривали, что Пинцет сам изобрел способ изготовления покрытий для кораблей, и так это было или нет, шпindelь все равно оставался самым крупным авторитетом по варке лака в Дремучих Лесах.

— Ну что мне делать с вами, мисс Магда! В лаке не должно быть комков!

Магда вздохнула. Лак оказался гораздо гуще, чем нужно.

— А у вас как идут дела, мастер Стоб? — спросил шпindelь, глядя на закопченный котелок, в котором булькала тягучая масса. — Мне кажется, вам лучше начать все сначала. Пойдем-ка вместе на молочное поле!

Стоб застонал и, затравленно посмотрев на Плута и Ксанта, схватил ведро и пару рукавиц. Спустившись на несколько уровней ниже, он отправился на поле светящегося мха.

— Теперь вы, Ксантик, мой дорогой юный исследователь! — Усики на голове шпindelя затрепетали, когда он заглянул в начищенный до блеска медный котелок. — Как хорошо у вас получилось! Просто великолепно! Я никогда в жизни не видел такого

замечательного лака, и это всего лишь с пятидесятой попытки! Вы, мастер Ксант, первым будете покрывать лаком ваш небоход! Мои поздравления! Как вы порадовали старого шпинделя!

Улыбнувшись, Ксант скромно потупился. Плуту было приятно, что его товарищ удостоился похвал, но в то же время было немножко завидно. Он уже долгие месяцы трудился над изготовлением идеального покрытия для *своего* небесного кораблика.

И тут все услышали душераздирающий вопль, за которым последовала отборная брань.

— Опять двадцать пять! — скривился Пинцет, дрожа от ярости. — Все за мной!

Плут, Магда и Ксант, звякнув крышками, прикрыли свои котелки и, оставив лабораторию, поспешили вслед на шпинделем по каменистой тропинке к моховым полям. Завернув за угол, они увидели Стоба.

Перепачканный клеем с головы до ног, он висел вверх тормашками на стене пещеры. Десятью футами

ниже, наступая на люминесцентные поганки,

с фырканием

бродил

клеевой

крот;

его неповоротливое прозрачное тело, представлявшее собой сплошную липкую массу, раскачивалось из стороны в сторону. Плут всегда недолюбливал этих блестящих, желеподобных тварей — при виде клеевых кротов у него всегда к горлу подступала тошнота, поэтому дойка была для него весьма малоприятным занятием. Но без кротового клея нельзя сделать лак, а без лака невозможны полеты, а без полетов...

— Мастер Стоб! — обратился к юноше Пинцет, в голосе которого слышались нотки раздражения. — Не хочу слышать никаких оправданий! Вы опять за старое? Снова подоили его...

— Да, — слабым голосом ответил Стоб. — Подоил не с того конца...

Лагерь душегубцев

— Ну что вы вытворяете, дурацкие паруса! — послышался сердитый возглас.

Плут обернулся и увидел, как его подружка безнадежно пытается выпутаться из тонкой, сотканной из паучьего шелка ткани.

— Следи за встречным ветром, Магда! — крикнул ей Плут через плечо, не отрываясь от своих собственных парусов, которые от теплого воздуха надулись, как непокорные воздушные змеи.

Он дернул шелковый канат правой рукой, и верхний парус сложился мягкими складками. Затем, через долю секунды, он потянул за другой канат левой

рукой, описав ею широкую дугу. Нижний парус легко и грациозно упал вниз, сложившись совершенно так же.

— Как это у тебя получается? — спросила Магда. Она посмотрела с завистью на два аккуратно сложенных паруса рядом с Плутот, затем на перепутанный клубок веревок и на парус, легший ей на плечи и волочившийся другим концом по земле, и тяжело вздохнула.

— Ты похожа на нахохлившегося снежарика, — рассмеялся Стоб. Он, с аппетитом поедая тильдячьи отбивные, сидел за столом вместе с двумя огненно-волосыми душегубцами, обмениваясь с ними шутками.

Перед ними полыхала огромная железная жаровня, отбрасывая длинные неровные всполохи. Теплый воздух от пламени поднимался к длинным семейным гамакам, которые плавно раскачивались между деревьями.

Плуту нравился лагерь душегубцев — почти так же, как Сады Света, — особенно в это время суток, когда на землю ложились длинные тени, костры разгорались жарче и одна за другой просыпались семьи душегубцев, свешивая огненно-рыжие головы за края гамаков, чтобы встретить новую ночь. И вскоре начиналась общая трапеза. У Плути от голода урчало в животе — он предвкушал завтрак, на который собирались подать тильдячьи отбивные и политую медом ветчину из ежеобраза. Но сначала он должен был вызволить из капкана свою подругу.

Он подошел к Магде и, сев на корточки, принялся распутывать веревки, осторожно вытаскивая то один, то другой конец.

— Тихо, тихо, — слышался голос позади него. Это был Кострец, душегубец, которого назначили инструктором: он обучал подмастерьев искусству обращения с парусами и такелажем. — Вы что, хотите порвать нити? Дайте-ка я посмотрю.

Плут отступил на шаг. Кострец встал на колени и начал одной рукой ослаблять узлы, стараясь не заузлить канат, а другой — освобождать Магду от опутавшей ее парусины. Плут восторженно наблюдал за ним. Хотя душегубец был немногим старше его самого, опыта у него было предостаточно.

— Вижу, вижу, юная мисс, — говорил душегубец, — на этот раз вы окончательно запутались.

— Я не понимаю, как это получилось, — чуть не плача, сердито отвечала Магда. — Мне казалось, я все делала правильно.

— Тяжело в ученье — легко в бою, — успокоил ее Кострец.

— Но я делала все так, как вы мне показывали, — настаивала Магда.

— Нельзя ставить паруса против ветра, — резко вмешался Плут и сразу осекся, увидев обиженную гримасу на лице у Магды.

— Плут прав, — мягко согласился Кострец, складывая паруса Магды. — Вы должны чувствовать, что говорит вам парус, когда натягиваете веревку. Вы должны видеть, как ветер надувает паруса, и движе-

ния ваши должны быть плавными. Никогда не воюйте с парусами, мисс Магда.

— Но все это так тяжело! — безутешно пробормотала Магда.

— Знаю, знаю, — понимающе кивнул Кострец. — Пусть мастер Плут поможет вам. Он уже наловчился орудовать с парусами.

Душегубец замолчал, углубившись в развязывание последнего узла. Тот наконец-то поддался, и веревка свободно заскользила в руках.

— Ну вот и все, мисс Магда, — сказал душегубец, протягивая девушке паруса. — На сегодня хватит. Кто идет завтракать?

Стоб, Магда и Плут сидели за длинным столом, который сплошь был уставлен роскошными яствами. В нескольких шагах от них стоял Ксант — он тренировался, делая упражнения по набрасыванию веревочной петли. Неторопливо сделав бросок, он зацепил своим лассо витой рог ежеобраза, который жевал жвачку в дальнем углу загона.

— Рисуетя, — неодобрительно буркнул Стоб, принимаясь за еще один огромный бифштекс, лежавший у него на тарелке.

— Будешь много есть — превратишься в ежеобраза, — предупредила его Магда.

Плут бросил взгляд на Ксанта. Благодаря своим успехам в изготовлении лака он далеко вырвался вперед по сравнению с остальными. Он уже освоил искусство владения парусами и почти до конца изу-

чил такелаж. Несмотря на это, Плут не чувствовал зависти. Скорее, ему было жаль Ксанта: загнанное выражение никогда не сходило с его лица и он постоянно держался в стороне от остальных.

— Ничего он не рисуется. — Плут выступил в защиту Ксанта и, отвернувшись от Стоба, принялся за дымящееся жаркое из тильдятины.

Теперь за столами не осталось ни одного свободного местечка: все было забито шумными, веселыми и голодными душегубцами, которые, поднимая кружки с душистым дубовым элем, произносили тосты за новую ночь и распевали песни. Стоб присоединился к ним, высоко подняв свою кружку.

Как заметил Плут, Стобу лагерь душегубцев нравился даже больше, чем ему самому. Высокомерный, уверенный в себе Стоб в компании душегубцев становился совсем другим. Его надменная манера куда-то исчезала, и он превращался в общительного шутника. Душегубцы тоже привязались к Стобу, но относились к нему как к большому животному, вроде ежеобраза, выданному им в качестве приза, с которым они забавлялись, кормя и похлопывая по спине.

И тут прямо над головами сидевших за столом раздался приветственный клич. Плут поднял глаза и увидел Кастета, радостно машущего им рукой: оседлав свою «Пчелку», он спускался к ним по спирали, делая в воздухе идеальные витки и одновременно раскручивая лассо.

Снижаясь, он обогнул семейные гамаки, подвешенные на железных деревьях, пролетел над стойла-

ми, где содержались ежеобразы, и над дубильными чанами. Приблизившись к едокам, он бросил лассо. Веревка раскрутилась стремительно, как нападающая на жертву кобра, и петля упала на поднятую руку Стоба. Кастет затянул лассо. Петля плотно обвила кружку с дубовым элем, и та резко взлетела в воздух.

— Эй, что такое? — негодуя закричал Стоб.

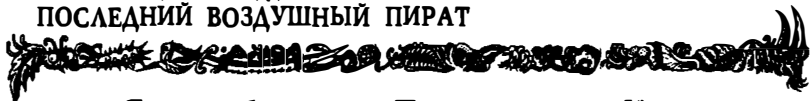
Кастет, улыбнувшись, отхлебнул из кружки.

— Замечательно! — крикнул он, сажая свой воздушный кораблик на землю. — Спасибо, друг! — И протянул Стобу пустую кружку. — Я чуть не умер от жажды!

Стоб несколько секунд молча смотрел на душегубца, потом его лицо озарилось улыбкой, и он принялся хохотать. Душегубцы тоже смеялись от души.

— Я рад тебя видеть, Плут, — сказал Кастет, устравиваясь рядом с мальчиком и принимаясь за жаркое из тильдятины, лежавшее у него на тарелке. — А ты все растешь и становишься взрослее с каждым разом, как я тебя вижу. Уверен, что ты очень скоро отправишься в научную экспедицию.

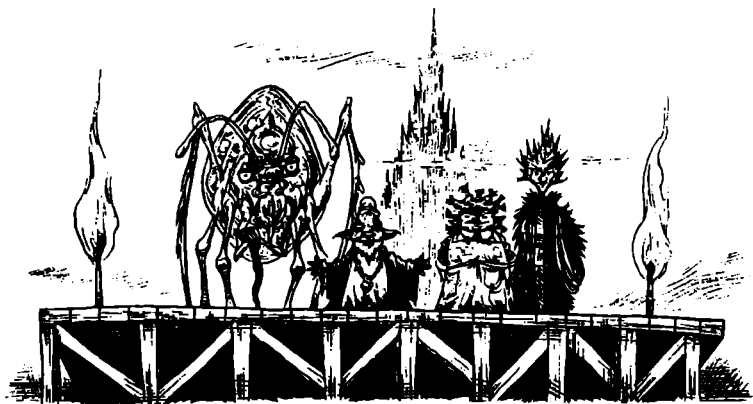
Плут улыбнулся:

— Если я освою такелажное искусство хотя бы вполовину твоего, то надеюсь, что да. «Буревестник» уже покрыт лаком, поставлен под паруса и ждет на приколе на Озерном Острове, пока мастера разрешат мне подняться в воздух.

— Конечно разрешат, — рассмеялся Кастет с набитым ртом. — Говорят, ты у нас настоящий самородок, как и твой приятель Ксант. — Кастет сделал паузу, на губах у него заиграла улыбка. — Значит, «Буревестник», да? Между прочим, довольно редкая птица. Грациозная и стремительная. И с жалом на хвосте. Предвещает грозные бури, которые еще только зарождаются где-то далеко-далеко. — Он похлопал Плута по плечу. — Отличное имя для небохода, Плут! Отличное!

Обряд наречения

— Сегодня вечером мы собрались здесь, во имя Земли и Неба, чтобы приветствовать четырех подмастерьев, которых Академия включила в длинный список отважных Библиотечных Рыцарей, — объявил Парсиммон, Верховный Правитель Озерной Академии.

Позади него плотной стеной стоял лес из железных деревьев, отражающийся в озере, а над головой, окрашенные закатом, золотились небеса. Воздух был свеж и чист.

У Плути екнуло сердце. Он стоял в одном ряду с Магдой, Стобом и Ксантом. Напротив Рыцарей, на длинном помосте из летучего дерева, возвышался Парсиммон, а с обеих сторон от него выстроились преподаватели, которые обучали и наставляли их в течение долгих-долгих месяцев: ●кли Граффбарк, мудрый и терпеливый лесной тролль; Пинцет, престарелый шпиндель, который, тяжело дыша, опирался на посох из железного дерева; и Кострец, огненноволосый душегубец с мотком веревки на плече, одетый в тяжелое пальто из шкуры ежеобраза.

— Вы прилежно учились и добились больших успехов, мои дорогие подмастерья, — продолжал Парсиммон. — Очень больших. И хотя пройдет нема-

ло времени, прежде чем вы сможете отправиться в научную экспедицию, нынешний день знаменует завершение первой ступени вашего обучения. — Он повернулся к небоходам, прикрепленным к массивным кольцам позади платформы. — Вы положили немало труда, чтобы своими руками создать замечательные небесные корабли, внимательно слушая, что подсказывает вам дерево. Вы сварили первоклассный лак и тщательно покрыли им поверхность ваших небоходов, чтобы они обрели способность летать. Вы оснастили небоходы парусами из тончайшего паучьего шелка и заставили их слушаться вас, вы овладели такелажным мастерством, научившись управлять канатами, чтобы вернуться на землю целыми и невредимыми. Поздравляю вас, мои дорогие, мои юные Библиотечные Рыцари!

Плут скромно опустил голову. Наставники одобрительно закивали, бормоча хвалебные слова. Плут пихнул локтем Ксанта и улыбнулся. Ксант посмотрел на него и тоже улыбнулся, но на секунду, как показалось Плуту, в его глазах мелькнула печаль.

— И вот пришло время, — продолжал Парсиммон, — дать имена вашим небоходам, на которых вы завтра совершите ваш первый полет.

— Ну наконец-то! — пробормотал Стоб себе под нос.

Магда взяла Плута за руку и крепко сжала ее.

— Какие мы молодцы! — прошептала она.

Плут кивнул. Сердце у него трепетало. Широко раскрытыми глазами он всматривался в вечернее не-

бо. Вечер был действительно хорош: теплые лучи заходящего солнца грели землю, дул легкий ветерок, и по небу бежали похожие на комочки оранжевого и пурпурного пуха облака. По озеру шла рябь, напоминавшая складки бархата.

— Вызываю Магду Берликс, — приказал Парсиммон.

Магда вышла из строя. Она взобралась на помост, пожала руку Верховному Правителю и направилась к стоянке, где был привязан ее небоход. Она положила ладонь на резную фигуру, расположенную под небольшим углом к носу корабля.

— Именем Земли и Неба, нарекаю тебя «Мотыльком», — провозгласила она, повторяя заученные слова. — Вместе с тобой мы отправимся в экспедицию в Дремучие Леса и вернемся, привезя с собой научное исследование на тему *«Радужное свечение крылышек полночного мотылька»*.

— Вызываю Стоба Ламмуса, — сказал Парсиммон.

Стоб вышел вперед и положил руку на крутые остроконечные рога своей фигуры.

— Именем Земли и Неба, нарекаю тебя «Ежеобразом», — громко и уверенно произнес он. — Вместе с тобой мы отправимся в экспедицию в Дремучие Леса и вернемся, привезя с собой научное исследование на тему *«Рост колец медного дерева»*.

Следующим был Ксанти. Сделав шаг вперед, он оглянулся, и Плут встретился с ним взглядом.казалось, Ксанти был чем-то обеспокоен и вел себя даже более робко, чем обычно. Плут улыбнулся, чтобы

подбодрить товарища, в затравленном взоре которого сквозила все та же печаль.

— Именем Земли и Неба, нарекаю тебя «Птицекрысом», — провозгласил Ксант, кладя дрожащую руку на рыльце выточенного им существа. — Вместе с тобой мы отправимся в экспедицию в Дремучие Леса.... — Он низко опустил голову, и длинные пряди волос, нестриженные с той поры, как он появился на Озерном Острове, упали ему на глаза. Голос его снизился до шепота. — И вернемся, привезя с собой научное исследование на тему... — он поднял голову, обводя всех каким-то потусторонним взглядом, — *«Рождение Птицы-Помогарь из кокона. Записки натуралиста»*.

Наступила очередь Плута, и он поднялся на помост. Его буквально распирало от гордости, когда он, волнуясь, подошел к своему небоходу.

— Именем Земли и Неба, нарекаю тебя «Буревестником», — объявил он. — Вместе с тобой мы отправимся в экспедицию в Дремучие Леса и вернемся, привезя с собой научное исследование на тему *«Легендарная Великая Сходка толстолапов. Заметки очевидца»*.

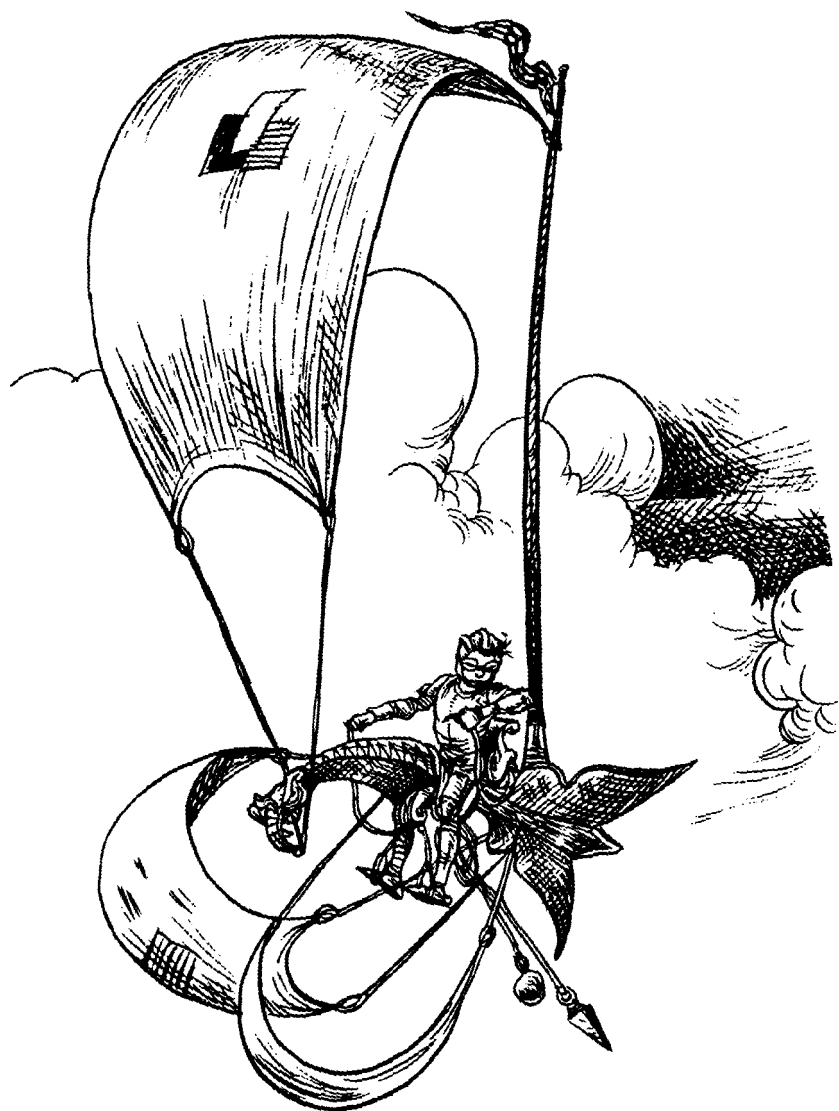
Каждый из четырех подмастерьев поднял правую руку, а левой прикоснулся к амулету с зубом дуба-кровососа. Затем, подняв головы, они хором произнесли клятву:

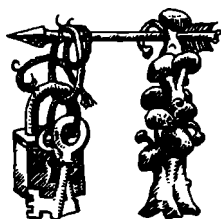
— Торжественно обещаем довести наше дело до конца или погибнуть во имя науки!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОЛЕТ

Плут проснулся оттого, что волны света заливали его постель, проникая сквозь решетку на двери спальной кабинки. Сбросив с себя одеяло из шерсти ежесоба, он настежь распахнул дверь.

— Магда, — позвал он, — Магда, ты уже встала?

— Эх ты, соня-засоня! — ответила Магда. — Я уже давно на ногах!

Плут протер заспанные глаза и взглянул на площадку внизу. Там во всем великолепии стояли Магда, Ксант и Стоб, одетые в зеленую летнюю форму, с защитными очками на носу и золотистыми деревянными пластинами на груди.

— Почему же вы меня не разбудили? — сердито спросил Плут.

— Мы пытались, — объяснил Стоб. — Но ты спал как убитый, честное слово.

Плут почесал затылок. Ему снова снились кошмары, и он проснулся еще до рассвета, в ранние сумерки, но потом снова провалился в сон.

— Спускайся к нам, — позвал его Ксант. — Твоя летная форма висит у двери.

И точно: на крюке, прямо за его дверью, он нашел летную форму из зеленой кожи, с карманчиками и петлями, хотя еще и не оснащенную приборами. Наколенники и наручные пластины висели на ремешках рядом. Дрожащими руками Плут прикоснулся к экипировке и, неловко перебирая пальцами, натянул мягкую блестящую одежду прямо поверх ночной сорочки. Первый полет! Он был готов к бою! Плут ринулся вниз по башенным лестницам, чтобы поскорее присоединиться к товарищам.

— А где наши небоходы? — задыхаясь, спросил он.

— Вон там, — ответила Магда, кивая в сторону четырех небесных корабликов, все еще привязанных к платформе из летучего дерева.

Там, раздувая паруса от легкого ветерка, наготове стояли «Птицекрыс», «Ежеобраз», «Мотылек» и «Буревестник». Плут расплылся в улыбке:

— Красота!

— Еще красивее они будут смотреться в небе! — сказал Стоб. — А где же наш инструктор по пилотажу? Мне казалось, ему давно пора быть здесь.

— Уймись, — произнесла Магда. — Мы столько его ждем, что еще несколько минут не имеет значения.

Ранний рассвет занимался над озером, и громы-хание телег, катящихся по тропам лесных троллей к дровяным складам, эхом разливалось в воздухе, напоминая далекие громовые раскаты. Нетерпение учеников нарастало.

— Верховный Правитель сказал «на рассвете», — волновался Стоб. — Где же наш инструктор?

— Я даже не знаю, кто это такой, — раздраженно заметил Ксант. — Может, он проспал?

— Похоже, он начисто забыл про нас, — с раздражением буркнул Стоб. — Я этого не потерплю! А вы что про это думаете?

Остальные пожали плечами.

— Давайте один разок слетаем вокруг озера — и обратно, — предложил Стоб. — Ничего страшного не произойдет. Ну, кто со мной!

— Я! — хором ответили Плут и Ксант.

Магда кивнула.

— Ну ладно, — тихо ответила она.

Плут побежал к своему «Буревестнику». Все было решено, и больше ждать он не мог — ему поскорее хотелось подняться в небо. Он отцепил небоход, стоявший на приколе, вскочил в седло, сунул ноги в стремя и ухватился за деревянные рычаги, управляющие канатами.

Ловко перебирая пальцами, он поднял верхний парус и опустил нижний, крепко закрепив канат, удерживающий его. Оба паруса раздулись на ветру, как это бывало уже много раз, когда он работал на тренажере. Но на сей раз его небоход не был намертво прикован.

Сердце у мальчика замерло, и он с облегчением вздохнул, когда «Буревестник» поднялся в воздух. На секунду он завис над площадкой — паруса трепетали, и противовесы раскачивались над землей. За-

тем, когда ветер надул паруса, Плут потянул за пусковой канат, и небоход внезапно ожил, взмыв в поднебесье. Плут ощутил бодрящую свежесть утреннего воздуха.

Плут не ожидал такого потрясения: его охватило необыкновенное волнение, когда кораблик стал подниматься все выше и выше. Ничего подобного он не ощущал ни когда занимался в раскачивающихся кабинках-читальнях, ни когда верхом на живопырах перескакивал с ветки на ветку, ни даже когда совершал короткий полет вместе с Кастетом. На это раз он сам был у руля! «Буревестник» чутко реагировал

на каждое его движение, то падая и ныряя вниз, то вздымаясь вверх и делая «мертвую петлю». Небоход подчинялся всем его командам! Это было упоительно! И даже страшновато...

«Один разок вокруг озера», — так сказал Стоб. Но, оказавшись в воздухе, Плут не имел ни малейшего желания возвращаться на землю так скоро. Он посмотрел на остальных. Стоб занял место слева от него, и его кораблик, устойчиво держась по курсу, летел вперед как стрела, разрезая потоки воздуха мощной фигурой ежеобраза на носу. В отличие от Стоба Магда, казалось, порхала в поднебесье. Она кружилась, направляясь то туда, то сюда, стремительно ныряя и поднимаясь, и ее небоход отвечал на каждый порыв ветра, каждое дуновение, тотчас меняя направление полета. Плут поправил противовесы, потянул за стартер слева от себя и одним махом долетел до нее. Глаза их встретились, и оба радостно рассмеялись.

— Здорово, правда! — крикнул Плут, и голос его потонул в ветре.

— Невероятно! — прокричала в ответ Магда.

Ксант, прильнув к своему «Птицекрысу», чтобы удержать равновесие, кружил низко над озером, и его противовесы, волочась по водной поверхности, колыхали ее гладь. Плут залюбовался грациозным полетом своего товарища. Ксант дернул за канаты и с хохотом улетел прочь.

Привстав в стременах и вцепившись что было сил в стартовый канат, Плут погнался за ним. Они пролетели над кронами деревьев, затем, сделав круг,

камнем упали вниз, вырুলив в последнюю секунду, чтобы не врезаться в землю, и, прочертив зеркальную поверхность озера, снова взмыли в небеса.

Ксант, с пылающим от возбуждения лицом, огляделся по сторонам.

— *Гей-гей! У-лю-лю! Гей-гей!* — ликуя, закричал Плут.

— *У-лю-лю!* — подхватил Ксант и, развернувшись, ринулся вниз, к лесу, сделав два круга в воздухе.

На этот раз Плут не стал догонять его. Он полетел обратно, пересекая озеро.

И вдруг все пилоты услышали дикий крик. Все обернулись и увидели, что Стоб на своем «Ежеобразе» несется прямо на железное дерево, росшее на другой стороне озера. Руки у него так и мелькали: он лихорадочно нажимал на рычаги, тянул за канаты, но «Ежеобраз» не слушался. Раздался ужасающий хруст, и небоход, врезавшись в толстенный ствол, упал на землю.

Плут замер от ужаса и на секунду потерял контроль над канатами, удерживающими паруса. В следующую секунду он почувствовал, как что-то тяжело плюхнулось в воду. Посмотрев вниз, мальчик с испугом обнаружил, что нижний парус его небохода уже наполовину погрузился в воду. В отчаянии он пытался поднять его, одновременно держа по ветру верхний парус. Но все было бесполезно. Поднимая тучи брызг, «Буревестник» ударился о водную гладь.

Ледяная вода окатила Плута; от холода у него дыхание сперло, и он сразу промерз до костей. Он безнадежно барахтался, пытаясь выплыть, но ему

мешала тяжелая намокшая одежда. Наконец мальчик все-таки вынырнул, оказавшись рядом со своим «Буревестником», который болтался на поверхности, шлепая по озеру намокшими парусами. С облегчением вздохнув, Плут ухватился за крепежный канат и крепко вцепился в борт корабля.

А Магда тем временем теряла скорость. Паруса на ее небоходе безжизненно повисли, и «Мотылек» крепился набок. С диким визгом она рухнула в озеро. Сразу же раздался громкий всплеск: *ПЛЮХ!* — и вот Магда, отплываясь и кашляя, вынырнула и оказалась рядом с Плутом.

— Это ты виноват, Плут! — засмеялась она. — Ты меня столкнул!

«Мотылек», медленно кружась, чуть не упал в озеро, но, дотянув до берега, приземлился на самой кромке суши, у корней железного дерева, где в прескверном настроении сидел Стоб, горестно потирая ушибленную голову.

Ксант, облетев всех, крикнул с высоты:

— Ну как вы там? Пожалуй, вода для купания холодновата. Но это я так думаю.

— Вы только поглядите на него! — удивилась Магда. — У него все так хорошо получается! — Она покачала головой. — Кто бы мог подумать! Наш Ксант! Такой тихоня, а летает лучше всех!

— Таким всегда везет! — сказал Плут. — Давай наперегонки: кто быстрее доплывет до берега. Раз, два, три, старт!

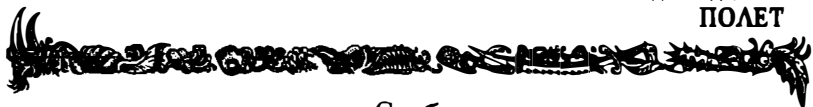
Плут и Магда барахтались в ледяной воде, поднимая тучи брызг. Вскоре Магда оказалась впереди. Они видели, как Ксант идет на посадку: его «Птицекрыс», сноровистый и быстрый, мчал на всех парусах.

— Он летит слишком быстро, — заметил Плут.

— Не волнуйся, все будет в порядке, — отозвалась Магда. — Ты только посмотри, как лихо он управляет небоходом!

Небесный кораблик, проплыв низко над землей, описал ровную дугу и начал крутой спуск. Как раз в этот момент из Островной Башни появилась какая-то фигура и зашагала по настилу из летучего дерева. При виде нового зрителя Ксант решил отложить спуск. «Птицекрыс» снова взмыл в высоту, но его паруса тут же повисли, как тряпки, а идеальная дуга превратилась в лихорадочное кувырканье. Секунду спустя небоход тяжело грохнулся на деревянные мостки; его мачта разлетелась в щепки, а сам пилот вылетел из седла.

Плут и Магда, отчаянно колотя ногами по воде, поплыли к площадке. А в это время незнакомка, появившаяся из башни, уже склонилась над их рас-

простертым товарищем. Стоб тоже не терял времени: он стремглав мчался к месту происшествия, волоча за собой «Ежеобраза». Промокшие до нитки и дрожащие от холода, Плут и Магда с трудом выбрались на сушу, а их небоходы, как поплавки, продолжали болтаться на воде.

— Как он? — спросила Магда.

— Живой, — ответила незнакомка, не глядя на нее. — Но повредил ногу. Похоже на перелом. Этот мальчик теперь долго не сможет летать.

Ксант, застонав, открыл глаза.

— Нога болит, — жалобно захныкал он.

— Это я виноват! — закричал Стоб, подбегая к ним. Лицо у него было красное, а в глазах стояли слезы. — Мы ждали инструктора по пилотажу, но он не пришел, и я подумал, что ничего плохого не будет, если мы разок-другой облетим озеро... — Он покачал головой. — Если бы я только знал, чем это кончится... — Он упал на колени и схватил Ксанта за руку. — Прости меня, Ксант. Надо было дождаться этого дурацкого инструктора. Теперь придется отложить наше первое занятие.

— Не придется, — сказала незнакомка, вставая с колен и поворачиваясь лицом к ученикам. — Я — ваш *дурацкий* инструктор.

Стоб застонал. Опять он влип в историю.

— Быть может, вы слышали обо мне, — сказала девушка. — Меня зовут Варис Лодд.

У Плута отвисла челюсть. Так, значит, это и есть знаменитая Варис Лодд! Сестра Феликса. Из команды Библиотечных Рыцарей. Та самая Варис, которая нашла его в Дремучих Лесах много лет тому назад. Он раздумывал, стоит ли напомнить ей об этом... Поразмыслив, он решил, что Варис не узнала его, да и как бы она могла его узнать? Он был совсем маленьким, когда девушка спасла его, и с тех пор они не встречались. Плут прикусил язык.

— Что касается вашего первого урока... — продолжила Варис и сделала длинную паузу, чтобы посмотреть на выстроившихся в ряд подмастерьев: один заливался краской от стыда, другой застыл, открыв рот, а Магду била дрожь от холода. Потом девушка бросила взгляд на Ксанта, ничком лежавшего на помосте и стонущего от боли. — Сегодня вы получили хороший урок.

Янтарно-желтая полная луна вставала из-за горизонта, когда Плут взмыл в небо. Далеко внизу остались Озерный Остров, а фигурки Варис Лодд и Парсиммона становились все меньше и меньше.

Где-то вдали, по левую руку от Плута, под облаками мелькнул силуэт Птицы-Помогарь: ее загнутый клюв и черное оперение четко вырисовывались в лунном свете, пока она величественно проплывала над землей. Ксанту понравилось бы это зрелище!

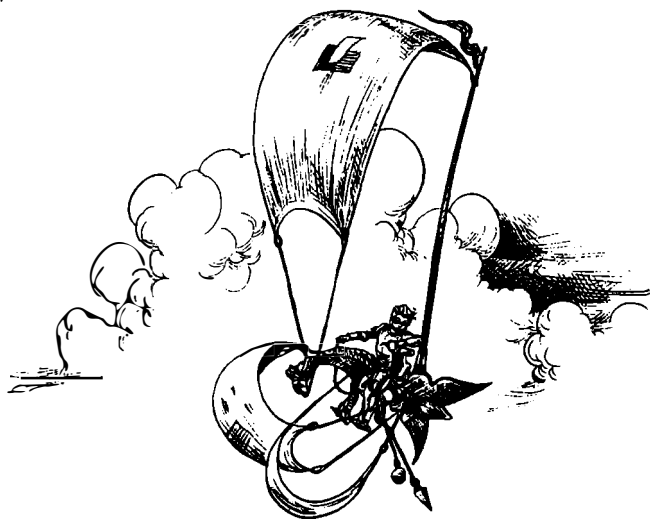

Плут вспомнил, что его товарищ собирался написать труд, посвященный этой птице, и с сожалением подумал, что Ксанта вряд ли сумеет осуществить свою мечту. Бедняга! Даже сейчас, через полгода после аварии, он мог ходить, только опираясь на палку; вид у него был пришибленный и несчастный, как никогда, а в глазах застыл страх.

Плут всегда старался найти Ксанта, чтобы повлечь его в беседы о парусах, о сигналах, подаваемых летчиками, и о ветрах, сопутствующих успешному полету. Но факт оставался фактом: когда Плут, Магда и Стоб уходили в небо, Ксанта оставался на земле, и его бледность и печальный взгляд выдавали обиду и разочарованность.

Нынешний день был особенно тяжел для Ксанта, потому что вечером должен был состояться их последний полет. После этого Магда, Стоб и Плут станут полноправными Библиотечными Рыцарями, готовыми для научной экспедиции. Плут ощутил прилив энергии, когда поставил паруса и с силой потянул за пусковой канат. Небоход поднялся в воздух, сделал круг над землей и облетел по краю ярко освещенный, счастливый остров, затерявшийся в таинственных и мрачных Дремучих Лесах.

— Вольная Пустошь, — прошептал он, направляя свой небоход к трем поблескивающим вдалеке озерам и облетая по очереди каждое из них. Затем Плут обогнул рощу устремленных ввысь железных деревьев и развернулся, чтобы пролететь над Новым Нижним Городом.

Мальчик проплыл над Башней из летучего дерева, — это здание произвело колоссальное впечатление на него, когда он впервые появился на Вольной Пустоши, но как давно это было! Он пролетел над домиками, напоминавшими пчелиные ульи, и над длинными хижинами гоблинов, у которых волосы на голове росли пучками, миновал колонию гоблинов-сиропщиков, мельком бросив взгляд на длинноносых гоблинов, маленькими группками возвращавшихся

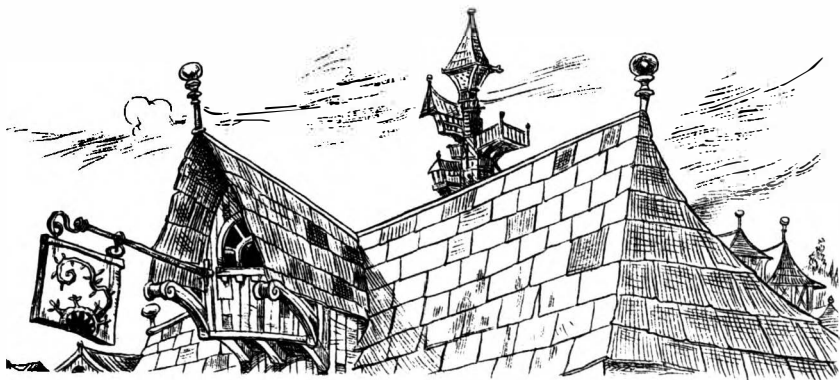
домой с окрестных полей к своей няньке-Великанше, сварившей им на ужин сладкий розовый сироп.

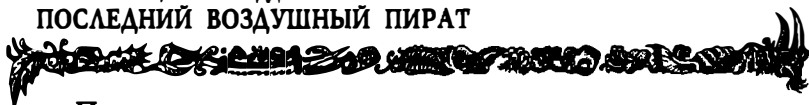
Луна поднялась высоко в небо. С уверенностью знатока оценив ветер, набирающий силу, Плут спустился к таверне «Смоляная Лоза», где собирались посетители, пришедшие из самых отдаленных уголков Дремучих Лесов. Как он любил сидеть за столом в этой темной таверне и слушать истории о былом, о временах, когда еще не было Каменной Болезни и огромные небесные корабли бороздили небо!

А теперь он управлял *своим* небоходом, и луна заглядывала *ему* в глаза, и ветер ерошил *его* волосы! Он, улыбнувшись, поправил паруса, привстал, упирая ноги в стремя, и, миновав таверну, унесся прочь.

Позади остались дровяные склады и деревушки лесных троллей.

— Прощай, Окли, — прошептал юный пилот, вспомнив доброго старика — лесного тролля с пучками волос на макушке. — И спасибо тебе за все.

Потом показалась роща огромных железных деревьев, а чуть дальше — вход в Сады Света.

Сколько раз, колдуя над котелком с лаком для покрытия корабля, он мечтал об этой ночи! Но теперь, когда пришел этот долгожданный миг, он понял, что будет скучать по прекрасным поющим садам и по своему престарелому учителю — шпинделю.

— Прощай, Пинцет! — прошептал мальчик.

Продолжая полет, под собой он увидел лагерь душегубцев, окутанный красноватой дымкой. У спальных гамаков уже полыхали жаркие костры: душегубцы просыпались, чтобы начать трудовую ночь. Плут даже ощутил пряный вкус тильдячьих колбасок у себя во рту — деликатес, который ему довелось там отведать далеко не однажды.

— Прощай, Кострец! — прошептал он. — Приятного аппетита, мой добрый мастер!

Плут заставил свой небоход сделать длинный и медленный разворот и направился назад, к Озерному Острову. Под лунным светом где-то вдалеке переливались и мерцали Серебряные Пастбища. Еще никогда они не были так прекрасны!

— До свидания, мой друг Кастет! — тихо произнес он.

Подлетев к Центральному Озеру, Плут увидел Магду и Стоба, которые, поджидая его, делали прощальный вираж вокруг острова, чтобы начать последний спуск. Для них тоже наступил момент расставания. У Плута комок встал в горле.

Рядом с собой он видел коренастого высокомерного Стоба на массивном «Ежеобразе». Вспыльчивый, нелегко прощающий обиды, но, как теперь понял Плут, он был ему вроде старшего брата, несмотря на все свои недостатки. И Магда, серьезная, отзывчивая, летела на своем «Мотыльке», легко порхая в воздухе. Она была ему как сестра, готовая разделить с ним и горе, и радость, и всегда у нее находились для него добрые слова и сочувственный взгляд.

Все трое рассекли воздушное пространство в идеальной гармонии, свернули паруса, готовясь к приземлению, и опустились беззвучно на площадку прямо перед инструктором по пилотажу и Верховным Правителем Академии.

— Молодцы! — спокойно произнесла Варис Лодд. — Это было великолепно!

Услышав похвалу, Плут тихо улыбнулся, зардевшись от смущения. Он вспомнил, какой надменной и равнодушной показалась ему когда-то Варис Лодд. Но вот однажды, когда она уходила от учеников, Плут решился наконец догнать ее, горя желанием объяснить, кто он такой.

— Я — Плут Кородер, — сказал он.

Она обернулась и, положив руку ему на плечо, ласково улыбнулась.

— Я знаю, — ответила она. — Я всегда узнала бы тебя по ярко-синим глазам. Но ты только посмотри, какой из тебя получился замечательный подмастерье! Иди поставь свой небоход, Плут, а потом мы пообедаем вместе.

После этого Плут всегда ощущал духовную близость с ней, как будто связь между ними, с тех пор как она нашла его в Дремучих Лесах, никогда и не прерывалась. Иногда она напоминала ему Феликса, веселого и озорного, но она могла быть суровой и требовательной, как Олквикс Венвакс. Несмотря на кажущиеся перемены в ее отношении, она всегда оказывалась рядом: она была превосходным учителем и вела его к новым свершениям. Теперь он в последний раз стоял перед ней, закончив последний учебный полет.

— Теперь вы готовы к самостоятельному путешествию, — сказала она официальным тоном, слегка склонив голову. — Пришло время отправляться в научную экспедицию, друзья Земли и Неба.

Парсиммон также приветствовал учеников почтительным кивком:

— Да сопутствует вам удача во всех ваших делах, мои дорогие, бесценные Библиотечные Рыцари! Желаю вам вернуться обратно в Вольную Пустошь целыми и невредимыми!

Сердце у Плута готово было выскочить из груди, так бешено оно колотилось. Он хотел кричать от радости, ликовать в предчувствии открытий и новых свершений, но вместо этого он церемонно последовал за Магдой и Стобом и, сделав низкий поклон учителям, тихо произнес:

— Клянусь Землей и Небом, мы не обманем ваших ожиданий!

Тут раздался скрип тяжелых колес по деревянному настилу, нарушивший торжественную церемо-

нию. На площадку въехала запряженная ежеобразами повозка, за которой следовали два стражника с Вольной Пустоши верхом на живопырах. Плут оглянулся.

В дальнем углу телеги лежал молодой подмастерье, стонавший от боли. По одежде, какую обычно носят точильщики ножей, растекалось кровавое пятно.

— Мы нашли его у северных границ, — отрапортовал первый стражник, гоблин-утконос, отдавая честь Верховному Правителю Академии. — Он сказал, что был в группе учеников из Нижнего Города и что на него напали шрайки. Еще он сказал, что они знали о его группе.

— Это правда? — спросил Парсиммон, склоняясь над раненым.

— Да, мастер, — прошептал тот, и его побелевшее лицо исказилось от боли. — Они нас взяли в Восточном Посаде: окружили на одном из верхних переходов и стали рубить саблями...

Парсиммон погладил его по руке:

— Все будет хорошо, не волнуйся. Да, добраться сюда нелегко, дорога ужасна, но ты преодолел все трудности пути. Теперь мы о тебе позаботимся. Ты дорог нам всем. — Он подозвал стражников: — Отнесите его в башню и срочно позовите Пинцета. Я не хочу потерять этого храброго юношу!

Стражники поспешили за помощью. Варис, сжавшись от напряжения, подошла к Парсиммону.

— Мне это не нравится, — жестко сказала она. — Это уже третья группа, подвергшаяся нападению. Мы

не можем переносить такие потери! Стражи Ночи набирают силу. Я чувствую их руку.

Парсиммон задумчиво покачал головой:

— Вы, возможно, правы, моя дорогая Варис, но это проблема, которой должны заниматься Совет Вольной Пустоши и администрация Старого Нижнего Города. Так что давайте будем чествовать наших юных отважных учеников и оставим этот разговор. — Он повернулся к Магде, Стобу и Плуту. — А вы ступайте. Ужин ждет вас в верхней столовой.

Плут собрался идти вслед за товарищами и, повернувшись, встретился взглядом с Ксантом. Лицо у того было пепельно-серым, губы — бескровными.

— Ксант, — позвал его Плут.

У Ксанта забегали глаза, и он потупился.

— Ксант! — повторил Плут чуть погромче. — Пойдем с нами!

— Оставь его в покое, — вмешалась Магда. — Если захочет, он знает, где найти нас. Он и так себя чувствует очень несчастным из-за больной ноги и завидует нам.

Плут кивнул. В словах Магды была доля правды, но Плут засомневался. В глазах Ксанта он увидел не печаль и не зависть, но чувство вины.

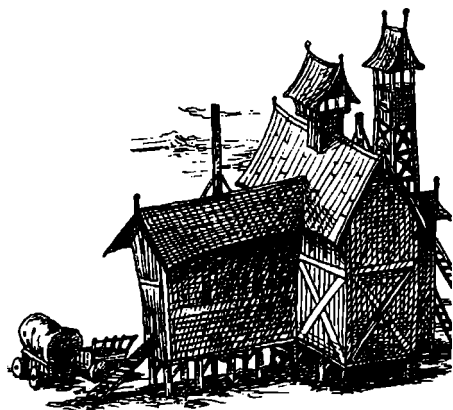

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ОПУШКА ЛИТЕЙЩИКОВ

осле свирепого шторма, бушевавшего всю ночь и все утро до полудня, небо наконец прояснилось. На горизонте появились легкие перистые облака, и они, сверкая в солнечных лучах, бежали высоко над головой, играя и сталкиваясь друг с другом, а внизу, в залитых потоками золотого света Дремучих Лесах, будто покрытые лаком и отполированные, искрились листочки на каждом дереве.

Опытной рукой Плут повел свой небоход к большому колыбельному дереву, обогнул его и направился дальше, пролетев над кустистыми зарослями бритвошипа. Сердце его ликовало от радости. Плут с трудом верил, что после завершающего учебного полета теперь он оказался здесь и летит на задание в Дремучие Леса вместе с великой Варис Лодд и со своим лучшим другом Кастетом из племени душегубцев.

Стремительно и бесшумно пролетев над чащей, утонувшей в игре теней, три небохода — «Ястреб», «Мотылек» и «Буревестник» — снизились и продол-

жили путь, держась между кронами ветвистых деревьев. Плут, поигрывая канатами, направлял свой кораблик то в одну сторону, то в другую, то вверх, то вниз. Маршрут был нелегким, требующим постоянного внимания.

Очень часто — больше от нервозности, чем по необходимости — он ощупывал свою летную форму, проверяя на всякий случай, все ли на месте, вся ли экипировка в порядке: абордажные крюки, моток веревки, фляга с водой и — Плут молил Землю и Небо, чтобы они ему никогда не понадобились, — бинты, противоядия и целебные мази, лежавшие в шкатулке, подаренной на прощание шпинделем. На груди у него висели подзорная труба, компас и весы, а на боку — клинок, меч с инкрустированной рукоятью, подарок Феликса. К поясу на кожаной петле был прикреплен топорик с острым как бритва лезвием, какой обычно берут с собой пилоты небоходов. Теперь он себя чувствовал настоящим Библиотечным Рыцарем, в полном облачении. Единственное, что мешало торжественности момента, — это спазм в желудке от постоянных скачков в воздухе.

Вперед! — густые заросли, — просигналила Варис Лодд товарищам, и Плут с Кастетом дружно взмыли вверх, буквально продираясь сквозь густые древесные кроны.

Плут раскрыл рот от изумления, так близко увидел верхушки деревьев. Он привстал в резных стременах и, чувствуя, как теплый ветер дует ему в ли-

цо, до отказа развернул паруса «Буревестника». Небоход трянуло, и Плут чуть не выскочил из седла: еще секунда — и он полетел бы кувырком вниз.

Держитесь ниже, — молча просигналила Варис. Нельзя было допустить, чтобы их заметили.

Плут потянул за стартовый канат, скрученный мотком. «Буревестник» послушно спустился, сделал петлю, и полетел низко над лесом вдоль кромки воды; красновато-желтые всполохи листвы в точности напомнили ему лес у озера! Как давно это было! Плут погрузился в воспоминания.

Ему на память пришел и вчерашний вечер: в тот момент, когда он уже собрался ложиться в постель, он услышал легкий стук в дверь своей спальной кабинки. Это была Варис Лодд, в полной экипировке и с арбалетом через плечо.

— Пойдем со мной, — позвала она. — Мне нужно кое-что тебе рассказать.

Она провела его вниз, на площадку, где их уже ждал Кастет, поигрывавший своим лассо. У их ног, тяжело вздымаясь и перекатываясь, плескалась темная вода, а над головой собирались кучевые облака, принесенные западным ветром. Варис повернулась так, чтобы встать лицом к обоим подмастерьям. Лицо у нее посерело, а голос дрожал от волнения. Плут никогда не видел ее такой расстроенной.

— Сегодня вечером ко мне подошел ваш юный друг, Ксант, — начала она. — С тех пор как он заболел, он решил приносить пользу — ну, как бы

это точнее выразиться, — собирая важную информацию.

— Шпионил? — в изумлении спросил Плут.

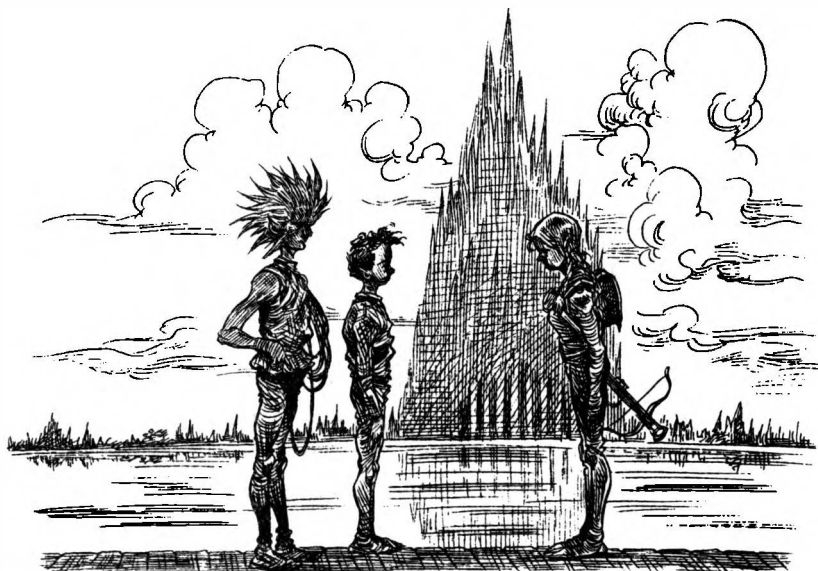
— Можно сказать и так, — ответила Варис. — В борьбе со Стражами Ночи и их союзниками нам надо быть бдительными. Как бы то ни было, Ксант принес тревожные новости.

— Продолжай, — кивнул Кастет.

— На Олушку Литейщиков вернулось рабство. Кастет грустно повесил голову:

— Неужели Правитель Литейщиков так ничему и не научился?

Варис положила руку на плечо душегубца.

— Кастет, как и ты, потерял родителей при нападении работорговцев, — сказала она Плуту. — Нам казалось, что мы преподали хороший урок гоблинам и их союзникам во время последнего рейда, но, судя по всему, вернулись прежние времена.

— А кого они поработили? — спросил Плут. — Душегубцев? Гоблинов-утконосов?

Варис отрицательно покачала головой:

— Это... — Повернувшись к Плуту, она замолчала. Ее печальные глаза наполнились слезами.

— Кто?

— Толстолапы, — ответила она наконец. — Толстолапы.

Небоход трянуло: руки у мальчика задрожали, когда он вспомнил слова Варис. Толстолапы! Как можно было превратить в рабов этих могучих и благородных животных? При одной только мысли об этом у Плута закипела кровь. И все же Правитель Литейщиков, Хамодур Плюнь, пошел на это. Как низко мог пасть этот гоблин, чтобы держать толстолапов в цепях!

— Я знаю: ты любишь толстолапов не меньше, чем я, — сказала Варис Лодд. — И ты захочешь их спасти.

— А как же Магда и Стоб? — спросил Плут.

— В таком деле чем меньше народу, тем лучше, — возразила Варис. — К тому же вы — лучшие пилоты на Вольной Пустоши. — Она помолчала немного. — Если вы согласны, то мы вместе полетим на Опушку Литейщиков и прямо под носом у гоб-

линов, стражников Хамодура, освободим толстолапов из тюрьмы и скроемся прежде, чем нас успеют заметить.

— Конечно согласны! — хором ответили Кастет и Плут.

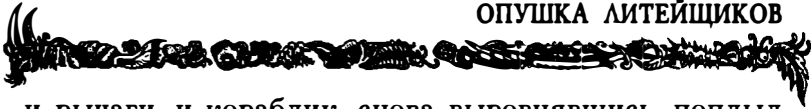
Смеркалось, и солнечный круг вскоре закатился за горизонт. Снова поднялся ветер. Плут подтянул нижний парус и крепко ухватился за пусковой канат. Благодаря нарастающей скорости ветра небоход двигался быстрее, но одновременно он становился капризным и своенравным.

Вон там, — просигналил Кастет, сложив вместе указательный и большой пальцы, что означало только одно — *Опушка Литейщиков.*

Плут поднял глаза. Вдалеке он увидел клубы черного дыма, вырывающегося из высоких заводских труб. Ядовитые испарения заволакивали небо, отравляя смрадной гарью все вокруг. Сердце у Плута замерло.

Спускайтесь, — быстро просигналила Варис, и ее «Ястреб» нырнул в лесную чащу.

Плут потянул за рычаги управления, свернув нижний парус и выпуская верхний, и одновременно, упираясь ногами в стремена, выравнивал корабль и медленно поднял пусковой канат. Он нервно закусил губу. «Буревестник» устремился вниз и скрылся среди крон высоких лесных деревьев. Ветер сразу же стих. Попад под зеленую сумеречную кровлю, маленький небоход вздрогнул и стал крениться носом вниз. Плут, не теряя времени, ухватился за канаты

и рычаги, и кораблик, снова выровнявшись, поплыл дальше под зелеными сводами.

Варис одобрительно кивнула и щелкнула пальцами, подав сигнал: *Отлично, Плут!*

Плут расплылся в улыбке, а затем залился краской. Он почувствовал прилив гордости: Великая Варис Лодд похвалила его! Плут погладил резную фигуру на носу небохода.

— Какой ты молодец, «Буревестник»! — прошептал он.

Мрак сгущался, и, пока продолжался их полет, много раз Плуту приходилось делать резкий рывок в сторону, чтобы не налететь на какое-нибудь раскидистое дерево, которое внезапно вырисовывалось из тьмы. Но впереди он постоянно видел маячащий вдали маслянисто-желтый огонь.

За мной, оба! — знаком приказала Варис Лодд, помахав через плечо.

Она круто взмыла вверх и тихо посадила свой небоход на огромную ветку векового железного дерева. Плут и Кастет примостили свои кораблики рядом. Варис подала еще один немой сигнал, указав на источник света впереди.

Плут достал из футляра подзорную трубу и приставил к глазу. Вглядываясь в просветы между ветвями развесистого дерева, он изучал Опушку, лежавшую перед ним.

Широко раскинувшаяся поляна напоминала копошащийся муравейник. Это был больной нарост на живом теле зеленого леса: смердящий сернистый

дух, удушающая вонь кипящей смолы, жар расплавленного металла. Эхом по окрестностям разносились удары топоров: рубили деревья; ревели плавильные печи, щелкали кнуты, и раздавались окрики надсмотрщиков-гоблинов, заглушающие синхронный звон лопат и стук киркомотыг в глубоком карьере.

Но все эти звуки перекрывал скорбный хор гоблинов-работяг, стонущих от тяжести непосильного труда. Плут вздрогнул. Сколько страданий выпало на долю этих несчастных, если они издавали такие горестные вопли!..

Но тут к какофонии заводских шумов, смешавшихся с полными отчаяния стонами, примешался ужасающий скрип дерева, перешедший в глухой тяжелый удар. Плут повернул подзорную трубу в сторону клуба пыли, поднявшегося на краю широоченной просеки. Когда пыль понемногу улеглась, мальчик увидел на земле только что поваленное огромное дерево. Тотчас же вокруг ствола сгрудилась бригада гоблинов и, обрубив ветки, стала очищать его от коры.

Какое было прекрасное дерево! — просигналил Плут.

Работа Хамодура, — отозвалась Варис и провела пальцем по горлу, показывая, что пора с ним кончать.

Плут кивнул.

Помимо огромных терриконов из гари и пепла и земляных холмов, kloчочущих, как вулканы, Плут

ОПУШКА ЛИТЕЙЩИКОВ

увидел высоченные кучи дров, нарубленных для печей в литейных цехах. Бригады худосочных сутулых гоблинов в изодранных и грязных куртках с капюшонами и с лицами, в которые въелась вековая сажа и копоть, разбирали завалы: вытаскивая по одному полену, они собирали дрова в вязанки и крюками волокли их к литейным цехам. Бригада за бригадой, полено за поленом — так шла работа, но горы дров, казалось, не уменьшались: как только разбирали одну кучу, тотчас же подвозили новое дерево, распиленное на куски, и ядовитое производство расширялось, вгрызаясь все глубже в зеленые просторы лесного массива.

Где же толстолапы? — жестом спросил Плут, с недоумением пожимая плечами.

Кастет похлопал его по плечу и указал рукой, в каком направлении нужно смотреть.

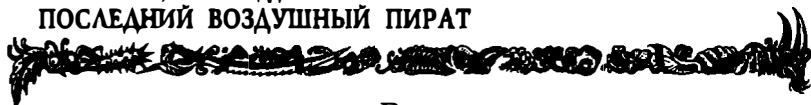
Толстолап! Сердце у Плута бешено забилося от волнения, когда он, повернув подзорную трубу влево, направил ее на толстолапа, выходящего из уродливого, похожего на огромную головку репчатого лука, сооружения, которое являло собой литейную мастерскую. Вид бедного животного потряс мальчика.

Несчастное создание с торчащими от истощения ребрами и ввалившимися щеками, казалось, вот-вот умрет от голода. Его опаленная шерстка, некогда похожая на зеленый мох, давно потеряла блеск и все тело было покрыто кровоточащими ранами от ожогов. Понуру сгорбившись, несчастный толстолап, за-

кованный в ручные и ножные кандалы, шагал в сопровождении двух гоблинов, вооруженных тяжелыми дубинками, которые часто и с явным удовольствием пускались в ход. Толстолап покорно сносил побои, даже не пытаясь сопротивляться. Плут, наблюдая за тем, как толстолап волочил ноги по направлению к хижине, где содержались рабы, понял, что дух зверя сломлен.

На площадке показалось еще пятеро толстолапов, по одному выползавших из литейных мастерских. Несмотря на тяжкие побои и грубые окрики охраны, подгонявшей их, они едва переставляли ноги. Один из зверей сильно хромал. У другого на плече горела

свежая рана от ожога. Все они ежились от холода, замерзая на свежем воздухе после многочасового жара огнедышащих печей.

Плут повернулся к Варис. Глаза у него сверкали, он скрежетал зубами от ярости. Девушка обеими руками вцепилась в свой арбалет, а Плут, чья жалость к страдальцам переросла в гнев к их преследователям, хватался то за кинжал, то за меч, висевшие у него на боку. Он снова взглянул на Опушку.

Мальчик наблюдал, как толстолапов привели в хижину и приковали цепями к столбам, стоявшим в центре. Несмотря на подобие крыши, хижина была открыта ветрам со всех сторон, и шестеро толстолапов сбились в кучу, чтобы хоть как-то согреться, примостившись на подстилке из гнилой соломы. Они дрожали, молча покоровившись судьбе, в их безжизненном взоре застыла тоска.

Плут, прильнув к окуляру, оглядел Опушку. Она казалась вымершей. Толстолапов увели на отдых, и литейные цеха бездействовали. Последние рудокопы, лесорубы и грузчики разбредались по хижинам. Охрана из гоблинов, перебрасываясь шутками и хохоча, следила за ними.

Вскоре на Опушке остался один-единственный часовой, да и тот дрых на посту, устроившись наверху, в сторожевой башне. Зловещая тишина повисла над Опушкой Литейщиков. Варис повернулась к Кастету и Плуту. Лицо ее внезапно стало серьезным.

Запомните, — просигналила она. — Мы прилетим и сразу же улетаем. Стирайтесь не шуметь.

Кастет и Плут кивнули.

Ну, пошли! — Варис махнула рукой, поднимая паруса и взлетая с ветки. — *Начали!*

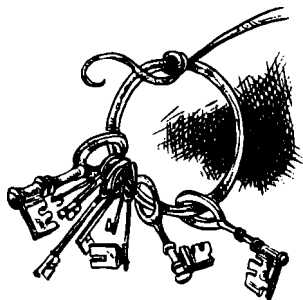
Держась рядом с Варис и Кастетом, он проплыл на своем небоходе сквозь редкие деревца на краю поселения и оказался на заброшенном пустыре. Ледяной ветер бил в лицо, пока он беззвучно летел вперед, к зловещему месту.

Варис и Плут обогнули длинные ряды хибарок и крытых фургонов и подлетели к навесу, где ютились поработанные толстолапы. В это же время Кастет, не выпуская скрученную кольцом веревку из рук, сделал бросок в воздухе и приблизился к сторожевой башне, где шумно храпел гоблин, забывший про обязанности часового. Плут увидел, как душегубец облетел башню кругом и с размаху бросил лассо. Веревка стремительно раскрутилась, и петля на ее конце исчезла из виду. Плут замер.

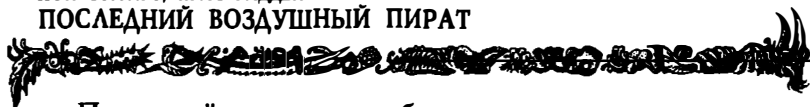
Секунду спустя на крепко затянутой петле болталась огромная связка ключей. Спящий охранник даже не шевельнулся.

Отличная работа! — жестом показал Плут, в восторге от ловкости душегубца.

Плут, — в спешке махнула мальчику Варис Лодд, — держи! — И она бросила ему конец крепежного каната.

Плут поймал его и обернул вокруг шеи своего «Буревестника», тем самым соединив два небохода.

Варис, перекинув ногу через седло, спрыгнула на землю. «Ястреб» упирался и брыкался, не желая быть на привязи. Но «Буревестник» крепко держал его. Желая быть наготове, Плут привстал в стременах, крепко вцепившись в пусковой канат, чтобы удерживать в равновесии оба небохода.

— Тихо, тихо, — еле слышно прошептал он. — Все будет хорошо.

Кастет навис над землей, бросил связку ключей Варис, а затем снова взмыл в небо: он внимательно следил, не появится ли охрана. Варис вошла в хибарку, где ютились несчастные толстолапы, и принялась за работу.

Раздался щелчок, затем — звон упавших оков, потом еще щелчок...

У Плути над головой Кастет медленно облетал территорию, держась пониже к земле и внимательно следя за обстановкой.

В последний раз щелкнул замок, и цепь с лязгом рухнула на землю.

— Идите, — сказала Варис толстолапам. — Вы свободны.

Сначала бедные создания, как показалось Плуту, державшему наготове оба небохода, были ошеломлены, но понемногу пришли в себя и один за другим осторожно поднялись на ноги. Медленно и с опаской они вышли из-под навеса на Опушку. Варис последовала за ними.

— Бегите в лес, — в отчаянии торопила она еле шевелившихся гигантов.

В это мгновение из крытых фургонов донесся какой-то шум. Плут резко обернулся, и сердце у него упало. Дела шли не так гладко, как было задумано.

Внезапно пологи из шкуры ежеобраза откинулись, и из фургонов один за другим начали выскакивать стражники. Их была тьма-тьмушая.

— Это ловушка! — закричал Кастет с высоты. — Немедленно уходите!

Длинноволосые гоблины дружно вытащили зазубренные шпаги и с кровавым воинственным воплем ринулись вперед.

Толстолапы откинули головы назад и зарычали, обнажив клыки. Встав на мощные задние лапы, они бросились на врага. Звери были ослеплены яростью: растопырив острые когти, они царапали воздух, в отчаянии пытаясь добраться до леса, чтобы обрести долгожданную свободу.

— Оставьте в покое толстолапов! — крикнул кто-то. — Мне нужны не они, а Варис Лодд!

Плут оглянулся и увидел худого, сморщенного старика с острыми чертами лица и длинными вьющимися бакенбардами, который стоял на крыше одного из фургонов. Это был Хамодур Плюнь собственной персоной.

— *Держите ее!* — завопил он.

Варис Лодд выстрелила из арбалета. Болт вонзился в стенку фургона в двух пальцах от головы Хамодура. Главный Литейщик взвизгнул и спрятался внутри крытой повозки. Варис метнулась в ту сторону, где Плут поджидал ее с небоходом. Гоблины наступали, размахивая саблями и таща за собой тяжелую сеть. Как только рука Варис коснулась шеи «Ястреба», Плут мгновенно освободил канат, удерживающий ее небоход, но воздушный кораблик качнуло, и Варис отбросило на землю.

Плут застонал. Приближающиеся гоблины заулюлюкали, гогоча от радости.

— Она наша! — завопил один из них.

— Великая Варис Лодд! — заливался хохотом другой.

— Это научит ее...

Бух! Плут обернулся: один из охранников замертво упал на землю. Из его груди торчала арбалетная стрела. Еще два стражника валялись рядом. А наверху Кастет уже снова прицеливался.

Бух! Еще один! Болт поразил его, ударив в спину, и из раны потекла алая кровь.

— Плут! — слышался голос Варис, с трудом поднявшейся на ноги. — Плут, помоги мне!

Плут рванулся вперед, снова уцепился за канат «Ястреба» и намотал его на руку. От груза второго небохода Плут чуть не вылетел из седла. Лицо его искажилось от напряжения, но он продолжал удерживать кораблик на весу.

— Влезай! — крикнул он Варис. — Скорее!

Отряд гоблинов неистово завыл и в ярости бросился за ними.

— Идиоты! — бешено взревел Хамодур.

Кастет спикировал в третий раз, снова просвистел болт.

Как только Варис крепко уцепилась за небоход, Плут отпустил канат. Кораблик тряхнуло, и он грозно накренился набок, когда девушка перекинула ногу через седло. Уже через секунду небоход взмыл в небо. Сердце Плута пело, когда он тоже вспорхнул ввысь и полетел рядом с Варис.

— Какие мы молодцы! — в восторге закричал Плут.

— Спасибо тебе, Плут, — отозвалась Варис. — Ты спас мне жизнь.

Кастет, развернувшись, подлетел к ним.

— Пора убираться отсюда! — крикнул он.

— А как же толстолапы? — откликнулся Плут. — Они спаслись?

— Посмотри. — Кастет указал в сторону леса.

Там, где кончалась лужайка и начинались деревья, толстолапы один за другим ныряли в заросли. Гоблины с ожесточением преследовали огромных зверей, а Хамодур, отчаянно бранясь и размахивая руками, грозил палкой вслед небоходам.

— Убейте их! — визжал он.

На пилотов градом посыпались смертоносные арбалетные стрелы.

— Врассыпную! — скомандовала Варис Лодд.

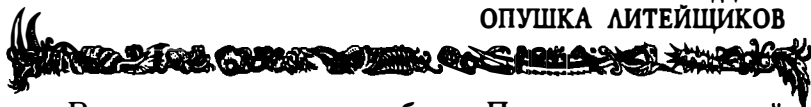
Сделав низкий вираж, Плут пролетел над хибарками и скрылся из виду, вслед за толстолапами скользнув под прикрытие зеленых крон.

Последний из толстолапов оглянулся. Это была крупная толстолапиха со странным черным пятном на морде, шедшим от глаза к носу. Плут уже был знаком с ней: это она накануне выходила из литейного цеха.

Глаза их встретились.

— Берегись! — прокричала Варис откуда-то сверху.

Плут оглянулся и увидел гоблина, вставшего на колено у одного из пустых фургонов. В руках он держал арбалет, пристрелянный на толстолапах.

В воздухе просвистел болт. Плут направил свой небоход вперед, чтобы прикрыть толстолапиху.

С глухим ударом острое воткнулось в плечо мальчика, и он вскрикнул от боли, пронзившей все тело.

— Держись! — закричала Варис, спланировав к нему.

Гоблин уже доставал из колчана второй болт, когда стрела, выпущенная Кастетом, вонзилась ему между глаз. Он рухнул наземь. Варис протянула руку и ухватила за канат, свешивающийся с «Буревестника». Обняв мальчика за плечи, она отвела небоход своего раненого ученика в безопасное место в лесных зарослях.

— Вух-вух, — завывала им вслед толстолапиха и тяжело заковыляла в глубь чащи.

— Все будет хорошо, — еле слышно прошептала Варис Плуту. Сопя от усилия, она обвязала канат вокруг шеи своего «Ястреба», а затем поправила паруса. Петляя между высокими деревьями, они с трудом увертывались от града арбалетных стрел, пущенных им вдогонку.

— Держись, Плут! — плакала она. — Держись!

— Я держусь, — заплетающимся языком пробормотал Плут. — Держусь...

Он наклонился вперед и обнял за шею «Буревестника». Серебристые кроны деревьев, кружась и мерцая, слились в сплошное пятно. Он закрыл глаза.

Кастет подлетел к ним.

— Ему плохо? — крикнул он, и ветер подхватил его слова.

— Арбалетный болт попал в него, — отозвалась Варис. — Наверное, отравлен ядом, насколько я знаю этих длинноволосых гоблинов. Нужно поскорее доставить его в Озерную Академию. Если мы не потопимся, он погибнет.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

БОЛЕЗНЬ

олочно-белый тусклый свет пробивался сквозь решетчатые двери спальной кабинки, скудно освещая комнатку. Рассветные лучи падали на позолоченные резные украшения в изголовье кровати, на которой, обливаясь потом, метался исхудавший подросток с перевязанным плечом. Спал он тревожно, сбивая одеяло из тильдячьей шерсти и переворачиваясь с боку на бок; щеки у юного Библиотечного Рыцаря ввалились, веки закрытых глаз подрагивали во сне.

Волки. Лесные волки окружили его со всех сторон, уставясь желтыми, горящими, как угли, глазами. Они рычали и выли. И еще голоса... Злобные окрики, яростные вопли и испуганный шепот...

— Нет, нет, — жалобно захныкал он во сне, размахивая руками.

Он остался один в дремучем, непроходимом лесу, убитый горем, а вокруг стояла тишина. Он снова стал четырехлетним малышом. Слезы душили его, и он зарыдал, громко и безутешно... Он был одинок и заброшен, и ему было холодно, очень холодно.

Ночные кошмары вернулись к нему.

Внезапно из тьмы вырисовалась какая-то фигура. Что-то огромное и страшное... С острыми клыками и горящими глазами...

— Тихо, тихо, — слышался голос.

Плут вздрогнул и открыл глаза. Плечо у него горело, как в огне.

Над ним склонился Пинцет. В одной руке он держал лампу, а в другой — прохладный влажный туманный лист, который он приложил к горящему лбу больного. Огромное прозрачное насквозь тело шпинделя, казалось, заполнило всю спальную кабинку.

— Не сдавайся, мой храбрый друг, — говорил он, и в его старческом, глуховатом голосе звучало глубокое сочувствие к раненому. — Лихорадка скоро пройдет, наступит кризис.

Он потянулся, взбил смятую подушку и поправил одеяло, укрыв мальчика. Плут смежил веки.

Когда он снова открыл глаза, шпинделя

уже не было, но лампа, шипя и разбрызгивая остатки масла, все еще горела на столике напротив. Плут оглядел обитую панелями из летучего дерева крохотную полутемную кабинку с незатейливой обстановкой. С того момента, как Парсиммон показал ему эту комнату, когда он впервые появился на Озерном Острове, прошло уже больше года. В своем похожем на кокон, уютном, пахнущем деревом жилище Плут чувствовал себя в полной безопасности.

Он устался в потолок, разглядывая узкие деревянные планки, изучил углы, а затем перевел взгляд на стены. Мягкий янтарный свет мерцающей лампы отражался в лакированных панелях. Веки у Плути отяжелели. Прямые черточки между планками начали загибаться, превращаясь в зигзагообразные пучки. Плечо пульсировало от тупой боли, распространявшейся по всему телу, как лесной пожар, лишая его последних сил.

Он закрыл глаза. Дыхание стало ровным и тихим, и он провалился в глубокий сон. Спал он без сновидений, но, проснувшись, снова почувствовал сильный жар.

Все его тело пылало; казалось, что кожа раскалилась докрасна, а постель была насквозь мокрой от пота. Затем его бросило в холод — будто сунули в ледяную воду, и он свернулся в комочек на широкой кровати, примостившись у изголовья. Зубы выбивали дробь, а по телу пробегала крупная дрожь.

Внешние шумы преследовали его и в тяжелой дреме. Крики птиц, перекличка ночных обитателей Дре-

мучих Лесов, торопливая поступь учеников, переговаривавшихся приглушенными голосами за дверью, шум дождя, хлещущего по крыше, или завывание ветра, иногда — плеск вздымающихся волн на озере, подступающих к его ногам, а однажды до него донесся далекий крик толстолапа.

Плут потерял чувство времени. Было утро? Или ночь? Как долго он провалялся здесь, то постанывая от боли, то судорожно мечась по постели? Сколько дней он уже борется с болезнью, пытаясь одолеть гоблинову отраву, бродящую в крови?

— Все будет хорошо, — услышал он. — Не можешь — не отвечай.

Он медленно открыл глаза. Комната поплыла.

— Мы пришли попрощаться, — прозвучал чей-то ласковый голос.

— Прощаться, — повторил Плут, но вместо слов у него получился глухой, прерывистый стон.

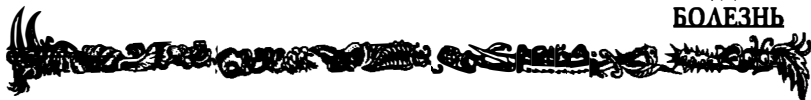
Из качающихся золотых теней выплыло два лица. С трудом подняв голову, Плут попытался сконцентрировать внимание. Но усилия ни к чему не привели.

Он хотел разлепить веки, но не смог. Напрягшись в последний раз, он все-таки приоткрыл глаза и увидел перед собой Магду. За ней стоял Стоб.

Язык плохо слушался его.

— Магда, — пролепетал он, еле шевеля растрескавшимися губами, и снова закрыл глаза.

— Плут, — пробормотала она, и глаза ее наполнились слезами. — Мы со Стобом завтра отправляемся в путешествие... — Голос у нее сломался. —

Ах, Стоб! — зарыдала она. — Ты думаешь, он нас слышит?

— Он боец, — хриплым голосом ответил Стоб. — Он не сдастся. И Пинцет делает все, что может. Пойдем, пускай отдыхает.

Подмастерья встали, собираясь уходить. Плут почувствовал легкое прикосновение прохладных сухих губ: Магда поцеловала его в пылающий лоб. Он вдохнул аромат ее густых, пахнущих сосной волос. Все тело его было тяжелым, будто налито свинцом. Щелкнул замок на закрывающейся двери, и Плут снова остался один.

Шли дни за днями. Каждый вечер, когда наступали сумерки и молочно-белый свет сменялся мглой, приходил шпиндель и зажигал масляную лампу. Он обтирал его полотенцем, поправлял одеяло, капал под язык целительную настойку, и прикладывал травяные мази к гноящейся ране, а потом бинтовал плечо.

Иногда Плут, очнувшись от забытья, видел, как Пинцет суетится возле его постели, но большую часть суток он спал, вверив себя заботам добросердечного шпинделя.

— Плут, ты слышишь меня? — (Плут открыл глаза. Он узнал этот голос.) — Это я, Ксант.

— Ксант? — пробормотал он с искаженным от муки лицом. Острая боль пронзила плечо.

Ксант тоже содрогнулся. Лицо его было бледным и осунувшимся, а в глубоко впавших темных глазах застыл испуг. Он откинул прядь волос со лба и сделал шаг вперед, подойдя к больному. Фонарь в его руке раскачивался.

— Я пришел попрощаться с тобой, Плут, — глухо проговорил он.

— Прощаться... — пробормотал Плут еле слышно. — И ты тоже? Магда и Стоб...

Ксант горько рассмеялся:

— Магда и Стоб! Как я им завидую! — Он обхватил голову руками. — Я не собираюсь в научную экспедицию, Плут. Мой путь лежит в другую сторону от Дремучих Лесов. Я возвращаюсь в Новый Санктафракс.

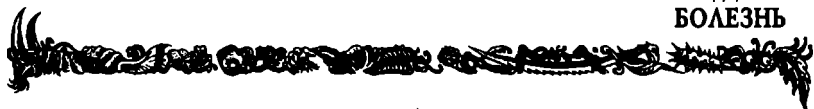
— В Новый Санктафракс? — В голове у Плути слегка прояснилось, но сразу он не понял, происходит ли это в самом деле, или он бредит в лихорадочном сне. — Но зачем, Ксант? — пробормотал он.

Подмастерье отвернулся, втянув голову в плечи, и в полумраке Плут различал лишь его силуэт. Когда он заговорил, голос у него дрожал от волнения.

— Ты был мне хорошим другом, Плут, — сказал он. — Другие либо презирали меня, либо смеялись надо мной. А ты всегда защищал и подбадривал меня... — Он замялся. — А я черной неблагодарностью отплатил за твою дружбу. Я виновен во лжи и предательстве.

— Как это? — спросил Плут. — Я ничего не понимаю.

— Я шпион, Плут, — ответил Ксант. — Я служу Орбиксу Ксаксису, Верховному Стражу Ночи. Библиотечные Рыцари — мои враги. — Он прищурился. — Почему, ты думаешь, ни одна группа подмастерьев не добралась до Озерной Академии с тех пор, как я появился здесь? Это я предал их, Плут. А откуда гоблины на Опушке Литейщиков узнали, что

Варис Лодд собирается навестить их? Это я подставил ее, заманив в ловушку. Ах, Плут... — Ксант повернулся и встал на колени рядом с изголовьем кровати. Дрожащими руками он схватил Плута за руку. — Если бы я знал, что ты... — единственный, кого я мог назвать своим другом, — окажешься там и будешь принимать участие в операции, я бы предупредил тебя! Поверь мне, Плут, я говорю правду!

Плут убрал руку.

— Ты? Ты предал нас? — слабым голосом произнес он. — После того, как мы столько времени были вместе... О, Ксант, как ты мог!

— Я принадлежу Стражам Ночи и телом, и душой, — с горечью ответил Ксант. — Я им подвластен, и, что бы я ни делал, мне от них не уйти. Ты думаешь, я не остался бы здесь, в прекрасных Дремучих Лесах, если б мог? — Он покачал головой. — Но это невозможно, Плут. Я зашел слишком далеко. Я не

могу остаться здесь. — Он вздохнул. — Я такой же пленник Башни Ночи, как и мой старший товарищ, мудрый Каулквейп, к которому я должен вернуться.

Сквозь полуприкрытые веки Плут глянул на Ксанта. В висках у него стучало, перед глазами все плыло.

— Мудрый Каулквейп был первым, кто рассказал мне про Дремучие Леса. От него я узнал про приключения и путешествия на воздушном корабле с капитаном Прутиком, — продолжал он. — Наслушавшись его рассказов, я решил во что бы то ни стало попасть сюда и увидеть все своими собственными глазами, даже если ради этого мне придется стать шпионом. — Он потупился с несчастным видом.

Плут старался не смотреть на него. Лихорадка разыгралась с новой силой. Ксанта? Предатель? Не может быть! Ксанта был его другом. Глубокая печаль охватила его, смешиваясь с нестерпимой болью. Тени сгущались, и изголовье кровати тонуло во тьме. Плут закрыл глаза и впал в забытие: у него снова начался жар.

Ксанта посмотрел на спящего и укрыл его одеялом до подбородка.

— Прощай, Плут, — сказал он. — Наши пути больше не пересекутся.

Сделав шаг назад, он повернулся и вышел вон, прикрыв круглую дверь. Обращиваться он не стал.

Дрожащими от волнения пальцами Плут застегнул плотно облегающую летную форму из зеленой кожи, укрепил на поясе кинжал и топорик, поправил меч — подарок Феликса, перекинул через плечо

рюкзачок с провизией и спустился вниз по башенной лестнице.

Хотя Плут был еще очень слаб после перенесенной болезни — лицо белое, а щеки ввалились, — он был рад, что с помощью Пинцета удалось побороть гоблинову отраву. И теперь, спустя две недели после отлета Магды и Стоба, наступила его очередь отправиться в экспедицию.

Барис Лодд стояла внизу, у башни, чтобы попрощаться с ним.

— Бывали моменты, когда мне казалось, что этот день никогда не придет, — призналась она. — Но ты одолел болезнь, Плут. И я горжусь тобой. А теперь, юный Библиотечный Рыцарь, — продолжала она, кивая в сторону привязанного к платформе «Буревестника», раскачивающегося над землей и рвущегося в небо, — твой небоход ждет тебя.

Плут подошел к небесному кораблику и обнял изящную птицу, прильнув щекой к ее гладкой деревянной шее.

— «Буревестник», — прошептал он. — Наконец-то мы вместе.

Тут за спиной у Плути слышались чьи-то шаги. Он обернулся и увидел, что к нему приближаются двое. Одним из них был Парсиммон: его драная мантия развевалась на ветру. Другой — высокого роста мужчина с остроконечной бородкой, одетый в черный плащ. Незнакомец в знак приветствия помахал рукой. Плут не отрываясь смотрел на герб в виде белого полумесяца, вышитый у него на груди.

— Профессор Тьмы, — воскликнул он с изумлением.

— Он прибыл сюда, когда ты был еще болен, Плут. Он привез известие о предательстве Ксанта, — сказала Варис Лодд. — Плохо дело.

Плут печально кивнул. Ученые приблизились к нему. Профессор Тьмы подошел к Библиотечному Рыцарю и крепко пожал ему руку.

— Неужели это тот самый неоперившийся юнец, который обслуживал кабинки-читальни на мосту из черного дерева? — спросил он, и в глазах у него загорелся лукавый огонек. — Просто не могу поверить в это! Вот теперь ты стоишь передо мной, готовый отправиться в самостоятельную исследовательскую экспедицию! Мы воспитали тебя и дали тебе образование. Теперь наступил твой черед послужить науке, чтобы твой труд занял достойное место среди многих томов, хранящихся в Подземном Книгохранилище. Ты многого добился, Плут, и достоин всяческих похвал. — Лицо профессора внезапно омрачилось. — Хотя кое-кто, прикидывавшийся твоим другом, пытался помешать тебе дойти до цели.

— Ксанти? — Плут переменялся в лице. Теперь и признание Ксанта, и его поспешный отъезд казались ему страшным сном.

— Ксанти Филатайн, — отчеканил профессор, — предатель!

— Предатель, — шепотом повторил Плут. — Он заходил ко мне, когда я болел, а потом исчез...

— Бежал, чтобы вернуться к своему гнусному хозяину, Верховному Стражу Ночи, — сказал профессор, хмуро качая головой.

— Мы пригнали змею на груди, — печально проговорил Парсиммон. — Из-за его козней погибло много честных подмастерьев и их добрых учителей. Но довольно: мы пришли сюда не для того, чтобы говорить о таких вещах. Ксанти Филатайн скоро заплатит за свое вероломство. Сегодня мы собрались здесь, чтобы отметить торжественное событие — начало твоего большого путешествия, мастер Плут.

Плут кивнул, не отвечая ничего. Когда вспоминали о его бывшем друге, сердце ныло у него в груди. Он пытался отогнать тяжелые мысли. «Сегодня счастливый день, и здесь нет места для печали», — сказал он себе.

Варис сделала шаг вперед.

— Плут, пора, — тихо промолвила она. Пока она прощалась с юным исследователем, солнце поднялось над верхушками деревьев. Она прикрыла глаза рукой.

— Желаю тебе успешного и плодотворного путешествия, — пожелала Варис.

Плут поднял глаза. Профессор Тьмы, Парсиммон и Варис весело улыбались ему. Он тоже ответил им улыбкой. Паруса «Буревестника», ждущего на привязи, трепетали на ветру.

Парсиммон жестом указал на небоход.

— Он в нетерпении, — сказал Верховный Правитель Озерной Академии.

— И я тоже! — отозвался Плут, едва веря, что наступил долгожданный миг.

Проверив, все ли на месте, и снова осмотрев свой летный костюм, он затянул поплотнее ремни на рюкзаке и приготовился к старту. Отвязав небесный кораблик от платформы, Плут вскочил в седло. Норовистый небоход дернулся и накренился.

— Удачи тебе, Плут, — крикнула Варис.

Плут поправил защитные очки на носу, взялся за канат и поднял верхний парус.

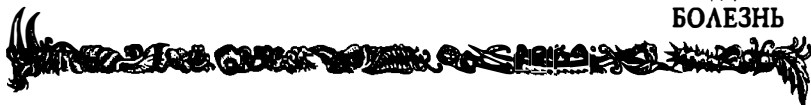
— Да помогут тебе Земля и Небо, юноша, — торжественно произнес Профессор Тьмы.

Плут развернул нижний парус. «Буревестник» рванулся вверх и на мгновение беспокойно застыл в воздухе.

— Желаю тебе успешного возвращения, мастер Плут, — крикнул Парсиммон. — До свидания, и будь здоров!

— До свидания! До свидания! — подхватили остальные.

Плут резко дернул за пусковой канат. Паруса раздулись на ветру, закачались противовесы. И сердце Плута воспарило, когда небоход, омываемый чи-

стым, прохладным утренним воздухом, круто взмыл в небо.

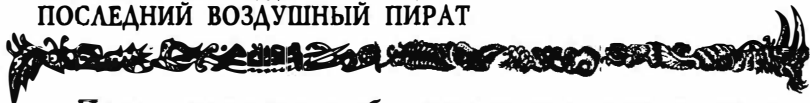
— До свидания! — крикнул им Плут.

Чем выше поднимался небесный кораблик, тем меньше становился Озерный Остров, и вскоре три фигурки, машущие руками, превратились в точки и наконец стали совсем неразличимы.

— Как здорово! — с замирающим от счастья сердцем прошептал Плут, проносясь над кронами деревьев, растущих по кромке озера. Перед ним, гудя от ветра, широко раскинулись таинственные, непроходимые Дремучие Леса, похожие на безбрежный волнующийся океан.

Пышная листва, переливаясь сине-зелеными красками, шелестела под ним, и он замечтался, представляя себе, как его законченный труд стоит на полке в кабинке-читальне 17, в Центральном Подземном Книгохранилище на мосту из черного дерева, рядом с шедевром Варис Лодд. Он даже представил себе этот толстый фолиант в сафьяновом переплете с золотым тиснением, на котором большими буквами выведено: *«Легендарная Великая Сходка толстолапов. Заметки очевидца»*.

Далеко вдали из-за стены деревьев вылетела стая снежариков, озаренная первыми лучами восходящего солнца, и, маша белыми крыльями, взмыла в поднебесье. На горизонте, в рассветной дымке, мелькнул гнилосос, в когтистых лапах уносящий к себе в гнездо огромный, похожий на яйцо, раскачивающийся кокон Птицы-Помогарь.

Плут изумлялся необъятности леса, осознав наконец всю сложность своей задачи. Он выбросил из головы мечты о диссертации — на фантазии у него не было времени. Он прошел долгий путь с того момента, как Фенбрус Лодд, Главный Библиотекарь, объявил, что он, Плут Кородер, избран Библиотечным Рыцарем. Ему удалось добраться до Озерного Острова. Он своими руками построил небоход, который назвал «Буревестником», и научился на нем летать. И теперь он один, совершенно самостоятельно, отправляется в научную экспедицию!

— Наконец-то! — прошептал он, паря над зеленым океаном. — Все только начинается!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВУМЕРУ

огда Плут очнулся от сна, шел дождь. Он расположился на огромной ветви железного дерева. Устраиваясь на ночлег, он соорудил навес из непромокаемого материала, чтобы укрыться от непогоды, но и гамак, и спальный мешок все равно оказались влажными от сырости, и он подумал, что придется их просушить, чтобы снаряжение не покрылось плесенью и не начало гнить.

Протирая глаза, Плут поднялся и зевнул. Из рта вырывались клубы пара, рассеиваясь в воздухе. Поживаясь от холода, он разжег подвесную медную печь, из которой, шипя, выскочили синие языки пламени, поставил маленький котелок с водой на огонь и отправился проверить, все ли в порядке с «Буревестником», который был привязан к одному из боковых побегов колоссальной ветви.

— Надеюсь, ты хорошо отдохнул, — прошептал пилот маленькому небесному кораблику. — И не вымок насквозь. Так что мы можем двигаться дальше.

Плут пробежал пальцами по гладкой лакированной шее небохода, ощупал каждый узелок на канатах

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

й осмотрел снущенные паруса. На него градом посыпались крохотные блестящие капли, когда он встряхнул шелковую ткань. Затем он укрепил противовесы, смазал механизмы рычагов... Все было в порядке.

Вода в котелке закипела.

Плут поспешно свернул гамак и спальный мешок, сложил непромокаемый тент и закрепил все вещи за седлом небохода. Затем, вернувшись к походной плите, снял котелок с огня, аккуратно потушил огонь и налил крутой кипяток в кружку. Засыпав в кипяток заварку из высушенных листьев дикой горчицы, он обхватил кружку руками, чтобы согреть озябшие пальцы.

Плут занимал выгодную позицию, устроившись на высокой ветке железного дерева, откуда было хо-

рошо видно все вокруг. Дождь почти прекратился, и лес начал наполняться птичьим гомоном и щебетом, когда его пернатые обитатели — пискуньи и чирки, — скрывавшиеся в тенистой листве от непогоды, выпорхнули на свет. Мальчик услышал шелест травы и посмотрел вниз: там, роясь в земле, завтракало целое семейство лесных курочек.

Плут вздохнул. Он тоже хотел есть, но со вче-

рашнего ужина у него остался только ломоть печеной древесной смакли, аккуратно завернутый в широкий восковой лист.

Развернув маленький зеленый сверток, он почувствовал острый запах перезревших фруктов, ударивший ему в нос, и, хотя желудок у него урчал от голода, аппетит сразу пропал.

— Нечего быть таким привередой, — сказал он себе и, откусив большой кусок печеного плода, принялся старательно его жевать.

От Варис Лодд, преподавшей ему уроки о законах леса, он знал, что древесная смакля не только съедобна, но и питательна даже в перезревшем виде. Он также понимал, что нельзя отправляться в путь на голодный желудок. Но фрукт был таким невкусным! Плут отхлебнул отвар дикой горчицы из кружки и разом проглотил неаппетитное месиво.

— На сегодня хватит, — скривился он, выбрасывая недоеденный ломоть. Фрукт глухо шлепнулся на траву, и лесные курочки с тревожным квохтаньем разбежались в разные стороны.

Встав, Плут запаковал драгоценную печку и отвязал своего «Буревестника». Лучи солнца, пробиваясь сквозь редеющие облака, проникали сквозь просветы в листве и, падая на Плута, отражались от гладкой зеленой кожи его летной формы. За несколько недель, прошедших с того момента, как Плут покинул Озерный Остров, его форма пообмялась, материал потерял жесткость и стал еще плотнее облегать его тело.

Плут в последний раз оглядел стоянку, чтобы проверить, не забыл ли он чего-нибудь. Затем, поставив паруса, сбалансировав противовесы и натянув пусковой канат, он подготовил «Буревестника» к взлету, и кораблик взмыл в воздух, поднявшись над переливающимся разными красками лесом.

— Может быть, сегодня, — прошептал Плут, повторяя слова, которые он говорил себе каждое утро. Изо рта у него, кружась, вырывались струйки пара. — Может быть, сегодня мне повезет.

Плут путешествовал уже три месяца, три долгих, утомительных месяца. Каждый день, если он не бродил по лесу в поисках пищи или воды, он внимательно осматривал окрестности, нет ли где-нибудь примет, говорящих, что здесь были толстолапы: спряденная из трав постель вроде гнезда, ветка с оборванными плодами или отпечатки тяжелых лап на мягкой, болотистой почве рядом с лесными ручейками. Ночью Плут забирался на ветви большого дерева и, засыпая, прислушивался, не зазвучит ли где-нибудь вой этого загадочного существа.

Ему трижды удалось услышать этот вой. Каждый раз, встав рано утром, он с бьющимся от волнения сердцем направлялся в ту сторону, откуда накануне раздался зов толстолапа. Он все еще помнил свое потрясение, когда впервые увидел поработанных толстолапов на Опушке Литейщиков. Его обуревало нетерпение: он мечтал встретиться со свободными, здоровыми животными в среде естественного обита-

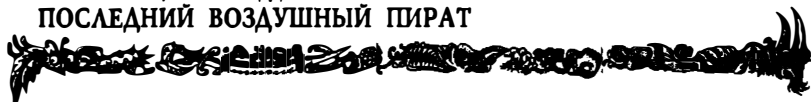
ния, но когда солнце катилось к закату и тени в лесу становились длиннее, Плуту приходилось смиряться с очередной неудачей. Толстолапы были неуловимы, и найти их оказалось гораздо труднее, чем он полагал.

И все же экспедиция не стала цепью сплошных разочарований. Имелись и победы: маленькие достижения и открытия, полный отчет о которых он тщательно записывал в походном журнале, заполняя страницы мелким аккуратным почерком и снабжая текст детально прорисованными иллюстрациями и диаграммами.

Сегодня я увидел характерные глубокие царапины на коре древнего летучего дерева, о которое толстолап точил когти. Некоторые царапины показались мне свежими, другие уже поросли зеленым мхом. Я полагаю, что это дерево является постоянным местом для заточки когтей. Я доволен открытием.

Четверо суток подряд Плут не слезал с вершины соседнего летучего дерева, неустанно ведя наблюдение, но толстолапы так и не появились. На утро пятого дня он снялся с места и с тяжелым сердцем отправился дальше. В тот вечер, повесив на ветки походную печку и гамак и привязав «Буревестника», он очинил ветку свинцового дерева и внес очередную запись в походный журнал:

Покинув место заточки когтей, я находился в полете весь день. Около полуночи я заметил небольшую кучку в форме колокола, сложенную под высоким де-

ревом, — это были очистки от дуботыквы, что явно свидетельствует о недавнем присутствии толстолапов. Мои предположения подтвердили следы на земле — отпечатки задних ног толстолапов. Большую часть ночи я просидел на железном дереве, нисходящемся вблизи кучки отбросов, в надежде, что толстолапы вернутся за несколькими оставшимися плодами.

Но толстолапы снова обманули его ожидания. Как только занялось утро и солнце озарило небосклон, Плут продолжил путь.

Шел день за днем, сливаясь в памяти в бесконечное однообразие, неделя за неделей, месяц за месяцем, но нигде не встречал он этих робких, застенчивых созданий. Плут похудел, однако мускулы его окрепли, а зрение и слух обострились. Он все лучше понимал Дремучие Леса, их вечно меняющееся настроение, капризный и взбалмошный характер. Он узнавал растения, деревья и обитателей леса, которые скрывались в таинственном мраке. Он понимал, что годится в пищу, а к чему опасно даже притрагиваться. Он изучил все лесные звуки, все запахи. А по ночам он садился делать записи в дневнике, описывая флору и фауну, которая встречалась ему на пути.

Сегодня мне на глаза попался улей диких пчел. Мне удалось выкурить рой из дупла, поднеся к нему тлеющую ветку колыбельного дерева. Мед оказался очень вкусным, и когда я положил ложку меда в чай из дикой горчницы, мой напиток внезапно окра-

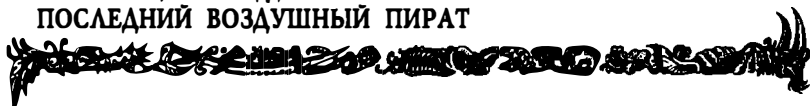
сился в темно-синий цвет, напоминая предгрозовое небо.

Только что я был свидетелем охоты Жабы-Вонючки на чеханчика. Она оглушила свою жертву, дожнув на нее ядовитыми парами, а затем, слизнув ее липким языком, сунула в пасть и проглотила целиком. Мерзкое пресмыкающееся раздулось вдвое и тяжело отрыгнуло. Я просидел в укрытии более часа.

Всю неделю громытали грозы, и дождь лил, как из ведра. Один раз, когда я прятался от ливня под ветками, в железное дерево, стоявшее неподалеку от меня, ударила молния, и оно вспыхнуло, словно спичка. Я услышал странные звуки, как будто грохнули хлопучики, — это с треском разрывались семенные коробочки, и семена, вылетевшие из них, разлетались по сторонам. «В смерти — жизнь» — как говорил Пинцет. Клянусь Землей и Небом, Дремушие Леса — странное, но удивительное место.

Сегодня я оказался свидетелем воистину ужасного зрелища. Привлеченный отчаянными криками и визгом, я поднялся в воздух и совершенно неожиданно для себя увидел висящего в воздухе ежеобраза. Вокруг его тела крепко обвилась смоляная лоза — длинное зеленое растение-паразит на стволе жуткого дуби-кровососа. Бедное существо, извиваясь и корчась, боролось с пицником, но смоляная лоза была намного сильнее. А когда на помощь первой лозе подоспела вторая, несчастный ежеобраз перестал сопротивляться. Обе лозы потащили свою жертву через лес, к разверстой

пасти на вершине мощного, похожего на резиновую губку, дерева. Расположенные по кругу острые клыки дуба-кровососа плотоядно клацали. Резким движением обе лозы освободили захват, и гибнущий ежеобраз упал головой вниз в чрево плотоядного растения. Поначалу слышны были его сдавленные вскрипы, но вскоре все затихло. Обе лозы налились кроваво-красным цветом.

Плут отложил затупившуюся ветку свинцового дерева. Он сидел скрестив ноги на высокой ветке колыбельного дерева. Походная печка жарко пылала; влажный воздух был тих и спокоен, даже гамак не раскачивался из-за полного безветрия. Светила луна, озаряя заострившееся, озабоченное лицо мальчика. Ежеобраз напомнил Плуту о товарище.

— Где ты, Стоб? — прошептал он. — Все ли с тобой в порядке? Нашел ли ты медные деревья? Начал ли уже работать над диссертацией? Или... — Слова замерли у него на языке. Чувства захлестнули его, и в горле встал комок.

В эту секунду Плут услышал какое-то царапанье. Он обернулся. Слева от него, спрятанное под шишковатым наростом на внутренней стороне толстой горизонтальной ветки, висело что-то отдаленно напоминающее гроздь ананасового винограда. Только цвет у этой кисти был другой — пергаментно-бурый, а не пурпурный. Настоячивое шуршание усилилось.

Плут продолжал наблюдение: один из круглых стручков раскрылся, расколовшись пополам, и из

похожей на бумагу скорлупки на свет появилось крохотное мокрое насекомое. Оно поползло до конца ветки, затем отряхнуло крылышки под лунным светом. В теплом воздухе сбившийся мех обсох и распушился, и насекомое замахало окрепшими крылышками.

— Лесной мотылек, — прошептал Плут. — Сначала ежеобраз, а теперь — мотылек! — Он улыбнулся: воспоминания о Магде чередой пронесли у него в памяти.

Вскоре к первому мотыльку присоединились остальные: стручки лопались один за другим, и из них вылупливались крохотные создания. Наконец последний из них добрался до края ветки и отряхнул крылышки. И тут вся летучая армада взмыла в воздух и устремилась ввысь, озаряемая потоками лунного света.

Боясь моргнуть, Плут как зачарованный смотрел на странный танец лесных мотыльков — они то падали вниз, кружась, подобно осенним листьям на ветру, то взлетали вверх, помахивая радужными крылышками, горевшими, как драгоценные камни, в серебристом сиянии ночного светила.

«Как жаль, что Магда не видит этого, — подумал Плут, улыбаясь. — А может быть, она уже видела этот танец... Может, она уже написала свою дис-

сертацию...» — Он нахмурился. Ему самому еще только предстояло начать исследование...

Плут ужасно мучился от жажды. Фляга была пуста, и, кроме нескольких капель сока, которые он высосал из плотной мякоти древесной груши, двое суток он не пил ничего. В висках у него стучало, в глазах темнело, а внимание рассеивалось.

— Ах ты, растяпа! — крикнул он сам себе, когда нижний парус «Буревестника» зацепился за острую ветку копьевидного куста и небоход потерял равновесие. В ужасе от своей беспечности, Плут поправил паруса и поднял противовесы. Чудом избежав падения, небесный кораблик целым и невредимым взмыл над лесными кронами. Но Плут понимал, что на этот раз ему сильно повезло. Ему необходимо найти воду прежде, чем сознание у него помутится.

Солнце палило невыносимо, и Плут, снова нырнув под лесную сень, продолжал путь низко над землей, петляя меж деревьев, горевших яркими красками. Ему было известно, что серебристые ивы простирают свои жемчужные разлапые ветви над водой и что над подземными озерами роем кружится мошкара, но ни одна из примет ему не попадалась на глаза.

В какой-то миг ему показалось, что разум у него меркнет, как вдруг — ошибиться было невозможно — он услышал шум журчащей воды. С внезапным приливом энергии Плут искусно развернул не-

боход, описал в воздухе круг и обогнул рощицу высоких колыбельных деревьев.

И там, на дальней стороне небольшой песчаной площадки, где буйно разрослась растительность, Плут обнаружил родник. Вода, булькая, стекала с вершины горы по склону, а дальше ручей, перекачиваясь по острым камням, впадал в глубокое изумрудное озеро.

— Благодарение Земле и Небесам, — прошептал Плут, пригнувшись к «Буревестнику». — Ну наконец-то...

И все же он не решался приземлиться. Он медлил. Прекрасный, гостеприимный оазис мог оказаться гибельным местом — такие уголки привлекали самых опасных хищников, обитавших в Дремучих Лесах: саблезубых лесных котов, белогривых волков и, конечно, вжик-вжиков, которые сами никогда не пили воду, но частенько навещали подобные урочища, охотясь на животных, пришедших на водопой.

Плут примостил свой небоход на суку векового колыбельного дерева. Приставив к глазу подзорную трубу, он стал внимательно изучать местность вокруг ручья, стараясь не обращать внимания на пересохший от жажды рот и раскаленный от жары лоб.

Спустя некоторое время из леса, соседствующего с журчащим ручейком, вышло несколько животных на водопой: небольшое стадо пятнистых тильдеров, семейство лесных курочек, одинокий вепрь с длин-

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

НЫМИ загнутыми клыками и крохотными недоверчивыми глазками. Не касаясь поверхности воды, над водоемом проплыл Реющий Червь: он изящно наклонил голову и несколько раз всосал воду. Пока он пил, воздухопроводы, расположенные вдоль его брюха, тихо шипя, выпускали струи сжатого воздуха.

Наконец терпение у Плута лопнуло. Он надежно привязал свой небоход, спустился на землю по мощному шишковатому стволу колыбельного дерева и, оглядываясь по сторонам, пополз к бурлящему ручью.

Добравшись до воды, он встал на колени и, сложив ладошки, пил, пил и пил холодную воду, набирая горсть за горстью. Он чувствовал, как вода орошает воспаленное горло, течет по пищеводу, наполняя желудок. В висках сразу же перестало стучать, и взгляд снова стал ясным. Он поспешно схватил наполненную флягу, собираясь вернуться к «Буревестнику» и продолжить путь, как вдруг что-то привлекло его внимание.

След.

Плут открыл рот, с трудом веря в удачу. Он склонился над отпечатком, чтобы получше разглядеть глубокую вмятину на мягком сыром песке у кромки воды. Хотя ямка показалась ему меньше, чем та, которую он заметил рядом с тыкводубом, однако фор-

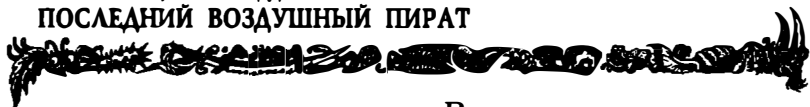
ма ступни и пальцев была такой же. Сомнений быть не могло! Это след толстолапа! Кроме того, отпечаток был очень четкий, значит, толстолап совсем недавно навещал эти места.

Плута буквально распирало от радости. Вскочив на ноги, он обшарил весь участок вокруг ручья. Он нашел еще много таких следов — явно сюда приходил на водопой толстолап. Некоторые отпечатки были полустертыми и уже едва заметными, другие оказались свежими, такими же как у кромки воды, значит, за последние несколько дней толстолап не раз утолял здесь жажду.

Изучив отпечатки, он вернулся к колыбельному дереву и влез на ветку.

— Я нашел такое место! — доверительно шепнул он «Буревестнику». — Теперь будем сидеть и ждать, пока не появится толстолап, на это времени не жалко.

Плут бодрствовал всю ночь. Ночные голоса оживляли тишину леса. Кашляли лягвожоры, попискивали чеханчики, щебетали бритвошипсы... Когда на небе появилась луна, ее серебряные лучи озарили деревья и лесную траву. Веки у мальчика слипались, и он чуть не заснул, как вдруг, перед самым рассветом, он услышал хруст сломанной ветки. Звук шел из глубокой тени, где-то по соседству с ним. «Как кто-то мог пройти мимо и не заметить меня?» — недоумевал Плут. Он направил подзорную трубу на то место, откуда слышались шорохи, и подкрутил линзы, наведя прибор на фокус, пока не стала видна

каждая прожилка на листе. Внезапно дрогнув, ветки раздвинулись, и из мрака, степенно выступая, показалась высокая плотная фигура.

Это был толстолап! Плут замер на месте, затаив дыхание. Наконец-то он увидел дикого толстолапа!

Это был великолепный экземпляр, с живыми яркими глазами, острыми белыми клыками и длинными сверкающими когтями. Хотя он был меньше ростом, чем толстолапы, которых он видел на Опушке Литейщиков, он был корпулентным, имел внушительный вид и солидный вес. По красоте его даже сравнивать нельзя было с полуживыми от голода порабощенными существами той же породы. Ломая ветки, он двигался по направлению к бурлящему ручью, и его блестящая коричневато-зеленая шерстка переливалась в лунном свете.

Плут наблюдал, как зверь подошел к кромке воды, нагнулся и начал лакать воду. Мальчик так увлекся, что дыхание у него прерывалось от волнения. Руки у него дрожали, коленки подгибались: он с трудом наводил на фокус свою подзорную трубу.

Внезапно в траве что-то зашуршало. Толстолап поднял голову и прислушался, его нежные ушки затрепетали. Быть может, это был всего лишь лягушкор, пробиравшийся сквозь листву, или спросонья встрепенулась сидевшая на яйцах лесная курочка, но толстолап не стал ждать. Пока Плут как зачарованный любовался невиданным зрелищем, толстолап исчез, словно растаяв в темном лесу.

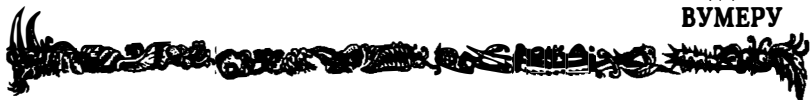

— Вот это да! — прошептал Плут, складывая подозрную трубу и засовывая в карман летной формы. — Сегодняшнего дня я ждал всю жизнь!

Толстолап возвращался к ручью много раз. День за днем Плут внимательно наблюдал за ним, делая подробные записи о его поведении в дневнике. Он регистрировал время суток, когда толстолап появлялся и сколько минут проводил у источника. Он тщательно фиксировал каждое движение зверя, каждый жест, каждое выражение его физиономии, каждую царапину, оставленную острым когтем. Кроме того, Плут рисовал картинки — десятки набросков, — пытаясь уловить индивидуальные характеристики этого существа: изгиб клыков и бровей, пятнистые сероватые полосы на плечах...

После нескольких дней неусыпной слежки Плут решился наконец полететь вслед за толстолапом. Когда зверь, переваливаясь, углубился в лес, Плут отвязал «Буревестника» и, держась от толстолапа на почтительном расстоянии, отправился за ним. Мальчик удивился, как быстро передвигалось это существо. Зависнув в воздухе над ним, он внимательно наблюдал, как зверь остановился около громадного развесистого дерева и стал жадно поглощать истекающие соком черно-синие плоды, свисавшие с ветвей. Насытившись, зверь отправился дальше.

Плута озарила идея. Он облетел дерево и, приблизившись к кроне, нарвал полные горсти зрелых пло-

дов. Затем, вернувшись к ручью, он выложил фрукты горкой около воды.

Весь остаток дня Плут, смастерив рогатку, отгонял от приманки непрошенных гостей, чтобы кучка фруктов оставалась нетронутой к приходу толстолапа. Когда наконец через несколько часов толстолап появился у водооя и заметил разложенные плоды, он с подозрением приняхался и наострил уши. Потом приняхался еще раз.

— Ну давай же! — нетерпеливо прошептал Плут. В следующую секунду губы мальчика растянулись в радостной улыбке: толстолап аккуратно подцепил сочный плод острыми когтями и вонзил в него зубы. Сверкающие капли густого красного сока потекли у него по морде, и Плут заметил, как у толстолапа на физиономии появилось блаженное выражение: челюсть у него отвисла, а глаза закатились от полного счастья.

Когда с первым плодом было покончено, толстолап принялся уплетать следующий и не прерывался, пока не слопал все до последнего кусочка.

На следующий день Плут собрал фруктов побольше. На этот раз он решил наблюдать за пришедшим на угощение толстолапом, присев на корточки и спрятавшись за колыбельным деревом. Оказавшись так близко от зверя, Плут поразился, какой тот огромный. Хотя это была еще очень молодая особь, она оказалась вдвое выше его ростом и, наверное, раз в десять тяжелее, чем Плут. Судя по коротким клыкам и гриве, это была самка.

Только на пятые сутки Плут решился сделать следующий шаг. Толстолапиха вернулась к ручью в полночь — проверить, не оставлено ли для нее угощение. Ничего не обнаружив, она явно была разочарована. Издав утробный, недовольный вопль, она отправилась к источнику на водопой.

Замирая от страха, Плут высунул нос из-за дерева. Дрожащей рукой он протянул толстолапихе мясистый плод. Толстолапиха резко обернулась, широко раскрыв глаза и подрагивая тонкими ушками. У Плута сердце ушло в пятки: в голове у него промелькнула мысль, что молодая самка вот-вот бросится наутек, испугавшись соперника, посягнувшего на ее ручей, и уже никогда больше не вернется к водопою.

— Это тебе, — прошептал Плут, протягивая руку с плодом.

Толстолапиха, полная сомнений, не двигалась с места. Она посмотрела на плод, затем на мальчика, а потом снова перевела взгляд на плод. Что-то изменилось в выражении ее физиономии: казалось, она пытается связать воедино дающую руку и пищу.

Она подняла верхнюю правую лапу и провела когтями по лохматой груди. Плут боялся пошевелиться. Не спуская глаз с мальчика, толстолапиха выбросила лапу вперед и осторожно взяла плод.

— Вух-вух, — прогудела она.

Шли дни, и мало-помалу Плуту удалось завоевать доверие толстолапихи, и, когда начала облетать пожелтевшая листва на железном дереве, они подружились. Они вместе добывали пищу и оберегали друг друга. А по ночам Плут помогал своей подруге мастерить огромное гнездо — берлогу для сна в непроходимых зарослях, в самой глубине лесной чащи. Сложенное из хитроумно переплетенных лесных трав, выстеленное мхом и укрытое ветвями терновника, гнездо представляло собой удивительную конструкцию, и Плут только дивился, восхищаясь мастерством толстолапа.

Он описывал все до мельчайших подробностей в путевом журнале: съедобные травы и корни, которыми животные питались, устройство гнезд для ночлега, острое чутье толстолапа, позволяющее ему находить пищу и источники питья, реакцию зверя на перемену погоды и на опасности... И наконец Плут освоил язык толстолапов.

Плут часто перечитывал самую увлекательную часть диссертации Варис Лодд *«Исследование поведения толстолапов в среде естественного обитания»*, где она описывала возможное значение некоторых возгласов и жестов этих зверей. Но Варис основывала

свой труд на наблюдениях, сделанных на расстоянии. Теперь же, находясь в непосредственной близости к толстолапу в окружении дикой природы, чего раньше не удавалось ни одному Библиотечному Рыцарю, он мог гораздо лучше понять все тонкости их языка.

Пока они вместе бродили по лесу, юный исследователь настолько овладел языком толстолапов, что сам делал попытки вступить в беседу со своим новым приятелем, и, несмотря на первоначальное удивление толстолапа, вскоре парочка стала прекрасно понимать друг друга. Плуту полюбилась грубая прямота звериного языка, в котором большое значение приобретал даже наклон головы или пожатие плечами.

— Вух-вуррей-вум, — говорила ему толстолапиха, наклонив голову вперед и раскрыв пасть. *Я голодна, но ступай легко, ибо воздух дрожит.* (Осторожно! Опасность рядом!)

— Вег-вух-вурр, — рычала она, опустив одно плечо и прижав ушки. *Уже поздно, и луна на небе серпом, а не лепешкой.* (Я боюсь идти дальше в темноте.)

Даже имя толстолапихи казалось Плуту прекрасным. Ее звали Вумеру. *Та, со щербатыми клыками, что гуляет при свете луны.*

Плут никогда в жизни не был так счастлив, как теперь, проводя дни и ночи рядом с толстолапихой. Он научился совершенно свободно говорить на языке толстолапов и, испытывая угрызения совести при мысли о заброшенном дневнике, целиком и полностью окунулся в лесную жизнь. «Завтра напишу, — думал он. — А может, послезавтра...»

Однажды, когда день клонился к закату, они сидели на земле, ужиная дубовыми смаклями и ананасовыми орешками. Заходящее солнце, похожее на золотой апельсин, лило на землю свои лучи. Вумеру повернулась к мальчику.

— Вух-вурра-вугх, — ухнула она, описав лапой круг в воздухе. *Дубовая смакля сладкая, солнце греет мое тело.*

— Вух-вух-вуллох, — ответил Плут, сложив в замок ладони. *Ананасовые орешки вкусные, нос у меня толстый.*

Вумеру заморгала глазами от изумления, приблизив морду к Плуту.

— Что такое? — спросил он. — Разве я сказал что-нибудь не так? Я просто хотел выразить, как они замечательно пахнут...

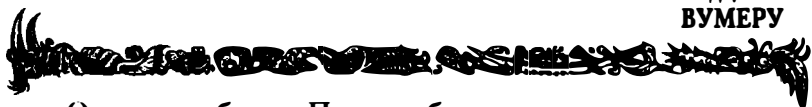
Толстолапиха прикрыла пасть лапой. Это значило, что Плуту следует помолчать. Она прикоснулась когтем к его груди, затем к своей и, напрягаясь изо всех сил, произнесла одно-единственное слово глубоким, дрожащим от волнения голосом. Слово, которое Плут никогда не говорил в ее присутствии, и все же ошибиться было невозможно.

— Д-ву-г!

Плут вздрогнул. *Друг?* Где и когда она могла слышать это слово?

Прошло несколько дней. Однажды ночью Плут, резко проснувшись, посмотрел ввысь. На чистом, безоблачном небе сияла полная луна. Она заливала светом верхушки деревьев, окрашивая их серебром. Плут вылез из гамака, висевшего на ветке летучего дерева, и посмотрел на землю. Спальное гнездо толстолапихи было пустым.

— Вумеру! — позвал он ее. — Вух-вуррах? *Где ты?*

Ответа не было. Плут добрался до ветки, к которой был привязан «Буревестник», и стал вглядываться в лесную тьму.

Она совершенно неподвижно, если не считать подрагивающих ушек, стояла на гористом крутом спуске, шагах в двадцати от него, напряженно вглядываясь в горизонт. Плут улыбнулся и уже открыл рот, чтобы радостно окликнуть толстолапиху, как вдруг услышал звук, от которого у него перехватило дыхание.

Ночное небо огласил далекий крик толстолапа, который эхом прокатился по лесу. Плут впервые слышал этот вой, с тех пор как они путешествовали вместе.

Затем зов прозвучал во второй раз!

Вумеру! Плут узнал ее имя в крике, и холодок пробежал у него по спине. Второй толстолап не просто подавал голос, он звал сородича, называя его по имени!

— *Вумеру! Вумеру!*

На таком расстоянии, да еще под завывание ветра, Плуту не удалось разобрать, что именно говорил толстолап. Но для него не составляло труда понять ответ Вумеру.

— Вух-вух. Вуррухма! *Я иду, луна светит ярко, время пришло наконец.*

— Вумеру! — позвал Плут, внезапно охваченный надеждой и невероятным чувством предвкушения новых открытий. — Что происходит?

Но Вумеру не обращала на него никакого внимания. Ее ушки были настроены только на призыв

другого толстолапа, чей вой продолжал доноситься издалека.

— Что это значит? — пробормотал Плут. — *Поторопись. Долина Тысячи Звуков ждет тебя...*

Дрожа от возбуждения, Плут схватил дневник и огрызок карандаша из свинцового дерева и начал лихорадочно записывать все, что увидел и услышал.

— Долина Тысячи Звуков, — прошептал он. — Вумеру! — позвал он. — *Вумеру!*

Плут замер. Скала, на которой стояла толстолапиха, опустела. Его спутница исчезла.

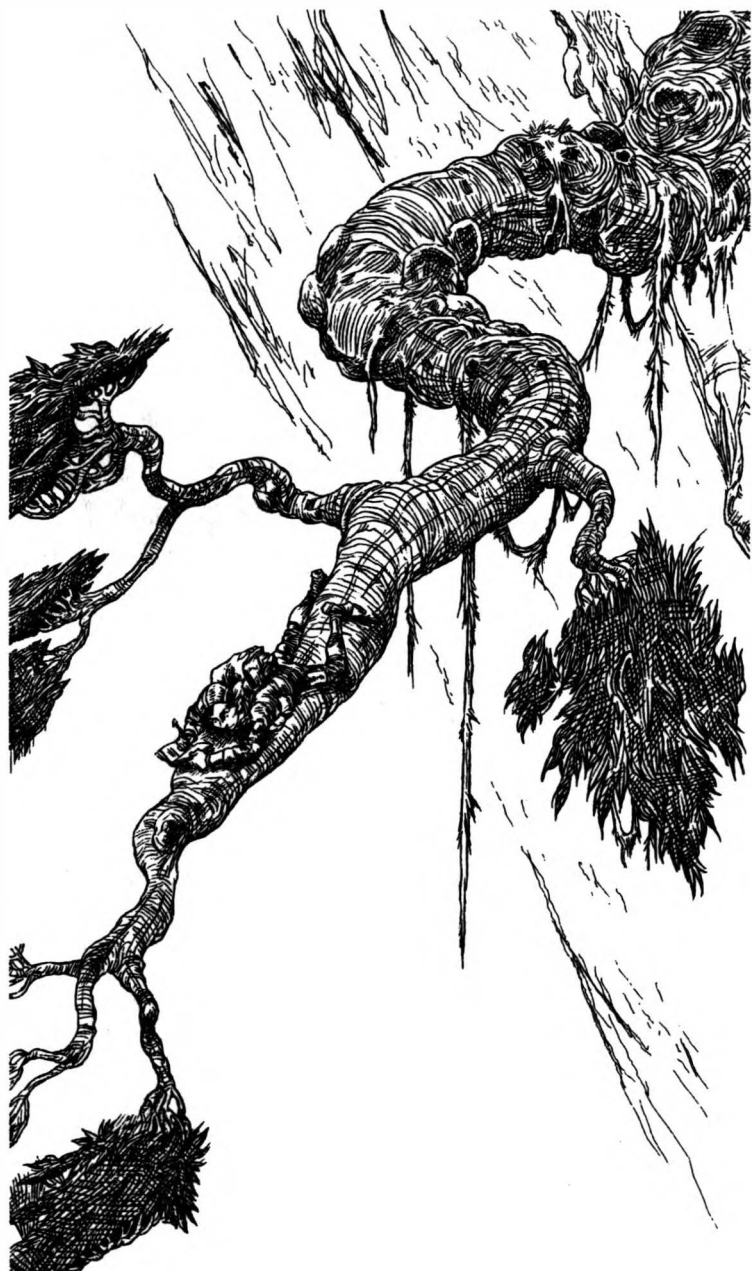
Вумеру бросила друга.

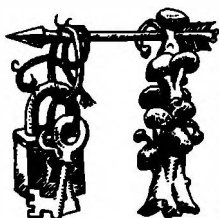

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ВЕЛИКАЯ СХОДКА

Плут быстро собрал вещи и погрузил пожитки на небесный кораблик. Он не мог потерять толстолапиху. Только не сейчас! Неловкими пальцами он отцепил походную печку, и, складывая ее, уронил колпачок от горелки, который упал куда-то в непроглядную мглу.

— Проклятье! — пробормотал себе под нос Плут. Он и за целую вечность не найдет его! А пока он будет шарить по земле в поисках колпачка, Вумеру будет уходить все дальше и дальше... Ладно, придется оставить эту вещь в лесу.

Вскочив на «Буревестник», мальчик разом поднял паруса, поправил противовесы и плавно натянул пусковой канат. Небоход сорвался с ветки и, пробравшись сквозь развесистые кроны, взмыл в чистое ночное небо.

— Где же ты? — повторял Плут, вглядываясь в густую чащу, расстилавшуюся под ним. Вой незнакомого толстолапа доносился с запада, и Плут устремился в этом направлении. Он мог поклясться Землей и Небом, что Вумеру отправилась именно туда.

— Ну где же ты? — прошептал он. — Ты наверняка где-то рядом...

Тут деревья стали редеть, и Плут наконец-то увидел свою подругу, целеустремленно топавшую вперед. Она двигалась напролом, как загипнотизированная, не отклоняясь в сторону ни на шаг. Прислушиваясь к ее бормотанию, Плут разобрал только одно без конца повторяемое слово — слово, которое он никогда раньше не слышал.

— Воррах, воррах...

— Держись от нее подальше, — прошептал Плут «Буревестнику», поглаживая его выгнутую шею и подтягивая верхний парус. — Я не хочу, чтобы она нас заметила. Мы должны узнать, куда она так спешит.

«Буревестник» замедлил ход и повис над лесом. Плут повернул небоход вправо и возвратился к краю чащи, откуда мог беспрепятственно следить за передвижениями Вумеру. Прячась за деревьями, чтобы толстолапиха не заметила его, и одновременно стараясь не упускать ее из виду, Плут воодушевлялся все больше — надежда открытий не покидала его.

— Долина Тысячи Звуков, — шептал он. — Неужели это она? Не может быть! Неужели там собираются толстолапы? Великая Сходка? — Он пробежал пальцами по длинной гнутой шее «Буревестника». — Вот, значит, куда направляется Вумеру!

Несколько часов он летел, не выпуская Вумеру из виду. Она никогда раньше не выглядела такой озабоченной: призыв толстолапа явно имел для нее ог-

ромное значение. Прежде она бродила по лесу, стараясь не оставлять за собой следов. А нынешней ночью она продиралась сквозь чащу, подминая траву, ломая ветви и круша все на своем пути.

Внезапно воздух огласил крик толстолапов: их было семь или восемь, и все они дружно выли в унисон:

— *Ворраx, ворраx, ворраx, ворраx, ву-у!*

Это было то самое слово, которое бормотала себе под нос Вумеру! Как только хор толстолапых голов затих, на их призыв сразу же откликнулись другие. В ночи перекликались уже десятки голосов, и раздавались они со всех сторон.

— *Ворраx, ворраx, ву-у!*

Справа от себя Плут услышал голос своей подруги, звучащий громче остальных:

— *Ворраx, ву-у!*

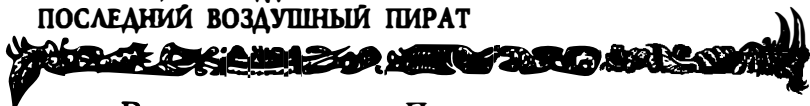
Душа Плута воспарила. Несомненно, они шли на Сходку! А по какой же еще причине могли собираться в лесу эти звери, привыкшие жить поодиночке?

— *Ворраx, ву-у!* — крикнула снова Вумеру, и Плут увидел, что она вышла на вершину каменистой гряды. Она стояла неподвижно, похожая на огромный валун на фоне свинцово-серого неба, и только ушки у нее трепетали, как крылышки присевшего на скалу пiskuна.

Плут подлетел к ней.

— Вумеру! — позвал он. — Вумеру! Это я.

Он спустился на землю, посадив свой небоход на плоский уступ за спиною у толстолапихи, и спрыгнул вниз. Толстолапиха обернулась.

— Вух-вух, — сказал Плут, прижимая ладонь к груди. *Я проснулся один. Ты ушла от меня.* Он, вздохнув, прикоснулся к уху, а затем указал на землю. — Вуррах-вух! *Я не услышал твоих прощальных слов, поэтому последовал за тобой.*

— Вух! — огрызнулась Вумеру, и ее острые когти процарапали воздух, как заточенные мечи. Глаза жарко горели. Раскрыв пасть, она злобно сверкнула клыками.

Плут не был готов к этому. Внезапно он стал для нее чужим.

— Но... — Он умоляюще протянул к ней руки.

Толстолапиха глухо зарычала в ответ, и Плут почувал в ее голосе откровенную угрозу. Неужели это страшное, незнакомое ему существо когда-то дружило с ним? Во что превратилась его добрая и ласковая Вумеру? Никогда раньше он не слышал таких злобных нот в ее голосе. Она наклонилась вперед и щелкнула зубами прямо перед его носом.

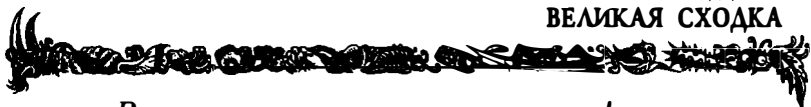
— Вух-вух! *Ни шагу дальше! Не смей идти за мной!*

Плут отступил, подняв руки вверх, будто сдавался на милость победителя.

— Прости меня, Вумеру, — извинился он. — Я не хотел ничего плохого.

Толстолапиха рыкнула, развернулась и исчезла в лесу. Плут с горечью посмотрел ей вслед, и комок встал у него в горле.

— Ну что теперь будет? — прошептал он, взбираясь на «Буревестника» и поднимаясь в воздух. Как будто в ответ ему, гулкое лесное эхо повторило вой толстолапов:

— *Ворра!х, ворра!х, ворра!х, ворра!х, ву-у!*

Плут вздрогнул. Толстолапы были совсем близко. Как можно было не услышать их призыв? Но он не осмеливался идти вслед на ними. Если Вумеру обнаружит, что он нарушил ее запрет, трудно было даже представить, что она с ним сделает. Но, с другой стороны, он не мог уйти ни с чем. Особенно сейчас, когда он оказался так близко...

Вой становился все громче. Толстолапы голосили нараспев, и их завывания волнами доносились до ушей мальчика.

Наконец Плут решился. Он мечтал об этом часе с того самого мгновения, когда впервые взял в руки диссертацию Варис Лодд. Он был Библиотечным Рыцарем, и настал момент подтвердить свой высокий титул. Он опустил пониже и посадил «Буревестника» на толстую ветку железного дерева. Крепко привязав веревкой небоход, он спрыгнул на землю.

Стараясь держаться в тени, он миновал отрог скалы, на котором стояла Вумеру, и пошел дальше сквозь чащу, следуя за ней по примятой траве. Затем, опасливо пробираясь вперед, он очутился на высоком изрезанном

уступе, нависающем над чашеобразной долиной. На самом краю, над пропастью, росло огромное дерево, уходившее корнями в растрескавшуюся обнаженную породу, сложенную неровными блоками, и ствол его угрожающе накренился над зияющим провалом.

Плут подбежал к дереву, вскарабкался на него и осторожно пополз по изогнутому стволу, простертому над бездной. Вокруг низкоголосые завывания становились громче и громче....

— Клянусь Небесами и Землей! — воскликнул он в изумлении, когда перед ним явилось удивительное зрелище. — Да их здесь сотни! Даже *тысячи!*

Плут помотал головой, боясь поверить в то, что видит. Куда бы он ни бросил взгляд, повсюду виднелись толстолапы: залитые лунным светом, они, как в гипнотическом дурмане, медленно покачивались в такт бесконечной песне, которую выводили низкими, утробными голосами, идущими откуда-то из груди, и лишь иногда эта заунывная мелодия перерастала в долгий хриплый стон. Некоторые толстолапы появлялись поодиночке, другие стояли парами или небольшими группками, которые постоянно менялись в составе, когда неуклюжие существа в поисках новой компании, переваливаясь, переходили к другим кучкам собравшихся. Мало-помалу голоса слились в стройный хор — все толстолапы дружно, как один, выводили печальную мелодию. Дерево, на котором устроился Плут, вибрировало и подрагивало в резонанс звериному пению.

— Вот она! — выдохнул Плут. — Великая Сходка толстолапов! Я сделал *открытие!*

Крепко обхватив ногами ствол кривого дерева, Плут пошарил в рюкзаке и вытащил оттуда походный журнал и огрызок карандаша из свинцового дерева. Он хотел тотчас же зафиксировать все детали этого поразительного зрелища для своей диссертации.

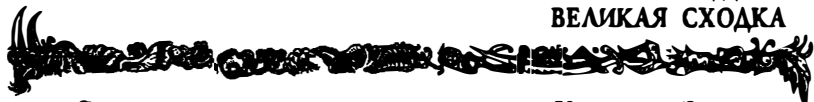
Большие группы толстолапов постоянно сходятся и расходятся, меняясь в составе, — поспешно записывал он. — Огромная стая как будто танцует замысловатую кадриль, фигуры которой инстинктивно понятны и известны всем партнерам. При этом они поют — невероятно громко, и звуки, как тяжелые удары, отдаются эхом, заставляя вибрировать окружающие деревья.

Прямо под ним вой стал оглушительным. Однако в этой разноголосице Плуту слышались не только завывания.

Сначала ему трудно было разобрать, что там происходит. Но новые звуки, ложившиеся поверх хорошего пения, становились все яснее, и мальчику наконец удалось различить голоса отдельных толстолапов, то низкие, то высокие. До него даже доносились обрывки слов:

Я с далеких горных хребтов, где две вершины стоят, как близнецы. Я с высоких уступов туманных каньонов. Я из глубоких тенистых зарослей железных деревьев. из колыбельной рощи. из дремучих, темных, полных лесов.

Плут слушал как замороженный, как из хора прорезывались все новые и новые голоса.

*Снежные тропы величественных Краевых Земель...
Покрытые мхами влажные болотистые пустоши...
Мятежные колючие леса...*

Ему казалось, что он на уроке географии, где читают названия на карте. Карта Дремучих Лесов в песне толстолапов. Каждый пел о своем доме, и мелодии смешивались, превращаясь в один мотив, где на музыку были положены названия всех известных мест, где обитали толстолапы.

Он перед собой видел живую библиотеку, такую же богатую, как спрятанное в подземелье книгохранилище Старого Нижнего Города. А эта библиотека хранилась в памяти толстолапов, и они обменивались своими знаниями на Великой Сходке. У Плута поплыла голова от великолепия этого зрелища...

Походный журнал выскользнул из его рук. Он потянулся, чтобы схватить дневник на лету, но попытка не удалась — он лишь потерял равновесие и, к ужасу своему, понял, что падает с дерева. Он летел вверх тормашками, размахивая ногами в воздухе.

В следующую секунду раздался глухой удар — **ШЛЕП!** — и он ударился головой о твердую, каменистую почву. В глазах у него потемнело.

У Плута все мутилось перед глазами. Он чувствовал теплое дуновение ветра всем телом, и яркие лучи солнца били ему прямо в лицо.

«Где я?» — недоумевал он.

В висках у него стучало. Он видел только вспышки света, и окружающий мир кружился в хороводе

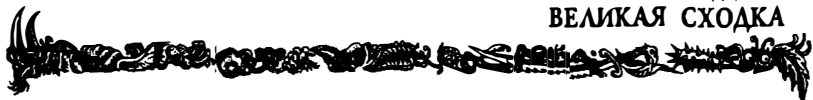
перед ним. Дышал он тяжело, мелкими глотками впитывая в себя воздух, и когда наконец в голове у него слегка прояснилось, вскрикнул от удивления.

Над ним, свирепо оскалившись, склонилась целая стая толстолапов. Их мощные клыки сверкали, а в глазах горел недобрый огонь, но они молчали. Долина Тысячи Звуков погрузилась в мертвую тишину.

Плут сглотнул слюну.

Внезапно похожий на гору самец с иссиня-черным мехом и толстенными загнутыми клыками склонился над ним. Плут увидел, как тот протянул к нему свою огромную лапищу, и тотчас же толстолап вцепился в мальчика длинными жесткими когтями. От меха этого гиганта пахло затхлостью, а дыхание было зловонным.

— Ай-ай-ай! — закричал Плут, и сердце у него замерло, когда его подняли в воздух.

— Вух! — прорычал толстолап. — *Как ты посмел!*

Плут понял, что громадный зверь, крепко державший его над землей, весь дрожит от негодования.

— Вух-вуррах! — заревело животное.

Сжавшись в комок от страха, Плут висел, зажатый в когтях зверя, которому вторили другие толстолапы, оглашая долину леденящими кровь яростными криками.

— Вух-вуг-вуррух! — грозно вопрошал черный толстолап колоссальных размеров, перекрывая своим зычным голосом ропот разбушевавшейся стаи. — *Как ты посмел украсть звуки нашей долины, тайком пробравшись на нашу священную встречу?*

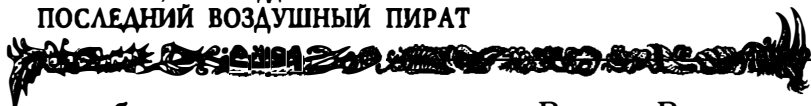
— Вух, — ответил Плут тихим, дрожащим голосом. — Вух-вур. — Извиваясь в когтях у толстолапа, он сумел освободить правую руку и легко прикоснулся к груди. — *Я пришел сюда как друг. Я не сделаю вам ничего плохого.*

Толстолап задумался. Изумленными глазами он уставился на Плута, тщательно изучая его и задаваясь вопросом: кто это такой и откуда он знает язык толстолапов?

Плут почувствовал замешательство толстолапа.

— Вуррах-вегга-виг, — произнес он, запинаясь. — Я друг толстолапов. *Та, со щербатыми клыками, что гуляет при свете луны, и я пришли одной тропой.*

Толстолап нахмурил косматые темные брови и оглянулся на других животных, которые уже метали

неодобрительные взгляды в сторону Вумеру. Встретившись с нею глазами, он прищурился и грозно завыл:

— Вух? *Это правда?*

Вумеру вышла вперед, низко опустив голову. Ушки у нее трепетали.

— Вух-вурро. Вух! — проревела она, не поднимая глаз. — *Мой лесной спутник навлек позор на нашу дружбу.* — Она отвернулась и пошла прочь.

— Вумеру! — в отчаянии окликнул ее Плут. — Вумеру! Ну пожалуйста! Я...

Черный толстолап поднял мальчика высоко в воздух, держа его мертвой хваткой. Глаза его сверкали холодом. Показав Плута всем собравшимся, он громко завыл:

— *Ты, который подслушал слова, предназначенные только для толстолапов, совершил величайшее преступление в мире. Ты украл наши песни. Ты позитил наши мелодии. Ты должен умереть!*

Но тут над скопищем разъяренных зверей прозвучал одинокий голос:

— Вух! *Стойте!*

Большой черный толстолап замер на месте, оглядываясь по сторонам. Плут, еле дышавший от страха, различил среди стаи толстолапа, пробиравшегося к ним.

— Вух? *Кто это говорит?*

Перед ними остановилась толстолапиха.

— Вух-вух. Вурра-вуугх вирлах, — рыкнула она, прикоснувшись сначала к плечу, а потом к груди. — *Я, Вурало, которая испытала множество страданий на Опушке Литейщиков. Я знаю этого мальчика. Он спас мне жизнь.*

Вздвогнув от удивления, Плут уставился на толстолапиху. Теперь бока ее округлились, и шкурка у нее стала густой и шелковистой. Но по отметине — странному черному пятну вокруг глаз, как будто стекающему к носу, — Плут сразу узнал в ней ту самую толстолапиху, которую он спас от арбалетной стрелы гоблина.

Черный толстолап колебался, принимая решение. Толстолапиха подошла к вожаку и приблизила к нему свою мохнатую крупную морду.

— Вура-вух-вурл! *Мое сердце плачет, моля о пощаде! Отпустите его!* Вух-вух-виира-вииг. Я думала, он пал от отравленной палочки, но он жив.

— Вурра-вуур-вух, — спокойно объяснил Плут. — Меня чуть не убили, но я жив. У меня остался шрам. — Расстегнув ворот рубашки, он показал метку на плече.

Черный толстолап аккуратно провел когтем по зарубцевавшейся ране.

— Вух-вух-вуррх! — зарычал он. — *Это правда. На его коже след от отравленной палочки.* — Зверь опустил мальчика на землю. — *Ты рисковал своей жизнью ради одного из нас?*

— Вух-вуррел-луррагуум, — объяснил Плут. — *Я полюбил толстолапов с того самого дня, как сделал свой первый вдох, и буду защищать их до послед-*

него вдоха. Ради них я готов был расстаться с жизнью на Олушке Литейщиков.

Все собрание толстолапов одобрительно зафырчало.

— Вух-вулла, — продолжал Плут. — *Поверьте мне, я настоящий друг толстолапов!*

И тут над бормочущей толпой прозвучал еще один одобрительный возглас:

— Вух-вух!

Краем глаза Плут заметил, что к ним приближается еще одна толстолапиха. Она была очень дряхлая, с согбенной спиной. Ее мех серебрился от седины.

— Вурра-луума-веера-вух! — произнесла она дребезжащим, надтреснутым от старости голосом. — *Я чую, что он говорит правду. Он друг толстолапов.*

Все собравшиеся заинтересованно обернулись и увидели, как пожилая толстолапиха направляется к юному нарушителю спокойствия. Гулкий ропот пробежал по толпе сгрудившихся толстолапов. Старая, седая толстолапиха наклонилась и крепко обняла мальчика своими огромными лапищами.

Плут почуял теплый замшелый дух, исходивший от ее шерсти, и услышал биение ее сердца. Это было удивительное ощущение: он сразу почувствовал себя защищенным и, прижавшись к ее меховой груди, мечтал, чтобы эти объятия длились как можно дольше.

Наконец она отпустила его, но продолжала смотреть ему прямо в лицо, и ее добрые темные глаза светились любовью.

— Вух-вулла-вигирал, — прошептала она. — *Друзья, пока не исчезнут последние тени этой ночи.*

— Стоявшие рядом толстолапы одобрительно зафырчали. Черный толстолап поднял могучую лапу.

— Вура-галух-виир! — объявил он. — *Гала, старейшая из старейших и мудрейшая из мудрых, сказала свое слово. Мне этого достаточно. Вух-вурра-ловагх. Добро пожаловать. Мы будем называть тебя Вуррула — тот, в кого попала отравленная палочка.*

Все собрание заревело еще громче. Плут воспрянул духом. Его распирало от гордости.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Вух!

Черный толстолап серьезно кивнул в ответ:

— Вурра-вур. Вух-вух. *Ты — особенный. Никому еще не доводилось присутствовать на Великой Сходке толстолапов, кроме одного.*

Внезапно Плут услышал какое-то шевеление позади себя. Он бросил взгляд через плечо и увидел, как безбрежная стая толстолапов расступается, и в конце длинного узкого прохода он увидел незнакомую фигуру, медленно двигавшуюся по направлению к нему.

— Кто это? — в изумлении прошептал Плут.

Он не отрываясь смотрел на мужчину с сутулыми плечами, торчащими в разные стороны седыми волосами и длинной белой всклокоченной бородой. Его короткая куртка, штаны и сапоги были скроены из шкур, скрепленных сыромятными ремнями. Истрепавшаяся жилетка из шерсти ежеобраза раздувалась на ветру. Когда незнакомец подошел ближе, Плут смог внимательно рассмотреть его.

Кожа на щеках старика была обветренной и потрескавшейся, и в каждом шраме и складочке как будто

запечатлелся эпизод его бурной биографии. А какие у него были глаза! Плут никогда в жизни не видел таких выразительных глаз: травянисто-зеленые, похожие на лесной изумруд, и одновременно кристально-чистые, они сияли в лунном свете, как у юноши.

Старик остановился напротив мальчика.

— Наверное, это твое, — произнес он.

Плут увидел, что в мозолистых пальцах незнакомец держит его дневник. Протянув руку, мальчик с благодарностью взял потерявшуюся было тетрадь.

— Огромное спасибо, — поклонился он. — Но с кем я имею честь говорить?

— Меня зовут Прутик, — последовал ответ. — Когда-то я был капитаном воздушных пиратов, защитником Старого Санктафракса. Теперь же, как и ты, я — друг толстолапов... — Он добродушно улыбнулся, и в глазах его загорелись искорки. — Может быть, ты слышал обо мне?

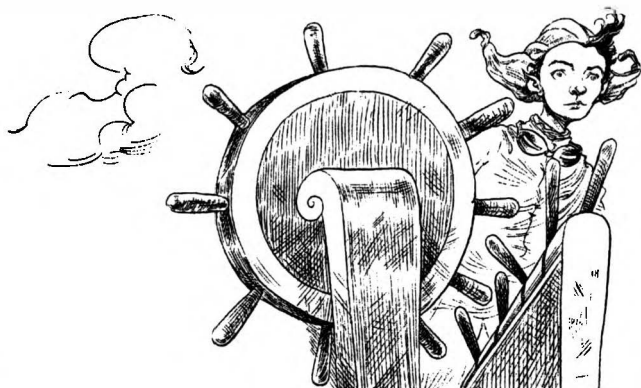

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

РАССКАЗ КАПИТАНА

ыло чудесное утро, Плут. Я его никогда не забуду. Это утро наступило после жесточайшего шторма, который бушевал всю ночь, и мы все думали, что нам не дожить до рассвета. — Глаза у капитана подернулись мечтательной дымкой, и он стал качать головой из стороны в сторону. — Мне с трудом верится, что с тех пор минуло пятьдесят лет.

Плут задумчиво посмотрел на капитана. Пятьдесят лет! Значит, воздушному пирату никак не меньше семидесяти! За это время в землях Края произошло столько перемен!

— Старое доброе время! Ах, сколько историй я мог бы тебе рассказать о минувших годах! — говорил Прутик. — Но сейчас наступили другие времена. А тогда на наши земли налетела Мать Штормов, воды в Крае обновились, и прозрачный свежий воздух дышал надеждой на светлое будущее.

Плут согласно кивнул. Из древних текстов и свитков, пылившихся в Подземном Книгохранилище, он знал о рождении новой скалы и основа-

нии Нового Санктафракса, а также о том, как Вокс Верликс, юный проходимец, совершенно непригодный для выполнения задуманного им предприятия, захватил первую Высшую Академию и заложил фундамент здания, которое впоследствии стало известно под названием Башня Ночи. Теперь, в беседе с одетым в лохмотья странноватым стариком, бывшим капитаном небесного корабля, сухие сведения, которые Плут получил из хроник, внезапно стали для него реальными и живыми фактами.

— Закончив все свои дела, — продолжал капитан, — я сел на борт «Бегущего-по-Небу» и приготовился к взлету, поскольку пришло время взять курс на Дремучие Леса, чтобы собрать всех верных мне членов команды, которые все еще ожидали моего возвращения у Риверрайза.

— Риверрайз... — трепеща, повторил Плут.

— Угу, приятель, — подтвердил капитан. — Именно там я и оставил их всех. Там был Могин, присматривавший за летучим камнем, — лучший из всех каменных пилотов, которых мне довелось знать. И с ним — Лесорыб, водяной эльф, который обладал невероятно тонким слухом, даже по меркам самих эльфов. И еще Гум. — Он улыбнулся, оглядываясь по сторонам. — Мой славный Гум, самый храбрый на свете толстолап, о котором только могут мечтать капитаны. Я им клятвенно обещал, что вернусь, и в то прекрасное утро, много-много лет назад, я решил осуществить задуманное.

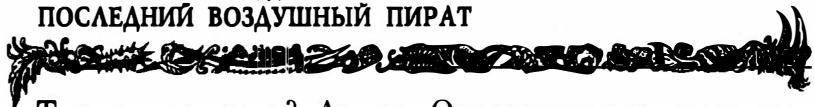
Плут сидел рядом с капитаном небесного корабля на упавшем стволе у самого края долины. Перед ними полным ходом шло собрание толстолапов, которые распевали песни, толкались, переходя от одной компании к другой, и обменивались своими знаниями о Дремучих Лесах, пока первые рассветные лучи не окрасили небосклон.

— У меня была отличная команда, с которой мы вместе отправились на поиски приключений, — продолжал Прутик. — Я и теперь вижу их так же ясно, как вижу тебя. С нами был Хитрован, плоскоголовый гоблин, — товарищ, на которого ты мог положиться, как на самого себя, в любом бою. Еще там был Тарп Молотобой, душегубец, которого я вытащил из питейных заведений в Нижнем Городе. И мой старшина-рулевой, Крылатый Орешек, — у него лицо было чудовищно изуродовано шрамом от молнии... — Он вздохнул. — И много других. Кучкогном по прозвищу Ворсянка — я помню, как ловко он управлялся с канатами... Мой кок Пролаза, со скрюченной спиной и неловкой походкой, старик Джервис, гоблин-утконос, — проку от него было немного, зато он был весельчак. И конечно, Вырвиклок. Ах, Вырвиклок, Вырвиклок, его невозможно забыть!

— Вырвиклок? — переспросил Плут.

— Да, тролль из глухого захолустья, но какой гигант! Возможно, не самая острая стрела в моем колчане, но сильный, как целое стадо ежеобразов... — Он улыбнулся, погруженный в мысли. — Впрочем...

Так о чем это я? Ах да. Остановившись лишь на минутку, чтобы попрощаться с Верховным Академиком и пожелать ему удачи, мы отправились в путь, подняв паруса, и надежда окрыляла нас. — Капитан повернулся к мальчику. Глаза его сияли. — Я до сих

пор ощущаю теплые лучи солнца, греющие мне спину, когда мы взмыли над Великой Топью и взяли курс на Дремучие Леса. — Лицо его озарилось широкой улыбкой. — Я ликовав, радуясь всем сердцем. Риверрайз! Я возвращаюсь к истоку Реки!

Плут тоже заулыбался — его заразил энтузиазм старика капитана, бывшего небесного пирата.

— Конечно же, — продолжал капитан Прутик, на лице у него появилось серьезное выражение, — я

знал, что путешествие будет нелегким. Нам предстоял долгий и трудный путь. И нужно было сконцентрироваться, напрячь все чувства, чтобы двигаться в его сторону. — В глазах Прутика застыла какая-то потусторонняя тоска, но он продолжал. — Мы летели несколько месяцев, — рассказывал он. — Очень скоро деревушки лесных троллей и поселения гоблинов остались далеко позади.

Каждое утро я окидывал взглядом горизонт, пытаясь собраться с мыслями. Вокруг нас, насколько хватало глаз, простирались безбрежные Дремучие Леса, темные, мрачные, непроходимые. Но мы продолжали двигаться вперед, углубляясь в самую гущу лесной чащи, куда не проникал ни один солнечный луч. Небо над нами было обложено клубящимися черными тучами, и в глубине грозных вихрей зарождались бури, которые били и трепали наш воздушный корабль, и «Бегущего-по Небу» бросало в дрожь, как и всю нашу команду.

Прутик замолчал. Он сидел не шевелясь, закрыв лицо руками.

— А что было дальше? — спросил Плут. — Вы слышали зов Лесорыба? Вы нашли место, где начинается Река?

Капитан Прутик поднял голову, и глаза его сверкнули.

— Нет, — отвечал он. — Ничего я не нашел. Я слышал только завывание ветра да грохот бури, которая, налетев, рвала в клочья наши паруса, и еще — издевательскую немоту леса во время коротких затиший

между штормами. — Капитал вздрогнул. — Да, и слышал кое-что похуже...

— Похуже? — переспросил мальчик.

— Крик Крылатого Орешка, когда порывом ураганного ветра его смело с палубы, последние вздохи бедняги Джервиса, которого придавил упавший обломок мачты, невнятное бормотание Ворсянки, когда он, потеряв рассудок, спрыгнул с корабля в непроглядную тьму за кормой... Пролаза, наш добрый старый кок, умер вскоре после этого от разрыва сердца или чего-то в этом роде, как сообщила мне команда. И все же мы продолжали путешествие, потому что я не мог бросить начатое. Я не сдавался; Плут. И не сдавались члены моей команды. Ты должен меня понять, мальчик.

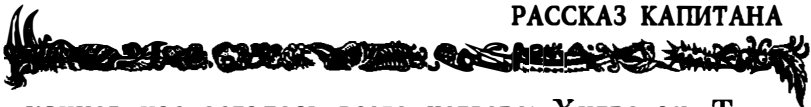
Плут погладил капитана по плечу, прикрытому лохмотьями.

— Я вас понимаю, — прошептал он.

— Правда? — обрадовался капитан. — Но как ты можешь понять меня? Шестнадцать лет мы плыли по небу, Плут. Шестнадцать долгих, утомительных лет. Команда устала, одежда изодралась в клочья, и в душах поселилось разочарование. И это была моя вина. Я не сумел найти дорогу к Риверрайзу. — Он посмотрел на Плута печальными, полными боли глазами. — Я подвел их, мальчик. Мою команду... Моих друзей...

— Вы сделали все, что могли, — возразил Плут.

— Но этого оказалось недостаточно, — горько промолвил капитан, покачав головой. — В конце

концов нас осталось всего четверо: Хитрован, Тарп Молотобой, Вырвиклок и я. Лететь на небесном корабле без каменного пилота и раньше было трудно, но теперь, когда нам не хватало рук, это стало просто невозможно. Чтобы найти Риверрайз, мне нужно было набрать новую команду. Мне пришлось повернуть назад и взять курс на одно местечко, о котором мне не раз рассказывали в деревушках лесных троллей и в поселениях гоблинов, которые мы миновали на своем пути, — это место было лучиком надежды во тьме Дремучих Лесов, где гостеприимно предлагали пищу и кров заблудившимся и усталым путешественникам.

— Это Вольные Пастбища! — воскликнул Плут. — Вы побывали на Вольных Пастбищах?

— Да, — отвечал капитан. — Новый Нижний Город тогда представлял собой всего лишь скопище хибар из летучего дерева, а деревни лесных троллей еще только начинали строиться. Но нас действительно встретили радушно, и юный библиотекарь с Озерного Острова по имени Парсиммон...

— Парсиммон! — взволнованно перебил капитан Плут. — Он все еще там. Только теперь он стал Верховным Правителем Академии. Я — его ученик.

— Значит, у тебя хороший учитель, Плут, — подытожил капитан. — Я прекрасно помню тот вечер. Мы едва доползли до Озерного Острова и пришвартовались на Башенной Площади. Своим появлением мы наделали немало шума. — Он улыбнулся, углу-

бившие в воспоминания. — Наверное, мы напугали своим видом юных библиотекарей, и в их числе Парсиммона, который вышел нам навстречу. Наша одежда превратилась в лохмотья, обшивка «Бегущего-по-Небу» была во вмятинах и дырах, а с мачт свисали изодранные в клочья паруса. Публика, сгрудившаяся вокруг нас, открыв рот, тихо глазела на пришельцев, пока Парсиммон не вышел вперед, поздоровался и назвал свое имя.

Он сказал, что, судя по нашему виду, мы нуждаемся в отдыхе, и что мы обязательно должны пообедать вместе с ними в трапезной, и что он не потерпит никаких возражений! За ужином (нас угощали, как я помню, жарким из тильдятины и дубояблочным сидром) мы услышали ужасные новости и только тогда поняли, почему наше появление так удивило всех.

— Какие новости? — ахнул Плут.

— Как это какие? Конечно, известие о Каменной Болезни, — продолжал капитан Прутик. — Парсиммон рассказал, что воздушные суда Купеческой Лиги и корабли небесных пиратов валяются с неба, словно камни, и ни один корабль из Старого Санктафракса вот уже целый год не появлялся на Вольной Пустоши.

Эпидемия, судя по всему, начала набирать силу с того момента, как Каменная Болезнь поразила Скалу Нового Санктафракса. Этот недуг, неизлечимый и заразный, передавался от корабля к кораблю, распространяясь стремительно, словно лесной пожар.

Как только распадался летучий камень на одном корабле, команде приходилось наниматься на другой, и тем самым инфекция переносилась на него. «Первая эпоха небесных полетов завершилась», — сказал он мне тогда, и я понял, что в его словах ужасная, горькая правда.

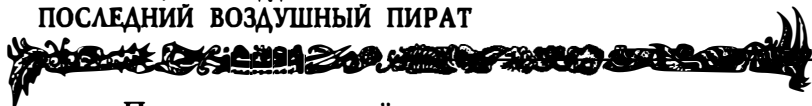
Хотя мы прибыли на Вольную Пустошь, испытывая отчаянную нужду в новых членах команды, я не мог рисковать, приглашая новичков к себе на корабль, опасаясь заразить его Каменной Болезнью. Нам самим удалось избежать катастрофы только потому, что мы надолго углубились в самые захламленные уголки Дремучих Лесов. Словом, я поднялся из-за стола, спешно отправился к «Бегущему-по-Небу» и тотчас оставил эти края.

Как только мы вылетели из Вольной Пустоши, я все объяснил команде. Тарп похлопал меня по плечу, Хитрован крепко пожал мне руку, а Вырвиклок крепко обнял меня, сдавив мне ребра своими могучими, как у толстолапа, ручищами. Они обещали, что останутся со мной до конца поисков, даже если нашей крохотной команде, состоящей из четверых, придется работать и день и ночь. Мои дорогие, отважные друзья... — задумчиво произнес он, и в голосе его прозвучала тоска. — Их давно уже нет на свете.

Не говоря ни слова, капитан Прутик долго смотрел вдаль. Наконец мальчик спросил его:

— А что с ними случилось?

Лицо у капитана опечалилось.

— Произошла глупейшая история, но кончилась она очень плохо. Видишь ли, нам нужно было запастись провиантом. Так вот, не решаясь заходить в деревни и поселки из-за боязни подхватить каменную заразу, мы сами обеспечивали себя, охотясь на тильдеров и лесных кабанов, собирая плоды и корни, которые можно было высушить или засолить, и запасаясь питьевой водой. Однажды Вырвиклок, сильный как бык, притащил на корабль целых двадцать бочек воды. — Он горестно покачал головой. — Эта вода оказалась для нас роковой, потому что бедный, глупый Вырвиклок — да хранят Небеса его душу! — забыл о главной заповеди Дремучих Лесов: никогда не пей стоячей воды! Вырвиклок наполнил все бочки отравой! Но это была моя вина, а не его! — воскликнул капитан. Лицо его пылало. — Капитаном был я. Я должен был проверить, я должен был знать...

Вскоре от этой воды все заболели черной лихорадкой. Я продержался на ногах чуть дольше остальных, но затем болезнь подкосила и меня. Меня жутко рвало, желудок выворачивало наизнанку. И в конце концов я потерял сознание. Я никогда не узнаю, сколько дней и ночей я провалялся на палубе, пока «Бегущий-по-Небу» плыл над Дремучими Лесами без руля и без ветрил. Меня лихорадило, бросая то в жар, то в холод, крупная дрожь била меня, корежа тело.

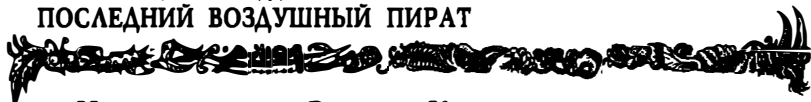
Плут сочувственно кивнул. Он-то хорошо знал, что делает с человеком тяжелый приступ лихорадки.

— Занимался рассвет, когда я, очнувшись, открыл глаза и сел. Голова у меня шла кругом, перед глазами все плыло, а в желудке урчало. Холодная влажная дымка тумана плыла в воздухе. Вся моя одежда, волосы и даже деревянная палуба «Бегущего-по-Небу» были окутаны тонкой склизкой пеленой. С трудом поднявшись на ноги, я огляделся вокруг.

Растительности подо мной больше не было видно — только камни, бесконечное пространство, занятое лишь валунами грязно-серого цвета да иссеченными глубокими трещинами скалами. Я сразу же узнал это место. Как-то раз мне довелось побывать здесь, и эта равнина наполнила мне душу ледящим ужасом. Это были Земли Края, жуткая, заброшенная местность, где бродят густые туманы. Такой пейзаж может привидеться только в ночных кошмарах.

Именно там, в Землях Края, много лет назад я испытал чудовищный страх, о котором мне и сейчас нелегко поведать тебе. Для меня, Плут, Край связан с самыми тяжелыми, пугающими меня до сих пор воспоминаниями, потому что именно там я повстречался с Хрумхрымсом.

Плут открыл рот от изумления:

— С Хрумхрымсом? Но как? Когда?

— Настанет время, и я расскажу тебе всю историю, от начала до конца, — пообещал капитан Прутик. — А пока достаточно будет того, что я чудом остался жив и дал себе клятву никогда не возвращаться в эти проклятые земли. Но судьба распорядилась иначе. Мой бедный, истрепанный бурями небесный корабль занесло ветром именно туда. Я осмотрел «Бегущего-по-Небу». — Глаза у капитана подернулись грустью. — Я не увидел никого из своей команды. Куда они все подевались? С момента, как я очнулся, я не слышал ничьих голосов. Я звал их, кричал, но ответа не было.

Я бросил штурвал и помчался на верхнюю палубу. Там я и нашел их. Всех троих. Ах, Плут, — простонал он. — Все трое были мертвы. И Хитрован. И Тарп Молотобой. И даже бедняга Вывриклок, огромный, могучий тролль из Захолустья, не смог противостоять черной лихорадке, напившись болотной водицы... — У капитана в горле встал ком. — Их распростертые тела валялись на холодной, мокрой палубе, они застыли, раскинув руки, в муках предсмертной агонии, и лицо каждого было искажено

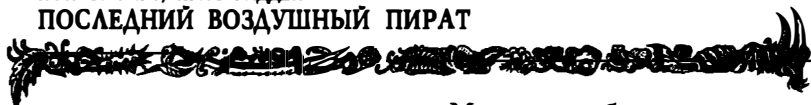
страхом и болью. Да, все они умерли жуткой смертью... — Капитан сглотнул слюну. — Я совершил похоронный обряд над ними, стараясь достойно проводить их в последний путь. Это было самое малое, что я мог сделать для команды, которая служила мне верой и правдой.

Капитан замолчал, и Плут заметил, как небесный пират тайком смахивает слезу. Мальчик тоже чуть не расплакался.

— Теперь ты видишь, Плут, что я потерпел полную неудачу. — Капитан Прутик сделал глубокий вдох. — Возвращаться обратно в Дремучие Леса было невозможно. Я никогда бы не смог справиться с кораблем в одиночку. Поэтому я привязал «Бегущего-по-Небу» к выступу одной из скал — этот уступ, как скрючившийся демон, нависал над бездной, повернувшись спиной к восходящему солнцу, — и ушел.

— Вы хотите сказать, что «Бегущий-по-Небу» все еще там? — ахнул Плут.

— Эх, парень, — вздохнул капитан, — если он еще не сгнил или Каменная Болезнь не погубила его, мой корабль должен быть там. В то утро, когда я покинул его, моросил мелкий дождик. Мне казалось, что он был в прекрасном состоянии, как бури ни трепали его. И выглядел великолепно, паря над голой, заброшенной землей, — жестокое напоминание о том, что утрачено навек. — Он помолчал. — Последний небесный корабль... — Капитан Прутик снова сделал длинную паузу и, тяжело вздохнув, продолжил

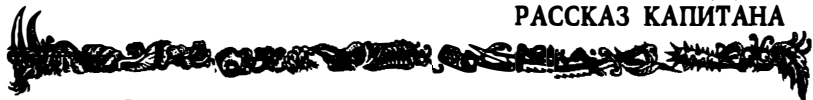

грустное повествование. — Мне потребовалось три дня, чтобы пересечь коварные и зловещие земли Края, и я шел вперед еще недели две, пока случайно не натолкнулся на группу кочующих дуркотрогов, которые дали мне пищу и кров. И с тех пор я брожу в одиночку по Дремучим Лесам.

Я один остался в живых из всей команды. И хотя я стар и болен, но все еще не потерял надежды. Каждое утро, проснувшись, я смотрю на горизонт и отправляюсь на поиски Риверрайза, и каждый вечер, ложась спать, я вспоминаю своих погибших товарищей.

До сих пор я четко вижу их лица, Плут. Гум. Могин. Лесорыб. Они не держат на меня зла. Иногда мне хочется, чтобы они проклинали меня. Свет надежды и доверие, которое я читаю в их глазах, в тысячу раз хуже. Я предал их, Плут, — сокрушался капитан. Голос у него сломался. — Они верили в меня... Мои бедные, погибшие друзья... — Он закрыл лицо руками. — Меня преследуют воспоминания, в памяти встают все те, кого я знал когда-то, и мертвые, и живые, проходя длинной чередой. Я никогда больше не увижу эти лица. Мой отец. Тунтум. Старые профессора Света и Тьмы. Буль. Шпулер. Колючка... — Он покачал головой. — И Верховный Академик Санктафракса. Я помню, как он смотрел на меня в то утро, когда я отправлялся в путешествие, и как он махал мне рукой на прощание...

Плут понимающе кивнул. Все вернулось на круги своя. Капитан заканчивал свой рассказ:

— Я видел радость и предвкушение новизны, которые прямо-таки светились в его улыбке. Как высоко он держал голову! Какая надежда сияла в его глазах! Когда-то он был моим подмастерьем, а теперь стал Верховным Академиком Санктафракса! Я так гордился им!... — Капитан повесил голову. — Мой бедный, милый Каулквейп!

— Каулквейп? — изумленно переспросил Плут. — Мне известно это имя!

— Да, Каулквейп Пентефраксис, — горько промолвил Прутик. — Умер много лет назад — погиб от руки тирана, Вокса Верликса. Я узнал о его смерти на Озерном Острове.

Плут вздрогнул. На память ему пришли слова Ксанта: «Я такой же узник Башни Ночи, как и мой друг Каулквейп, к которому я должен вернуться». Несмотря на лихорадку, терзавшую его тело, он четко запомнил то, что сказал ему Ксанти: «Именно от него я услышал рассказы о Дремучих Лесах и о его приключениях вместе с Прутиком, капитаном воздушных пиратов».

Плут вскочил на ноги. Друг капитана и заключенный из рассказов Ксанта — это одно и то же лицо!

— Он был так молод, — продолжал капитан Прутик, — а я оставил его одного, поручив ему перестраивать Санктафракс, а сам отправился в путешествие, закончившееся полным провалом. Ах, если бы я добрался до истоков реки, до Риверрайза, я мог бы вернуться и помочь ему. Тогда, быть может, он был бы жив!

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

— Он жив! — воскликнул Плут, не в силах сдержаться. Парочка толстолапов, прервав песнопения, с любопытством глянула на него. Плут схватил капитана за обе руки. — Он не погиб! — кричал мальчик. — Каулквейп жив!

Капитан стал бледным как полотно. Рот у него открылся от изумления.

— Не может быть! — выдохнул он.

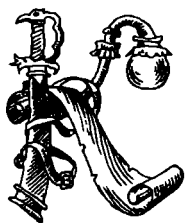
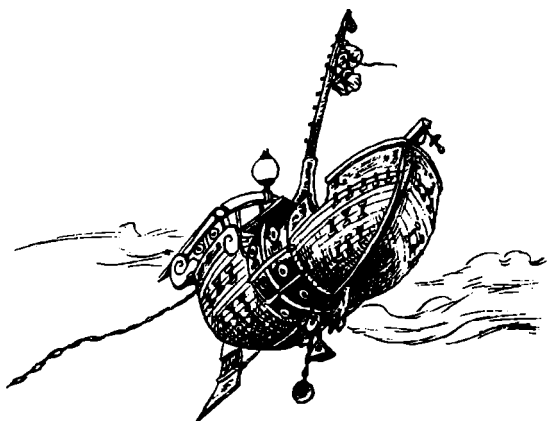
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«БЕГУЩИЙ-ПО-НЕБУ»

.

апитан воздушных пиратов с изумлением глядел на Плута.

— Откуда тебе известно, что он жив? — спросил он. — Парсиммон говорил... Дай-ка подумать... Да, хотя прошло уже немало времени с тех пор, я все же отлично помню, что он мне говорил. Когда я стал расспрашивать его о Каулквейпе, Верховном Академике, он покачал головой и сказал: «Теперь Верховным Академиком стал Вокс Верликс. А имя Каулквейпа вычеркнуто из всех хроник. Он убит, грубо и жестоко, — таковы факты, хотя мало кто в Новом Санктафраксе осмелится сказать правду об этом злодеянии». Я точно передаю его слова.

— Но он жив, — возразил Плут. — Он узник Башни Ночи. Мой друг... — Мальчик запнулся, и сердце у него защемило от грустных воспоминаний. — По крайней мере я считал его своим другом, — пробормотал он. — Так вот, мой бывший друг рассказывал мне, что видел Каулквейпа, заключенного в Башню Ночи, и он был жив тогда, и даже рассказывал ему о ваших совместных приключениях.

— Неужели? — обрадовался капитан. Он вскочил и, крепко схватив Плута за руки, долго смотрел ему в глаза. Занимался рассвет, и собрание толстолапов, затихая, приближалось к концу, когда взволнованный голос капитана Прутика раскатился эхом по всей долине:

— А что такое Башня Ночи, о которой ты рассказываешь?

Плут помотал головой:

— Вы так долго отсутствовали, капитан. Много воды утекло с тех пор, как вы оставили те края. Парсиммон сообщил вам, что Верховным Академиком стал Вокс Верликс, но это только начало длинной истории.

— Расскажи мне все, — попросил капитан Прутик. — Расскажи мне все, что знаешь.

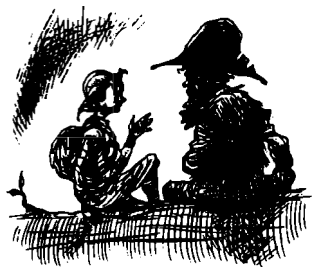
Толстолапы, похожие на меховые горы, сгруппировались вокруг них, наострив уши.

— Когда Вокс Верликс стал Верховным Академиком, он дал приказ построить высокую башню в Новом Санктафраксе, когда скала, на которой стоял город, начала крошиться от Каменной Бoleзни. Я много слышал и читал в нашей библиотеке о том, что он возложил вину на академиков, уверяя, что Каменная Бoleзнь — прямое следствие их благодушия и мягкотелости, но он, Вокс Верликс, положит этому конец.

— Неужели это тот самый Вокс? — воскликнул капитан. — Я помню его еще молодым: он был скверным человеком уже тогда, когда ходил в подмастерьях в Старом Санктафраксе.

— С годами он стал еще хуже, — заключил Плут. — Видите ли, Вокс основал секту из Рыцарей-Академиков, которых стал называть Стражами Ночи. Они поработили жителей Нижнего Города и заставили их работать, и не только на возведении его проклятой башни, но и на других гигантских стройках. Например, на прокладке Дороги через Великую Топь. А лес Санктафракса пошел на подпорки для разрушающейся скалы...

Глаза у капитана Прутика загорелись недобрым огнем.

— Рабство? — гневно воскликнул он. — В Нижнем Городе?

— Да, — ответил Плут. — Это было наглое нарушение всех принципов Нижнего Города, и многие стали возражать. Но Стражи Ночи были жестоки. Они всеми средствами добивались осуществления своих планов. Те Рыцари-Академики, которые не были согласны с политикой Вокса, откололись и присоединились к Земным ученым, вместе с которыми и основали общество Библиотечных Академиков. — Он помолчал. — Мы все вынуждены скрываться и жить в канализации Нижнего Города.

— Библиотечные ученые — и в канализации... — печально покачал головой капитан. — Вот чем это кончилось. А негодяй Вокс Верликс стал главой Санктафракса!

— Не все так просто, — возразил Плут. — В этой истории есть поворот сюжета.

— Продолжай, — приказал капитан Прутик.

— Ну так вот. Вокс не понимал, какое чудовище он породил, создав армию Стражей Ночи.

Вскоре в их рядах появился лидер, некто Орбикс Ксаксис, который объявил себя Верховным Правителем города и захватил Башню Ночи. Опасаясь за свою жизнь, Вокс вынужден был бежать. Он укрылся в старом дворце Нижнего Города. Шрайки воспользовались моментом, чтобы взять под контроль Дорогу через Великую Топь, а Вокс вынужден был опереться на гоблинов-наемников, чтобы удержать то небольшое, что осталось от его владычества в Нижнем Городе. И сейчас, если верить слухам, он проводит дни и ночи в уединении, не покидая разрушающегося дворца: тучность не позволяет ему выходить за пределы спальни, где он накачивается до беспамятства вином забвения, поглощая бутылку за бутылкой.

— Что ж, мне его несколько не жаль, — отметил капитан. — Но скажи мне, Плут, что еще ты знаешь о Башне Ночи, в которой заперли Каулквейпа?

Плут вздохнул:

— Я знаю только одно: до сих пор никому не удавалось бежать из Башни Ночи. Это огромная, неприступная крепость, ворота ее увенчаны острокопечными пиками, окна забраны решетками, а стены оснащены огромными пращами, мечущими камни, гарпунами и мощными вращающимися катапульта-

ми, установленными на каждом выступе. Я лишь однажды видел эту башню, и то издалека, но слышал много рассказов о ней от Библиотечных Рыцарей, которые подходили к ней ближе, чем я. Однажды Великая Варис Лодд даже пыталась атаковать эту твердыню, сбросив на нее воздушный десант, но силы оказались неравными: небоходы не смогли противостоять мощному оружию.

— Небоходы? — удивился капитан. — Эти маленькие деревянные птички? Я видел их на Озерном Острове. Неудивительно, что налет не удался. Подумай, что будет, если мотылек нападет на ежеобраза.

— Вооруженные патрули стоят там на каждом углу, — продолжал Плут, не переводя дух, — каждый из стражников Башни Ночи обучен сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы. Башня неприступна. Чтобы атаковать ее с земли, нужно пройти через Тайноград. — По телу мальчика пробежала дрожь. — Говорят, что он населен странными блескучими существами, которые постоянно меняют форму, — они называются упыри-камнееды, а еще там обитают скалистые демоны... И если ты останешься жив, миновав всю эту нечисть, то тебе придется идти через Строительные Леса Санктафракса — это нагромождение деревянных опор, поддерживающих скалу, на которой стоит город. Там гнездятся гнилососы и бритвозубы — жуткие существа, судя по описаниям. Нет, единственный путь — это атаковать башню с воздуха, но, как вы говорите, небоход слишком мал для выполнения такой задачи.

— Небоход — да, но не большой небесный корабль, — возразил капитан.

— Небесный корабль! — ахнул Плут. Толстолапы, стоявшие вокруг, внимательно прислушивались к их беседе.

— Послушай, мой мальчик, — продолжал капитан. — Когда-то я ходил под парусом вместе с моим отцом, Облачным Волком, и мы атаковали доверху набитые товарами суда Купеческой Лиги. Задача состояла в быстром и внезапном нападении: мы налетали на них, мгновенно захватывали добычу и улетали прочь, прежде чем они успевали сообразить, что с ними произошло. Мы повторим это на моем «Бегущем-по-Небу», Плут!

— «Бегущем-по-Небу»? — переспросил мальчик. — Но у нас нет команды!

И тут толпа толстолапов зашевелилась, и Плут увидел огромную толстолапиху с Опушки Литейщиков, двигавшуюся прямо к ним.

— Вух-вурра-Прухтих-вух! — произнесла она, прижимая мощную лапу к волосатой груди. — *Я пойду с тобой, капитан Прутик!*

Капитан Прутик потянулся и похлопал могучего зверя по спине.

— Вух-Вух, — засопел он, прочертив рукой дугу в воздухе. — *Добро пожаловать к нам! Друг!*

Еще один толстолап — черный громадный зверь с глубоким шрамом на плече — встал подле нее.

— Вух. Вига. Вух-вух. *Я, Вига, тоже пойду с вами. Вурра-вух!* — Он указал на небо, потом прикоснулся

к своему шраму и высоко поднял голову. — Я слу-
жил на небесном корабле и ходил с воздушными пира-
тами в те давние времена, о которых ты говорил.

— Вух-виралу-вааг! — рывкнул колоссальных
размеров черный толстолап. — Я ничего не понимаю
в полетах по небу, но я могуч! Меня зовут Рум-
мель — Тот, кто крепче железного дерева.

К Руммелю немедленно присоединилось еще трое:
Меру и Лум — братья-близнецы, которые когда-то
помогали грузить строительный лес на баржи, и
Моллин, жилистая толстолапиха, в прошлом рабо-

тавшая помощником у каменного пилота. Ее улыбающаяся пасть была скошена на сторону: у нее не доставало нескольких резцов и одного клыка.

— Вух-лила, вух-рулавах, — тихо прогундосила она. — *Я могу обслуживать летучий камень, капитан Прутик, если ты возьмешь с собой такую развалину, как я.*

— Вух-вух, — поддержал ее Прутик. — *Добро пожаловать, Моллин — Та, что дружит с камнем.* — Капитан сделал шаг назад и поднял обе руки. — Спасибо, друзья, — поклонился он толстолапам. — От всей души благодарю вас. Уже достаточно добровольцев. — Он повернулся к мальчику. — Кажется, мы набрали команду!

— Вух-вух! — послышался чей-то настойчивый возглас, и Плут увидел Вумеру, пробирающуюся сквозь плотную стену толстолапов. — *Возьмите меня! Возьмите меня!*

Капитан улыбнулся:

— А у тебя есть хоть какой-нибудь опыт в воздухоплавании, мой друг?

— Вух, — ответила Вумеру, низко повесив голову. — *Никакого. Но моя сила в молодости. Я могу делать все, что угодно.*

— Спасибо тебе, юный друг, — начал было Прутик, — но, как я уже сказал, добровольцев достаточно...

— Вух, — поникшим голосом произнесла Вумеру. Она умоляюще и печально посмотрела на мальчика.

Плут решил обратиться к капитану.

— Нам нужен кок, — заявил он. — А Вумеру прекрасно умеет запасать провизию, в этом я могу поклясться.

— Вумеру? — спросил капитан. — Вы знаете друг друга?

Плут кивнул:

— Мы давние друзья.

Лицо капитана расплылось в широкой улыбке.

— Дружба с толстолапом — самая крепкая дружба на свете, — произнес он, вытаскивая из-под рваной меховой жилетки амулет — выцветший от времени зуб толстолапа с дыркой посредине — и задумчиво разглядывая свое сокровище. — Я это знаю. — Он повернулся к Вумеру. — Добро пожаловать на корабль, — сказал он. — Но я хочу предупредить тебя: если ты когда-нибудь вздумаешь подать на обед маринованные бродячие водоросли, я изжарю тебя на солнышке!

В этот миг над изломанной линией лесных деревьев, окружавших долину, показались первые лучи солнца, и вскоре потоки света хлынули на маленькую группку толстолапов. Капитан Прутик распрямился, высоко подняв голову.

— Ну, вперед, моя храбрая команда, — приказал он. — Не будем мешкать ни минуты. «Бегущий-по-Небу» ждет нас.

Одобрительный рев огласил Долину Тысячи Звуков, и собрание толстолапов, издавая радостные вопли, расступилось, чтобы пропустить вперед капитана Прутика, мальчика и семерых своих лохматых сородичей — новых членов команды.

— Каулквейп, друг моей юности, — бормотал Прутик себе под нос, — я слишком долго жил, чувствуя себя неудачником. Но в этом деле провала быть не должно!

Они бодро двигались вперед, пробираясь по густым, темным Дремучим Лесам. Делая привалы не долее чем на час, они шли к своей цели дни и ночи напролет, ориентируясь по солнцу и Восточной Звезде и держа курс на север и только на север — к коварным Краевым Землям.

Оседлав своего «Буревестника», Плут кружил над деревьями, показывая путь капитану Прутику и команде толстолапов. Могучие существа молчаливо и озадаченно топали по зарослям, но в отличие от Вумеру, которая, ответив на зов, как замороженная неслась по лесу на Великую Сходку, давя траву и ломая ветки, толстолапы старались двигаться осторожно, не оставляя следов. Плут мог только любоваться их подвижностью, ловкостью и скоростью.

Его поражало, что толстолапы, привыкшие бродить в одиночку, так слаженно и дружно двигаются

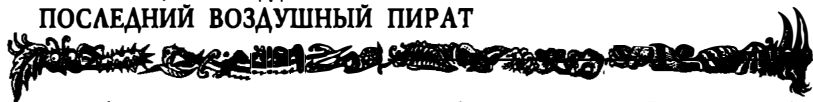
вместе. Они сменялись — каждый по очереди возглавлял группу, прокладывая дорогу, а когда устал, его сменял другой, и каждый из них внимательно прислушивался и смотрел во все глаза, не надвигается ли опасность. Как-то раз, во время короткой остановки, пока толстолапы собирали плоды и делали запасы продовольствия, Плут подошел к Вумеру.

— Почему ты живешь одна? — спросил он. — Вам всем нужно жить в стае. У вас это так хорошо получается!

Вумеру подняла глаза, и ушки у нее затрепетали.

— Вух-вух. Вурра-валуу, — протянула она, махнув лапой в воздухе и тряхнув головой. — *Ты ошибаешься. Толстолапы не могут жить вместе. Если мы будем жить вместе, мы станем приманкой для самых свирепых хищников. Порознь мы можем прожить долгую жизнь, потому что поодиночке привлекаем к себе меньше внимания.* — Она

улыбнулась, и клыки ее блеснули. — Вееру-вух! Хотя в такой компании и умереть не жалко!

— Вух-вулла-вух, — вмешался капитан Прутик, приближаясь к толстолапихе. — Не говори о смерти, Вумеру, ты еще так молода! Но уж если нам предстоит погибнуть, я почти за честь принять смерть вместе с тобой!

В зарослях зашелестело, и из-за ягодников выплыла огромная фигура толстолапа: к ним приближался Руммель с полными лапами спелой поляники.

— Вух-вух, — пробурчал он. — Ешьте скорей, нам надо идти дальше.

Они продолжали свой путь по лесным зарослям. Плут на «Буревестнике» летел впереди, время от времени натягивая пусковой канат и изящно разворачивая свой небоход, чтобы посмотреть сверху на двигающуюся гуськом команду толстолапов. Вига часто исполнял роль вожатого, и Плут видел, как в полутьме мелькал его огромный белый шрам на плече. Меру и Лум, братья-близнецы, шли бок о бок в нескольких шагах позади него. После них выступала Вурало, согнув поросшую пятнистой шерстью спину, а за нею важно топал могучий Руммель, покачиваясь на мощных ногах. За ними поодаль тащилась Вумеру, у которой явно не хватало сил для такого путешествия, и, наконец, цепочку завершали Моллин, которая была старше и слабее остальных, и сам капитан Прутик.

Плут нырнул вниз, и капитан махнул ему рукой. Плут ответил на приветствие, гордый тем, что знаме-

нитый воздушный пират обратил на него внимание. Взмывая вверх, он услышал обрывки разговора: капитан подбадривал уставшую Моллин:

— Теперь уже совсем немного осталось, моя старушка. Нам всем необходимы твой опыт и знания. Летучий камень давно ждет тебя.

Тьма упала на чашу, но толстолапы решительно двигались вперед, а Плут летел впереди. Непреклонная команда шла во мраке всю ночь, не замедляя шага и стараясь не издавать ни звука. На западе встала луна, медленно пересекла небосклон и закатилась за горизонт. Возшло солнце, согрев влажную мшистую лесную подстилку, и в свежем воздухе, мерцая и подрагивая, завихрились клубы утреннего тумана.

И вдруг все услышали громкий вой: это Вурало, идущая впереди, огласила криком окрестности:

— *Краевые Земли! Мы дошли до Краевых Земель!*

Капитан Прутик ответил ей таким же переливчатым криком:

— *Подожди нас! Мы скоро придем!*

Плут был в нетерпении: он стремился поскорей увидеть это снискавшее столь дурную славу место. Мальчик отпустил паруса, чтобы дать полный ход своему кораблику, и стремглав понесся вперед. На фоне бледного неба вдали маячила фигура Вурало, глядевшей на него. Толстолапиха заметила приближающийся небоход и помахала пилоту лапой.

Плут помахал в ответ. Выпустив противовесы и подтянув канаты, управляющие парусами, он начал спуск. Низко летя над землей, он пробивался сквозь

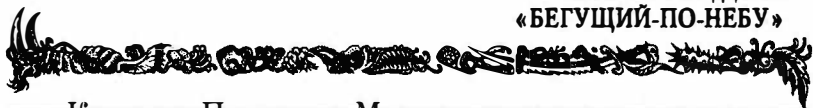
закручивающиеся спиралью вихри тумана, пронизывавшие холодом. Мальчик посадил свой небоход на плоскую плиту рядом с толстолапихой и соскочил на землю, обмотав вокруг руки канат.

— Вух-вух, — приветствовала его Вурало. — Вулло-вег. — Она обхватила лапами свое громадное брюхо. — *Это место наполняет меня ужасом.*

Плут согласно кивнул, окинув взглядом пустынные пространства, где не было ничего, кроме грязно-серых камней. Никогда еще он не испытывал такой тревоги. Даже бесконечные лабиринты канализационных труб, населенных головоногами и кровожадными пестрыми крысами, не могли сравниться со зловещим пустынным пейзажем Краевых Земель.

Голая равнина вздыхала и завывала, когда ледяной ветер, дувший с Края Земли, свистел в лощинах и трещинах распластанных гранитных плит. Они трещали, бурчали, свистели, шипели и пели, голосили и ныли, будто живые. Кислый сернистый дух бил в нос. Плут весь покрылся гусиной кожей, когда его окутали зловонные пары, завихряющиеся вокруг тела. Ветер налетел на «Буревестника», и кораблик безвольно накренился.

Плут увидел, как из леса вышла Вумеру, а за нею появились Руммель, Вига и близнецы — Меру и Лум. Как и Вурало, они все проявляли беспокойство: — на них давила тяжелая, мрачная атмосфера пустынных Краевых Земель. Толстолапы жались друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Вдобавок вместе они чувствовали себя в большей безопасности.

Капитан Прутик и Моллин появились последними на каменистой пустоши. Прутик похлопал мальчика по плечу, и Плут заметил, что рука у воздушного пирата дрожит.

— Я никогда не думал, что вернусь на это проклятое место, — заметил капитан, с тревогой оглядываясь по сторонам. — Но где-то неподалеку меня ждет «Бегущий-по-Небу». За мной! Ищите большую черную скалу, похожую на сидящего демона.

Капитан Прутик, плывя в вихрях тумана, устремился вперед, и мальчик, оскальзываясь и падая, поплелся за ним по вероломным колдобинам, волоча за собой на веревке раскачивающийся небоход. Толстолапы, сбившись в кучу, последовали за ними.

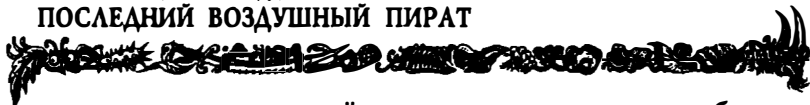
Не ослабевая, завывал ветер, нашептывая что-то прямо в ухо Плуту, но он, спотыкаясь, шел к цели, не слушая его бормотаний. Туман холодными тонкими пальцами гладил его по лицу, ероша волосы.

— Фу! — содрогаясь, простонал он. — Какое ужасное, жуткое место!

— Мужайся, Плут! — подбодрил его капитан. — Ищи уступ!

Мальчик изо всех сил вглядывался в густой, закручивавшийся кольцами

туман, но каменистой равнине, казалось, не будет конца.

— Надо подождать, пока рассеется туман, — заключил капитан Прутик. — Хоть на минуту, но и этого будет достаточно, чтобы сориентироваться и определить, в какую сторону идти. — Капитан спешил. Ветер завывал, свистел в ушах, и в воздухе слышались странные издевательские и насмешливые голоса.

Плут, оступаясь, плелся за капитаном, и маленький кораблик в его руке крутился и вертелся с боку на бок под напором ветра. Мальчик молил Небеса, чтобы предположения капитана оправдались, но туман только сгущался, затыкая уши ватой и залепляя глаза.

— Все здесь? — спросил капитан у команды.

— Вух, — ответил дружный хор толстолапов. — *Мы все здесь.*

Иногда налетал шквал — ветер бил Плуту прямо в лицо, сбивая с ног. Мальчик падал на землю, вцепившись в канат от «Буревестника», и старался переждать разгул стихии. Вдруг, после очередного резкого порыва ветра, туман на секунду развеялся, и на горизонте он увидел, где обрывается Край. Туман тотчас сгустился, и Плут снова погрузился в непроглядную молочно-белую дымку.

— Я ничего не вижу! — закричал он.

— Ничего страшного, — ответил капитан. — Положись на меня.

В эту секунду белесую завесу вновь развеяло, и Плут увидел уступ во второй раз. Далеко на горизонте маячил темный силуэт. Плотная стена тумана

снова встала перед ними, и Плут потерял скалу из виду.

— Вы видели его, капитан? — взволнованно спросил он. — Я имею в виду уступ.

— Уступ видел, — ответил Прутик. — Но не видел «Бегущего-по-Небу».

Уже на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно.

— Я больше не могу, — задыхаясь, пробормотал Плут, еле удерживающий «Буревестника». Силы мальчика были на исходе: он еле волочил ноги. Перепачканные в грязи толстолапы, тащившиеся за ним, тоже имели жалкий вид.

— Давайте остановимся и немного передохнем, — крикнул капитан Прутик, но его слова потонули в завывании ветра.

Толстолапы сгрудились вокруг Плута и старого воздушного пирата, защищая их от ветра. Плут, чувствуя себя несчастным, дрожал от холода. И было бы куда легче, если бы в ушах не звенели эти издевательские голоса! Они мешали думать.

— Мы заблудились, капитан? — спросил он.

Прутик, казалось, не слышал его. Он глядел прямо вперед. Внезапно ветер улегся и туман рассеялся.

— Смотри! — просто сказал он.

Там, куда указал капитан, прямо над их головами, высился корпус огромного небесного корабля. Одна резная фигура на носу корабля, потрепанная сотнями бурь, была раз в двадцать больше, чем весь «Буревестник»; много раз пробитый и залатанный

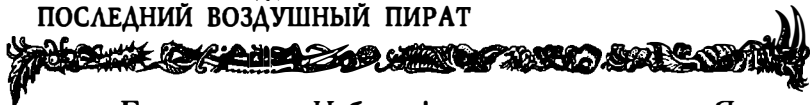
корпус судна по размерам превосходил таверну в Нижнем Городе, а мачта, уходившая прямо в небо, была выше, чем могучее железное дерево. Толстая якорная цепь удерживала корабль, прикованный к черному уступу с подветренной стороны, и скалист-тая громада защищала судно от непогоды.

— Как он прекрасен! — в восторге воскликнул Плут, но затем грустные мысли посетили его, и он печально покачал головой. Как ни хорош был «Буревестник», сделанный его собственными руками, он ни в какое сравнение не шел с величественным «Бегущим-по-Небу». Вторая Эпоха Воздухоплава-ния, которой так гордились Библиотечные Рыцари, была лишь блеклой тенью того, что существовало до нее. Как много навсегда утрачено!

— Ну, парень, пошли, — позвал его капитан. — У нас мало времени. Нам нужно как можно скорее вы-браться из этого проклятого места! Садись на свой не-боход и лети на «Бегущего-по-Небу». Оттуда сбросишь нам веревочные трапы, чтобы мы могли подняться на борт. И торопись, пока снова не поднялся ветер.

Плут поспешно оседлал «Буревестника» и взмыл в небо. Через несколько секунд он поравнялся с по-ломанными леерами верхней палубы могучего ко-рабля. Прикрепив «Буревестника» к мачте, мальчик соскочил на палубу и сбросил вниз аккуратно ска-танные веревочные трапы. Тотчас же толстолапы по-лезли на борт. Капитан Прутик взошел на корабль последним. Оказавшись на палубе, старый пират упал на колени и поцеловал дощатый настил.

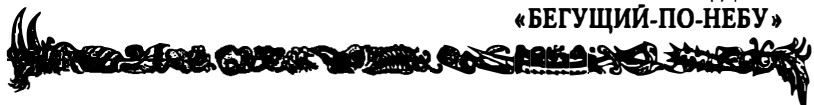

— Благодарение Небесам! — прошептал он. — Я думал, что потерял тебя навсегда! — Капитан вскочил на ноги. Внезапно он преобразился. Он больше не выглядел стариком, будто сбросил груз прожитых лет. В глазах капитана светился молодой задор. — По местам! — скомандовал он. — Готовим «Бегущего-по-Небу» к взлету!

Толстолапы разошлись, немедленно подчинившись приказу. Капитан Прутик тоже поспешил взяться за дело. Плут остался один. Он бродил по «Бегущему-по-Небу» заглядывая во все углы, открывая дверцы буфетов и рундуков, обшаривая трюмы и наблюдая, как трудятся толстолапы, подготавливая к путешествию огромный небесный корабль.

Вумеру напрямик отправилась в камбуз, находившийся под палубой. Руммель принялся разворачивать главный парус, проверяя, нет ли прорех на парусине. Вурало занялась канатами. Меру и Лум перелезли через леерное ограждение — один с левого, другой с правого борта — и осмотрели обшивку корабля, желая убедиться, все ли в порядке: не заклинило ли противовесы и не перекошена ли рулевая ось. Вига вскарабкался на мачту: он ощупывал огромный ствол в поисках предательских трещинок и подгнивших участков древесины — признаков усталости дерева, пока не добрался до смотровой площадки на самом верху.

Плут услышал чье-то бормотание у себя за спиной, перемежающееся тихим рыком толстолапа. Сгорая от любопытства, он устремился туда, где разда-

вался гул голосов, и наткнулся на самого капитана Прутика. Он стоял просунув голову между прутьями центральной клетки, внимательно изучая поверхность летучего камня. Ему помогала Моллин, которая пыталась отрегулировать пламя жарко горящих факелов.

— Ну что, все в порядке? — спросил Плут.

Капитан Прутик оторвал взгляд от камня и повернулся к мальчику.

— Я не вижу никаких признаков болезни, — ответил он.

— Как здорово! — воскликнул Плут. — Значит, мы можем лететь!

— Конечно можем, — согласился Прутик. — Но нам надо спешить. Камень может быть заражен, и невидимая глазу болезнь разъедает его изнутри.

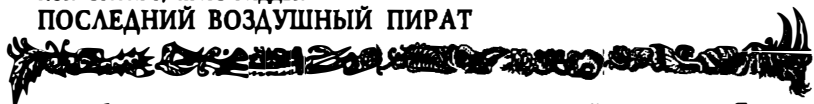
— Но как такое могло произойти? — нахмурился Плут.

Капитан сделал жест рукой, описав в воздухе широкую дугу.

— Он мог подхватить вирус от команды, — поделился своими мыслями капитан. — Ты слышал, что они говорили? Большинство из них служило на небесных кораблях. И есть опасность, что один из них, а может быть, и все являются переносчиками этой ужасной заразы.

— Но как это узнать? — замаявшись, спросил Плут, и по спине у него побежали мурашки.

— Никак не узнать, — ответил капитан. — Может быть, камень уже заражен. А может, нет. И конечно,

чем ближе мы подлетим к распадающейся скале Санктафракса, тем больше риск. В одном у меня нет сомнений, Плут: это путешествие в один конец. Обратного пути не будет. «Бегущий-по-Небу» никогда не вернется назад. Будем молиться в надежде, что он не развалится, пока мы не доберемся до Башни Ночи.

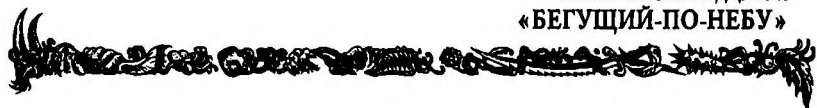
— О силы Земные и Небесные! На все ваша воля! — горестно воскликнул Плут, у которого лицо стало белым как полотно.

— Выше нос, парень, — подбодрил мальчика капитан, похлопав его по плечу. — Наши приключения только начинаются. Пойдем со мной.

Он повернулся и, оставив Моллин возиться с летучим камнем, поспешил по узкой круговой палубе к трапу, ведущему к штурвалу. Он ухватился за рукояти огромного колеса и освободил запор. Затем, удостоверившись, что канаты ходят гладко, проверил по порядку выточенные из кости рычаги управления, поднял и опустил паруса, повертел противовесы и пришел к заключению, что судно готово к отправке.

Пока капитан занимался рулевым управлением, из разных отсеков доносились крики толстолапов, сообщающих, что все корабельные механизмы гигантского небесного ковчега работают нормально. Когда последний — Вига, работавший на смотровой площадке, доложил, что мачта в порядке и снасти готовы для взлета, капитан хлопнул в ладоши от радости.

— Отдать швартовы! — послышался громогласный приказ. — Приготовиться!

— Вух-вух! — отрапортовали толстолапы. — *Есть, капитан!*

Судно трянуло, и с ужасным скрипом оно начало подниматься в воздух. Капитан Прутик отпустил тяжелую цепь, и она со звоном ударилась о камни.

— Она нам больше не понадобится, — крикнул он своей команде.

Потрепанные паруса колыхнулись, и небесный корабль, накренившись на один бок, медленно оторвался от черной скалы. Летучая громада медленно и натужно поднималась все выше и выше, пока на-

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

конец свежий попутный ветер не раздул паруса, и корабль взмыл под облака с такой быстротой, что у Плута закружилась голова и сердце чуть не выскочило из груди.

— Потрясающе! — закричал он. — Просто невероятно! Поверить не могу, что я лечу на корабле воздушных пиратов!

Капитан Прутик усмехнулся.

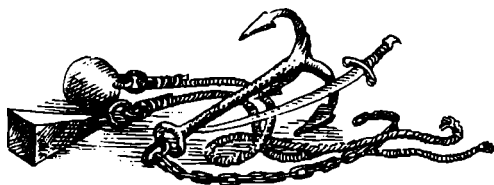
— И я не могу, парень, — произнес он. — Мне тоже не верится, что я здесь. Клянусь Небом, я так долго мечтал об этом! Паруса раздуваются на ветру, качаются противовесы, волосы развеваются на ветру... Все как в прежние дни... Как будто я снова стал воздушным пиратом.

Плут повернулся к капитану. Глаза его сияли от счастья.

— Вы всегда были и будете воздушным пиратом! — в восторге воскликнул он.

Капитан склонил голову. Пальцы его мелькали, перебирая рычаги управления.

— Наверное, так, Плут. Последним воздушным пиратом.

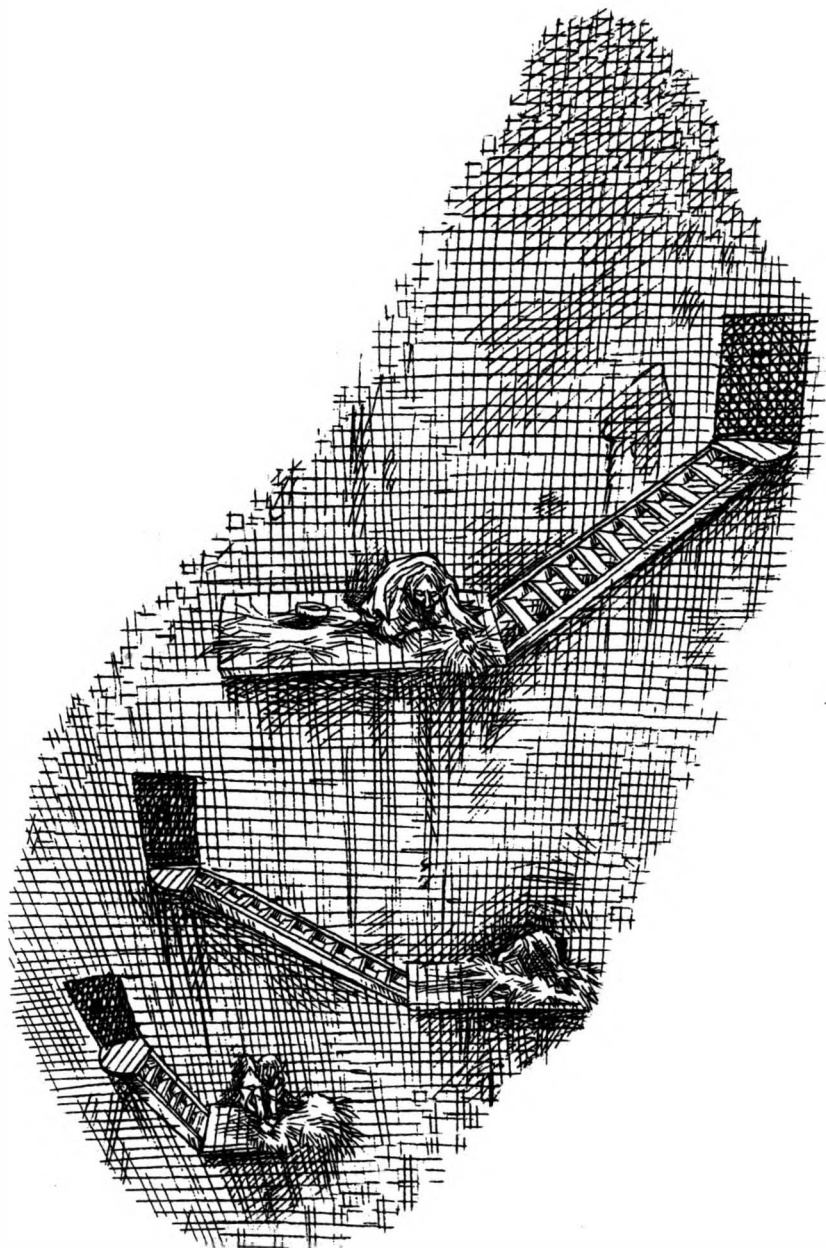

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

БАШНЯ НОЧИ

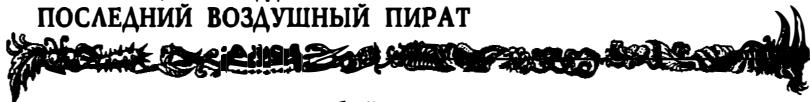

ыл самый темный час перед рассветом. Мелкие капельки росы, поблескивавшие в свете фонарей, покрывали поверхность разрушающейся скалы, на которой стоял Сантафракс. Из расщелины, тонувшей в густом мраке, слышалось тихое хлопанье. Что-то зашевелилось внутри.

Из трещины показались два искрящихся щупальца — сначала одно, потом другое и присосались к камню. Затем, подтянувшись, из глубины выползло склизкое желеобразное существо. Три маленькие шишечки на макушке его головы увеличились в размере и раскрылись со щелчком, обнажив глаза. Тварь подозрительно огляделась, затем снова потянула вперед щупальца и двинулась дальше.

Там, где проползла эта гадина, поверхность камня стала сухой, а сама мерзкая тварь, тыкавшаяся в разные стороны, начала раздуваться. Она разбухала и разбухала, пухла и пухла, пока наконец не выбросила три задних щупальца, свернутые кольцом, и не выпустила из них густо-черную маслянистую жид-

кость, оставив за собой грязные подтеки на скале. Она напилась и была довольна.

Упырь-камнеед снова спрятался в трещину между осколками скалы. Утолив жажду, он ощутил голод.

Гоблин-молотоголов пристроился почти на самом верху. Он тоже хотел есть. Он просто умирал от голода и жажды. И страшно замерз. Гоблин потопал ножищами, обутыми в высокие сапоги, и поплотнее запахнул черный плащ, чтобы спастись от ледяного ветра, продувавшего насквозь уходящую в небо башню, все деревянные мостики и переходы которой были засыпаны пушистым снегом.

— Вот уж доберусь я до тебя, Крысоед, мерзкий косоглазый недоносок, — заревел он. На морозном воздухе, искрясь в отблесках раскачивающихся масляных фонарей и расплываясь, изо рта у него вырывались клубы пара. Молотоголов походил взад-вперед и похлопал руками, чтобы хоть немного согреться.

— Это надо же! — сокрушался он. — С какой стати я должен стоять на посту вместо тебя? — (Караул должен был смениться еще накануне, в девять часов вечера, а сейчас уже занималась заря, и первые лучи утреннего солнца окрасили серебром облака, показавшиеся на горизонте.) — Я торчу здесь всю ночь напролет! — гневно пробурчал стражник. — Только попадись мне — я тебе башку размозжу! Все кости переломаю! Я... Ой-ой-ой!

Каблуком сапога он наступил на льдинку, поскользнулся и грохнулся на площадку. Тяжелый рогатый шлем слетел с его головы, и гоблин со всего размаху стукнулся затылком о промерзший твердый деревянный настил: *хрясь!*

Молотоголов обалдело присел. Он увидел, что шлем подкатился к самому краю площадки. Кровь у него закипела от ярости, и он бросился спасать свое добро. Гоблину удалось ухватиться за рог своего шлема в последнее мгновение, когда тот уже готов был скатиться вниз со страшной высоты.

— Еще чуть-чуть — и все бы пропало... — мрачно буркнул гоблин себе под нос. — Надо быть осторожнее, Горбыль.

Он с трудом поднялся и нахлобучил шлем на голову. Потеряй он шлем, в наказание начальник стражи заковал бы его в кандалы и бросил в карцер на неделю.

Горбыль осмотрел свои доспехи: кривой нож на

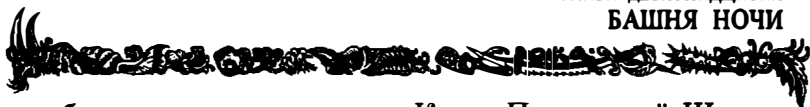

месте, у пояса, грозный лук со стрелами — за спиной, тяжелая пика... Гоблин с облегчением вздохнул: все в порядке.

В этот миг издалека донесся звон: это били часы на башне дворца в Нижнем Городе, где правил Вокс Верликс. Гоблин насчитал шесть ударов. Значит, он стоит в карауле уже восемнадцать часов! Он вглядывался в розовеющую полосу на небе, пока, разгоняя мрак, из-за горизонта не выплыло медленно солнце. Гоблин прикрыл глаза от яркого света и посмотрел вниз.

Под ним раскинулись Каменные Сады, но когда-то могучие груды валунов превратились в кучу щебня, никому не нужного мусора. Тайноград и Нижний Город были окутаны дымкой, а где-то посередине между ними, уходя в непроглядную мглу и исчезая во мраке, раскинулась Дорога через Великую Топь, по которой сновали крошечные, как мухи, пешеходы. На востоке занималась заря, яркими красками расцветивая небосклон, но на северо-западе, двигаясь от Дремучих Лесов, клубились черные грозовые тучи, предвещавшие дождь или даже бурю с громом и молнией.

— Ну вот, теперь жди грозы, — сплюнув, проворчал Горбыль. — А во всем виноваты эти чертовы Библиотечные Рыцари, — недовольно пробурчал он. — Считают себя умниками: мы, дескать, образованные, книжки ученые читаем, небоходы изобрели... — Он посмотрел на кучевые облака в надежде, что молния ударит в шпиль на башне. — Но когда-

— нибудь они свое получат... Когда Полночный Шпиль исцелит скалу и мы снова сможем подняться в небо, тогда они поймут...

— Ночь и сила! — послышался чей-то хриплый голос, и Горбыль обернулся. За спиной у него стоял мускулистый плоскоголовый гoblin, с головы до ног покрытый татуировкой, весь в шрамах от многочисленных ран, полученных в битвах. Соблюдая ритуал приветствия, тот приложил сжатый кулак к нагрудной пластине.

— Это ты, Бахвал? Ночь и сила! — отозвался Горбыль, отдав честь. — Я рад тебя видеть. Крысоед, негодяй, так и не пришел меня сменить.

— Крысоед пропал, — сообщил Бахвал. — И никто не знает, где он.

— Налакался лесного грога и дрыхнет где-нибудь в уютном уголке. Уж я-то его хорошо знаю, — грустно пробормотал Горбыль и зевнул. — Восемнадцать часов подряд я торчу здесь безо всякого передыха... Целых *восемнадцать* часов!

Бахвал недоуменно пожал плечами.

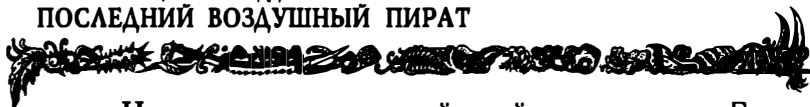
— Что ж, бывает... — безо всякого сочувствия пробормотал он, оглядывая лежавший внизу город и всматриваясь в даль.

— Как прошло дежурство? Все спокойно?

— Все спокойно, — отрапортовал Горбыль.

Плоскоголовый гoblin кивком головы указал на приближающуюся гряду черных туч.

— Похоже, дождь собирается, — заключил он. — Не везет так не везет!

— Ну ладно, я, пожалуй, пойду, — сказал Горбыль. — А то уже с ног валюсь от усталости.

— Пойди приляг, — ответил Бахвал, поворачиваясь к нему. — А я тут... — Он поглядел через плечо сменщика и вытаращил глаза от изумления. — О Небо! *Что это там?*

Горбыль усмехнулся:

— Я в такие игры больше не играю. Оставь свои дурацкие шуточки.

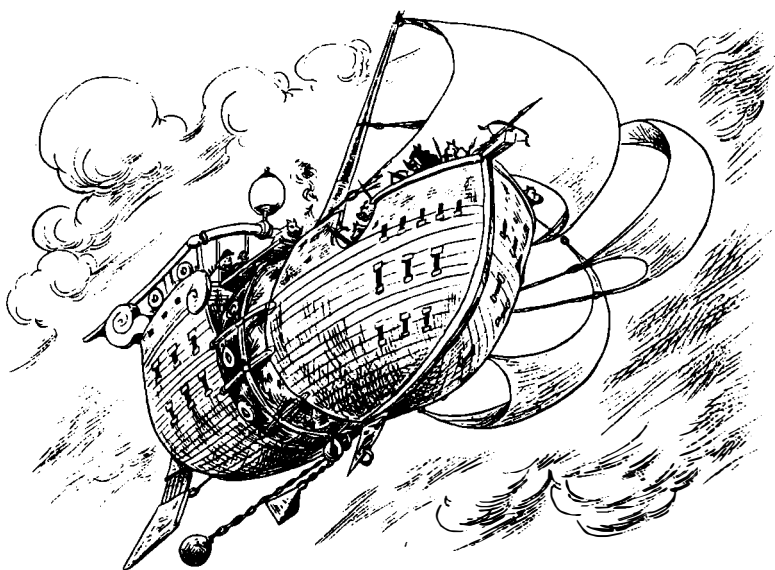
— Нет, правда! Ты только посмотри! — Он схватил ухмыляющегося гоблина за плечо и развернул его. — Это... Это...

У Горбыля округлились глаза, челюсть отвисла. На этот раз Бахвал не разыгрывал его. Там действительно виднелась какая-то престранная штука.

— Не может быть! — прошептал он, дрожа от страха, когда на фоне грозových, клокастых облаков, как призрак, появился огромный небесный корабль.

Горбыль был молод и поэтому не сталкивался с подобными явлениями. Он, сам себе не веря, как замороженный смотрел на громадное судно, легко и плавно плывущее по воздуху прямо на него. Стражник в оцепенении пялился на широкие паруса, хлопавшие на ветру, на массивный корпус корабля. И эта летучая громада повергла его в панику: такого кошмара он не испытывал никогда в жизни.

— Но как... Как это возможно? — заикаясь от страха, пробормотал он. — Настоящий небесный корабль... Откуда он взялся?

— Отставить вопросы! — рявкнул Бахвал. — Тревога! Вызвать охрану! Приготовить гарпуны! Скорей, Горбыль! Мы должны...

В этот момент Горбыль услышал, как что-то просвистело в воздухе, затем раздался глухой звук удара. Он резко обернулся. Бахвал шатался, глядя на напарника широко раскрытыми от ужаса глазами. Судорожно шевеля немеющими пальцами, он пытался выдернуть глубоко засевшую в горле стрелу из железного дерева. В глотке у него забулькало, и алая кровь струей хлынула из раны на черную форму. Он зашатался и, перевалившись через перила, безмолвно упал с высоты.

Еще одна стрела, пролетев мимо головы стражника, воткнулась в широкую балку. Третья погасила масляный фонарь. Потом посыпался целый град стрел — они свистели, разрезая воздух, и их оперение колыхалось и подрагивало, когда они поражали цель.

— К бойницам! — проревел Горбыль. — Нас атакуют!

— Что такое? Что случилось? — со всех сторон раздавались встревоженные голоса.

— Смотрите! — крикнул один из охранников, стоявших на верхней площадке, указывая рукой на облако, окутавшее башню.

— Небесный корабль! — ахнул другой.

— Он летит сюда! — завопил третий, приставив к глазу подзорную трубу.

Завыла сирена, затем еще одна и еще... Вскоре вся Башня Ночи огласилась резким пронзительным воем — это гвардейцы отвечали на сигнал тревоги, поданный стражниками.

Пригнув голову, Горбыль бросился прочь. Оскользываясь и спотыкаясь, он неловко пробирался к дверям по оледенелому деревянному покрытию. За спиной у него что-то ярко вспыхнуло, и с диким грохотом, под ударом раскаленного ядра из железного дерева, выступающая вперед смотровая площадка башни проломилась и обрушилась. Если бы это произошло секундой раньше, Горбыль тоже бы полетел вверх тормашками на землю.

Стражник, дрожа от потрясения, с трудом поднялся на ноги. Повсюду раздавались вопли и крики:

командиры визгливыми голосами отдавали приказы. Двери хлопали, гремели ставни на всех этажах: в башне готовились к обороне, закрывая входы и выходы. На лестницах грохотали тяжелые сапоги — вооруженная до зубов стража в черной форме спешила подняться в западное крыло башни, чтобы отразить атаку могучего небесного корабля.

Началась паника, и во всеобщей сумятице никто не заметил маленький небоход, тихонько скользнувший сквозь клубы тумана к задней стене башни.

Используя туман как завесу, небесный корабль дал залп из всех орудий по Башне Ночи. Смотровые площадки, лестницы и переходы, превращаясь в обломки, падали вниз, в стенах крепости зазияли огромные дыры от тяжелых пушечных ядер из полыхающего железного дерева, и там, где рассыпались искры, занимался пожар.

Внутри башни все были в смятении: Стражи Ночи метались в суматохе, начальники караула орали во всю глотку, отдавая вереницы приказов:

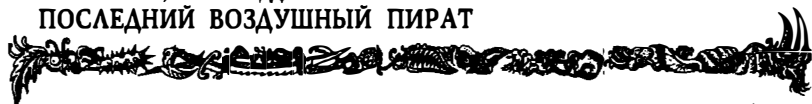
— Немедленно починить балку и поставить на место!

— Потушить огонь!!

— Подготовить гарпуны и катапульты!

— Вставить запал!

Пока одни на скорую руку исправляли повреждения, другие тушили огонь, таская воду и песок, а третьи, объединившись в маленькие группки, начали готовиться к бою: стражники рискнули выйти на открытые площадки, где на платформах, прикру-

ченных к полу, стояли в ряд тяжелые орудия. Артиллеристы по трое заняли места на боевых позициях. На башнях, где были установлены стрелковые орудия, один солдат вскочил на установленное перед гарпуном сиденье, чтобы поджечь затравку, другой заправил гарпун в длинный ствол пушки, а третий схватился за колесо и начал медленно поворачивать его. Со скрипом, шаг за шагом, зубчатый маховик сдвинулся с места. Затем, уцепившись за рычаги второго колеса, артиллерист стал менять угол наклона длинной полой трубы, пока не направил ее на атакующий башню небесный корабль. На вращающихся катапультах совершались такие же операции. Когда была выбрана цель поражения, стражники вдвоем хватали громадные, тяжеленные булыжники и укладывали их в ковшеобразное ложе.

— Пли! — заревел начальник стражи. Затем слышался такой же приказ с другой огневой точки, и третий, и четвертый...

— Огонь! Огонь! Огонь!

С Башни Ночи на небесный корабль посыпались ядра и стрелы.

Один гарпун вонзился в резную фигуру на носу корабля, другой процарапал нижнюю палубу. Град камней, несомненно, разнес бы в щепки маленький небоход, но большой небесный корабль лишь дрогнул, устояв под ударами.

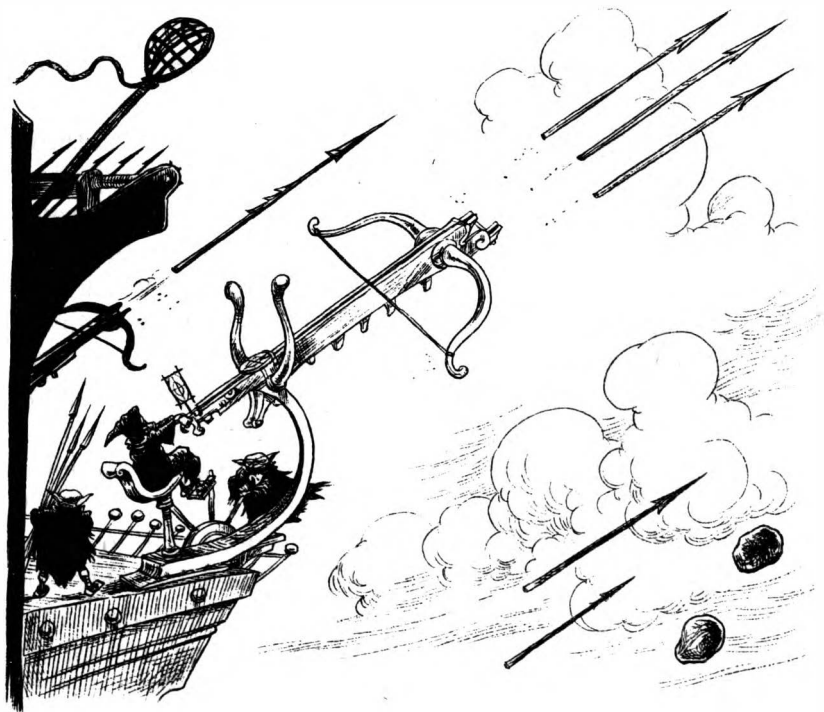
Стражи Ночи перезарядили гарпунные пушки и вращающиеся катапульты. «Бегущий-по-Небу» под-

нялся выше, но защитники башни снова взяли его на прицел.

— Пли!

Однако второй залп не нанес повреждений небесному кораблю: все стрелявшие промахнулись. Разглядывая летучее судно в подзорные трубы сквозь пену облаков, командиры стражи заметили странную фигуру у руля: бородатый капитан, сверкая великолепием шелкового фрака и треуголки, отдавал приказы команде.

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

Главный парус расправился и надулся на ветру, бортовые противовесы опустились, и корабль, резко взмыв вверх, ответил встречным огнем.

— Они направляются к Полночному Шпилью! — крикнул кто-то.

— К обороне!

— Стоять насмерть, но защитить Шпиль!

— ПЛИ!

В третий раз на корабль обрушился град ядер и стрел, и один булыжник попал в помещение, где толстолапиха управлялась с летучим камнем. Толстолапы, находившиеся на корме, ответили, бомбардируя крепость раскаленными ядрами из железного дерева. Стены башни оказались пробитыми во многих местах, и прямым попаданием в цель была уничтожена одна из гарпунных пушек. Двое стражников — один стоял на смотровой вышке, а другой у лафета на нижнем ярусе — одновременно были поражены стрелами. Они оба пошатнулись и один за другим полетели вниз, кружась в смертельном сальто-мортале.

— Еще двоих к орудиям! — рявкнѹл начальник стражи.

— Вызвать подкрепление! Поставить караул у Шпиля! — взревел другой командир.

— Доложить Верховному Стражу Ночи!

— Вызвать Орбикса Ксаксиса!

Горбыль, скрючившись, спрятался за досками, чтобы посмотреть на сражение сквозь пробитую в стене брешь. На смотровой вышке, где он находился, не было ни гарпунов, ни вращающихся катапулт, но он твердо решил отомстить за смерть своего товарища по оружию. Дрожащими руками он поднял лук, прицелился, положив стрелу, и натянул тетиву.

— За Бахвала, — мрачно пробормотал он.

Небесный корабль, окутанный клубами густого тумана, висел прямо над его головой. Горбыль пригнул голову и навел стрелу на цель. На секунду корабль застыл в воздухе — и Горбыль выстрелил.

Тетива зазвенела: *дзинь!* И стрела, выпущенная из лука, взвилась, исчезнув в молочной дымке. Горбыль перевел дух. В следующую секунду, перекрывая разноголосье криков и пальбу, воздух огласил предсмертный звериный вой, и, когда облака немного рассеялись, стражник увидел толстолапа, летящего вниз головой с небесного корабля. В его груди торчала стрела.

— Попал! — радостно загоготал Горбыль, наблюдая, как огромное, покрытое мехом существо кувыркается в воздухе. Стражник снова поднял лук. Взяв врага на прицел, он заметил, что прямо на него летят три громадных раскаленных докрасна ядра.

Не успел он и глазом моргнуть, как снаряды ударились о стену, превратив в обломки верхнюю часть постройки и уложив молотоголового гоблина. Все здание от фундамента до кровли сотрясало. Небесный корабль поднялся повыше и оказался на одном уровне с длиннющим шпилем, венчавшим башню.

— Смотрите, у них кошки! — взвизгнул один из стражников, стоявших на карауле у самого основания шпиля, когда он увидел, как с «Бегущего-по-Небу» с силой сбросили трезубый якорь, который со свистом пролетел мимо него. — Они хотят разрушить Полночный Шпиль!

— Святотатство! — заревел его напарник.

— Уничтожить захватчиков! — гаркнул третий.

Стражники заматались, прилагая все старания для отражения атаки: они обрушили на небесный корабль град стрел, выпущенных из луков и арбалетов, несметное множество гарпунов и булыжников — все, что попадалось под руку. Воздух дрожал от гула битвы. «Бегущий-по-Небу» не оставался в долгу: он ответил очередным залпом, но кроме стрел с борта корабля полетели полыхающие шары из железного дерева, которые выбивали камень за камнем из стен мрачной крепости. Немало гоблинов, трогов и троллей, одетых в черную форму Стражей Ночи, полегло в этот час, попав под обстрел. На Полночном Шпиле повис еще один трезубый якорь, и еще один толстолап был убит...

А в это время с другой стороны башни появился крохотный небоход. Похожий на легкого мотыль-

ка, он украдкой облетел Великую Восточную Стену в поисках площадки, куда можно было бы приземлиться. Наконец, сделав вираж, он плавно опустился на балкон, находившийся примерно посередине башни, где на первый взгляд не было никого.

Пилот сошел со своего кораблика, и, пока он привязывал небоход к железной петле в стене, слабый, размытый солнечный свет, еле пробившийся сквозь толщу

густых облаков, озарил его лицо. Нахмутив брови и крепко сцепив зубы, Плут сосредоточенно направился к небольшому темному проему и исчез внутри.

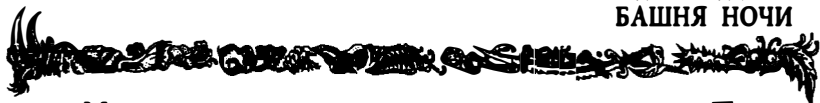
Не было видно ни зги, и Плута начала удручать мрачная, тревожная атмосфера, когда он услышал, как кто-то неистово колотит в запертую тюремную дверь. Внутри башни было очень темно, несмотря на свет редких подвесных ламп, и всюду витал запах тлена и разложения. Плут вздрогнул: было невероятно, чудовищно, неправдоподобно, что кому-то пришла в голову идея создать такое зловещее место.

Он слышал голоса, бессчетное множество голосов. Эхо разносило по гулким темным коридорам приглушенные стоны и жалобные вопли заключенных, и это бормотание сливалось с яростным шумом битвы, бушевавшей наверху.

— Бедняги, — пробормотал Плут. — Если бы я только мог спасти вас всех!

Он оказался в лабиринте узких переходов и шатких лестниц, зажатых между внешней и внутренней стенами крепости. Непредсказуемо изгибаясь под разными углами, деревянные ступеньки зигзагом расходились во всех направлениях — и вправо, и влево, и вверх, и вниз. Стоны узников становились все громче, и мерзкий запах нечистот усиливался.

Плут окинул глазами коридор, где он очутился: лестница, разветвляясь и резко уходя вверх, вела к небольшой площадке. В дальней ее стороне из черноты вырисовывались очертания двери.

«Может, это одна из камер», — подумал Плут. Был только один способ проверить, так ли это.

Он бросился вверх по ступенькам. Добежав до площадки, он увидел массивную деревянную дверь, на которой было что-то нацарапано. Мальчик вытащил из кармана два небесных кристалла, излучавшие неяркий ровный свет, и, зажав их в руке, осветил на дверь, чтобы получше рассмотреть надпись. На крепком дереве были грубо вырезаны имена: Рилк Тильдехорн, Лембел Флитч, Реб Марвуд, Локубар Амсел... И каждое из них было перечеркнуто. Только одно имя в самом конце списка, выдолбленного на двери, не было перерезано чертой.

— Финиус Флабтрикс, — прошептал Плут. — Это же академик!

Дверь была крепко-накрепко заперта: сверху и снизу виднелись прочные засовы, а посередине торчал глазок, прикрытый металлической заглушкой. Плут протянул руку, откинул заглушку и прильнул к глазку. Поначалу он ничего не мог разобрать в крошечной мгле, только зловоние стало еще нестерпимее. Мальчик осторожно потянул за болт на верхнем запоре, потом отодвинул щеколду нижнего, медленно подтолкнул дверь, и она подалась. Плут глянул за порог.

Таких камер еще никто никогда не видел. Там не было ни стен, ни потолка, ни цепей, ни решеток... ряд шатких ступеней вел к узкой площадке, которая нависала над разверстой пропастью. Один неосторожный шаг — и узник полетел бы вниз, в черный

провал, в последний раз вдохнув смрадный воздух. Вглядываясь в тюремный двор, Плут увидел бессчетное количество уступов. Над каждым была запертая дверь, от которой вниз несколько ступенек.

Плут замер, пораженный до глубины души. Взгляд его упал на существо, которое, скрючившись, пристроилось в уголке балкона, у самой стены. Заключенный, тяжело дыша, сидел на вонючей соломенной подстилке, обхватив костлявыми руками острые колени. Одежда его давно превратилась в лохмотья, длинные нечесанные патлы свисали, закрывая лицо. В его длинной, некогда густой, всклокоченной бороде застряли кусочки пищи, а кожа, воспаленная и красная, была покрыта глубоко въевшейся грязью. На ней виднелись сочащиеся гноем царапины и раны — следы от грязных, обкусанных ногтей, которыми заключенный раздирал свое тело, зудящее от укусов вшей и блох.

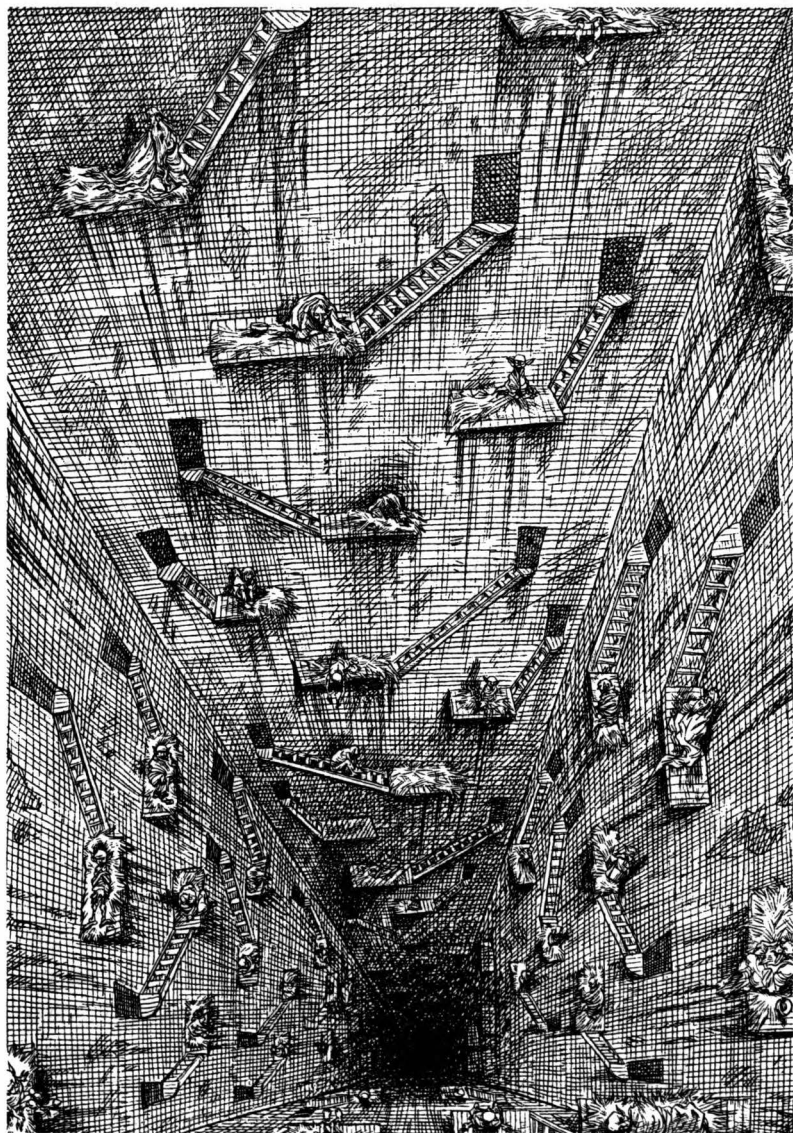
— Финиус? Финиус Флабтрикс? — тихо обратился к несчастному Плут, делая несколько шагов вперед. — Профессор Финиус Флабтрикс?

Дыхание заключенного участилось. Веки его дрогнули, и, хотя глаза профессора обратились к нему, мальчик понял, что профессор ничего не видит. Глаза снова закрылись.

— Я не виноват, — пробормотал профессор хриплым, запинаящимся голосом. — Я не виноват, я не виноват...

— Не бойтесь, я не обижу вас, — прошептал Плут сквозь слезы.

КАМЕРЫ В БАШНЕ НОЧИ

Но заключенный не слышал его, углубившись в свои тревожные мысли. Плут повернулся, тихонько поднялся по ступенькам и вышел, прикрыв дверь камеры. Нельзя было терять ни минуты. Не может же «Бегущий-по-Небу» вести вечный бой со Стражами Ночи! Плут просто *обязан* найти Каулквейпа и вызволить его из этого ужасного места.

Мальчик помчался вниз по другому коридору и наткнулся на целый ряд дверей, выходивших во внутренний двор крепости. Посветив на надписи небесными кристаллами, он прочел имена, нацарапанные на дверях: Джаг-джаг Ромперстамп, Элдрик Свилл, Дождевой Ястреб III, Сильвикс Армениюс, Гролл... Судя по всему, здесь содержались заключенные всех званий и профессий, всех наций и кровей, со всех уголков Края. Купцы и академики. Душегубцы, гоблины и тролли. Бывший воздушный пират...

Бегло прочитав имя на двери, Плут бежал дальше. Однако у некоторых дверей он задерживался подольше, чтобы заглянуть в глазок. И каждый раз жалел об этом. На несчастных узников было тяжело смотреть. Они корчились в судорогах, бормотали какую-то невнятицу. Многие явно сошли с ума. Одни раскачивались взад-вперед, другие произносили напыщенные речи, третьи что-то бессвязно бубнили себе под нос. Те, кто уже давно потерял надежду, тихо лежали на уступе в ожидании, когда смерть примет их в свои объятия.

Плута охватил гнев.

— Будьте вы прокляты, Стражи Ночи! — воскликнул мальчик.. — Как отвратительны эти камеры! Какое надругательство над живыми существами, населяющими наш Край! Издевка над самой жизнью! И если раньше я хоть немного сомневался, справедлива ли война между Библиотечными Рыцарями и Стражами Ночи, теперь я нашел доказательства... Воистину это борьба между Добром и Злом! — заключил он.

— Отлично сказано! — слышался чей-то голос.

Плут подпрыгнул.

— Кто это? — прошептал он.

— Я здесь, — ответил тот же голос.

Плут подошел к одной из тяжелых дверей и посмотрел на выцарапанное на ней имя. На темном дереве проступали буквы: КОДСАП.

— Откройте дверь! — попросил узник. — Толкните ее хорошенько! Изо всей силы! Давайте!

Плут отодвинул засов и налег на дверь. Слышался глухой звук удара, а затем сдавленный крик. У мальчика замерло сердце. Что случилось? Что он натворил? Он просунул голову в щель и краем глаза увидел, как с лестницы кувырком летит бледный, похожий на скелет, узник и падает в зияющий провал огромного двора-колодца.

— Нет! — вскричал Плут, и его вопль гулко отозвался эхом в затхлом воздухе. — Я не хотел...

И в ушах у него зазвучали последние слова заключенного:

— Благодарю вас от всего сердца, друг мой, за то, что вы избавили меня от страданий. У меня не хватило мужества сделать это самому... — Голос затих.

Плут вздрогнул. Сколько же времени провел этот несчастный на ступеньках в ожидании, что кто-то придет и положит конец его мучениям? В бессильной ярости мальчик захлопнул дверь, и гулкий металлический лязг еще долго отражался от тюремных стен.

— Проклятье! — выругался кто-то слева от мальчика. — Ах, бедная моя голова! Чертов лесной грог! И зачем только я так напился! Эй, Горбыль, это ты?

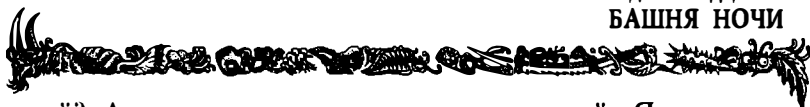
Вытащив нож, Плут медленно двинулся в ту сторону, откуда слышался голос. Прямо перед собой он увидел заспанного плоскоголового гоблина в черной форме Стражей Ночи, который тупо сидел в углу, обхватив голову руками. Рядом с ним валялся арбалет и пустая бутылка.

Не медля ни секунды, Плут одной рукой схватил арбалет и приставил нож к горлу стражника.

— Т-т-т-ы не Горбыль, — промышчал тот, сверкая в темноте белками глаз. — А к-к-кто ты?

— Это неважно, — прошептал Плут, отступая на шаг назад и целясь из арбалета в белую эмблему с изображением Хрумхрымса на груди гоблина. — А вот ты кто такой?

— Я Крысоед. Я простой охранник. Тюремный надзиратель. Прошу вас, не убивайте меня. — Он помолчал, в задумчивости нахмутив свой широкий лоб. — А вы — один из этих Библиотечных Рыца-

рей? Ах, умоляю, сжальтесь надо мной. Я никогда никому не причинил вреда. Даю вам честное слово.

— И все же ты носишь форму Стражей Ночи, — холодно возразил Плут, стараясь сдержать гнев.

— Меня взяли на службу, сэр, когда я помирал с голоду в Нижнем Городе. У меня не было ничего. А они накормили и одели меня. Но в душе я остался таким же бедным гоблином, выросшим в лачуге у Краевого Ручья... Прошу вас, не убивайте меня, сэр...

— Значит, ты — тюремный надзиратель, — уточнил Плут.

— Да, сэр. Но я не горжусь этим, сэр. Я старался, как только мог, чтобы хоть немного облегчить жизнь бедным узникам.

Плут поднял арбалет, чтобы заставить плоскоголового болтуна замолчать.

— Немедленно отведи меня в камеру, где сидит Каулквейп Пентефраксис, и тогда я пощажу тебя, жалкая тварь...

Гоблин захныкал:

— Если Верховный Страж узнает, что я отвел вас к Каулквейпу, за мою жизнь никто не даст и ломаного гроша...

— А если ты не сделаешь то, что я тебе велел, ты расстанешься с жизнью прямо сейчас! — пригрозил Плут, взводя курок.

— Ну хорошо, хорошо. — Гоблин с трудом поднялся на ноги. Колени у него дрожали. — Следуйте за мной, сэр, только, пожалуйста, перестаньте целиться в меня.

Плут устремился вслед за
гоблином по бесконечному
лабиринту ходов и переходов,

спускаясь по лест-
ницам в подземелье
Башни Ночи.

И все время, по-
ка они шли, наверху
раздавался страшный гро-
хот — ступени лестницы дро-
жали, стены башни тряслись.

— Это твои дружки устраивают тут такой шум, — заметил Крысоед. — Толку от этого мало. Но опыт вас ничему не учит! С вашими небоходами башню не взять!

— Ступай вперед и не оглядывайся, — приказал Плут, ткнув арбалетом в спину надзирателя. — Далеко еще?

— Теперь уже близко, — мрачно усмехнувшись, ответил Крысоед. — Мы почти добрались до подземелья, сэр.

Гоблин повел мальчика вниз по последнему крутому лестничному пролету и остановился перед тяжелой дверью с крепкими засовами.

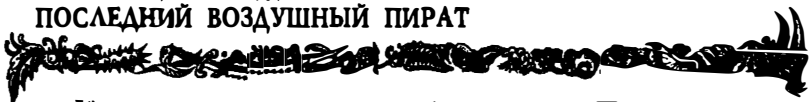
— «Каулквейп Пентефраксис», — прочел Плут. — Это он!

Крысоед набычился:

— Ну вот и все. А теперь послушайте моего совета, сэр: унесите отсюда ноги, покуда целы. Скоро здесь яблоку некуда будет упасть от стражников. Как только они разделаются с вашими дружками, все хлынут сюда. Теперь, когда я помог вам, моя жизнь не стоит и выеденного дубояблока! — Гоблин стащил с себя форму и бросил ее наземь. — Тебе надо сматываться, Крысоед! Пора домой, в свою лачугу у Краевого Ручья, если только по дороге тебя не сожрут упыри-камнееды!

Плут махнул гоблину рукой на прощанье.

— Ты сослужил хорошую службу Библиотечным Рыцарям, — сказал он. — Будь здоров, Крысоед!

Когда плоскоголовый гоблин ушел, Плут занялся дверью камеры. Проверив, нет ли кого на ступеньках, он отодвинул засовы и толкнул дверь.

— Это ты, Ксанти? — спросил заключенный слабым, надтреснутым голосом.

— Нет, профессор, — отозвался Плут. — Я — Библиотечный Рыцарь и пришел освободить вас.

Мальчик спустился вниз по лестнице к грубо сколоченной деревянной полке над пропастью. Здесь, в нижних этажах башни, вонища была совершенно нестерпимой.

Он нашел бывшего Верховного Академика Нового Санктафракса. Ученый выглядел болезненно худым, плечи у него сгорбились, длинные седые волосы были давно не чесаны, одежда превратилась в лохмотья. Было страшно заглянуть ему в глаза. Полный воспоминаний о пережитом кошмаре, профессор смотрел перед собой пустым, немигающим, безжизненным взглядом.

— Профессор, нам надо уходить, — позвал его Плут. — У нас мало времени.

— Уходить... — пробормотал Каулквейп. — Мало времени...

Плут наклонился вперед и, ласково, но твердо взяв старого

профессора под руку, поднял его на ноги. Поддерживая профессора, тело которого стало легче пуха, мальчик повел его к лестнице.

— Подожди, подожди минутку, — торопливо проговорил Каулквейп, отстраняя своего спасителя.

Профессор вернулся к уступу, схватил несколько рулонов бумаги и свернутых берестяных свитков и сунул их под мышку. Он посмотрел на Плута, и слабая улыбка заиграла на его губах.

— Вот теперь я готов, — сказал он.

А в это время над Полночным Шпилем продолжался ожесточенный бой. В команде «Бегущего-по-Небу» осталось лишь пятеро. Руммель, огромный черный толстолап, погиб первым, смертельно раненный из арбалета Горбыля. Меру был убит через несколько минут после своего товарища — в него попал гарпун, и толстолап упал вниз головой с небесного корабля. Лум, обезумев от горя, бросился вслед за своим любимым братом-близнецом с кормы воздушного судна и разбился насмерть.

У капитана Прутика не было времени оплакивать потерю трех храбрых толстолапов-добровольцев, потому что Моллин срочно вызвала его в отсек, где помещался летучий камень. Оставив Вумеру у штурвала и отдав приказ держать прямо руля, Прутик поспешил на помощь толстолапихе.

— Вух-вух! *Посмотри!* — Моллин указала лапой на синевато-багровую вмятину на тихо светящемся летучем камне. — Вега-лура-мерагул. Вух! *Камень*

ранен. Я думала, стрелы Темных Сил не задели его, но... Посмотрите сами, капитан!

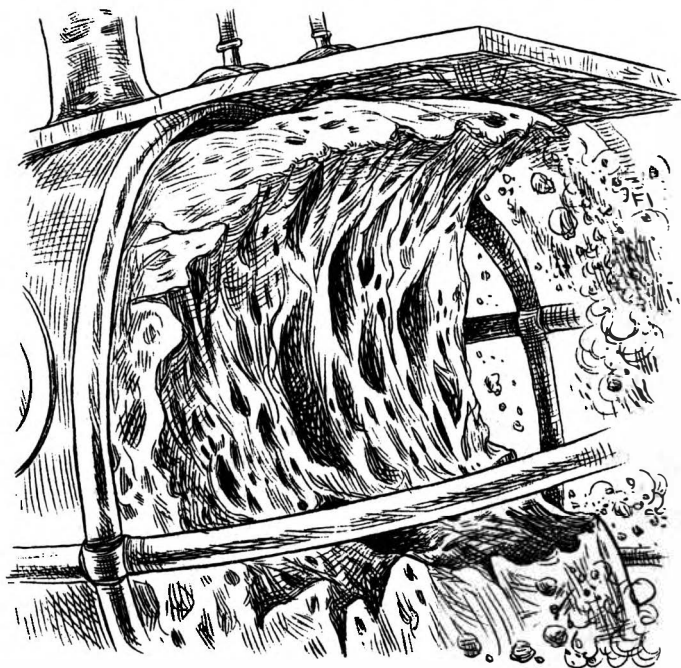
Капитан Прутик осмотрел повреждения. В том месте, куда попало ядро противника, образовался глубокий кратер, и он расплзался, как язва, разъедаемая летучий камень.

— Инфекция! — в ужасе воскликнул капитан. — У нас мало времени. Делай, что можешь, Моллин, но будь готова покинуть корабль. — И Прутик поспешил к штурвалу.

Несмотря на отчаянные попытки толстолапихи удержать корабль в воздухе — она погасила все фонари, посыпала камень охлажденным песком и вместе с Вумеру принялась махать опахалами, чтобы остудить жар, — распад и разложение летучего камня продолжались. Кратер на его поверхности становился все глубже, жерло расширялось, и в воздух полетели мелкие частицы пыли.

— Держись, сколько можешь! — крикнул капитан своей помощнице. — Мы не можем бросить Плу-та! — добавил он, утирая капельки пота со лба. Он судорожно хватался за костяные рычаги управления, стараясь мелкой регулировкой удержать парус и выровнять противовесы, чтобы хоть немного оттянуть падение кренившегося набок небесного корабля.

Но битва была обречена. С каждой минутой камень терял летучесть. «Бегущего-по-Небу» можно было бы спасти, если бы корабль не был таким тяжелым.

— Вига! — отдал приказ капитан. — Займись такелажем! Иди обрежь противовесы!

— Вух-вух, — ухнул в ответ толстолап. — *Обрезать противовесы, капитан? Но корабль потеряет устойчивость!*

— У нас нет другого выхода! — откликнулся Прутик. — Обрежь сначала бортовые, затем килевые противовесы. Если это не поможет, режь носовые и кормовые противовесы. Тогда мы сможем подняться. И да помогут нам Небеса! — Он нахмурился. — Ну, давай, Вига!

Недовольно ворча, долговзый толстолап поспешил выполнять распоряжение капитана. Капитан Прутик замер, перебирая амулеты и костяные обереги, висевшие у него на шее. Далеко внизу, на площадке рядом с Полночным Шпилем, стояла странная фигура в нелепой маске, напоминающей свиное рыло, и в черных одеждах, развевающихся на ветру.

— Вух-вух! — испуганно закричала Моллин. — *Наш летучий камень! Он распадается!*

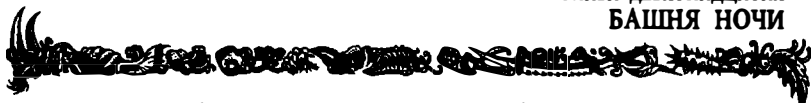
— Не давай ему развалиться! Продержись хоть еще немного!

В этот момент из-за башенной стены в небо взмыла сигнальная ракета из летучего дерева и, ярко вспыхнув, пронеслась над их головами, оставляя за собой пурпурный, постепенно затухающий след.

Капитан заскрежетал зубами.

— Благодарение Небесам! — прошептал он. — Наконец-то они подали сигнал! Плут ждет нас!

Пока ракета прочерчивала небо, Вига успел перерубить канат первого противовеса, и корабль, качнувшись, поднялся на несколько футов в небо. Град

тарпунов, обрушившихся на корабль, пролетел мимо цели, даже не задев днище.

— Ну держись, Каулквейп, мой старый друг, — мрачно произнес капитан. — Мы летим к тебе.

Стоя на площадке у Полночного Шпиля, Орбикс Ксаксис с подозрением вглядывался в багровый след на небе.

— Должно быть, кто-то подает сигнал, — произнес Верховный Страж и, прищурившись, бросил взгляд на «Бегущего-по-Небу». — Пока вы здесь, наверху, отвлекаете нас, — медленно и задумчиво проговорил он, — кто-то еще тайно подкапывается под меня. Я чую крыс... — Он сделал паузу. — Подземная тюрьма!

— Сейчас я все проверю, — сказал бритоголовый юнец с нездоровым цветом лица, со всех ног бросаясь вниз по выщербленным ступеням.

— Эй, Банджакс! — зычно позвал Верховный Страж одного из командиров. — Немедленно взять два десятка стражников и обшарить все казематы! Арестовать всех посторонних! Перекрыть все входы и выходы!

— Слушаюсь, ваша светлость! — отдал честь Банджакс, и воздух огласил топот тяжелых сапог, загромыхавших по деревянным ступеням.

Верховный Страж снова посмотрел на «Бегущего-по-Небу». Наконец-то корабль ушел в сторону от Полночного Шпиля, но явно собирался еще раз облететь вокруг него, сделав широкий круг.

— Неужели вы думаете, что меня, Верховного Стража Ночи, так легко провести? — зашипел он.

Капитан Прутик сосредоточенно взялся за рычаг управления самым большим парусом. Теперь, когда летучий камень был непоправимо разрушен, оставалось надеяться только на большой, весь в дырах, парус. Медленно и осторожно, чутко улавливая даже малейший коварный ветерок, зарождающийся в туманной дымке, капитан продолжал борьбу. Он привел свой корабль к восточной стороне башни и начал осторожный спуск.

Вумеру позвала Плута:

— Вух-вух! Пвух!

Пристально взглядевшись, они наконец увидели Плута, стоявшего на открытой площадке башни, примерно посредине ее высоты. А рядом с ним был... Капитан изумленно ахнул. Неужели этот седой, согбенный старик — его бывший подмастерье Каулквейп?

— Приготовьтесь к посадке на борт! — крикнул капитан Плуту и Каулквейпу.

Задрав голову, Плут стал махать капитану. Небесный корабль опускался все ниже и ниже, пока не повис над самой площадкой.

— Вумеру! — приказал капитан Прутик. — Вух-вила-вурр. *Помоги Каулквейпу сесть на корабль.*

— Профессор, — действительно проговорил мальчик, — вам придется прыгать.

— Прыгать? — удивленно переспросил старик. — Полагаю, я слишком стар для этого.

— А вы постарайтесь. — убеждал его Плут. — Вы должны прыгнуть.

Мальчик поднял глаза. «Бегущий-по-Небу» дрейфовал прямо над ними, потом спустился еще немно-

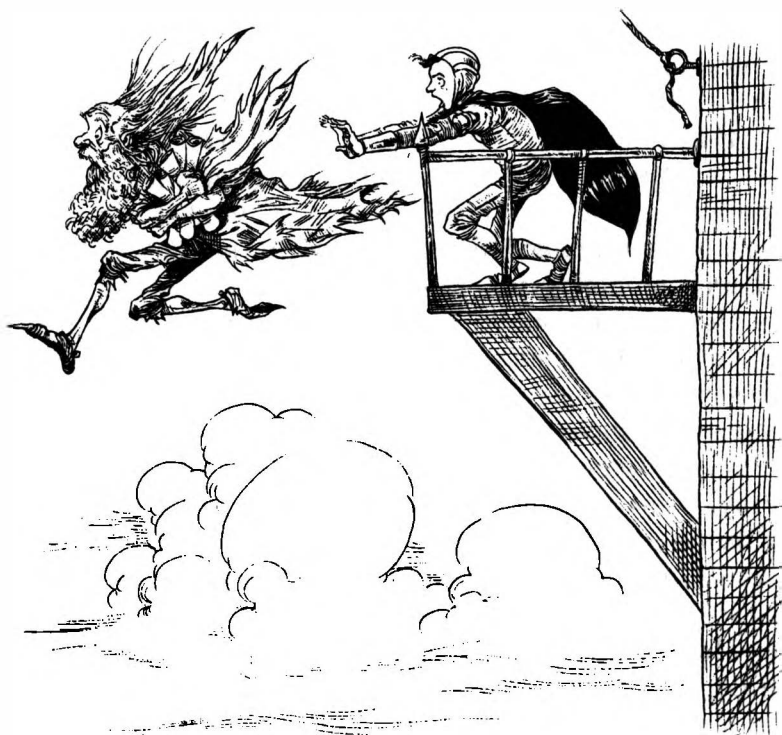

го. Плут встал за спиной у Каулквейпа, обхватив старика за плечи.

Наконец небесный корабль на секунду поравнялся с балконом, не сбавляя хода...

— Нет, нет, я не могу... — дрожа от страха, бормотал Каулквейп. Старик глянул вниз, и у него перед глазами внезапно прошли чередой все страшные годы, проведенные в тюрьме, на ничем не огороженном уступе над бездной.

— Прыгай! — крикнул ему капитан.

И Плут стóлкнул старика-профессора с балкона. В эту же секунду Вумеру перегнулась через борт, протянув вперед лапы. Она поймала Каулквейпа в объятия и аккуратно поставила его на палубу корабля.

— Вух-вух, — умиротворенно заурчала она. — *Вы теперь в безопасности.*

Переполненный чувствами, капитан Прутик закрепил рычаги управления и бросился с мостика на верхнюю палубу, чтобы обнять старого друга.

— Каулквейп! Каулквейп! — чуть не плача от радости, закричал воздушный пират. — Ты даже не представляешь, как я счастлив видеть тебя!

— И я тоже, Прутик, — ответил Каулквейп. — И я... Внезапно небесный корабль дал крен.

— Крепись, мой друг, — сказал капитан Прутик, уходя в рубку. — Пока мы еще не можем чувствовать себя в полной безопасности, но бояться нечего. Я тебя не подведу.

Вернувшись на капитанский мостик, старый воздушный пират снова освободил рычаги. Применяя все свое мастерство, он из последних сил старался удержать в воздухе поврежденный корабль.

— Ну давай же, еще немного, — стenal он, чувствуя, как дрожит под ногами судно и обшивка трещит по швам.

— Вух-вух! — взвизгнула Моллин. — *Летучий камень вот-вот рассыплется!*

Прутик закрепил рычаги во второй раз и бросился к борту.

— Руби носовой противовес, Вига! — заорал он. — А потом — кормовой!

— Вух-вурра! — тотчас же откликнулся толстолап. Он уже обрубил оба противовеса.

— Руби центральные! — проревел капитан. — Малый, средний и большой!

Вига ничего не ответил, но в следующее мгновение «Бегущий-по-Небу» резко взмыл ввысь, оставив далеко внизу смотровую площадку, облетел башню и сквозь облака умчался в поднебесье.

Плут, оставшийся на площадке, отвязал «Буревестника» и вскочил в седло. Привстав на стремянах, он правой рукой рванул пусковой канат и поднялся в воздух, но тут же снасть напряглась, что-то потянуло его назад.

— Ух! — вскрикнул он, когда его чуть не выбросило из седла.

Вместо того чтобы взлететь, небоход застрял, повиснув над смотровой площадкой, как воздушный змей. Плут огляделся и понял, что допустил ужасную небрежность. Вместо того чтобы намотать на руку привязной канат и аккуратно положить его рядом с собой, он проявил легкомыслие, оставив веревку болтаться в воздухе. В итоге она застряла, зацепившись за перила.

Дрожащими руками Плут ухватился за привязь. Он тянул веревку, дергал ее изо всех сил, но все было тщетно — узел прочно засел между прутьями решетки. Положение было безвыходным. Ему оставалось только снова посадить небоход и высвободить веревку.

— Стоять!

Резкий окрик, словно ножом, разрезал воздух. Сердце Плути замерло. Мальчик в отчаянии уцепился за упрямую веревку, дергая ее изо всех сил. Казалось, она подалась, но в следующий миг ее снова заклинило. В проеме дверей, выходящих на площадку, показалась какая-то фигура с арбалетом в руках.

— Стой! Стрелять буду!

Плут не отрываясь смотрел на жилистого юношу в черной форме. Хотя прическа у него изменилась — теперь он был обрит наголо, но Плут сразу же его узнал.

— Ксант! — воскликнул Плут.

Ксант опустил арбалет.

— Плут? — прищурился он. — Плут, это ты?

Плут приподнял защитные очки, и глаза их встретились.

За спиной у Ксанта раздался тяжелый топот сапог. Шум приближался. Сердце Библиотечного Рыцаря заколотилось. Ксант сделал шаг вперед.

— Прошу тебя, Ксант, — тихо произнес Плут. — Ради нашей дружбы...

Сапоги гроыхали уже совсем рядом. Стража могла появиться в любую секунду.

Подняв арбалет, Ксант прицелился. Плут закрыл глаза.

Щелкнул затвор, затем раздался глухой удар и свист арбалетной стрелы, стремительно летящей прямо к «Буревестнику». У Плути остановилось сердце, но мгновение спустя острие со звоном ударилось по веревке, перерубив ее пополам, и «Буревестник» свободно взмыл под облака.

Снова оказавшись у кормила, Плут смело взял курс ввышину, где вихрились туманы. Потянув пусковой канат влево, пилот почувствовал, как «Буре-

вестник» набирает скорость. Глянув через плечо, он увидел Ксанта, окруженного отрядом стражников. Его бритая голова поблескивала в лучах восходящего солнца.

Нарочно ли Ксантик пустил болт так, чтобы освободить небоход, или же попросту промахнулся? Плуту очень хотелось думать, что Ксантик проявил благородство...

— Спасибо тебе, — прошептал он.

Оставив Башню Ночи далеко позади, Плут заметил наконец «Бегущего-по-Небу». Но с ним явно что-то произошло: небесный корабль не замедлил ход, чтобы дождаться мальчика. Вместо этого, тяжело накренившись, судно набирало скорость. Небесный корабль уже миновал Нижний Город и направлялся к складам строительного леса...

«Если судно не изменит курс, оно долетит до Края Земли, зависшего над бездной, и потеряется в Открытом Небе...» — подумал Плут.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ерестроив нижний парус, Плут пристав в стремянах и устремился за «Бегущим-по-Небу». Чем дольше продолжалась погоня, тем лучше он понимал, насколько осложнилась ситуация на небесном корабле. Летучий камень крошился на глазах, и из клетки начали выпадать крупные обломки. Более того, лишившись противовесов, корабль стал неуправляем и плыл по воле ветра, отдавшись во власть разгулявшейся стихии.

Когда склады строительного леса остались позади, Плут увидел, что толстолапы один за другим покидают небесный корабль. Укрепив паракрылы на спине, толстолапы перелезали через борт, дергали за вытяжной трос и медленно спускались по воздуху на землю: старушка Моллин, присматривавшая за летучим камнем, а теперь оставшаяся не у дел, Вурало, толстолапиха, которую Плут спас на Опушке Литейщиков, и Вумеру, его верная подруга. Последним прыгал Вига. Когда толстолап вышел на палубу, готовясь к прыжку, Плут заметил, что в лапах он сжимает какой-то мешок. Мальчик ахнул.

— Это был Каулквейп. Толстолап заботливо прижимал его к груди, как младенца в конверте. Вдвоем они устремились вниз, в ту сторону, где располагались склады. Поправив паруса на «Буревестнике», Плут понесся им навстречу. Набежала туча, скрыв за собой «Бегущего-по-Небу», и Плут потерял из виду небесный корабль.

— Надеюсь, они все целы и невредимы, — пробормотал себе под нос Плут, приближаясь к территории, где раскинулись дровяные склады.

Мальчик посадил «Буревестника» рядом с одной из громадных фановых труб, через которую можно было проникнуть в лабиринт подземной канализации. Там он и нашел толстолапов, жавшихся друг к другу.

— А где капитан? — крикнул им Плут, наскоро привязывая небоход и бросаясь к ним. Каулквейп костлявым пальцем указал на чистую линию горизонта. Плут взглядом проследил за его жестом.

Высоко-высоко в небе, уже за пределами повисшего над бездной Края, виднелась движущаяся громада. «Бегущий-по-Небу» все еще не утратил способность летать, но без противовесов он кренился набок и тяжело вздрагивал, уплывая в никуда. Ненужные канаты противовесов бессмысленно болтались в воздухе, паруса хлопали, раздуваясь от набирающего силу ветра. Приставив к глазу подзорную трубу, Плут навел ее на капитанский мостик.

— Я вижу его! — воскликнул мальчик, и в горле у него встал комок. — Почему он не покидает корабль?

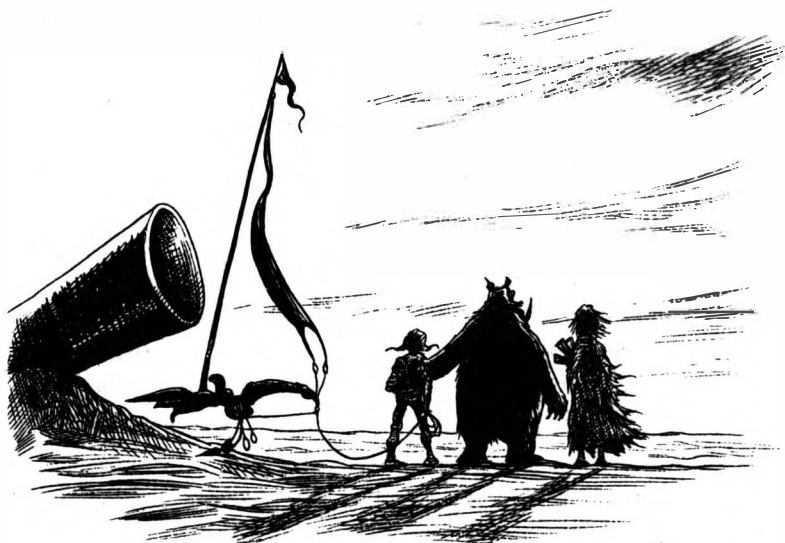
Неожиданно Вумеру подошла к нему и встала рядом.

— Вух-вуг. Виила-лугг. *Он смертельно ранен. В спину попала стрела. — Она повесила голову. — Он не бросит свой корабль. Он умрет вместе с ним.*

Плут долго стоял бок о бок с толстолапихой, прикрыв глаза от солнца рукой, и оба они следили, как небесный корабль уплывает все дальше и дальше.

— Он был такой храбрый, — пробормотал Плут. — Такой самоотверженный...

Неожиданно «Бегущий-по-Небу» повис в воздухе. Летучий камень рассыпался в прах, и небесный корабль начал падать, набирая скорость. Не успел Плут и глазом моргнуть, как огромное судно уже

пропало из виду, исчезнув за краем земли. Мальчик тяжело вздохнул, и слезы навернулись у него на глаза.

— Бедный капитан Прутик, — всхлипнул он.

Притянув мальчика к себе, Вумеру крепко обняла его.

— Вух-вух, — запыхтела она. — *Вумеру тоже жаль капитана.*

Плут посопел носом, утирая слезы рукавом. Капитан Прутик ушел от них. Навсегда.

Мальчик вернулся к тому месту, где стояли Каулквейп, Вига и Моллин.

— Ну, пошли, — позвал их Плут. — Библиотечные ученые ждут нас в канализации. Я знаю дорогу.

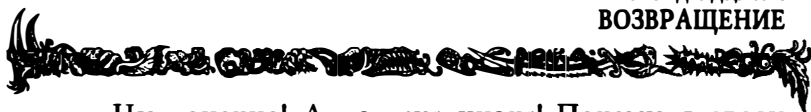
В последний раз бросив взгляд на Край, юный пилот постоял, помолчал немного, и уже совсем было собрался в путь, как вдруг уголком глаза заметил что-то странное. Какое-то огромное существо мелькнуло в небе. Плут взгляделся в туманную даль. Это была птица. Прекрасная птица с черно-белым оперением, широко раскинутыми крыльями и длинным пышным хвостом.

— Кто это? — удивленно спросил Плут.

— Это? Это — Птица-Помогарь, — ответил Каулквейп. — Я совершенно уверен, что это Помогарь.

— Какая красота! — воскликнул Плут. — Но подождите... Что она там несет? — И мальчик указал на непонятный предмет, который птица цепко держала в своих огромных загнутых когтях.

Каулквейп открыл рот от изумления:

— Ну конечно! А как же иначе! Почему я сразу не догадался! — Он радостно засмеялся и захлопал в ладоши. — Это *та самая* Птица-Помогарь! Когда капитан Прутик был еще маленьким мальчиком, он видел, как она вылупилась из кокона. И с тех пор она всегда помогает ему в трудную минуту.

Плут вытаращил глаза:

— Интересно, куда она его несет?

— Вот этого я сказать не могу, мой юный Библиотечный Рыцарь.

Птица-Помогарь, не выпуская драгоценный груз из когтей, сделала разворот в небе и направилась в сторону Дремучих Лесов. Внезапно Плут вспомнил рассказ капитана о его бесконечных странствиях: как он безуспешно пытался разыскать ждущую его команду.

— Она может нести его только в одно место, — сказал он, и на душе у него стало легко. — К истокам реки, на Риверрайз.

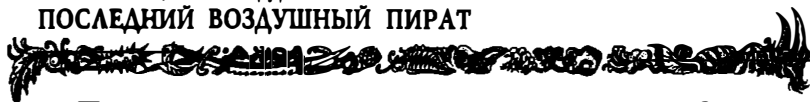
го снова мучили ночные кошмары. Лающие белогривые волки со сверкающими глазами, оскаленными зубами и оцетинившейся шерстью. Отец кричит, мать плачет... Бежать... Бежать... Нужно уйти от волков... Спасти́сь от работорговцев...

Потом он оказался один. Он заблудился в темном, страшном лесу. Со всех сторон из мрака на него смотрели горящие глаза. Стоны, хрипы и кровождающее рычание, подхваченные эхом, доносились из непроглядной мглы. Внезапно он услышал чьи-то шаги. Они приближались.

Он поднял глаза. Огромное существо склонилось над ним... Но нет... Не пора ли ему проснуться на этом месте сна, как это бывало всегда?

Однако на этот раз все было по-другому. Какая-то громада неумолимо надвигалась на него. Он слышал тяжелые шаги, чувствовал горячее, влажное дыхание на своем лице. Заливаясь горькими слезами и понимая, что выхода нет, он протянул руку вперед — во тьму, в полную неизвестность.

Пальцы утонули в пушистом теплом мехе. Сердце его колотилось, как бешеное, ноги подкосились от страха. Он услышал, как кто-то ласково мурлычет ему в ухо, и тут же крепкие лапы нежно подхватили его, оторвав от земли, и он оказался в объятиях мохнатого огромного зверя.

Он носом уткнулся в густую, пахнущую мхом шерсть. Зверь, бережно прижимая его к груди, баюкал и укачивал его, как младенца. Плут никогда в жизни не чувствовал себя так спокойно, так уверенно.

— Плут, ты не спишь?

Мальчик открыл глаза. По голосу он сразу узнал, кто это. Плут обвел взглядом маленькую уютную комнату. Причудливой формы масляная лампа все еще горела на письменном столе, заливая мягким янтарным светом все уголки. Прямо под лампой лежал его походный дневник, а у кровати сидела Варис Лодд.

— Мне рассказал о твоих подвигах профессор Тьмы, как только я прибыла с Вольной Пустоши, сказала она. — Весь Нижний Город говорит о тебе. Но что с тобой? Ты бледен как смерть. Ты что, привидение увидел?

— Да нет, не привидение. Мне снились кошмары. Я видел сон. Он повторялся уже много раз, но сегодня все было иначе... Варис, скажи, ты помнишь, где ты меня нашла, когда я был совсем маленьким?

— Где я тебя нашла? — переспросила Варис. — В Дремучих Лесах.

— Но в каком месте? Где я был? Ты никогда ничего не говорила мне об этом.

— Неужели ты не знаешь? — удивилась она. — Я думала, тебе давным-давно все рассказали.... Твоих родителей забрали работоторговцы. А ты сумел спастись. Только Земле и Небу известно, как тебе это удалось. Ах, Плут, это было чудо! Я нашла тебя, целого и невредимого! Ты крепко спал, свернувшись калачиком, в большом гнезде, сплетенном из травы.

Плут широко раскрыл глаза от удивления:

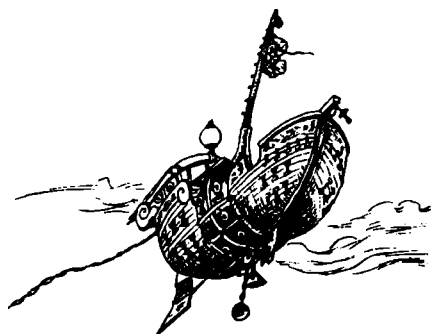
— В гнезде?

— Да, именно там. Это было брошенное гнездо толстолапа, но я до сих пор не понимаю, как ты туда попал.

Плут вздрогнул: на него чередой нахлынули воспоминания. Огромные лапы, нежно обнимающие его, теплое дыхание, густой мех и ровное биение сердца, которое он слышал, прижавшись к заросшей шерстью груди. Окруженный заботой и лаской, он был надежно спрятан в самой глубине бесконечных Дремучих Лесов.

— Я знаю, как я туда попал, — улыбаясь, сказал Плут. — Знаю.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	11
Глава первая. Подземное книгохранилище	17
Глава вторая. Канализация	39
Глава третья. Церемония провозглашения	55
Глава четвертая. Дорога через Великую Топь	83
Глава пятая. Капитан Гриф по прозвищу Мертвая Хватка	111
Глава шестая. Налет воздушных пиратов	137
Глава седьмая. Сумеречные Леса	153
Глава восьмая. Восточный Посад	167
Глава девятая. Дремучие Леса	195
Глава десятая. Серебряные Пастбища	227
Глава одиннадцатая. «Буревестник»	253
Глава двенадцатая. Полет	293
Глава тринадцатая. Опушка Литейщиков	313
Глава четырнадцатая. Болезнь	335
Глава пятнадцатая. Вумеру	351
Глава шестнадцатая. Великая Сходка	377
Глава семнадцатая. Рассказ капитана	395
Глава восемнадцатая. «Бегущий-по-Небу»	413
Глава девятнадцатая. Башня Ночи	439
Глава двадцатая. Возвращение	479

Литературно-художественное издание

Пол Стюарт
Крис Риддел

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

Ответственный редактор Евгения Тихонова
Редактор Валентин Бобрецов
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Татьяна Виноградова, Ольга Золотова
Верстка Антона Вальского

Директор издательства Максим Крютченко

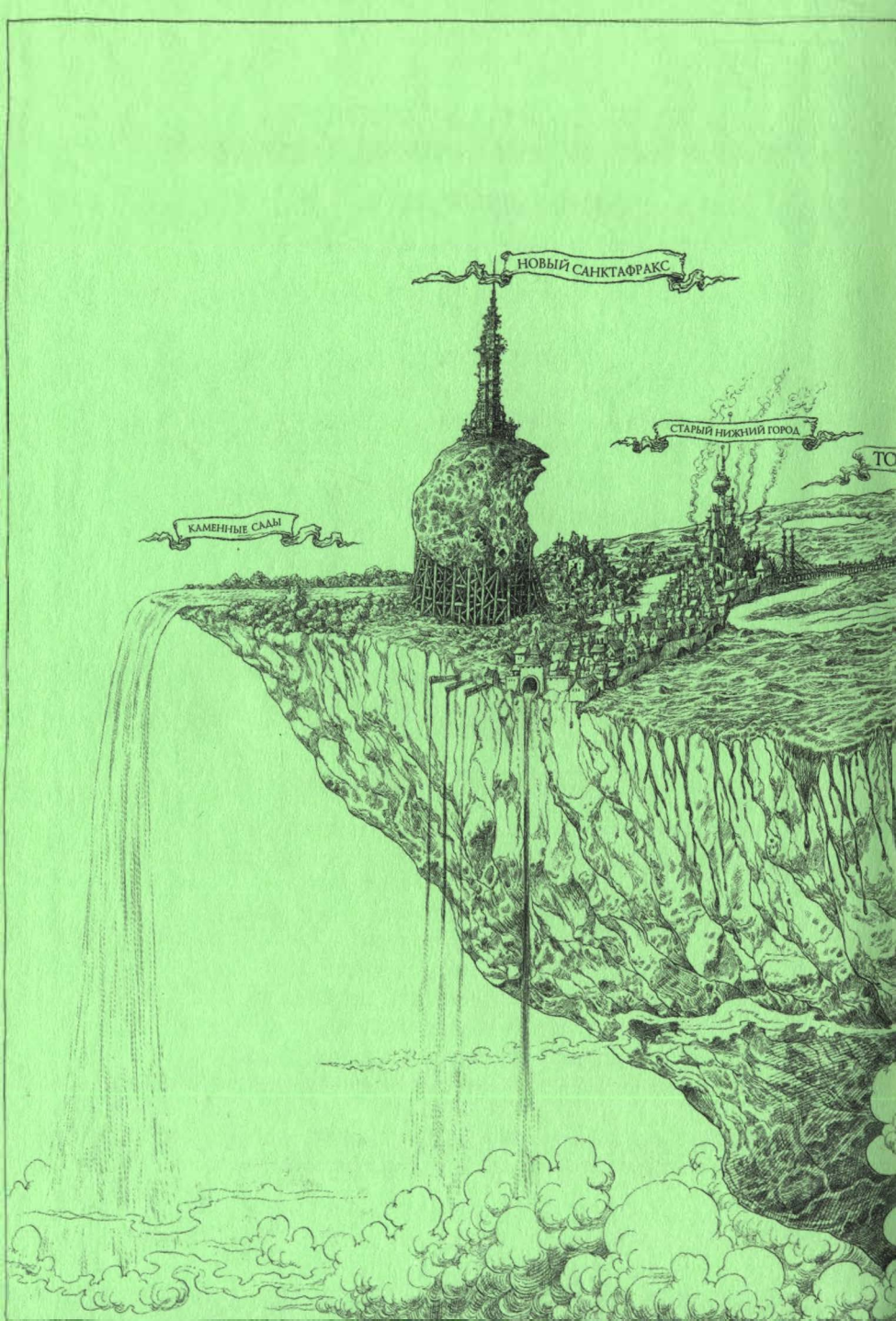
Подписано в печать 22.08.2005.
Формат издания 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 28,83. Изд. № 1088. Заказ № 2650.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с фотоформ
в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Larisa_F

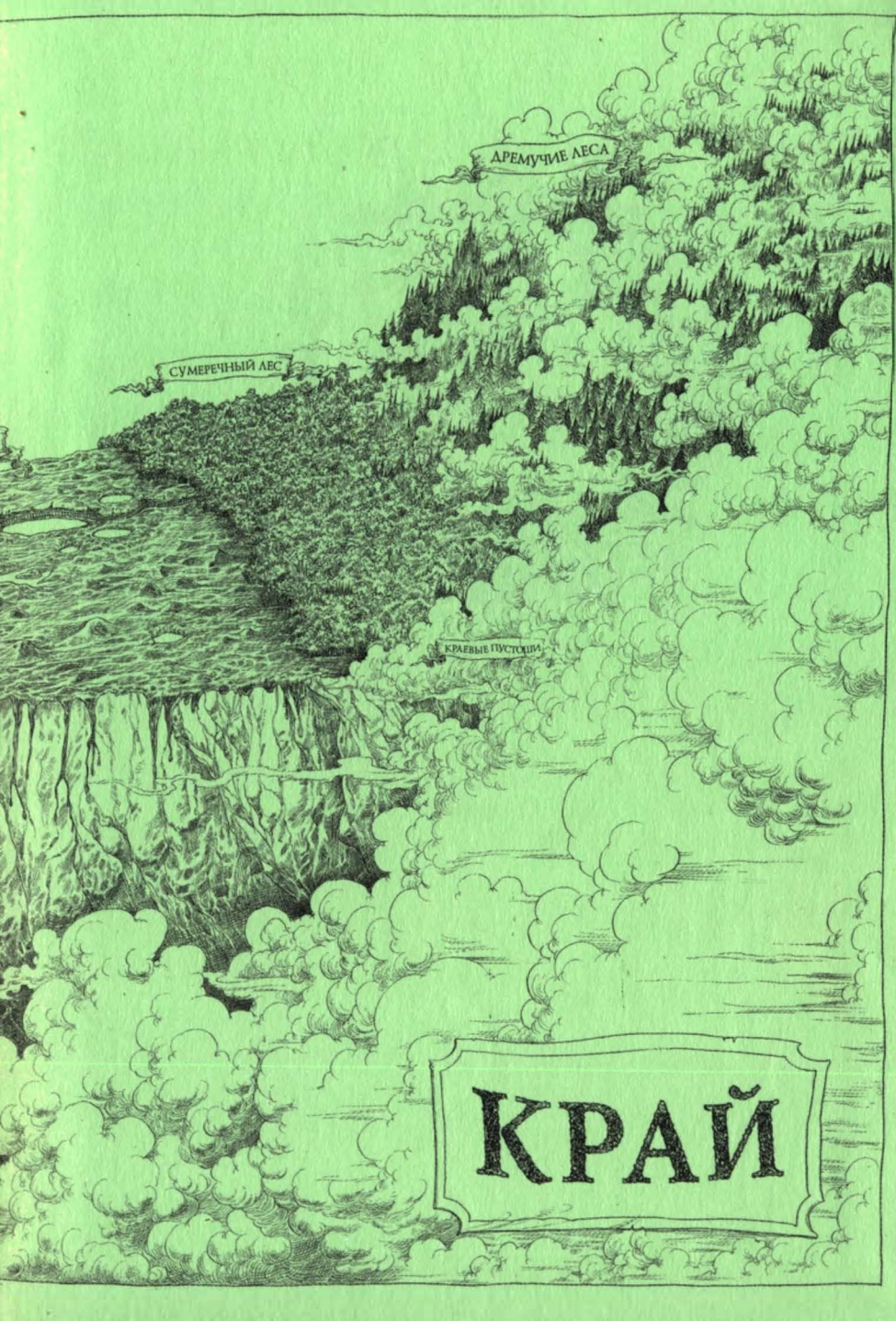
НОВЫЙ САНКТАФРАКС

СТАРЫЙ НИЖНИЙ ГОРОД

КАМЕННЫЕ САДЫ

ТО

АРЕМУЧИЕ ЛЕСА

СУМЕРЕЧНЫЙ ЛЕС

КРАЕВЫЕ ПУСТОШИ

КРАЙ